А. Н. Крылов

ЛЕКЦИИ
ПО ПРИБЛИЖЕННЫМ
ВЫЧИСЛЕНИЯМ

Издательство Академии наук

К105 273

БУРЯТ-МОНГОЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Ф. А. КУДРЯВЦЕВ

ИСТОРИЯ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОГО НАРОДА

ОТ XVII в. ДО 60-х ГОДОВ XIX в.

ОЧЕРКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ◇ 1940 ◇ ЛЕНИНГРАД

Ответственные редакторы

Б. С. САНЖИЕВ

П. Т. ХАПТАЕВ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
664551

Редактор издательства *А. М. Барабанов*

технический редактор *А. В. Смирнова* Корректор *С. А. Шабуневич*

Сдана в набор 23/VII 1940 г. Подписана к печати 9/X 1940 г.
Формат бум. 62×94. АНИ № 3/156. Печ. л. 15 1/8 + 1 вкл. Уч. авт. л. 21,12. Тип. зн. в 1 печ. л. 58016. М 3015. Тираж 6000. Заказ № 2412.

Типография Лениздата № 1 им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Систематическое изучение истории бурят-монгольского народа, прошедшего, как и другие народы нашей страны, трудный и сложный путь исторического развития, является неотложной и очень важной задачей советских историков. Эта работа составляет неразрывную часть грандиозной задачи — создания истории всех народов СССР, выдвинутой постановлениями партии и правительства по вопросам преподавания гражданской истории, замечаниями товарищей Сталина, Кирова, Жданова о конспектах учебников по истории СССР и новой истории. Выполнение этой задачи возможно лишь путем дружной коллективной работы историков, изучающих различные эпохи истории нашей необъятной родины и многочисленных народов, ее населяющих.

Очерки «История бурят-монгольского народа» были начаты в 1929 г. На протяжении 10 лет они не раз подвергались переработке в связи с накоплением новых материалов и развитием советской исторической науки за этот период. В основу настоящей работы, кроме старых и новых печатных трудов, положены неопубликованные материалы, хранящиеся в архивах Бурят-Монгольской АССР, Иркутской и Читинской областей; частично использовались также отдельные документы центральных архивохранилищ.

Первая книга очерков охватывает период с XVII в. до 60-х годов XIX в.

Вторая книга будет посвящена истории бурят-монгольского народа с 60-х годов XIX в. до образования Бурят-Монгольской АССР (1923 г.).

Автор будет удовлетворен, если его работа окажется полезной для изучения истории бурят-монгольского народа в связи с общей историей народов СССР.

Глава I

БУРЯТСКИЕ ПЛЕМЕНА В XVII в.

Расселение

Бурятский народ, как «исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»,[1] оформился в процессе длительного исторического развития. Начало этого процесса теряется в глубине веков; консолидация же бурят, как нации, совершается уже после Великой Октябрьской социалистической революции на основе ленинско-сталинской национальной политики. Формирование бурятского народа, в состав которого вошли племенные группы монгольской ветви, а также эвенкийские и тюркские элементы, совершалось на территории Прибайкалья. Предания бурят считают эту местность своей древней родиной, в которой родились и выросли легендарные родоначальники Булагат, Эхирит и Хоридой, олицетворявшие основные бурятские племена: булагатов, эхиритов и хоринцев. Одни из этнических групп, вошедших в состав бурятского населения, были древними обитателями Прибайкалья, другие переселились сюда в более поздние исторические периоды. Наконец, за последние три столетия на формирование бурятского народа оказало влияние его сближение с русским народом.

Исторические памятники XIII—XIV вв. упоминают страну Баргуджин-Тукум, расположенную «по ту сторону Селенги на краю мест и земель, занимаемых монголами».[2]

О равнине Баргу, находящейся к северу от монгольской столицы Каракорума, сообщает также путешественник Марко-Поло. Вероятно, страна Баргуджин-Тукум представляла собою западное Приангарье и восточное (Селенгинская Даурия) Прибайкалье. Среди обитателей этой страны указываются племена, жившие в районе Кема (Енисея) и Ангары — Мурэн. Восточным же пределом Баргуджин-Тукума был, повидимому, бассейн р. Селенги.

По свидетельству Рашид ад-дина, в Баргуджин-Тукуме жили бургуты (буруты), хори и близкое к ним племя тумэт, булагачины (соболевщики, охотники на соболей), керемучины (белковщики, охотники на

---

[1] И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Партиздат, 1937, стр. 6.

[2] Сборник летописей. История монголов. Соч. Рашид-Эддина, перевод И. Н. Березина. Тр. Вост. отд. Русск. арх. общ., ч. V, 1858, стр. 85.

белок), оин-урянха (лесные урянхайцы). Упомянутые племена считались «похожими на монголов» и назывались лесными народами. «Между монголами есть много таких племен», — пишет Рашид ад-дин о лесных народах. В отличие от степных или скотоводческих племен, они занимались, главным образом, охотой и рыболовством. Звероловы приручали диких животных, преимущественно изюбря (марала), служившего в качестве вьючного животного, и козулю, доставлявшую молоко и мясо. Лесные племена знали также лошадь, используя ее на охоте. Часть этих племен становилась кочевниками-скотоводами. Например, «Сокровенное сказание» сообщает о том, как один из родов племени хори — тумэт, недовольный наложением запрета на места, где были соболи и белки, начал кочевать, заменив легкие шалаши охотников «закрытыми повозками» кочующих скотоводов, которые назывались «поколениями, живущими в войлочных кибитках».

Отдельные племенные названия лесных народов, обитавших в XII—XIII вв. в Баргуджин-Тукуме, похожи на названия бурятских племен, известных в XVII в. и в более поздние времена. Рашид ад-дин и Юань-Чао-би-ши упоминают племена: бургутов, хори или хори-тумэт (хоринцы), икиресов (эхириты, которые в документах XVII в. называются икирежами), булагачинов (булагаты).

Ориенталисты К. Д' Оссон и Д. Банзаров, говоря о жителях Баргуджин-Тукума, отождествляют названия «бургуты» или «буруты» и «буряты».[1] Возможно, что название одного из племен, изменяясь при произношении, стало в дальнейшем именем целой народности.

Русские служилые люди в XVII в. называли Прибайкалье «Землею братов» (бурятов), различая среди них племена икирежей, булгадаев и коринцев, т. е. эхиритов, булагатов и хоринцев. Вероятно, эти племена, названия которых встречаются у Рашид ад-дина и Юань-Чао-би-ши, были древними обитателями Прибайкалья.

Постепенно название «буряты» охватывает не только эхиритов, булагатов и хоринцев, но и все этнические группы, внедрявшиеся в состав бурятского населения. Во второй половине XVII и начале XVIII в. в Прибайкалье переселяется из Монголии целый ряд монгольских племенных групп: узоны, цонголы, хатагины, табунгуты, сартолы и др., поселившиеся в Селенгинском районе, и хонгодоры, поселившиеся среди аларских и тункинских бурят. Сначала селенгинские выходцы из Монголии выделялись из бурятских племен и назывались «мунгалами» (монголами). В XVIII в. их называли «российскими мунгалами» в отличие от заграничных. Историк Миллер указывал, что селенгинцы только причисляются к бурятам, «а свойственно они мунгалы, которые не более как за 80 лет пришли в российское подданство». Вливаясь в состав забайкальских бурят, российские мунгалы стали в конечном итоге одной из территориальных частей бурятского населения (селенгинские буряты).

---

[1] Д. Банзаров. Об ойратах и уйгурах. Черная вера, или шаманство, у монголов. СПб., 1891, стр. 82; К. Д' Оссон. История монголов, т. I. Перевод с французского. Иркутск, 1937, стр. 35.

Хонгорды внедряются в состав бурятских племен ранее селенгинцев. Отдельные роды хонгодоров («конготурского роду») упоминаются еще в 1646 г. вместе с «икирежскими» и «болоцкими» людьми (эхиритами и булагатами).

Процесс внедрения монгольских групп в Прибайкалье прекращается лишь после Буринского трактата 1727 г.

В XVII в. кочевья бурят простирались на обширной территории по обе стороны Байкала. Они кочевали в бассейнах рр. Ангары, Верхней Лены, Селенги, Онона и Шилки. В долинах Анги и Лены жили преимущественно эхириты; они же населяли байкальский остров Ольхон.

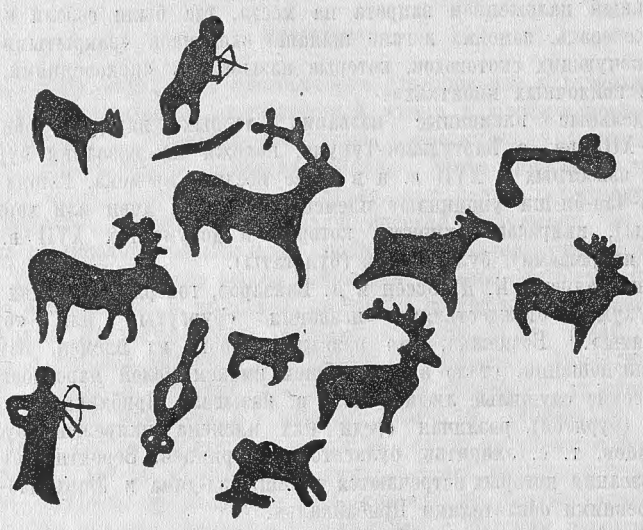

Рис. 1. Охота облавой.
(Изображение на скале горы Сахюрта, остров Ольхон).

Булагаты обитали в бассейне Ангары и ее притоков: Оки, Унды, Иркута Унги, Китоя, Белой, Куды.

В Забайкалье, в долинах Селенги, Онона, Ингоды, Хилка и Шилки, кочевали, по донесению русских казаков, «большие» бурятские люди «вряд с мунгальскими людьми». Это были, с одной стороны, буряты — выходцы с западной стороны Байкала, кочевавшие в устье Селенги по Кударинской степи, с другой стороны — хоринцы и некоторые монгольские племена.

На западе бурятские кочевья доходили приблизительно до Кана — правого притока Енисея; восточным пределом была р. Шилка.

Северной гранью Бурятской земли считалась местность в районе Братского острога, основанного енисейскими казаками при впадении Оки в Ангару. В 1626 г. атаман Максим Перфильев, добравшийся со своим отрядом по Ангаре до Шаманского порога, узнал от эвенков (тунгусов Шемагирского рода, живших в этом районе), что до Бурятской земли

оставалось еще три дня ходу. Русский посол в Китай в 1675 г. Николай Спафарий, описывая Братский острог, отмечал, что «под острогом течет река Ока, а вытекла из степи, а по ней живут пашенные крестьяне и браты».

Расселение бурят не было сплошным, а отличалось значительной разбросанностью. Занимаясь преимущественно скотоводством, они селились небольшими группами в местах, богатых травой и удобных для ведения скотоводческого хозяйства. При наличии земельного простора и малой плотности населения, они в поисках хороших угодий нередко кочевали из одного места в другое. Но и в этих частых перекочевках была своя систематичность. Буряты, обыкновенно, кочевали в пределах известной им территории, переменяя внутри ее кочевья в зависимости от времени года, уничтожения скотом травы в данном месте и т. д. Лишь исключительные обстоятельства (нападения и притеснения со стороны врагов, неурожай трав, гололедицы) заставляли надолго покидать старую территорию кочевий; причем, зная свои старые «породные земли», буряты стремились вернуться обратно.

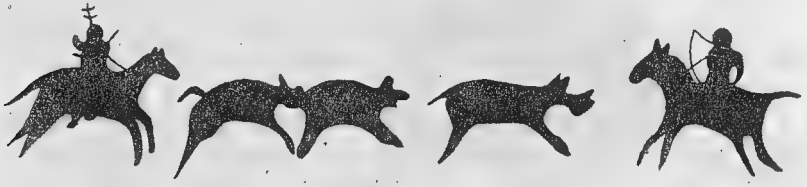

Рис. 2. Охота облавой.
(Изображение на скале Шишкинская шаманка, р. Лена).

Известно, что большинство бурятских родов, бежавших во второй половине XVII в. от притеснений со стороны царских управителей, вернулось на места своих прежних кочевий, например, Балаганская степь, почти опустевшая в 1659—1660 гг. вследствие бегства значительной части живших там булагатов, вскоре заселяется снова. Характерно, что булагаты во время своего побега обещали вернуться, после того как в Балаганском остроге не будет ненавистного управителя Ивана Похабова.

Ольхонские буряты, бежавшие в Монголию, вернулись в 1675 г. в Забайкалье и просили приказчика Нерчинского острога «отпустить (их) на прежнюю их породную землю к Байкальскому морю и на Ольхон остров».

Буряты хорошо знали свои старые «породные земли» и стремились закрепить их за собой. В челобитных второй половины XVII и начала XVIII в. различные бурятские роды во главе с зайсанами и шуленгами, прося дать им «владетельные указы» на «породные земли», довольно подробно описывали территорию последних, перечисляя речки, леса, возвышенности, считавшиеся пределами кочевий, и ссылаясь на то, что здесь издавна кочевали их предки.

Представление о том, что кочевники-скотоводы совершенно не связаны с землей и произвольно меняют территорию своих кочевий, ошибочно. «В европейской литературе, — пишет Б. Я. Владимир-

цов, — часто встречаются утверждения о том, что кочевник свободно блуждает по своим вольным степям, направляясь туда, куда хочет, и останавливаясь там, где являлось желание. В действительности этого никогда не бывает, и Рубрук совершенно правильно заметил, что у монголов «всякий начальник (capitaneus) знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также, где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью».[1] Как свидетельствуют челобитные о «владетельных указах», хорошо знали районы своих кочевий и буряты в XVII—XVIII вв.

Хозяйственный быт

В 1627 г. соседи бурят, верхнеангарские эвенки (тунгусы), сообщили атаману Максиму Перфильеву, посланному к ним с небольшим отрядом казаков для сбора ясака и разведки о Бурятской земле, следующее: «Земля богата и людей в ней много, а люди сидячие, а берут де братские люди ясак со многих с малых землиц, а товары де в Братской земле соболи и лисицы и бобры и бухарских товаров: дорогов и киндяков и зенденей и шелков и белья много, а серебра де добре много, а коней и коров и овец и верблюдов бесчисленно, а хлеб пашут ячмень и гречу».[2]

Это известие нельзя воспринимать целиком без соответствующей критической оценки и сопоставления с другими документами. Охотники и оленеводы, каковыми были эвенки, имели преувеличенное представление о бурятском хозяйстве, основой которого являлось кочевое скотоводство. Охотники, часто бродившие в поисках добычи по тайге, считали кочевников-скотоводов «людьми сидячими», т. е. оседлыми. Эвенки, имевшие сравнительно небольшое количество оленей, представляли «бесчисленными» стада коров, овец, табуны лошадей. Но если отбросить эти преувеличения, «скаска» (донесение) Максима Перфильева сообщает ряд ценных сведений об основных элементах хозяйственной жизни бурят в XVII в.

Главным занятием бурятского населения было экстенсивное кочевое скотоводство. Документы XVII в. называют бурят «скотными» и «конными людьми» в отличие от «оленных» эвенков. В «Росписании рек» 1640—1641 гг. читаем: «На Ламе (Байкале) остров именем Ойхон (Ольхон), а ходу через Ламу до острова судового день; а люди на том острову живут братские многие, лошадей и всякого скота много, а хлеб у них родится просо, а с Ойхона острова на другую сторону Ламы судового ходу день же. А на другой стороне Ламы живут братские люди конные, а тунгусы оленные... Да в Ламу же впала Селенга двенадцатью устью, а по той реке Селенге, идучи от Ламы в правую сторону, живут мугалы кочевные люди... Да к Селенге же

[1] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 42—43.

[2] Государственный Архив феодально-крепостнической эпохи (Москва). Фонд Сибирского приказа, столбец 12, лист 87—89 (из донесения Перфильева).

реке к устью прилегала вершина Витимская, а с Витимской вершины на Шилку реку кочевьев переходят тунгусы дней в пять и в шесть на оленях. ..., а Шилка впала устьем в большое море, а люди на ней живут братские скотные».[1]

Буряты разводили лошадей, коров, овец, коз и верблюдов. Последний вид скота встречался, преимущественно, в смежных с Монголией частях Забайкалья. Наименование забайкальских бурят «конными

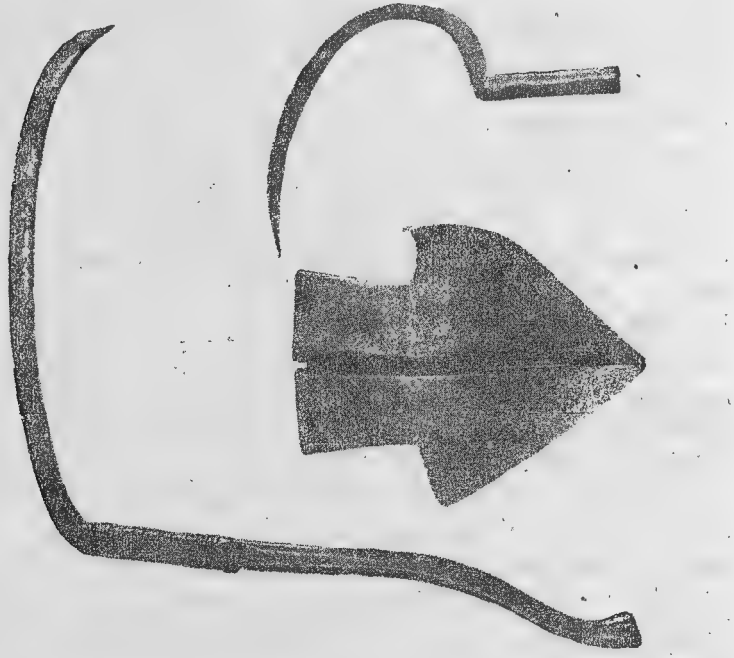

Рис. 3. Старые орудия бурятских крестьян: коса-горбуша, сошник, серп.
(Из коллекции Иркутского областного музея).

людьми» свидетельствует о развитии у них коневодства рядом с разведением крупного рогатого и мелкого скота. Это подтверждается и более поздними сведениями. Так, Георги в 1772 г. указывал, что у хоринцев коневодство есть главная отрасль их хозяйства и пользуется необыкновенной с их стороны любовью.[2] У западных бурят коневодство было развито сравнительно меньше, уступая разведению крупного рогатого скота, овец и коз.

К сожалению, материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, не дают возможности с достаточной полнотой характеризовать скотоводческое хозяйство бурят в XVII в.

---

[1] Дополнения к актам историческим, т. II, № 89.

[2] И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Изд. 2., СПб., 1799.

Скотоводство было основным источником существования бурятского общества, доставляя пищу, материалы для одежды, обуви, оборудования войлочных юрт и пр. Скот же был главным предметом меновой торговли. По сравнению со скотоводством, другие отрасли хозяйства имели для бурят подсобное значение.

Живя в лесо-степных районах, буряты занимались охотой, стоявшей на втором месте после скотоводства. Главными предметами охоты были: соболи, бобры, выдры, лисицы, горностаи, белки, волки, россомахи, лоси, изюбры, козы дикие, кабарга и др. Наиболее ценной пушниной, ставшей предметом меновой торговли, считались соболи, бобры, черная и чернобурая лисицы, горностаи, выдры. Основным оружием охоты был длинный лук монгольского типа со стрелами, наконечники которых, четырехгранные или плоские, были обыкновенно железными. Из оружия и военного снаряжения бурят известны еще: железные копья, сабли, длинные ножи, палицы, топоры, кольчуги (куяки) и шлемы (шишаки). В 1695 г., например, служилые люди доносили о бурятских воинах, пришедших к Верхоленскому острогу: «Приходят братцы на конях сбруйны, в куяках и шишаках и бой у них лучный, копейный и сабельный».

Оружие и снаряжение нередко украшались серебряными насечками.

Ряд исследователей отмечает существование у бурят общественных охот или облав — зэгэтэ-аба.[1] По мнению бурятского этнографа М. Н. Хангалова, термин «зэгэтэ-аба» составляется из слов: «зэгэн» — россомаха и «аба» — облава. Это название было присвоено всякой артельной охоте на зверей. Существует и другое объяснение названия «зэгэтэ-аба», как облавы кругом, цепью. Этнографы Хангалов и Клеменц, основываясь на бурятских преданиях, обычаях, обрядах, связанных с облавно-артельной охотой, описали период зэгэтэ-аба. Хангалов считал, что древние буряты занимались летом рыболовством и собиранием растительных кореньев, употреблявшихся в пищу, а зимой облавной охотой. Они составляли большие зверопромышленные артели-общины, бывшие одновременно военными отрядами. Во главе общин стояли начальники (галши), руководившие во время войны и в домашней жизни. Сначала они были выборными организаторами, затем их власть стала наследственной. Галша соединял в своих руках светскую и духовную власть (шаман). В обществе периода зэгэтэ-аба различались три социальных группы: 1) галши, их родственники, начальники отдельных военно-охотничьих отрядов, кузнецы, — это была родовая аристократия, в руках которой сосредоточивалось управление; 2) средний, многочисленный слой составляли родовые охотники, — в этой группе различались имевшие лошадей и безлошадные; 3) наконец существовали рабы, выполнявшие различные работы.

---

[1] М. Н. Хангалов. Зэгэтэ-аба — облава на зверей у древних бурят. Изв. Вост.-Сиб. отд. Русск. геогр. общ., т. XIX, кн. 3, Иркутск, 1882; Хангалов и Клеменц. Общественные охоты у северных бурят. Мат. по этногр. России Русск. эт. музея, СПб., 1910; М. Хангалов. Юридические обычаи бурят. Этногр. обзор., 1894, кн. 2.

Женщины одинаково с мужчинами участвовали в облавных охотах. Пищу зэгэтэ-облавщиков составляло мясо зверей, рыба и растительные коренья. Жили они в шалашах из коры, не зная ни войлочных, ни деревянных юрт.

Характеризуя период зэгэтэ-аба как долгий период преобладания облавно-охотничьего быта, Хангалов высказывал мнение, что во время встречи с русскими буряты только что стали скотоводами, распавшись из крупных зверопромышленных общин на мелкие родовые. Между тем, как мы знаем, русские служилые люди встретили бурят вполне сложившимися скотоводами. К более ранним временам относил период зэгэтэ-аба М. Н. Богданов. Указывая, что в преданиях о зэгэтэ-аба рисуется строй общественных отношений, приспособленных к военно-походной жизни, он писал: «Это обстоятельство скорее наводит на мысль, что такая организация могла возникнуть в ту седую старину, когда складывалась военно-кочевая монархия монголов, объединявшихся позднее под властью Чингис-хана».[1]

Самый факт распространения облавных охот среди бурятских племен не вызывает никаких сомнений. Древние облавные охоты изображаются на писаницах Прибайкалья, высеченных на скалах и нанесенных черною или красною краской. На писаницах нарисованы разные звери, а вокруг них конные и пешие охотники, стреляющие из луков.

Краткое описание облавной охоты в XVII в. дает путешественник Исбрант Идес: «Весной и осенью объединяются они (буряты) толпами до ста человек и отправляются верхами на охоту на оленей, диких коз и овец; эта охота называется «ablavo». Когда они приезжают в то место, где они выслеживают дичь, разъезжаются они врозь по окрестности, чтобы удобнее настигнуть зверя и окружить его кольцом. Если они могут достать до него своими стрелами, то каждый стреляет из своего лука, так что редкий зверь остается в живых, потому что каждый стрелок один за другим может сделать тридцать выстрелов. По окончании охоты каждый охотник выдергивает свои стрелы (из убитого зверя). Случается при этом, что в суматохе попадают в лошадей и некоторых из них убивают. С убитой дичины снимается шкура, мясо отделяется от костей и затем высушивается на солнце. Когда запас (мяса) кончен, они вновь отправляются на охоту».[2]

Облавные охоты встречаются почти у всех народов, занимавшихся охотой. Но зэгэтэ-аба являлась не особой эпохой в социально-экономическом развитии, а одним из составных элементов хозяйственной жизни, причем в разные периоды исторического развития удельный вес облавной охоты изменялся.

Охота никогда не была основой хозяйственного быта. «Исключительно охотничьих народов, — пишет Ф. Энгельс, — как они описываются в книгах, т. е. таких, которые живут только охотою, никогда

---

[1] М. Н. Богданов. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1925, стр. 15.

[2] М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, т. I, ч. II. Иркутск, 1936, стр. 143.

не существовало, для этого результаты охоты слишком ненадежны. Далее он указывает, что с изобретением лука и стрел «дичь стала постоянным средством питания, а охота — одною из нормальных отраслей труда».[1]

Рис. 4. Старинное оружие бурят: колчан, стрелохранилище, налучник.

Когда-то облавная охота, не исключавшая индивидуальной и групповой, составляла известную часть первобытно-общинного хозяйства. Что же касается зэгэтэ-аба, охарактеризованной Хангаловым, то здесь мы замечаем рядом с пережитками первобытного коммунизма различные черты, свойственные гораздо более поздним периодам исторического развития (выделение правящей верхушки, наличие рабов). Эта зэгэтэ-аба

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Изд. Инст. Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). М., 1932, стр. 22.

напоминает грандиозные облавы Чингис-хана и чингисидов, имевшие одновременно характер военных маневров, охоты и забавы. Пережитки подобных облав наблюдались у агинских бурят в 40-х годах прошлого

Рис. 5. Старинное оружие бурят: лук, стрелы, стрелохранилище.

столетия: «Из поэтических обычаев народа, кроме религиозных празднеств, сохраняется еще один, весьма любопытный и занимательный. Это — облава, или общественная охота за дичью, устремляемая в особенности против мирных коз и хищных волков, которыми изобилуют степи. Такие охоты обыкновенно затевают именитые и богатые родовичи. По их приглашению собирается иногда сот до пяти

охотников, конных и пеших, вооруженных ружьями и луками. Часть их поднимает из лесу зверя и гонит криком и стуком на круг облавы. Там остальные соперничают друг с другом в проворстве и удальстве, подстреливая, на всем скаку коня, преследуемую добычу из ружья или меткою стрелою. Это — вместе и охота и гулянье».[1]

С развитием массового кочевого скотоводства, дававшего более устойчивый источник существования, общественно-облавная охота происходила все реже и реже, но остатки ее сохранились как в XVII в., так и в более позднее время. Из систематической облавная охота превращалась в эпизодическую, а в дальнейшем совершалась, обыкновенно, как священная традиция, завещанная предками. В таком виде она встречалась во второй половине XIX в. «Это был лишь слабый намек на грандиозные всенародные облавы былых времен, где тысячи обученных облавщиков проделывали попутно сложные военные маневры».[2]

Кроме охоты и рыболовства, отдельные группы бурят имели в качестве подсобного занятия земледелие, которое в XVII в. находилось в зачаточном, неустойчивом состоянии.

В историко-этнографической литературе высказывалось мнение о позднем возникновении земледелия у бурят.

Декабрист Н. А. Бестужев считал, что начало хлебопашества у бурят положено административными воздействиями иркутского губернатора Трескина в первое десятилетие XIX в. Между тем сам Трескин писал в 1812 г., что буряты Иркутского уезда «с давних пор уже принялись за земледелие, и оно у них в довольно цветущем состоянии, но не все они оным занимаются».[3]

По мнению С. С. Шашкова, «буряты, живущие в окрестностях Иркутска и других значительных русских поселений, еще в XVIII в. начали обращаться к земледелию. Уже во время путешествия Георги (1772 г.) буряты начали заниматься земледелием».[4]

И. В. Щеглов считал пионерами земледелия среди бурят хоринцев, указывая, что в 1796 г. «буряты хоринские первые из своих соплеменников начали заниматься земледелием, за что их верховный тайша был избран в члены Вольного экономического общества. За ними стали заниматься земледелием буряты идинские, кудинские, аларские».[5]

Наконец, другие исследователи (М. Н. Богданов, И. Н. Забанов, А. Н. Турунов, В. П. Гирченко) относят начало земледелия среди бурят к более ранним периодам. «В настоящее время, — пишет В. П. Гирченко, — является общепризнанным тот факт, что земледелие в пределах Бурятии весьма древнего происхождения. От доисторических времен сохранились следы оросительных сооружений. Русские, появившись

[1] Монголо-буряты в Нерчинском округе, Иркутской губернии. Журн. Мин. внутр. дел, 1843, ч. 3, № 17, стр. 3—47.

[2] И. Вамбоцэрэнов. «Аба-Хайдак», облава у хоринских бурят. Изв. Вост.-Сиб. отд. Русск. геогр. общ., т. XXI, № 2, 1890.

[3] Положение о распространении хлебопашества в Иркутской губернии, 1812.

[4] С. С. Шашков, Собр. соч., т. II, СПб., 1898, стр. 584.

[5] И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Иркутск, 1883.

в XVII в., застали у бурят земледелие. Академические путешественники XVIII в. дают уже цифровые сведения о бурятском земледелии».[1]

В XVII в., как свидетельствуют исторические документы, относящиеся к западным бурятам, часть бурятского населения имела посевы проса и гречихи. В документах упоминаются просовые и курлышные («курлыч» — гречиха) поля, например, указ Иркутской приказной избы за 1688 г. на имя Бахака Ирбанова, поселившегося со своими сородичами в Аларской степи, предписывал «посеянные просой поля и сенокосные покосы городить крепкими огородами». Просо и гречиху находят при раскопках старинных могильников Прибайкалья. В былинах эхирит-булагатов часто упоминается красное и черное просо, которым каждый былинный герой кормит боевых лошадей.

Наиболее распространенным злаком было просо. «А те многие люди неясачные, — доносил в 1641 г. пятидесятник Мартын Васильев, — живут на Куде между Леною и Ангарою, а та Куда падет в Ангару.... а у тех братов просо родится».

В этом же году служилые люди сообщали: «А на устье той Онги реки по обе стороны живут братские люди, а хлеб у них родится просо, а мы то просо... у князца Можеуля видели».[2]

Просо являлось одним из предметов обмена с эвенками. «А по Киренге живут многие тунгусы, — читаем в одном из казацких донесений, — а ясак платят государю не все, а соболи продают в браты на животину и просо».[3]

Говоря о земледелии у бурят в XVII в., необходимо отметить, что оно, по сравнению со скотоводством, играло небольшую подсобную роль у некоторой части бурятского населения; при наличии же устойчивого, сложившегося земледелия, оно бы заметно развивалось в дальнейшем. Между тем путешественники XVIII в. (Паллас, Георги), побывавшие среди бурят через сто лет, отмечали, что земледелие и тогда находилось у них в зачаточном состоянии. Более или менее значительное развитие его относится уже к концу XVIII и первой половине XIX в., когда сложились условия, стимулировавшие это развитие.

Из других отраслей бурятского хозяйства в XVII в., кроме скотоводства, охоты, рыболовства, зачатков земледелия, необходимо отметить добычу железной руды, кузнечное ремесло, добычу и выварку соли. Известно, например, что у Балаганского острога «по разным местам находились железные рудники, кои булагаты из давних времен хорошо в пользу употреблять имели».[4] Данные археологии говорят о существовании добычи железа и выделки железных вещей в Бурят-Монголии с древних времен. Археологические материалы подтверждают сообщение историка XVIII в. И. Фишера о железных рудниках в районе Балаганского острога. Пишущий эти строки в 1924 г. находил в песках возле Балаганска остатки древних плавилен и кузниц: шлак, куски железа,

---

[1] В. П. Гирченко. Хозяйство кудинских бурят в XVIII и первой трети XIX в. Журн. «Жизнь Бурятии», № 1—3, 1927, стр. 75.

[2] Дополнения к актам историческим, т. II, № 94.

[3] Там же, № 89.

[4] И. Э. Фишер. Сибирская история. СПб., 1774, стр. 542.

обломки железных изделий, железные наконечники стрел. В 1934 г. в этой же местности археологической экспедицией Иркутского музея и общества изучения Восточной Сибири были найдены остатки старинного горна.

С добычей металла развивается кузнечное ремесло, пользовавшееся большим почетом. Дар кузнечества считался у бурят, как и у многих других народов, имеющим божественное происхождение. По мнению шаманистов, этим даром обладали юго-западные и северо-восточные тенгерины (небожители). По приказанию первых кузнец Божинтой отправил на землю детей своих, обучавших людей добыванию и обработке металлов. Первые из людей, выучившиеся кузнечному ремеслу, передали свои навыки потомкам. Таким образом, по мнению шаманистов, образовались роды кузнецов. В непосредственной связи с почитанием кузнецов существовало и почитание железа. Считалось, что нож, топор, положенные возле больного или спящего, охраняют его. Все это говорит о том, что предки бурят с большими трудностями пришли к добыванию и обработке металлов и освоению кузнечного ремесла, — особенно ценится то, что достигается с большим трудом.

В бурятских преданиях упоминаются кузнецы, которые делятся на белых — серебряных (монгоши дархан) и черных (хара дархан). Первые изготовляют и украшают изделия из цветных металлов (преимущественно из серебра); их можно назвать ювелирами. Вторые являются мастерами по черному металлу (железо).[1]

Кузнецы изготовляли орудия охоты и военного снаряжения, топоры и ножи, котлы для приготовления пищи и выварки соли, некоторые принадлежности конской сбруи, мелкие предметы домашнего обихода.

У бурят встречались и серебряные изделия: выкладка сбруи и вооружения, украшения на одежде и пр.

Документы XVII в. говорят о добыче бурятами соли: «А около Ламы живут многие братские люди и тунгусы и просо сеяли братские люди на Ангаре и соляные ключи поверх Тунгуски сказывают есть и соль варят в котлах».[2]

Буряты вели меновую торговлю с эвенками и другими племенами Сибири (тофалары, котты, арины, бельтиры, камасинцы), а также с Монголией и Китаем. В Бурятию проникали и бухарские товары: разные ткани, называвшиеся дорогами, киндяками, зенденями, беярами.

От охотников и оленеводов буряты в обмен на скот, просо и железные изделия получали пушнину и меха. В 1631 г. русские служилые люди на р. Куленге встретили эвенков, идущих «из братов». Эвенки рассказывали, что они «исторговались» — продали соболей за скот.[3] «Многие тунгусы», жившие по р. Киренге, продавали соболей «на животину и просо».

---

[1] М. Н. Забанов. Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов. Верхнеудинск, 1929.

[2] Дополнения к актам историческим, т. II, № 91.

[3] Архив Историко-археографического института Академии Наук СССР, Якутские дела, № 55.

Пушнину буряты сбывали в Монголию и Китай, покупая при этом взамен «мягкой рухляди» серебро и другие товары, получавшиеся из Китая (камка, китайка, шелк, некоторые металлические изделия и пр.). Представители феодальных верхов бурятского общества получали предметы роскоши: дорогие ткани, «блюда и чаши серебряные», золотые изделия.

Известно сообщение служилых людей, что «серебро идет из мугал, а покупают братские люди то серебро у мугал на соболи». Монголы же покупали серебро у китайцев. Они были посредниками в получении бурятами китайских товаров: «А те мугальские цари и царевичи, — доносил казачий десятник Осип Васильев, — живут и владеют по своим уделам, да от них же от мугальских царей и их улусных тайшей посылают торговать всякими товарами по вся годы к богдайскому царю, и то Богдайское царство каменное и всем изобильно и богато и есть в их царстве серебро и серебряная руда и иные многие другие вещи».[1]

Кроме пушнины, забайкальские буряты продавали в Китай скот, причем торговля с Китаем сосредоточивалась в руках феодальной верхушки бурятского общества: «В китайские табуры, зайсаны и шуленги лутшие люди ездят непрестанно, и у них китайские люди живут в улусах по-часту, покупают всякую скотину, а ино емлют и силою»,[2] — рассказывали в 1689 г. гетману Демьяну Многогрешному два «холопа» бурятского шуленги Молдая.

Характеризуя торговлю бурят в XVII в., нельзя, однако, преувеличивать ее масштаб и значение. Часть продукции бурятского хозяйства была предметом обмена, но в основном оно имело натуральный характер.

Самым ценным товаром для монгольского и китайского рынка являлась пушнина (главным образом соболь). На этой почве и развивается стремление бурятских князьцов объясачивать мелкие племена, занимавшиеся преимущественно охотой. Бурятскими киштымами (данниками) были в XVII в.: часть ленских и ангарских эвенков, тофалары (карагасы) в районе Нижней Уды, арины, бельтиры, качинцы, камасинцы, котты, обитавшие в Канском и Минусинском районах.

В 1612 году жители «Тункинской землицы претерпели от бурятов неприятельское нападение, коим принуждены были отдать то, что они россиянам в ясак приготовили». В 1690 г. джесары сообщали пришедшим из Томска служилым людям, что «ясак с них взяли братские люди». У тофаларов сохранились предания о платеже ясака бурятам.

В 1628 г. котты, обитавшие в долине р. Кана, говорили атаману Астафьеву, что очень желают отомстить бурятам «за многие свои утеснения, кои от них претерпели». Таким образом сбор ясака сопровождался притеснениями киштымов и вызывал отпор с их стороны. Столкновения бурят с соседними племенами и между отдельными бурятскими

[1] Дополнения к актам историческим, т. V, № 8.

[2] Выписка из статейного списка «Бытность на Китайской границе великих и полномочных послов окольничего Головина с товарищи», 1689 (цит. по копии в фонде Главного управления Восточной Сибири, картон 1644, № 26. Исторический архив Иркутской области).

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

группами были впоследствии использованы при их завоевании по принципу «разделяй и властвуй».

На почве хозяйственно-бытовых отношений устанавливались и мирные связи бурят со своими соседями. Мы уже говорили о взаимном торговом обмене. По сообщению служилых людей, эвенки «живут с братскими людьми мирно, пьют и едят заодно». Происходил даже процесс этнического смешения на почве семейно-бытовых связей. Известно, например, несколько эвенкийских родов (бажи-сойцо, дажи-сойцо, заяктай-сойцо, ллогой, центихин), влившихся в состав бурятского населения.

Жилищем бурят в XVII в. были перевозившиеся при перекочевках войлочные юрты. «Нерчинские и селенгинские братские мужики ясачные, — доносил в 1687 г. один из служилых людей, — все кочуют вверх по Селенге по заречью с юртами и со всем скотом большим и мелким». [1] «В Балаганском уезде и по всей реке Ангаре, — писал Спафарий, — юрты у братов войлочные, платья носят по-калмыцки, и скота всякого коней, коров и овец много». [2]

Деревянные юрты стали впервые распространяться среди западных бурят. По сообщению историка XVIII в. Фишера, «живущие в северных местах озера Байкала буряты строят себе, против обыкновения других монгольских и калмыцких поколений, деревянные шестиугольные хижины на один образец, а при том не отменили они и старинных своих монгольских войлочных кибиток, которые, снимая, переносят с одного места на другое». [3]

Таковы были главные элементы хозяйственной жизни бурят в XVII в. На этой экономической основе развивались социальные отношения, к характеристике которых мы и перейдем.

Общественный строй

Материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, не дают возможности характеризовать общественный строй бурят в XVII в. с достаточной полнотой. В значительной степени это объясняется самим характером исторических документов этого периода. Воеводы, приказчики, начальники отрядов, служилые люди, подъячие, составлявшие «отписки», «скаски», «расспросные речи», «челобитные», «росписи служб» и т. д., интересовались преимущественно военными действиями, сбором ясачной казны, торговлей и пр., а не бытом и социальным строем бурят. Лишь попутно в этих документах встречаются отрывочные данные, характеризующие отдельные элементы быта и социальных отношений.

В документах XVII в. различаются следующие группы бурятского населения:

1) «князьцы», которых называют также «тайшами», «зайсанами», «шуленгами»;

---

[1] Дополнения к актам историческим, т. X, № 67.

[2] Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария. Зап. ИРГО, т. X, вып. 1, СПб., 1882, стр. 111.

[3] И. Э. Фишер. Сибирская история. СПб., 1774, стр. 20—21.

2) «летучие люди», или «сайты» (от слова «сайдуд» — знатные);
3) «улусные люди», «мужики ясачные»;
4) «холопы».

Князьцы и сайты являлись крупными скотовладельцами и представляли собою феодальную верхушку бурятского общества. Они владели главным богатством Бурятской земли: скотом и пушниной.

Путешественники XVIII в. из числа ученых Академии приводят цифры (хотя неточные) о крупном скотоводстве бурятских нойонов. Для XVII в. таких цифровых данных не имеется, но целый ряд других материалов свидетельствует о существовании и тогда крупных скотоводов.

Самый факт частых упоминаний в донесениях служилых людей, что в Бурятской земле «всякого скота много», при сопоставлении с другими данными, говорит о наличии соответствующей базы для существования крупных скотовладельцев и эксплоатации ими мелких скотоводов и бесскотной бедноты. Князьцы и сайты вели меновую торговлю на скот с Китаем: «А в китайские табуры зайсаны и шуленги лутшие люди ездят непрестанно, и у них китайские люди живут в улусах почасту, покупают всякую скотину». [1]

В обмен на скот и пушнину они получали из Китая (непосредственно и через Монголию) серебро, золото, предметы роскоши, шелк, бархат и другие товары. В 1647 г. кочевавший в Забайкалье князь Турухай Табун рассказывал, «что де серебряную и золотую руду от него, Богды царя, к нему привозят, сколько им понадобитца, а ему де, Богде царю, посылают за ту руду подарки, а у тое де, государь, руды для обережи стоят служилые люди». [2]

Внешняя обстановка ставки Турухай Табуна носила по тому времени печать роскоши, выделяясь среди убогих юрт улусных людей. Казак Москвитин, посетивший ставку в 1647 г., писал, что сам Турухай и его приближенные «платье носят тулупы бархатные и камка на золоте». Войлочные юрты в Турухаевой ставке «опушены были бархатом лазоревым, а в юртах подзоры камка на золоте». Турухай послал московскому царю «усечек золота весом четыре золотника с тремя деньгами да чашку серебряную весом двадцать четыре золотника..., торель серебряную весом в ней двадцать два золотника». [3]

Эвенкийский князец Можеул рассказывал казакам, что буряты «по Селенге вверх ходят в Китайское государство, а покупают у мугал браты серебро и медь и олово, чаши де покупают серебряные, соболей по сто». [4]

Две подобные серебряные чаши, найденные в богатых могильниках при раскопках в Западной Бурятии, имеются в Иркутском музее. В таких же могильниках были найдены остатки шелковых тканей, драгоцен-

---

[1] Выписка из статейного списка «Бытность на Китайской границе великих и полномочных послов окольничего Головина с товарищи», 1689 (цит. по копии в фонде Главного управления Восточной Сибири, картон 1644, № 26. Исторический архив Иркутской области).

[2] Дополнения к актам историческим, т. III, № 30.

[3] То же.

[4] Там же, т. III, № 98.

ного платья, китайские металлические зеркала, затейливые украшения и пр. Все это получалось через обмен на скот и пушнину.

Князьцы и сайты имели возможность давать «скупы большие», т. е. большие выкупы за аманатов и пленных (ясырь), между тем улусные бедняки жаловались, что им «ясырь выкупать нечем».

Крупное скотовладение было основой богатства и власти в тогдашнем обществе. В документах XVII в. князьцы называются «улусными владельцами», под властью которых находились «улусные люди» — «мужики ясачные». Князьцы и сайты принадлежали к одному классу крупных скотовладельцев и различались между собой лишь в степени влияния и власти, составляя разные ступени феодальной иерархии.

В 50-х годах XVII в. во главе «больших братов» булагатского племени стоял князец Ботак. Кроме того были еще подчиненные ему князьцы Абакан, Аркан, Буксуй, возглавлявшие, повидимому, отдельные части племени. Один из князьцов Чекодей называется «князьцом Икирежского и булгудайского роду». Он, вероятно, стоял тогда во главе эхиритов и булагатов. Между тем у каждого из этих племен были и свои князьцы.

Таким образом сфера власти князьцов была различна. В 1647 г. бурятский князец Ойланко (Илан) «объявил в улусах своих ясашных людей сто тридцать человек, да Карчунские земли улусной лутчей мужик Кохте объявил... в улусах своих ясашных же людей шестьдесят человек». [1] В этом случае выступает уже не правитель «больших братов», а мелкий князец «Ойланковой землицы» и просто «лутчей мужик», в улусах которого числилось всего шестьдесят ясачных людей.

У забайкальских бурят, как отмечал М. Н. Богданов, «во главе стояли князьки, напоминавшие монгольских удельных князей и, вероятно, бравшие последних за образец, но без тех геральдических преимуществ, какие давало в глазах тогдашних людей происхождение по прямой линии от Чингис-хана. И в этом отношении, конечно, сказывалось влияние Монголии. Как монгольские «владельцы» выпрашивали у китайских правительств титулы и парадные одеяния, так и бурятская знать не была равнодушна к отличиям, которые она склонна была принимать за отдаленностью Китая от монгольских князей. Напр., один из родоначальников атаганского рода получил от Тушету-хана титул «хошигучи» за богатырскую силу и ловкость в борьбе, другой родоначальник Удун Улзейту получил титул за исполнение обязанностей воспитателя одного из сыновей Тушету-хана». [2]

В 1647 г. русские встретились за Байкалом с монголо-бурятским князем Турухай-Табуном, кочевавшим со своими улусниками на большом пространстве от р. Уды до р. Толы и в Монголию. Турухай имел под своим начальством до 20 000 человек, кроме киштымов.

В Бурятской земле различались князьцы «больших братов» и мелкие князьцы. Первые стояли во главе значительных по местным усло-

---

[1] Там же, т. III, № 28.

[2] М. Н. Богданов. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1926, стр. 41.

виям территориально-племенных объединений, вторые подчинялись им и возглавляли более мелкие подразделения.

Князьцы считались «улусными владельцами». У древних монголов «улусом» называлось объединение родов и племен в отношении их зависимости от ханов, тайшей и других правителей. В этом смысле название «улус» рассматривалось как «народ-владение», «народ-удел». В дальнейшем слово «улус» приобретает значение как «народ-государство». [1] В Бурят-Монголии XVII в. понятие «улус» соответствовало первому значению. Так называлось объединение одного-двух племен или части их на той или другой территории кочевий под властью определенных князьцов. В 1641 г. князец Чепчугуй считался «владельцем обем улусам» эхиритского племени. Следовательно, среди эхиритов различалось два улусно-территориальных объединения. Характерно, что нередко в документах XVII в. улусы называются по имени своих «владельцев».

Русские служилые люди XVII в. назвали основную территорию бурятских кочевий «Бурятской землей», но в условиях улусной раздробленности здесь не сложилось более или менее широких и относительно устойчивых государственных образований, охватывавших бурятские племена. Улусы-уделы, которые можно считать зачаточной формой государственности, как организации классового государства на кочевой территории, не превратились еще в улус-государство.

Монгольские ханы считали бурят своими данниками. В 1617 г. послы монгольского Алтын-хана, бывшие в Москве, рассказывали, что он «ясаков емлет с саянцев, с братов» и других племен «мягкою рухлядью». В 1639 г. русские служилые люди отправили к бурятским князьцам Шовинде и Магирче (их называют «тайшами»), жившим у р. Анги (приток Лены), эвенкийского князьца Можеуля «ясак требовать, войною грозить». Тайши отказались от уплаты ясака и заявили: «Мы де другова ясаку никому не давали, даем де мы ясак в мунгалы, емлют де с нас мунгалы ясак из веку по соболю с человека, а и с иных орд ясак емлют мунгалы». [2] В 1684 г. монгольский Саин-Очирой-хан называл своими «ясачными людьми» селенгинских, иркутских, балаганских и верхоленских бурят. Можно полагать, что некоторые бурятские князьцы находились в вассальной зависимости от монгольских ханов, но Бурятская земля не была все же их владением; в основном дело ограничивалось сбором ясака в форме пушнины. Не раз буряты вступали в борьбу с монгольскими ханами, отражали их набеги на Бурятскую землю и сами нападали на ханские улусы.

При вооруженных столкновениях с соседними племенами (взаимные набеги за пушниной, скотом, столкновения из-за пастбищ и т. д.), а также для укрепления своей власти над улусными людьми и киштымами бурятские князьцы имели свои боевые дружины. Бурятские конники, одетые в куяки (кольчуги) и шишаки (шлемы) с железным вооружением (копья, сабли, большие топоры, железные наконечники стрел),

[1] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 98—101.

[2] Архив Академии Наук СССР, портфели Миллера, списки Енисейского архива, ч. II.

имели военное преимущество перед оленными эвенками (тунгусами), тофаларами (карагасами) и другими соседними племенами. Последние знали железо, но оно, повидимому, не имело у них такого распространения, как у бурят. Военное преимущество, а также разрозненность соседних племен, живших небольшими группами, все это способствовало превращению их в киштымов (данников) бурятских князьцов. Но хорошее вооружение было доступно не всякому. Железо имело тогда значительную ценность. В начале XVII в. панцырь выменивался в Монголии за 9 скотин, в число которых входил один верблюд. [1]

Более состоятельные являлись на войну хорошо вооруженными: их называли «панцырьниками», «шлемоносцами», «латниками». Бедняки отправлялись вооруженными, главным образом, саблей и луком со стрелами. Такое же явление наблюдалось и в Бурятской земле.

Обладая экономической и военно-политической силой, бурятские князьцы закрепляли свое влияние и власть за своими семьями и родственниками. В этом отношении характерен, например, следующий эпизод. В 1641 г. русские служилые люди совершили ночью неожиданное нападение на бурятский улус, называемый, по имени князьца, «Чепчугуевым». После упорного боя этот «улусный владелец» сгорел с группой своих воинов в юрте, заженной служилыми людьми. Начальство над бурятами принимает тогда брат Чепчугуя Куржум, погнавшийся с отрядом в 200 человек за служилыми людьми, чтобы отомстить им и отбить пленных. «Знатнейшим» среди них считался сын его Чевдоком. Нападение бурят после продолжительного боя было отбито, и они вынуждены были отступить. Казаки предложили Куржуму выдать за выкуп пленных, если он согласится платить ясак. Характерно, что переговоры об уплате ясака «с себя и улусных людей» вели сам Куржум и его дядя Адаймучай Кубунаев. Куржум выкупил жену и детей, но сын его был сначала оставлен аманатом (заложником). Вообще аманатами старались оставлять преимущественно князьцов или их родственников как более влиятельных лиц. Семью и родственников князьцов русские выделяли из улусной массы. Пятидесятник Мартын Васильев, сообщая о постройке Верхоленского острога, писал: «Куржумов сын Чевдоком ко государской милости приезжал и в остроге был, а Куржумовы улусные люди, его дяди и братья, прикочевали на старые свои кочевья». [2]

Можно привести и другой пример наследственной преемственности среди князьцов. Сын известного уже нам монголо-бурятского князя Турухай-Табуна (в числе его улусных людей были монголы и буряты) Бадан Турахин был главным зайсаном галзотского рода и возглавлял хоринцев. Его сыновья «Бадановы дети» были зайсанами и шуленгами. Они чинили хоринцам «обиды и разоренья», так что есаул галзотского рода Балтурик вынужден был «со всеми улусными своими людьми» жаловаться на них русской администрации. [3] Произо-

[1] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 169.

[2] Дополнения к актам историческим, т. II, № 9.

[3] Бурят-Монгольский институт языка, литературы и истории, фонд хоринских тайшей, дело № 1, лист 1.

шла «смена власти»: главою хоринцев стал Балтурик, начавший при Петре I целую «династию» хоринских тайшей. Этот факт, к сожалению очень кратко изложенный в документе, говорит о проявлениях социальной борьбы: с одной стороны, улусная знать боролась между собой за власть, с другой — «мужики ясачные» стремились к смене тайшей, зайсанов и шуленг, творивших «обиды и разоренья».

Известны, правда очень отрывочные, сведения о том, что борьба среди бурят могла принимать затяжной характер. В 1629 г. канские князьцы Сойт и Тымэк рассказывали казакам: «В Братской де землице топерво нет ни большево, ни меньшево, потому что де мы у них убили большево князьца. А у них де ныне война промеж собою третий год».[1]

Смена князьцов не изменяла общей системы: власть не выходила из круга улусной знати. Новые тайши, зайсаны и шуленги снова продолжали «обиды и разоренья». Они сосредоточивали в своих руках военную и административно-политическую власть. Князьцы выступают как военные начальники, ведут переговоры с монгольскими ханами и представителями русской администрации, распоряжаются во время перекочевок и т. д. Улусных людей сайты отстраняли от управления. «В совет их какой худых людей лутчие люди не пускают», — рассказывали буряты гетману Демьяну Многогрешному. Таким образом князьцы и сайты являлись не представителями родовой демократии, первыми среди равных, а представляли собою эксплоататорскую верхушку бурятского населения.

Богатства князьцов и сайтов накоплялись за счет военных захватов скота, пушнины и пр., эксплоатации киштымов, улусных людей и «холопов», а также путем меновой торговли.

В 1631 г. служилые люди потребовали ясак с князьцов Бокоя и Борочея, кочевавших с улусными людьми по берегам Верхней Лены. В ответ на это, как рассказывается в казачьем донесении, князьцы начали с ними «спорить и государево величество почали себе не во что ставить и почали оне говорить: «Ясак де мы с себя ни в которую землю не даем, а сами со многих землиц ясак имлем де, а мы де государю вашему ясаку не дадим и вас к себе в холопы разберем, из своей земли вас не выпустим».[2]

«Ясачными землицами» бурятских князьцов были, как мы знаем, места расселения племен, живших в районах р. Кана (арины, асаны, бельтиры, котты, камасинцы), Нижней Уды (тафалары), и прибайкальских эвенков (тунгусы). Они и являлись киштымами.

Кроме собирания ясака с киштымов, бурятские князьцы брали также дань со своих улусных людей, которые называются в документах XVII в. «ясашными мужиками». Во время завоевания Бурятской земли князьцы ревниво оберегали свои привилегии в области ясачного сбора, добиваясь, чтобы ясак собирался не прямо служилыми людьми, а через них. Князьцы давали шерть (присягу) о подданстве и уплате

---

[1] Цит. по: А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937, стр. 38.

[2] Дополнения к актам историческим, т. II, № 28.

ясака за себя, свой род, улусных людей и киштымов. Путешественники XVIII в. отмечали, что бурятские тайши собирали ясак для царской казны «с обильным приращением» в свою пользу. Конечно, такое же явление существовало и в XVII в.

Основную массу бурятского населения составляли улусные люди. Это были мелкие скотоводы-крестьяне, главные элементы хозяйственной жизни которых мы уже охарактеризовали. Земля была необходима скотоводам как территория удобная для пастбищ и посевов проса; имели также значение места для охоты и рыболовства. Как же обстоял здесь вопрос с землепользованием?

Кочевники-скотоводы нуждались не в особом земельном наделе, подобном земледельческому, а в более или менее широкой пастбищной территории. У монголов она называлась «нутуг». Политическими «владельцами» улусов, в пределах которых кочевала та или другая группа улусных людей, считались князьцы и сайты, бывшие крупными скотовладельцами. Имея большие, по местным условиям, стада, они фактически овладевали и пастбищами, на которых пасется их скот, хотя по бурятскому обычному праву пастбищная земля считалась принадлежавшей общине. Мелкие скотоводы, обладавшие небольшим количеством скота, пользовались и меньшей пастбищной территорией.

Наличие большого количества скота у крупных скотовладельцев предполагает существование работников, которые обслуживают этот скот и обрабатывают продукцию скотоводческого хозяйства (выделка кож и различных изделий из них, изготовление войлоков, молочных продуктов и пр.). С одной стороны, это достигалось отдачей скота на выпас мелким и неимущим скотоводам, обязанным отдавать приплод, продукцию скотоводства или отрабатывать; по обычному праву бурят можно проследить, как отдача скота на выпас, бывшая когда-то формой родовой взаимопомощи, превращается в дальнейшем в средство закабаления и эксплоатации мелких и неимущих скотоводов крупными скотовладельцами. С другой стороны, были группы людей, находившиеся в более прямой и непосредственной зависимости от нойонства. В документах XVII в. упоминаются «холопы» тех или других лиц.

В обширной «выписи» о переговорах русского посла Федора Головина по установлению границы с Китаем (Нерчинский договор 1689 г.) есть следующее место, весьма ценное для характеристики социальных отношений в Бурят-Монголии в XVII в.: «Приведенные языки распрашиваны, а в распросе сказали, один человек братцкого шуленги Молдая Даурко, другой человек того же роду холоп Молдая ж шуленги, Боголды, третий человек Онкоцкого роду Учерту: «кочуют де за Нерчуреку зайсаны и шуленги и спешат в переводе наскоро, чтобы им перевеститца за Нерчу-реку, за китайские караулы, а для какого намерения, того они не ведают, для того, что в совет их какой худых людей лутчие люди не пускают, а в китайские де таборы зайсаны и шуленги лутшие люди ездят непрестанно».[1]

[1] Выписка из статейного списка «Бытность на Китайской границе великих и полномочных послов окольничего Головина с товарищи», 1689.

Характерно, что из трех «худых людей», упомянутых в этом документе, двое называются «холопами» определенного нойона (шуленги Молдая), а третий просто — «человек Онкоцкого роду Учерту». Какие же «холопы» были в Бурят-Монголии в XVII в.?

С одной стороны, это были люди, захваченные в плен во время войны и набегов. В 1654 г. отдельные группы качинцев, эринов, камасинцев и бурят совершили набег против бурятского князьца Долона, его племянников и улусных людей. Последние во время набега были «побиты и улусы их разорены и жены и дети в полон взяты и те жены и дети татаровя разделили по себе по паям и развезли по разным землям, кто в какой земле живет». Таким образом, захваченные во время войны пленные могли обращаться в рабство. В другом документе говорится о продаже бурятской «холопки»: «Взяла она, Марфутка, у него, Будурка, обманом холопку ево, девку Номея, а хотела она, Марфа, дать коня доброго, да кобылу, тулуп камчатой, штаны да сапоги, малахай лисей и не дала. А холопку продала она, Марфутка, братскому мужику Турчинке».[1] В данном случае речь идет о холопке-рабыне.

С другой стороны, могли быть и холопы из не имеющих скота улусных людей, работавших в хозяйстве бурятских нойонов. В этом случае холопы не являлись рабами, которых можно было продавать в обмен на «коня доброго, да кобылу, тулуп камчатой» и т. д.

Для изучения социальных отношений бурят в XVII в. значительную ценность имеет, несмотря на свою краткость и отрывочность, памятник обычного права бурят, опубликованный С. Токаревым.[2] Акад. Б. Д. Греков назвал этот документ «Бурятской Правдой».[3]

Докукент представляет собою отписку енисейского воеводы Степана Коробьина в Сибирский приказ с изложением «скаски» балаганских (булагатов) «лутчих братцких мужиков» 1693 г. «Скаска» сообщает о некоторых нормах обычного права (11 кратких статей) — о взысканиях, полагающихся за убийство, увечье, насилие, воровство. По характеристике С. Токарева, «скаска» бурятских нойонов 1693 г. рисует нам картину общества переходного типа, еще много сохранившего от старого родового устройства, но уже идущего по пути классового развития.

Родовая месть за убийство и оскорбление заменилась уже анзой (взыскание, штраф), т. е. материальным возмещением, соответствующим вире и головщине «Русской Правды». «Скаска» свидетельствует о делении бурятского общества на свободных и холопов, резко подчеркивая различие в правовом положении тех и других. За убийство свободного мужчины взыскивалось по 66 голов «скотин лошадми и рогатою животиною, большими и малыми». За женщину — по 33 головы. Между тем за убийство холопа или холопки взималось только «по коню доброму

---

[1] Государственный Архив феодально-крепостнической эпохи (Москва). Фонд Сибирского приказа, столбец 1254.

[2] С. Токарев. Памятник обычного права бурят XVII в. Сб. «Исторический архив», т. II. Изд. Академии Наук СССР, М.-Л., 1939, стр. 39—50.

[3] Б. Греков. Была ли Киевская Русь рабовладельческим обществом. Журн. «Историк марксист», № 4 (74), 1939, стр. 135.

с седлом и с уздою, или что за него цены дано». Если убийство совершено холопами, то их «за убитых отдают головою», т. е. закабаляют за ближайшими родственниками убитого, или хозяин выплачивал за холопов головщину («их окупат головщиною»). В XVII в. в Сибири различались «громленые» и «кабальные» холопы. Первые состояли из пленников, захваченных во время войн и набегов («на погроме»), вторые являлись неоплатными должниками, попавшими в кабалу к своим кредиторам. Когда должники не имели возможности погасить долг с нараставшими процентами, они по кабальным записям (долговые обязательства) и «по судному делу» (по суду) выдавались кредиторам «в зажив головою», чтобы отжить «урочные годы», т. е. отработать долг. Запутавшись в сетях ростовщичества, должник и его семья становились кабальными холопами.

После завоевания Сибири бурятские нойоны не могли уже иметь «громленых» холопов, так как войны и набеги, во время которых захватывался ясырь (пленные), прекратились. Поэтому можно полагать, что «скаска» 1693 г., составленная почти через 40 лет после завоевания Приангарья, говорит именно о «кабальных» холопах.

Академик Георги указывал в XVIII в., что члены «оскудевших» бурятских семейств «служат у других». В документах XVII в. также упоминаются улусные люди, не имевшие возможности выкупать ясырь (пленных) и аманатов (заложников) вследствие своей «скудности», бедности. Они и вынуждались итти на работу к крупным скотовладельцам, становиться холопами. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении исторические материалы не дают возможности подробно характеризовать положение таких холопов и их взаимоотношения со своими нойонами.

В Бурятской земле XVII в. существовало два основных класса: 1) класс крупных скотовладельцев, составлявших эксплоататорскую верхушку бурятского общества — феодальное нойонство; к нему примыкали и представители религиозного культа — шаманы; есть даже упоминание о шамане, имевшем под своей властью улусных людей. В 1653 г., по донесению красноярского воеводы Скрябина, «с Ин реки... Бурлак шаман, да шаронимцы (шаранутский род), да Хандей с своими улусными людьми и с киштыми к Братскому острожку прикочевали, и государю де били челом, и ясак с себя в Братский острог дали»;[1] известны бурятские предания о существовании в древние времена борьбы за власть между шаманами и светскими начальниками, причем победы оставались на стороне последних; 2) мелкие скотоводы и охотники, составлявшие улусное крестьянство; из него выделялась «оскудевшая», не имеющая скота беднота.

Документы XVII в. говорят о существовании в Бурятской земле рабов, но рабство не являлось здесь основой производственных отношений.

Развивавшиеся в бурятском обществе феодальные отношения тесно переплетались с патриархально-родовыми. Родовые традиции сказыва-

[1] Дополнения к актам историческим, т. III, № 111.

лись на управлении бурят. Существовало деление улусно-племенных объединений на роды. Родовая группировка имела еще значение при разверстке ясака, распределении пастбищ («породные земли»), совместном выступлении во время войн, набегов, облавных охот и т. д. В 1653 г., например, различалось 17 булагатских родов, плативших ясак в Красноярский острог по две лошади с роду. Известно существование 11 хоринских родов и т. д. Но основы родового строя были уже подорваны, а его остатки, прикрытые старой формой, принимали новое содержание.

В бурятском обществе развивалось классовое расслоение на основе частной собственности на скот и другое имущество. Основной хозяйственной единицей являлся не род, а семья. Земельные угодья считались «породными», принадлежащими улусной родовой общине. Но крупные скотовладельцы, в руках которых сосредоточивалась власть, имея большое количество скота и отдавая часть его на выпас, фактически овладевали и пастбищами для него. Таким образом, через крупное скотовладение косвенно проявлялось и крупное землевладение.

«Улусные владельцы», которые часто в литературе и в официальных документах называются «родовыми начальниками», являлись на самом деле не родовыми вождями, первыми среди равных родовичей, а феодальными элементами, эксплоатировавшими и закабалявшими улусную массу.

Академик Паллас, говоря о бурятских родах, указывал, что они «не все древнего происхождения, но частью возникли впервые под русским владычеством; между этими родами есть и чисто монгольские элементы, но определить их точно нет возможности».[1] Часть бурятских родов являлась остатками более крупных племен, преимущественно монгольской, а также тюркской и эвенкийской ветвей. Среди этих родов встречаются аналогичные по названию с племенами, которые упоминаются в летописях Рашид ад-дина XIII—XIV вв. (долот, икирас, кереит, онгут, салжут, тэлэгут, урянхай, харанут, хорлос, хэрмэшин, чинус, шаранут). Среди западных и восточных бурят различалось несколько хонгодорских родов — остатки древнего монгольского племени хонгодоров. Одиннадцать хоринских родов являлись потомками племени хори, о котором упоминает Рашид ад-дин. Названия некоторых родов говорят, наоборот, об их позднем и непосредственно территориальном происхождении: «подгородный» (у селенгинцев), «подостровный» (у баргузинцев). Такие названия появляются уже после завоевания Прибайкалья.

Понятие «род» в условиях разложения родового строя и развития феодальных отношений постепенно превращается в административно-территориальное. В состав его входили и родственные и неродственные семьи, кочевавшие совместно на той или другой территории под властью определенных «улусных владельцев». Характерно, что царское правительство использовало административно-территориальный характер ро-

[1] P. S. Pallas. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften (П. С. Паллас. Собрание исторических сведений о монгольских народах), т. I. СПб., 1776, стр. 13.

довых объединений, рассматривая их как административные единицы для сбора ясака и т. д. Старые роды разделялись на несколько территориально смежных частей, например, среди кудинских бурят различалось: два буяновских, три абаганатских, три харанутских и два ашехабатских рода. Среди аларских бурят — восемь хонгодорских родов. Из одиннадцати хоринских родов было образовано четырнадцать. Выделялись новые административно-территориальные группировки с характерным названием «сборный род». Таким образом, старые традиционные формы приобретали новое содержание.

Буржуазные националисты, извращая историю бурятского народа, заявляли о социальной однородности бурятского общества во все периоды исторического развития вплоть до нашего времени. Высказывалось мнение, что в кочевом скотоводческом хозяйстве нет даже почвы для развития классового расслоения. Подобными заявлениями буржуазные националисты, выражавшие интересы бурятского нойонства и кулачества, затушевывали классовое расслоение и классовую борьбу в бурятском обществе.

Скотоводческое хозяйство, как свидетельствует изложенное выше, давало возможность бурятскому нойонству накоплять богатство в форме скота, пушнины, серебра, золота и закреплять за собою экономическое и политическое влияние. Князьцы и сайты являлись не «отцами патриархальной семьи бурят», как националисты называли бурятских тайшей, а эксплоататорами трудового улусного населения. В XVII в., как и в дальнейшем, в бурятском обществе развивалось классовое расслоение и классовая борьба.

Шаманство

Древней религией бурят было шаманство. Оно представляло собой разновидность первобытного анимизма, усложнившуюся в длительном процессе общественного развития.

В шаманстве отражалась зависимость древнего быта и хозяйства от явлений природы, его слабость в борьбе с ней. Шаманисты всю природу представляли одушевленной, обоготворяли явления природы. Небо (тенгри) казалось им населенным божествами — тенгеринами, благосклонными и враждебными. Одни из них представлялись добрыми: даровали свет, тепло, влагу, оплодотворяли землю, содействуя произрастанию трав, вообще плодородию; посылали богатство скотом и потомством. Другие были злыми и ведали враждебными стихиями: холодными туманами, опустошительным градом, выбивающим траву; с их действиями связывалось появление болезней, падежей скота, всякого несчастия.

Шаманисты верили в существование детей тенгеринов, второстепенных божеств — хатов, разделяя их на две группы: северо-восточных и юго-западных. Первые считались враждебными людям, вторые добрыми покровителями. Хаты постоянно враждовали между собой. Такое разделение божеств на два враждебных лагеря отражено социальное расслоение и борьбу, развивавшиеся вместе с разложением феодально-родового строя.

Было распространено почитание огня, игравшего большую роль в быту. Он считался символом чистоты и покровителем каждого дома. Огню приносили жертвы, поливая на очаг вино, масло, клали жир и частицы пищи. Огонь признавался сыном одного из тенгеринов — Эсэгэ-Малан-Тенгери, младшим братом солнца и месяца.

По мнению шаманистов, леса, горы, холмы и другие местности имели своих хозяев (эжинов). Проходившие или проезжавшие через такие местности обязаны были остановиться и оказать эжину знаки почтения: побрызгать вином, воскурить трубку, оставить какую-нибудь вещь и т. д. В противном случае опасались мести со стороны эжина. Видимо, представление о хозяевах местностей было связано с развитием частной собственности.

Шаманисты верили, что после смерти людей продолжает существовать ушедшая из тела душа, способная производить различные действия. В связи с этим развивалось поклонение онгонам. Так называли души умерших людей, бывших предметом страха или уважения. По мнению Д. Банзарова, поклонение онгонам порождено первоначально простым почтением к предкам: «В самые древние времена каждое семейство оказывало почтение одним только своим покойникам, имело, может быть, их изображения, как свидетельствует Абулгази, ставило перед ними пищу и питье, это было простое уважение к умершему... Тогда члены семейства не приписывали душе своего покойника никакого влияния на живых. Но монголы с течением времени стали верить, что душа умершего действует во вред или пользу живых, и из них народ создал свой род богов — онгонов. Таким образом исчезло простое уважение к теням предков, место его заступило служение добрым и злым онгонам, душам людей чуждых, не принадлежащих к семейству поклонника. Чья душа сделалась онгоном — это определял шаман, ибо не всякий мог сделаться, а тот только мог им быть, кто прославился в этом мире добрым или злым, люди, оказавшие большую пользу народу, делаются онгонами добрыми, а злодеи — злыми». [1]

На превращении почитания предков в поклонение онгонам отражалось внедрение в патриархально-родовое общество людей из других родов и племен, когда родовая группировка превращалась по преимуществу в территориальную. С развитием социального расслоения поклонение онгонам было использовано шаманами и правящей верхушкой для укрепления своего влияния. Их души чаще всего делались онгонами. У всех монгольских племен почитались, например, онгоны семейства Борджигинов, «т. е. ханского рода, из которого произошел Чингис и большая часть монгольских владетелей».

Онгонов изображали преимущественно в виде человеческих фигурок на скалах, деревянных дощечках и на материи. Им приносили в жертву пищу, вино и пр.

Онгоны разделялись на добрых и злых. Шаманисты думали, что последние, блуждая на поверхности земли, вредят человеку. Они, все-

[1] Д. Банзаров. Черная вера, или шаманство, у монголов. СПб., 1891, стр. 32.

ляясь в него, могут будто бы производить болезни, истреблять детей и пр. В случае болезни призывали шамана. Он должен был узнать, какой онгон является причиной заболевания, а также изгнать его из человека и жилища. Души обыкновенных людей не превращались в онгонов. Они могли стать только бохолдоями — призраками, блуждавшими по земле. Бохолдои считались способными лишь на мелкие проказы и шутки.

В результате получалась целая иерархия божеств шаманского пантеона от тенгеринов до бохолдоев. Шаманизм, как и всякая религия, был фантастическим отражением явлений, происходивших в обществе и природе. Божества разделялись на разряды по степени своего могущества и власти над этими явлениями. Одни считались покровителями скотоводства, другие ведали здоровьем людей, третьи управляли громом и молнией и т. д. Боги нуждались в пище и одежде. В результате широко развился обычай жертвоприношения. Приносившие жертву скотом, пищей, вином и т. д. надеялись умилостивить этим разгневанных богов, снискать их расположение. Жертвоприношения были групповые (тайлага) и индивидуальные (кырык). Наконец, существовала корпорация посредников в сношениях с божествами — шаманов.

Звание шамана в большинстве являлось наследственным, хотя были исключения. Шаманы считались посредниками между божествами и людьми, жрецами, предсказателями, знахарями. Шаманисты верили, что шаман мог излечивать людей путем принесения жертв божествам, изгнания из больных злых духов (камлания). Шаман, одетый в особую длинную одежду, увешанную металлическими погремушками с изображениями людей и животных, тряпочками, с железным шлемом (оргой) на голове и бубном в руках, совершал священные танцы, выкрикивал заклинания. Он плясал, прыгал, кружился, бился, испускал пронзительные вопли. Его последователи думали, что этим шаман запугивает или упрашивает духов уйти из тела больного. Запугивание было главным средством воздействия шаманов на массы. Шаманы приобретали большое влияние. Они эксплоатировали народ, присваивая себе предметы жертвоприношения. Шаман, заявляя, что тот или иной дух требует такой-то предмет, фактически требовал это для себя.

В документах XVII в. шаманы упоминаются вместе с «улусными владельцами», иногда выступают в роли этих «владельцев».

В процессе развития классового расслоения они срастались с феодальной верхушкой бурятского общества, усиливая ее влияние и господство.

Устное народное творчество

Еще историки XVIII в. (Миллер, Фишер) отмечали существование у бурят древних народных сказаний, в частности, преданий о своем происхождении: «У них осталась повесть от их предков, — писал Миллер, — что они в древние времена с калмыками, элет называемыми, одной природы были. Говорят, что Элет и Бурят были два брата родные, которые за кобылу поссорились, чего ради Бурят принужден был со своими людьми с того места уйти и около Байкала озера посе-

литься». [1] Фишер приводит легенду: «Среди озера Байкала лежит остров Олхон, где на горе стоит будто таган, а на нем большой котел; из чего заключают, что Чингис-хан доходил с войсками своими и до тех мест». Интересно, что под оболочкой вымысла Миллер и Фишер находят в этих преданиях зерно исторической правды, например признание этнического родства народностей монгольской ветви: ойратов, монголов и бурят. По поводу легенды о чингисхановом котле Фишер приводит сообщение Рубруквиса о монгольском празднике, во время которого Чингис-хан первый ударил молотом раскаленное железо, а за ним другие начальники (культ кузнецов в шаманстве). «Выдумка о происхождении

Рис. 6. К улигеру „Шоно-батор".
(С рисунка худ. Ц. Сампилова).

Чингис-хановом из кузнеца выходит наружу, — пишет Фишер. — Здесь сбывается делом известная пословица: non est de nihilo quod publica fama susurrat, et partem veri semper fabula habet, т. е. молва в народе не по пустому носится, и в сказке всегда есть некоторая быль, а именно, что празднество сие действительно отправлялось, а прочее выдумано». [2]

Предания, в которых историческая правда причудливо переплетается со сказочными фантастическими элементами, говорят, передаваясь от поколения к поколению, о происхождении бурятских племен и отражают, хотя и отдаленно, какие-то исторические события.

[1] Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства. СПб., 1750, стр. 21.
[2] И. Э. Фишер. Сибирская история. СПб., 1774, стр. 20—21.

В богатырских былинах (улигерах) описывается жизнь, приключения и подвиги героев, олицетворявших борьбу бурятских племен со своими противниками. Кроме былин и преданий, среди бурят распространялись сказки, песни, пословицы, поговорки, загадки.

Широкое распространение получили легенды о происхождении бурятских племен, например «История шаманки Асуйхан». В ней рассказывается о происхождении родоначальников бурят: Булагата, Эхирита и Хоридоя.

В Саянах, как говорит легенда, в глубокой древности у подошвы горы Алтан-Мандурга, среди кочевавших здесь монгольских выходцев атагатов и хатагатов, жила знаменитая шаманка Асой-хан-удаган. Она была бездетна и просила день и ночь о даровании ей детей. Наконец, мольбы шаманки достигли до ушей призываемого тенгри (небожителя).

Однажды к атагатам и хатагатам прискакали два табунщика и рассказали всем и каждому следующее: «Утром при чрезвычайно ясном небе забушевал юго-западный угол Байкала и дал образование огромной массе белоснежной пены. Прошло времени не больше, чем необходимо на вскипячение тогона, и из этой пены вышли три мальчика, причем раздался свыше голос, который говорил: «Да насладятся долгоденствием, здоровьем и богатством Булагат, Хоридой и Эхирит». Затем, когда эти мальчики-оборотни выбросились на берег, подле них очутились два вола — голубой и пестрый. Дружелюбно обнюхав малюток, волы легли подле них на правый бок. Тотчас старший брат (Булагат) подполз к голубому волу и начал кормиться у него, а средний (Хоридой) и младший (Эхирит) за тем же обратились к пестрому волу». Асуйхан по туземному обычаю усыновила мальчиков при всем народе.

Выросши, братья стали охотниками и, ходя туда и сюда на охоту, нажили огромное имущество, состоявшее из звериных шкур. Лет через двадцать после находки мальчиков Асуйхан умерла. Вскоре после этого Булагат и Эхирит решили разделить свое огромное состояние на три части, разойтись в разные стороны, жениться на избранных девушках и жить самостоятельно. Разделив имущество, братья стали поджидать Хоридоя, который находился на охоте. Спустя некоторое время пришел и он. Узнав о разделе, произведенном без него, Хоридой обиделся на братьев. «Да ведь я такой же, как и вы, хозяин имущества, — заявил он с раздражением, — зачем же вы без меня разделили общее наше достояние?» Разгневанный Хоридой оттолкнул ногою выделенную ему часть звериных шкур и, обращаясь к горам, сказал: «Мендэ, алтан Мундурга!» («Прощай золотая Мундурга!»). Он ушел и поселился на острове священного моря Байкала — Ольхоне.

Ольхон был переполнен тогда дикими гусями, утками и другими видами птиц. Одинокий Хоридой стал тосковать. Однажды, когда Хоридой лежал недалеко от моря и любовался плававшими гусями, утками и летавшими чайками, к берегу Байкала прилетел прелестный белый лебедь (хонг). Он начал петь дивную песню, а затем превратился в прекрасную деву-тенгри, которая, сняв блестящую одежду, стала купаться в море. Тогда Хоридой тихонько пробрался между камышами на берег и украл одежду девы-тенгри.

Без одежды дева не могла улететь, и Хоридой поймал ее. Она оказалась оборотнем прекрасной Элун-Говы, супруги Хубилай Сэцена, внука Чингис-хана.

У Хоридоя и его жены было 11 сыновей: Голзот, Хаоцай, Кубдут, Гучит, Шарайт, Харганат, Худай, Бодонгут, Хальбин, Цаган, Ботанай, которые считались прародителями 11 хоринских родов.[1]

Кроме общих преданий о происхождении бурятского народа, существуют особые предания о происхождении эхиритов и булагатов, связанные с именем Буха-ноен-бабая, и хоринцев — с именем Хоридой-Мэргэна, а также отдельных территориальных групп (аларцев, тункинцев, баргузинцев и др.).

Рис. 7. К улигеру „Шоно-батор".
(С рисунка худ. Ц. Сампилова).

Во всех этих преданиях, имеющих сходство с преданиями других народов, выражались попытки, хотя и в фантастической форме, объяснить происхождение своего народа, его прошлое. Туман фантастики прикрывал элементы исторической правды. По существу предания говорят об этническом родстве бурятских племен и связывают оформление бурятского народа с территорией Прибайкалья, как его колыбелью.

Примером того, как вполне известный исторический факт обволакивается фантастикой, может служить предание «Гора Мöнгöтö-ула, или «Гун-Сава».

«Унгинские буряты рассказывают, когда в первый раз проводили границу между русским и китайским государством, со стороны России

[1] М. Н. Забанов. Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов. Верхнеудинск, 1929, Приложения, стр. 31.

был так называемый бурятами «Гун-Сава», а со стороны китайцев Сэсэн-уган. Когда провели границу, гора Мёнгётё-ула (серебряная гора) осталась за русским государством. Сэсэн-уган, желая взять гору Мёнгётё-ула себе, придумал обмануть Гун-Саву. Он попросил Гун-Сазу отдать ему участок земли величиною с кожу быка; Гун-Сава, не подозревая хитрости, согласился. Тогда Сэсэн-уган выбрал самую большую кожу быка, разрезал ее на тонкие ремни и обтянул ими всю гору Мёнгётё-ула; вследствие этого гора Мёнгётё-ула отошла в китайскую землю. Гора эта должна бы отойти к русской земле, так как по преданию на ней явилась печать русского государства; китайцы вытесывают гору, чтобы снять печать, но печать снова появляется».[1]

В этом предании речь идет об известной исторической личности — русском после графе Савве Рагузинском, заключившем в 1727 г. Буринский договор о южной русско-китайской границе. Буряты, игравшие значительную роль в закреплении и охране этой границы, помнили о ее проведении, но облекли рассказ об этом факте в фантастическую форму предания о горе Мёнгётё-ула, или Гун-Саве.

«Самым замечательным в области устного народного творчества бурят является улигер — богатырская былина, героическая эпопея, — пишет чл.-корр. Академии Наук СССР Н. Н. Поппе. — Первое, что бросается в глаза при изучении таких улигеров, это значительная взаимная близость их, несмотря на сравнительно большое разнообразие основных сюжетов. Второе, что следует отметить, это известная близость тематики, а также внешней художественной формы к таковым героических эпических произведений ойратов, а также халха-монголов».[2] Последнее обстоятельство Н. Н. Поппе объясняет тем, что многие былины сложились в период феодальных войн XIV—XVII ст., когда ойраты, монголы и буряты, состоявшие из различных племен, не сложились в более или менее единые народности. Соприкасаясь друг с другом, живя в одинаковой социально-экономической обстановке, близкие в языковом отношении эти племена создавали похожие по содержанию и форме произведения героического эпоса.

«Племена, из которых образовались нынешние халха-монголы, бурят-монголы и калмыки, — пишет Н. Н. Поппе, — создали свой героический эпос в основном в период XIV—XVII ст., когда их объединяли иные связи. И когда в конце XVII ст. они оказались в новых условиях, в которых постоянные перемещения племен стали невозможны, и когда наметилось самое первоначальное слияние племен, в результате которого сложились три народности, они уже обладали развитым героическим эпосом, сложившимся в предшествующий период истории».[3]

Былины описывают жизнь и приключения героев, связанные, главным образом, с их борьбой против владетельных ханов или фантастиче-

---

[1] М. Н. Ханганов. Балаганский сборник. Сказки, поверья и некоторые обряды у северных бурят. Томск, 1903, стр. 186.

[2] Н. Н. Поппе. Проблемы бурят-монгольского литературоведения. Зап. Инст. востоковед. Акад. Наук СССР, т. III, 1935, стр. 20.

[3] Н. Н. Поппе. Халха-монгольский героический эпос. М.—Л., 1937, стр. 60.

ских чудовищ — мангусов, мангатхаев, напоминающих «змеев-горынычей» русских сказок. Борьба происходит из-за похищения женщин, детей, захвата скота и пр. Приключения связаны также с поисками невесты, стремлениями, подобно героям русских сказок, «других посмотреть и себя показать», охотой и т. д.

Борьба былинных персонажей между собой приводит, обыкновенно, к истреблению одного из противников, разорению его имения, захвату скота и всяких богатств, подчинению под власть победителя многочисленных подданных побежденного.

Рис. 8. К улигеру „Шоно-батор".
(С рисунка худ. Ц. Сампилова).

Описывая полные фантастики приключения своих героев, эпические произведения бурят дают одновременно поэтические описания природы и некоторых бытовых черт, касающихся охоты и скотоводства, торговли, жилища, утвари, пищи, одежды, военного снаряжения и т. д.

Народный героический эпос называют «устными летописями». Хронология этих летописей чрезвычайно относительна, но это не исключает значения их, как исторического источника, при сопоставлении с другими памятниками прошлого (данные археологии, письменные источники, если таковые имеются, язык, этнографические материалы и пр.). Предания и былины, передаваясь из поколения в поколение, дошли до нашего времени, причем сказители разных эпох, передавая полученное от предков, вносили и новые, характерные для своего времени элементы. Примером могут служить бурятские былины о жизни и приключениях легендарного героя Аламжи Мэргэна.

В былине говорится о древних временах, когда Чингис-хан был еще младенцем:

Давным давно — в глубокую старину,
В те отдаленные прекрасные времена
Он родился, говорят.
Когда времена были легки,
И снеги были белы и мягки,
Он родился, говорят.
Под крыльями семидесяти семи
Небожителей-тенгринов
И на груди девяносто семи
Небожителей-тенгринов
Он родился, говорят.
Когда первые деревья на земле
Только что начали распускаться,
Когда первая мать оленей на земле
Козленком начала пастись,
Он родился, говорят.
Когда дерево великан
Начало ростком пробиваться,
Когда великий хан был еще в колыбели,
Он родился, говорят.
Когда река Ангара
Ручейком еще извивалась,
А рыба-абарга
Была не более пескаря,
Он родился, говорят.
Когда горожане мангуты
Все были бедняками...[1]

В других же частях былины упоминается о том, как Аламжи Мэргэн, вступая во владение своими подданными, пришел в «контору» и отправил с уведомлением об этом посланца к своему дяде Шара-Зутану. Между тем конторы были учреждены среди бурят в XVIII в. Кроме контор упоминаются и «думские тракты». Степные Думы были организованы уже по уставу 1822 г.

Наконец, в былине об Аламжи Мэргэне рисуются факты, связанные по существу с развитием в Сибири торгового капитала:

Тридцать три базара
Для торговли он открыл,
Триста лавок
С товарами открыл,
Триста приказчиков
Впопыхах торгуют,
Во все четыре стороны
Думско-якутские тракты
Чертами провел...

Аламжи Мэргэн для охраны своего богатства ставит «казака с черно-железной пикой» и строит собор с колоколами. Знатный правитель большого количества подданных, родившийся по былине в тот

[1] Цит. по переводу текста, приложенному к книге М. Н. Забанова «Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов» (Верхнеудинск, 1929, стр. 1).

период, когда «великий хан (Чингис-хан) был еще в колыбели», выступает вместе с тем в роли главы «конторы» и распорядителя «думско-якутских трактов», т. е. в роли тайшей XVIII—XIX вв.

Герои былин в одежде из звериных шкур, вооруженные луками и стрелами, живут то в богатых юртах, то в дворцах, напоминающих постройки тибетско-дацанского типа, то в роскошных хоромах с многочисленными комнатами и печами, раздвижными столами, самоварами и т. д.

Таким образом, при процессе передачи устных летописей от одного поколения к другому происходит своеобразное сочетание элементов разных исторических эпох. В результате в бурятских былинах переплетаются древние и более поздние элементы. Первые являются основой былины, вторые — ее позднейшими напластованиями. Можно полагать, что в первом случае борьба былинных героев с враждебными ханами и мангадхаями отражает борьбу бурятских племен со своими противниками в период феодальных войн XIV—XVII вв., напоминая схватки русских богатырей с «идолищами поганными», «соловьями-разбойниками».

Бурятские песни воспевают силу, удаль и храбрость своих воинов, проявленные ими в схватках с войсками монгольских ханов:

Как разжиреет шаловливый сивка,
Предпримем поход далеко;
У Сэцэхановских войск
Возможно ль находить сопротивление...
У высокого развилистого дерева
Побывав, подневав, мы отправимся;
На пятнадцатом году отроду
Возможно ли быть доведену до конца
(истощения сил)...
У высокого кривого дерева
Переночевав, подневав, мы отправимся;
На двадцать пятом году отроду
Возможно ль быть стесненным...
При быстроте бега моего рыжки
Трясется со звуком мое оружие;
При брякотне моих привесок и блях
Приходят в смятение восточные монголы.
При быстроте бега моего соловка
Трясутся со звуком панцырь и шлем;
При брякотне панцыря и шлема
Приходят в смятение северные монголы.[1]

То, что в песнях изображалось реалистически, в былинах принимало фантастический характер. Храбрые воины превращались в легендарных героев, обладающих титанической силой, а их противники становились сказочными чудовищами, — явление общее для героического эпоса народов земного шара. Любимые герои бурятского эпоса наделяются лучшими качествами (умные, правдивые, храбрые, сильные) и считаются защитниками обиженных. «На будущее время всегда побеждай своих врагов и коли годовалых жеребят и нас, простых людей, спа-

[1] Проф. А. Позднеев. Образцы народной литературы монгольских племен, вып. I. СПб., 1880, стр. 194.

сай», [1] — говорили люди, освобожденные Ута-Саган-батором. Наоборот, враги этих героев изображаются как отвратительные чудовища.

Эпические произведения рождались не в ставках феодального нойонства, а в аратских юртах. «Сказочник, певец — сирота», — говорит бурятская пословица.

Бурятские былины украшены поговорками, пословицами, пожеланиями (урор). Например: «чужой человек на чужбине не уживается, сохатиная лытка в котле не помещается»; «если мужчина-человек задуманное оставляет, то он не будет попадать стрелою в стреляемое, а волки и собаки, если укушенное выпускают из зубов, то делаются тощими»; «не видавши ручей, не снимайте унтов»; «когда ходит одинокий человек, человеком он не делается; из одной головни огонь не делается; нужно искать суженую невесту». [2]

Произведения устного народного творчества были первыми художественными произведениями бурят и вместе с тем попытками объяснить прошлое и явления окружающей жизни. Фантастический вымысел перемешивался в них с реальными элементами. Они доставляли «усладу друзьям» и «поучения»:

Во дворце, изукрашенном окнами,
Воспоем, запоем улигер.
На усладу друзьям, в поученье —
На усладу споем улигер. [3]

Поучения заключались в том, что произведения народного творчества воспевали храбрость, настойчивость, дружбу, любовь, давали своеобразные афоризмы житейской мудрости, бичевали трусость, коварство, вероломство, высмеивали глупость, жадность, выявляли ненависть трудящихся к их угнетателям — нойонам: «враждующий с собакой — без полы, враждующий с нойоном — без спины»; «чем с нойоном сближаться, лучше с псом сдружиться».

---

[1] М. Н. Хангалов. Балаганский сборник. Томск, 1903, стр. 42—79.
[2] Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отд. Русск. геогр. общ., т. VI, вып. 1, 1903, стр. 21—39.
[3] Цит. по: Н. Н. Поппе. Халха-монгольский героический эпос. М. — Л., 1937, стр. 124.

Глава II

ЗАВОЕВАНИЕ БУРЯТСКОЙ ЗЕМЛИ (1625—1689 гг.)

Причины завоевания

«На государя с них ясак имати на нынешний на 157 год. Соболи и шубы собольи, и ожерелья, и пластины собольи, и напольники собольи, и лисицы черные и черночеревые, и красные, и шубы горностальи, и бобры, и выдры. А у которых братцким неясашных людей будет степные места, а не лесные, а в тех степных местах соболей и лисиц и бобров и выдр нет, и с тех людей имати иными какими зверьми или узорочными товары, что у них в их земле есть: золото и серебро или камки или каменье дорогое, а будет золота и серебра и иных никаких зверей нет, и на них имати скотом по их изможению, а затем бы они не раздумовали, что для своей ясачной звериной скудности им не быть под государевою высокою рукою», [1] — так «наказная память» якутского воеводы Дмитрия Францбекова в 1648 г. определяла главную цель приведения в «ясачное холопство» «непокорных» бурятских людей.

Агенты царского правительства — воеводы, отправляя отряды казаков и служилых людей для завоевания «новых землиц» и ясачного сбора, прежде всего стремились узнать, «Какие там люди живут и чем кормятся, и скотные ли люди, и пашни у них есть ли, и ясак с себя где платят, и буде платят, в которое государство и каким зверем: соболем или бобрами или лисицами, и в том государстве какой бой — лучной или огненный, и товары к ним какие приходят?» [2]

Таким образом воеводы добивались получить сведения о том, с кем придется столкнуться в «новых землицах», каковы там продовольственные запасы, какой ясак можно будет взять с местного населения и, наконец, каков будет вооруженный отпор — «лучной или огненный.

Характерен также интерес к торговле.

Погоня за ясаком преимущественно в форме ценной пушнины (соболи, бобры, горностаи, дорогие сорта лисиц и пр.), стремление захватить «новые неясачные землицы», т. е. новые объекты для эксплоатации, — вот что, прежде всего, привлекало к движению в Сибирь и завоеванию народов обширного края. За отрядами царских воевод или

---

[1] Колониальная политика Московского государства в Якутии. Сборник документов. Л., 1936, стр. 52—53.

[2] Дополнения к актам историческим, т. II, стр. 256.

вместе с ними двигались вооруженные торговые и промышленные люди — купцы и охотники. Первые нередко выступали в роли организаторов торгово-промысловых отрядов. В свою очередь воеводы и служилые люди выступали при случае в роли купцов и промышленников.

Погоня за дорогими мехами принимала характер своеобразной «соболиной горячки». Это объясняется тем, что «мягкая рухлядь» играла значительную роль в торгово-финансовой жизни Московского феодально-крепостнического государства. При недостатке драгоценных металлов (золота, серебра) «соболиная казна» приобретала значение валютного фонда. Мехами давали награды боярам и духовенству, платили жалованье служилым людям. Дорогие меха были предметом богатства и роскоши. «Мягкая рухлядь» являлась доходным товаром на внутреннем и особенно на внешнем рынке. По характеристике С. В. Бахрушина, «при крайней примитивности тогдашних финансов, слабом развитии денежного оборота и полном почти отсутствии торгового кредита, сибирские меха, поступавшие в казну, являлись не только одним из наиболее крупных средств для поддержания колеблющегося московского бюджета, но и одним из важнейших факторов торговой жизни государства».[1]

Уже в конце XVI в. (около 1586 г.) из Сибири доставлялись в царскую казну 200 000 соболей, 10 000 черных лисиц, 500 000 белок, кроме горностаев и бобров.

В Восточную Сибирь, кроме пушнины, привлекали также слухи о драгоценных металлах, «родящихся» здесь. Наконец, особенно со второй половины XVII в. через Сибирь прокладывались пути торговли с Китаем.

Ко второму десятилетию XVII в. завершается завоевание Западной Сибири. Отряды завоевателей продвигаются все дальше и дальше на восток. Завоеванные местности закреплялись путем постройки «острогов», представлявших собой деревянные крепости. В них хранились военные (оружие, порох) и продовольственные запасы, собранный ясак и различные товары. В совокупности остроги были административными, военными и торговыми пунктами. Из острогов отправлялись отряды для завоевания новых местностей и сборов ясака. За их укрепленными стенами служилые люди «отсиживались», отбивая нападения часто восставших «ясачных людей».

Первые походы в Бурятскую землю

В 1609 г. администрация и служилые люди Томского острога стали получать сведения о неизвестном им народе — братах. В 1609 г. из Томска были отправлены служилые люди для завоевания племени джесаров, жившего в верховьях рр. Кизыра, Амыла, Кана и Бирюсы. Взять с них ясак не удалось, так как джесары заявили, что еще до прихода русских с них взяли ясак браты. Отдельные бурятские отряды

[1] Проф. С. В. Бахрушин. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. Очерки по истории колонизации Севера и Сибири, вып. II. Пгр., 1922, стр. 44—45.

проникали и до Томска. В 1617 г. браты упоминаются в числе отрядов, осаждавших Томский острог: «Орды, государь, великие к Томскому городу прилегли, — доносили служилые люди, — черные и белые колмаки и киргиские люди, и маты, и браты, и саянцы, и тубинцы, кочегуты, и багасары, и кызыли, и кузнецкие люди, и все те, государь, люди около Томсково города неподалеку кочуют и нас, государь, холопей твоих по земле и по пашням побивают. И нам, государь, теми людишками твоего государева города без прибавошных людей не удержати».[1]

Первыми опорными базами, из которых отправлялись отряды в Бурятскую землю, стали Енисейский (основан в 1618 г.), Красноярский (1628) и Якутский (1632) остроги.

В 20-х годах XVII в. енисейские воеводы отправляют ратных людей для разведок о Бурятской земле и сбора ясака, но проникнуть туда удалось не сразу. Казакам приходилось, плывя по Ангаре, преодолевать ангарские пороги, волочить струги и кочи, пробираться по глухой, мало населенной тайге. Они сразу же встретили энергичный отпор со стороны эвенков (тунгусов): «А в тех, государь, службах многих нас, холопей твоих, тунгусские и иных землиц люди побивали», — доносили казаки. Но «огненный бой» казаков и служилых людей имел техническое преимущество перед «лучным боем» эвенков. Сила их сопротивления уменьшалась вследствие территориальной раздробленности и вражды между отдельными родовыми группами. Вместе с тем, эвенки оказались между двух огней: с северо-запада на них наступали отряды царских воевод, с юга приходили за ясаком посланцы бурятских князьцов. В результате эвенки потерпели поражение.

В 1625 г. енисейский воевода послал вверх по Ангаре отряд в 40 человек во главе с атаманами Фирсовым и Тюменцем. Они должны были, по наказу воеводы, собрать ясак с ангарских тунгусов (эвенков), а затем двинуться дальше для розыска и объясачивания новых «землиц». Служилые люди собрали ясак с приангарских эвенков, но до Бурятской земли не дошли. Летом 1626 г. из Енисейска отправляется новый отряд под командой атамана Максима Перфильева. Продвигаясь вверх по Ангаре, он добрался до Шаманского порога, но дальше итти не решился: его страшили трудности переправы. Перфильев доносил, что на пути «порог пришел добре велик и место пришлю тесно, и поднятца по порогу было немочно».[2] До Бурятской земли от Шаманского порога оставалось еще три дня ходу. Взяв ясак с местных эвенков, Перфильев вернулся обратно. Во время своего похода он собрал сведения о Бурятской земле, которая, по рассказам эвенков, представлялась ему богатой и многолюдной.

Известия о богатствах Бурятской земли были очень заманчивы. В 1627 г. Перфильев снова отправился в Приангарье. Он опять собрал ясак с эвенков, но к бурятам и на этот раз не проник. На обратном

[1] Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства. СПб., 1750, стр. 453.

[2] Государственный Архив феодально-крепостнической эпохи (Москва). Фонд Сибирского приказа, столбец 12, лист 69; А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937, стр. 33.

нути в Енисейск отряд Перфильева подвергся нападению эвенков во главе с князьцами Иркинеем, Мукотеем и Болкеем. Эвенки ранили стрелами 11 казаков, в том числе и Максима Перфильева. Казаки с трудом пробились к Енисейску.

В 1628 г. из Енисейска вверх по Тунгуске (Ангаре) были отправлены служилые люди под начальством сотника Бекетова для ясачного сбора и постройки острожка. Известно, что «Петр Бекетов с служилыми и с промышленными людьми острожек поставили и, призвав в острожек тунгусских людей и аманатов, у них и под тех аманатов ясак взяли перед прежними с прибылью».[1] Острожек был назван Рыбинским. Взятый ясак состоял из 116 соболей, 10 пластин и 2 шуб собольих.

В дальнейшем, продвигаясь вверх по Ангаре, отряд Бекетова добрался до устья ее притока—Оки—и взял первый ясак с бурят, живших в этом районе. Вернувшись в Енисейск весной 1629 г., Бекетов привез с собой довольно богатый ясак, состоявший из 680 соболей, 2 пластин лисьих и 2 бобровых лыжных поволок.

Кроме ценной пушнины, в Бурятскую землю привлекали также слухи о наличии здесь серебряных руд. В 1629 г. в Приангарье был даже отправлен под влиянием этих слухов довольно значительный по тому времени отряд под начальством бывшего енисейского воеводы Якова Хрипунова. Почти одновременно совершается поход на Ангару красноярских служилых людей.

Оба отряда, учиняя дорогой грабежи и насилия, добрались по Ангаре до устья Оки. После нескольких сражений с бурятами служилые люди возвратились в Енисейск, собрав ясак и захватив пленных. Попытка же найти серебро потерпела полную неудачу. Инициатор ее Хрипунов умер, а вернувшиеся из похода на Ангару служилые люди объявили: «Сколько было Якову Хрипунову ни ходить, а серебряной руды ни сыскать». Пленники, захваченные Хрипуновым и красноярцами, были оставлены в Енисейске в качестве аманатов.

Основание острогов в добайкальской Бурятии

Со времени основания Рыбинского острожка проникновение в Бурятскую землю начинает принимать новое направление. Кроме отправки отдельных отрядов из Енисейского и Красноярского острогов, воеводы стремятся создать опорные пункты в самой Бурятии. В 1630 г. в Приангарье был отправлен с 30 казаками и двумя «пушечками» атаман Максим Перфильев, получивший приказание построить острог в устье Оки. Добравшись до Шаманского порога, Перфильев оставил свои суда с хлебными и пушечными запасами под охраной 15 казаков, а с другими отправился дальше в бурятские улусы. Он возвратил некоторых пленников из числа захваченных Хрипуновым и красноярцами и получил от бурятских князьцов 15 соболей. Князьцы заявили, что больше дать не могут, так как в предыдущем году служилые люди их «погро-

[1] К истории Бурятии в XVII в. Красный архив, № 3 (76), 1936. стр. 161.

мили, жен и детей их в полон поимали и во всем до основания разорили».[1] Приступить к постройке острога Перфильев вследствие мало-

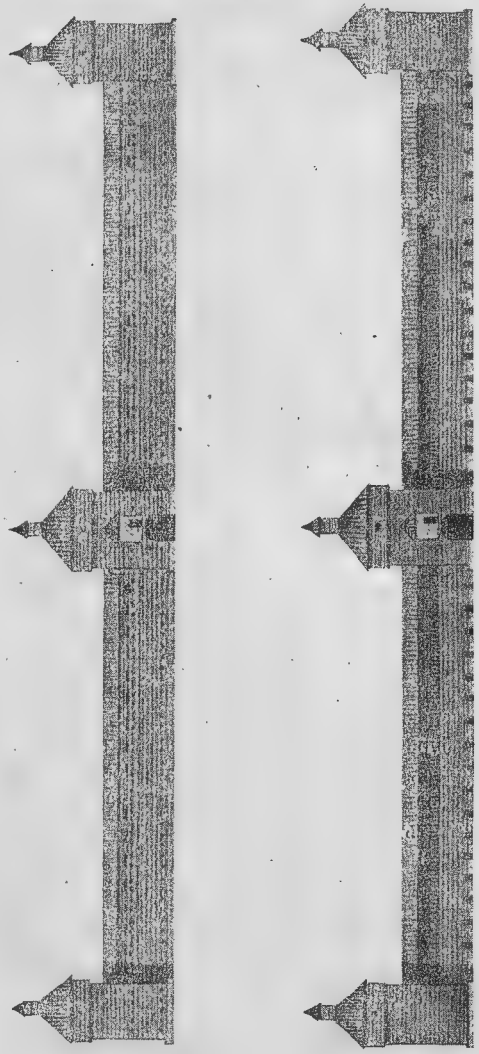

Рис. 9. Тип сибирского острога XVII в.

численности своего отряда не решился. Это было сделано уже в следующем году.

В 1631 г. новый отряд Перфильева взял с ангаро-окинских князьцов в качестве ясака 183 соболя. В свою очередь князьцы получили

[1] Цит. по: А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937, стр. 60.

«государево жалованье»: сукна, металлические изделия и украшения. У Падунского порога, ниже устья Оки, был выстроен острог, названный Братским. Если бурятские князьцы, получившие «государево жалованье», жертвовали «по своей вере» о подданстве и обещали платить ясак, то «мужики ясачные», испытавшие многие обиды и разорения, оказались «несмирными» и хотели «битца» с царскими служилыми людьми. Одновременно началась «шатость» и среди ясачных эвенков.

Пятидесятнику Москвитину, сменившему Перфильева, буряты через трех своих киштымов, посланных в Братский острог, заявили, что они отказываются платить ясак, и вызывали служилых людей на бой.

Небольшое сравнительно количество пушнины, собиравшейся с бурятских князьцов и улусных людей, получалось фактически в результате обмена на ясырь и «государевы подарки»: сукна, рубашки, олово, хлеб, вино и пр. Действовать же «ратным обычаем» служилые люди долгое время не решались, живя «бережно и осторожливо». В Енисейск не раз отправлялись просьбы о присылке подкрепления.

В 1634 г. в Братский острог прибыл отряд в 60 человек под командой пятидесятника Василия Дунаева. Ему было приказано собрать ясак сполна и «приводить в ясачный платеж» новые землицы. Но Дунаев потерпел полное поражение. В схватке с бурятскими воинами под предводительством князьцов Кутугура и Кодогуна почти весь отряд в составе 52 человек и сам Дунаев были перебиты. Буряты захватили оружие, порох, пули и разрушили острожные укрепления.

Узнав о разгроме Дунаева, енисейский воевода отправил в 1635 г. в Приангарье 100 человек служилых людей под начальством Николая Рудаковского для расправы с непокорными, отказавшимися от уплаты ясачного сбора. Добравшись до Братского острожка, Рудаковский увидел, что он сожжен до основания. Продвигаясь дальше, служилые люди разгромили несколько бурятских юрт и захватили пленных. Некоторым улусным людям удалось спастись от разгрома и бежать вверх по Оке. Они предупредили «большие юрты» о движении отряда. Попытка служилых людей захватить этих гонцов не удалась.

Спустившись затем на плотах вниз по Оке, служилые люди, взамен разрушенного острожка у Падунского порога, выстроили летом 1635 г. новый Братский острог на правом берегу в устье р. Оки. Отсюда стали совершаться походы вверх по Ангаре. Ангаро-окинские буряты снова стали считаться покоренными, с них собирался ясак, но это завоевание не было еще прочным.

Сотник Василий Черемин, сменивший Рудаковского, в 1637 г. обложил ясаком новую группу бурят и эвенков, живших по Ангаре и Уде. Однако в следующем году они отказались платить ясак и дрались с ясачными сборщиками, ранив многих из них. Лишь в 1639 г. ангаро-окинские и удинские буряты были снова объясачены, уплатив «два сорока соболей».

Почти одновременно с походом к бурятам, жившим у Ангары и Оки, начинается проникновение служилых людей к верхоленским бурятам. Путь на Лену, называвшийся «Ленским волоком», шел сна-

чала по правому притоку Верхней Тунгуски (Ангары) Илиму до устья р. Индирмы, затем двигались волоком до р. Куты, впадающей в Лену. Опорным пунктом для этого пути стал Илимский острог, возникший в 1630 г.

В 1631 г. сотник Бекетов с 30 казаками дошел вверх по Лене до р. Куленги, где начиналась Бурятская степь. Идя по этой степи, казаки на пятый день пути встретили до 200 человек бурят и, опасаясь нападения, устроили засеку из деревьев и хвороста. Бекетов отправил к бурятам толмача, эвенкийского князьца Липку, с требованием уплатить ясак. Через два дня к казакам пришло 60 человек во главе с 2 бурятскими князьцами. Их пустили в засеку, отобрав предварительно луки и стрелы. Буряты принесли 5 худых соболей и 1 красную лисицу, которая была почти без меха. Считая это «бесчестием», Бекетов стал угрожать царским гневом. В ответ на угрозы буряты заявили, что они не хотят слышать ни об ясаке, ни о подданстве и, вынув спрятанные под шубами длинные ножи, бросились на казаков и их проводников-эвенков. Это нападение было отбито, но вокруг засеки собиралось все больше и больше бурят. Сделав вылазку и захватив лошадей, казаки были вынуждены спасаться бегством. Целые сутки скакали они до устья р. Тутуры.

В 40-х годах XVII в. к верхоленским бурятам отправляются отряды служилых людей из Якутского острога. Зимой 1641 г. якутский воевода послал отряд под начальством сына боярского Василия Власьева. Через три недели служилые люди добрались на лыжах до бурятских улусов в районе р. Куленги. Внезапно они напали на Чепчугуев улус, названный так по имени князьца Чепчугуя. Во время нападения было убито человек 30 мужчин и захвачено в плен 28 женщин «старых и молодых и ребят, которые у грудей». Беззащитных пленников побили из пищалей.

Часть улусных людей во главе с Чепчугуем продолжала отстреливаться в юртах. На предложение сдаться Чепчугуй отвечал: «Али де вы не знаете Чепчугуя, каков де Чепчугуй своею головою? ... Жив де я вам, казаки, в руки не дамся».[1] Чепчугуй и бывшие с ним воины не сдались, а сгорели в юрте, подожженные казаками.

Разгромив улус, отряд Власьева пошел «в отход» с добычей и пленными. В погоню за ним двинулись до 200 бурятских и эвенкийских воинов под предводительством брата Чепчугуя Куржума. Начался бой, продолжавшийся с обеда до вечера. Буряты были вынуждены отступить, потеряв 10 человек убитыми и несколько ранеными. У казаков было ранено 8 человек.

Куржум и его дядя Адаймучай Кубунаев дали ясак «с себя и своих людей» и были приведены к присяге на подданство. Куржум выкупил жену и детей, но его старшего сына оставили аманатом.

В 1641 г. в качестве укрепленной базы для завоевания верхоленских бурят был выстроен в четырех верстах от устья Куленги Верхо-

[1] Дополнения к актам историческим, т. II, № 9.

ленский острог. Через шесть лет он был перенесен на новое место против устья Куленги. Несколько раз верхоленские буряты отказывались платить ясак, побивали ясачных сборщиков и, подняв восстание, осаждали острог. Но на помощь верхоленскому гарнизону приходили из Илимского, Усть-Кутского и Якутского острогов служилые и «охочие» промышленные люди. Огнем и мечом они восстанавливали прежнее положение и вновь приводили в ясачный платеж бурят и эвенков. «Тот государев ясак с тех новых людей с тунгусов и с братов по вся годы имали за саблею и за кровью», — доносили казаки.

В 40-х годах XVII в. красноярские служилые люди проникают, в погоне за ясаком, в Нижнеудинский район. В 1648 г. был построен ими Удинский острог, ставший в дальнейшем называться Нижнеудинским. Местное бурятское население платило ясак, но в 1649 г. буряты отказались от ясачного платежа и перебили ясачных сборщиков, приехавших из Удинского острога. В ожидании набега служилых людей восставшие собрались в большом количестве на берегу р. Ии. Почти три года служилые люди не могли сломить сопротивления восставших. Лишь в 1652 г., после многих схваток, отряду, присланному красноярским воеводой, удалось снова завоевать нижнеудинских бурят.

К 50-м годам XVII ст. в Бурятской земле возникла целая сеть острогов: Братский, Илимский, Усть-Кутский, Верхоленский, Тутурский, Осинский. Они стали опорными базами для дальнейшего движения к Байкалу и в Забайкалье.

Завоевание Забайкалья

В 1643 г. из Верхоленского острога отправилось на Байкал 74 человека служилых, промышленных и гулящих людей под начальством пятидесятника Курбата Ивана. Дойдя до Байкала в июле, они приступили к постройке судов. Курбат Иванов послал служилого человека к бурятскому князьцу Обугадею, требуя уплаты ясака. Князец сказал, что он принесет ясак с себя и улусных людей осенью. «Я, Ивашко, — сообщал Курбат, — тех братских людей и не возвал, но, делав струги, перевезся с ратными людми на Олхой остров».[1] На Ольхоне их встретили буряты, вступившие с ними в бой. Бурятские воины засели «в каменных городках» и стали биться с пришельцами, но выдержать «огненый бой» служилых людей улусные люди не могли и вынуждены «побежать на побег». Возможно, что одной из причин поражения ольхонцев явилось бегство во время боя «лутчих людей», бывших военными предводителями. Потерпев поражение, ольхонцы обещали платить ясак. Курбат Иванов вернулся в Верхоленск, оставив на Байкале 36 человек с десятником Семеном Скороходом. Последнему было приказно с проводником, эвенкийским князьцом Юногой, итти по берегу Байкала до Верхней Ангары, поставить там зимовье и собирать ясак. Объясачив верхнеангарских эвенков, Скороход пошел затем

[1] К истории Бурятии в XVII в. Красный архив, № 3 (76), 1936, стр. 175.

по р. Баргузину. Здесь жили степные эвенки, занимавшиеся скотоводством. Скороход со своими товарищами устроил зимовье, но вскоре на них напали эвенки во главе с князьцом Хортица Батуром. Удалось спастись только двум промышленным людям, остальные были перебиты. Промышленные люди переправились на маленькой лодке через Байкал и добрались до Братского острога, где рассказали о своих приключениях. Они принесли с собой 126 соболей, 4 лисицы красных и 1 черно-бурую.

Байкал и Забайкалье все больше и больше привлекали внимание царских воевод, служилых, промышленных и торговых людей. О богатствах Забайкалья ходили разнообразные слухи. У енисейских воевод, вероятно под влиянием рассказов якутских служилых людей о правых притоках Лены, возникает мысль о проникновении в Забайкалье с севера. В 1640 г. вверх по Витиму попадает в Забайкалье отряд Максима Перфильева. Дойдя до притока Витима Цыпы, Перфильев собрал 80 соболей ясаку с местных эвенков и вернулся обратно. Из-за недостатка продовольствия служилые люди не решались итти дальше. От эвенков казаки получили сведения о даурах, живших в бассейне верхнего Витима, Шилки и Амура. Эвенки рассказывали, что дауры занимаются земледелием, добывают серебряную, медную и свинцовую руду; их князьцы имеют много соболей, серебра, шелковых тканей.

Погоня за ясаком, слухи о землях, богатых серебром и хлебом, усиливали стремление к продвижению в Забайкалье для «прииску новых землиц», их завоевания и объясачивания.

В 1644 г. из Енисейска направилось в Забайкалье 100 казаков во главе с атаманом Василием Колесниковым. Главною целью похода было «наведаться о серебре или серебряной руде». По Ангаре Колесников дошел до устья Осы, где был построен Осинский острог. Прозимовав здесь, казаки весной 1645 г. продолжали свой путь к Байкалу. Сначала они хотели пройти к южному берегу озера. Переправившись через Байкал в Кударинскую степь, казаки встретили на устье Селенги «больших» бурятских людей «вряд с мунгальскими людьми». Известно, что «поиску над ними войною никакого не удалось»; т. е. отряд Колесникова потерпел неудачу. Казаки пошли обратно на северо-западный берег Байкала.

В 1646 г. отряд Колесникова, продвигаясь вдоль северо-западного берега, дошел до устья Верхней Ангары и построил там Верхнеангарский острог. Испытывая недостаток в продовольствии, Колесников осенью 1646 г. отправил 40 человек своего отряда в Енисейск и просил прислать провиант.

От эвенков казаки узнали, что недалеко от Еравнинского озера кочуют монголы, имеющие серебро. Эвенкийский князец Котуга и 4 казака, отправленные Колесниковым в качестве разведчиков, не нашли монголов около Еравнинского озера и продолжали свой путь к Селенге. Дорогой они встретили монголо-бурятского князя Турухай-Табуна, кочевавшего со своими улусными людьми. Турухай подарил казакам немного золота, две серебряных чаши и рассказал, что серебро и золото куплено у китайцев. Посланцы Колесникова вернулись обратно.

Долго не получая известий о Колесникове, енисейский воевода в 1646 г. отправляет на Байкал сына боярского Ивана Похабова, имевшего под своей командой 96 служилых и «охочих» людей. Похабову было приказано собрать ясак с «непослушных» осинских бурят, «приискивать новых землиц и серебряные руды и проведать Китайское государство». Похабов по Ангаре дошел до ее притока Осы.

Осинский острог, построенный отрядом Колесникова, был к тому времени разрушен бурятами. Похабов поставил новый острог на Осинском острове и требовал ясак и аманатов с «новоприисканных людей». Они отказались, и только после боя с отрядом Похабова были вынуждены давать ясак, потому «что им от Осинского острогу стало опасно».

В 1647 г. Похабов со своими служилыми людьми переправился по Байкалу на южный берег озера, побывав на Селенге и Уде. Служилые люди имели много боев с «иноземцами» и захватили больше 70 пленных («женок и ребят»), но подчинить «иноземцев» и принудить их к уплате ясака не могли. «Нашие мочи столько не стало, — сообщал Похабов, — потому что люди многие и конны, а живут в скопе и от рек откочевали».[1]

Возвращаясь обратно, служилые люди построили на юго-западной стороне Байкала Култукский острог. Зимой 1647 г. Похабов «ходил войною» на бурят и эвенков, живших по Иркуту, которые еще не давали ясака. Служилые люди «захватили с бою» иркутского князьца Нарея и взяли «из-за того князьца» 316 соболей и бурую лисицу.

Похабов продолжал также «приискивать» ясачных людей по Селенге. Отправленные им служилые люди напали у р. Погромной на встреченных там монголов, захватили 8 пленных и взяли у них 34 соболя. Ясырь и соболи были привезены в Култукский острог. Однако вскоре их пришлось возвратить.

От князя Турухай-Табуна к Похабову пришел тобольский служилый человек Яков Кулаков, посланный атаманом Колесниковым к монгольскому Цецен-хану для проведывания серебряной руды. Пленники, захваченные служилыми людьми, оказались подданными Турухая. Кулаков говорил, что ясырь и соболей нужно отдать Турухай-Табуну, так как иначе он не выпустит и убьет двух служилых людей, оставшихся у него. Не рискуя вступать в конфликт с Турухай-Табуном и надеясь получить от него сведения о серебряной руде, Похабов и 14 служилых людей отправились на лыжах в ставку этого князя. Похабов возвратил ему ясырь и соболей и подарил в качестве «государева жалованья» еще 10 соболей и 2 аршина красного сукна. Затем служилые люди отправились к Цецен-хану «для проведывания серебряные руды и Китайского государства».

Лишь через два месяца Похабов добрался до Урги. Он преподнес Цецен-хану подарки, состоявшие из 80 соболей, 5 аршин красного «аглинского» сукна и аршина вишневого кармазину. Глава монгольского духовенства хутухта также получил «государево жалованье»: 12 собо-

[1] К истории Бурятии в XVII в. Красный архив, № 3 (76), 1936, стр. 180—182.

лей и 2 аршина «английского» сукна. В свою очередь хан и хутухта дали подарки для московского царя и отправили с Похабовым четырех послов в Москву.

От Цецен-хана Похабов узнал, что серебряную руду и золото в Монголии не добывают, а покупают в Китае. В Китайское же государство Похабову попасть не удалось. Он рассказывал в своей челобитной, что его не пропустил туда Цецен-хан.

В 1648 г. на помощь Похабову было отправлено 60 человек под начальством сына боярского Ивана Галкина, получившего наказ «на новых народов положить ясак и места около Байкала точно описать, а главное искать золотых и серебряных жил». Отряд Галкина дошел до устья Баргузина и основал здесь острог, ставший одним из центров завоевания Забайкалья. Отсюда совершались походы к бурятам, кочевавшим по Баргузину, Нижней Селенге и Хилку.

Во время военно-разведочных экспедиций по Ангаре к Байкалу служилые люди столкнулись с бурятами, обитавшими в долине Иркута. В 1652 г., вторично отправляясь в Забайкалье, Иван Похабов основал ясачное зимовье на небольшом острове, расположенном при слиянии Иркута с Ангарой. В дальнейшем было решено построить новый укрепленный пункт на более удобном месте. В 1661 г., по предложению енисейского воеводы Ржевского, был поставлен служилыми людьми Иркутский острог. «В нынешнем 169 году, — доносил Похабов, — июля в шестой день против Иркута реки на Верхоленской стороне государев новый острог служилыми людьми ставлю... Изволил острог поставить и тут место самое лучшее, угожее для пашен, и скотиной выпуск и сенные покосы и рыбные ловли — все близко».[1]

Ниже Иркутского зимовья, на левом берегу Ангары, в 1654 г. был основан Балаганский острог. Постепенно началась, кроме военно-промысловой, и земледельческая колонизация Балаганского района. В 1655 г. енисейским воеводой было отправлено сюда для хлебопашества 60 крестьянских семейств, а также плавильщик и кузнец для обработки железной руды.

Постройкой Балаганского и Иркутского острогов завершилось завоевание Западного Прибайкалья.

В Забайкалье служилые люди, встречая значительные группы бурят и монголов, долго не решались действовать против них «ратным обычаем», т. е. открывать военные действия. Даже жадный и жестокий «Багаба-хан», как буряты называли Ивана Похабова, был вынужден действовать осторожнее, ограничиваясь, преимущественно, дипломатическими переговорами с местными князьцами и предварительными разведками. Лишь с организацией в Забайкалье сети укрепленных острогов служилые люди стали действовать решительнее. Однако и тогда они жили в постоянном беспокойстве:

«В нынешнем в 195 (1684) году, — доносили служилые люди, — нерчинские и селенгинские братские мужики ясачные все кочуют вверх по Селенге по заречью юртами и со всяким скотом с большим и мел-

[1] Дополнения к актам историческим, т. IV, № 104.

ким, и ныне уж против Удинского они, а про то нам не ведомо: доброе ли у них на уме, а мне их, мужиков, задержать и воротить не кем, потому что малолюдство».[1]

Кроме Верхнеангарского и Баргузинского острогов, основанных в 40-х годах XVII ст., возникают в 50-х — 60-х годах новые Забайкальские остроги: в 1658 г. были построены Телембинский (на Хилке) и Нерчинский остроги; в 1665 г. возник Селенгинский острог, а в 1666 г. — Удинское зимовье, ставшее затем Верхнеудинским острогом. Енисейские воеводы, отправляя один отряд за другим, совершали завоевание Забайкалья.

Буряты и эвенки оказались между двух огней: с одной стороны, на них наступали служилые люди московского царя, с другой — совершали нападения монгольские ханы и тайши. Обе стороны претендовали на ясак.

Сначала враждовавшие между собой халхасские князья не обращали особенного внимания на действия служилых людей, дав им возможность укрепиться в Забайкалье. Но в дальнейшем эти князья пытаются вернуть бурят и эвенков в свой ясачный платеж. В 1667 г. монгольскими князьями было даже отправлено посольство в Москву с жалобой, что казаки построили Селенгинский острог без их ведома, но жалоба послов была отклонена. Затем посол Очирой-хана, прибывший в Селенгинск в 1684 г., «говорил с угрозами» как о селенгинских, так иркутских, балаганских и верхоленских бурятах и требовал от имени хана: «Отдадите ли вы тех ясашных людей. ... Саин-Очирой-хану, или не отдадите?».[2] Посол заявил, что Очирой-хан действует заодно с китайским богдо-ханом и считает бурят «своими людьми». В ответ на это представители селенгинской администрации заявили, что буряты «искони вечные холопы» русских царей, «взятые и покоренные в ясачный платеж из-за меча войною».

Отряды монгольских ханов и тайшей несколько раз совершали набеги на добайкальские и забайкальские остроги. В 1668 г. тайша Сейгун нападал на Балаганский, Верхоленский и Илимский остроги. В следующем году монголы совершили нападение на эвенков, живших в Нерчинском районе, захватив и уведя в свои улусы до 80 эвенкийских семейств. Во время этого нападения была уведена и часть бурят, кочевавших под Нерчинском.

В Забайкалье наблюдалась большая «шатость». Различные группы бурят, монголов, эвенков то уходили в Монголию, то возвращались обратно. Русские и буряты жили под угрозой частых нападений.

«В нынешнем в 190 (1682) году, — доносил иркутский воевода, — в разных месяцах и числах приходят к Селенгинскому и Удинскому острогу и Селенгинского уезда на заимки мугалских и табунутцких тайшей улусные люди и русских служилых людей и всяких чинов людей под городом и на заимках и на проездах до смерти побивают, и лошади

[1] Там же, т. X, № 67.

[2] Цит. по: Материалы Комиссии Куломзина для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области, вып. V, Приложение 15. СПб., 1898.

и рогатый скот отгоняют непрестанно, а говорят слова с похвальбою, угрожаючи воинским приходом на твои великого государя остроги, и ясашные селенгинские братские люди в Селенгинском уезде живут с великим опасением». [1]

Особенно сильное нападение монголов на Селенгинск имело место в 1687 г. Отряды Очирой-Саин-хана и других монгольских тайшей двинулись на Селенгинск и осадили его. Одновременно монголы пошли к Верхоленску. Против них были отправлены почти все стрельцы и казаки, жившие по деревням Верхнеудинского района. Монголы были разбиты в двух верстах от Верхнеудинска.

Для обороны осажденного Селенгинска были собраны казаки, стрельцы, посадские, купцы и подьячие, всего 294 человека. Селенгинским гарнизоном командовал ссыльный гетман Демьян Многогрешный. Попытка Очирой-хана захватить Селенгинск потерпела полную неудачу. Селенгинский отряд во главе с Многогрешным совершил вылазку и вступил в сражение с монголами. После кровопролитного боя в долине, получившей название «Пади убиенных», войско монгольских тайшей было разбито.

Войскам Очирой-хана пришлось вернуться в Монголию, так как его владениям угрожала опасность со стороны враждовавших между собой ойратов и манчжуро-китайцев. Халха стала ареной ожесточенной борьбы между ними. Монгольские улусы опустошались враждовавшими сторонами, в многочисленных схватках погибали тысячи людей. Попав в такую обстановку, подвергаясь грабежам и насилиям со стороны ойратских, монгольских и китайских ханов, буряты, бежавшие в Монголию от притеснений царских воевод, приказчиков и других служилых людей, возвращались обратно в свои «породные земли». От военных невзгод и разорений в Забайкалье бежали и различные группы монголов.

От набегов монгольских князей сильно страдало бурятское население. В результате буряты стали выступать против них вместе с русскими служилыми людьми. В 1674 г. монгольский тайша Гыган вторгся в бурятские земли, угрожая Иркутскому, Балаганскому, Братскому и Верхоленскому острогам. Малочисленные острожные гарнизоны, испытывавшие недостаток в оружии и военных припасах, оказались в чрезвычайно тяжелом положении. Тогда на помощь им пришли ангарские буряты, немало потерпевшие от монгольских набегов. С помощью бурят служилые люди вытеснили Гыгана в Монголию.

Нерчинский договор 1689 г.

В 1687 г. в Забайкалье прибыл окольничий Федор Головин, посланный для переговоров с Китаем. Перед тем как отправиться в Нерчинск для выяснения вопроса о русско-китайской границе, Головин решил обезопасить свой тыл от монгольских набегов. После ухода войск Очирой-хана, в Забайкалье оставалось еще несколько монгольских тайшей и сайтов со своими улусными людьми. Против них и выступил Головин.

[1] Дополнения к актам историческим, т. VIII, № 106.

Его вооруженные силы состояли из 2000 стрельцов и казаков, а также «ясачных людей» — бурят и эвенков. В верховьях Хилка отряд Головина разбил в сентябре 1688 г. табунутского тайшу Серен-Секулая, а затем в трех сражениях — под Селенгинском, Верхнеудинском и Ильинской заимкой — нанес поражение другим монгольским тайшам.

В 1689 г. пять монгольских тайшей и табунутские сайты были вынуждены заключить с Головиным договоры о переходе в подданство московского царя.[1] Представители царского правительства, как победившая сторона, предъявили целый ряд требований.

Тайши обязывались быть «в вечном подданстве со всеми зайсанами и улусными их людьми, и по них которые наступят потомки». Они должны были оказывать военную помощь, доставлять лошадей и верблюдов для ратных и прочих служилых людей. Запрещалось обижать царских подданных, отгонять у них конные табуны, рогатый скот и пр. Виновных тайши наказывали «по своим правам». Новые подданные обязывались своих прежних владельцев — хутухту, Очирой-хана и других монгольских ханов — не слушать и не вести с ними никаких сношений без ведома царского правительства, нерчинского и селенгинского воевод. В договоре предусматривалось, чтобы тайши, состоя в царском подданстве, призывали к тому же «иных мунгальских владельцев».

Тайши должны были платить в царскую казну через город Селенгинск ежегодно с 5 хошунов по 50 добрых коней, быков и баранов. Недоимка взыскивалась втрое.

Тайши сохраняли феодальные привилегии в области сбора ясака с улусных людей и суда над ними. Тайши собирали ясак и для себя и для царского правительства. В последнем случае ясак собирался не поголовный, когда каждый, подлежащий обложению, вносил его непосредственно царской администрации, а с хошунов. Раскладка, сбор и сдача ясака предоставлялись тайшам. Они же могли и наказывать улусных людей «по своим правам».

Договор обещал «в православную христианскую веру не крестить и не принуждать».

По договору с табунутскими сайтами, как сравнительно менее влиятельными, ясак собирался поголовный «добрыми соболями и рысьми, . . . а по самой нужде давать и скотом рогатым без недодачи добрым».

Оба договора предписывали тайшам и сайтам доносить о всех «умыслах измены» и отказа от подданства. Разграбив имущество уличенных в этом, захватив их жен и детей, тайши и сайты должны были отправлять их к воеводам для расправы.

К договорам была приложена «тетрадь приводная к шерти (присяге) новых мунгальских и табунутских выходцев». В знак присяги сайты «пищаль целовали о дуло, саблею собак рубили, за тое кровавую саблю лизали, по чашке студеной воды пили и впредь до подтверждения к сим статьям они сайты руками своими закрепили».

---

[1] Мною использовались списки (копии) этих договоров, приложенные к делу № 320 Первого департамента Сената (Ленинградское отделение Центрархива).

Договор с пятью монгольскими тайшами разрешал «кочевать им, тайшам, с улусными своими людьми близ городов по обе стороны Селенги» и обещал, что им от царских подданных «обид не будет», а также оборону от нападений неприятеля. Но эти обещания были нарушены. Царские подданные — селенгинские и верхнеудинские служилые люди — своими грабежами и жестокостями вынудили часть улусных людей бежать в 1694 г. в Монголию. «Селенгинские и удинские служилые люди, — читаем в одном из указов Петра I, — тех тайшей и с родами их и со всеми улусы отогнали своими обидами и налогами; они, тайши, не мога их обид и налог терпеть, покиня детей и братей своих в аманатстве, приклонились к китайскому хану; а после де того, которые от них тайшей остальцы были в Селенгинском, и в Удинском, и в Ильинском, и в Кабанском острогах и по заимкам всех их прибили и побросали в Селенгу реку, а жен и детей и живот их по себе разделили и распродали».[1]

Монголы же, оставшиеся в Забайкалье, постепенно влились в состав местного бурятского населения.

В процессе завоевания Восточного Забайкалья и продвижения служилых и «охочих» людей на Амур, возник вопрос о границе с Китаем. Разрешение этого вопроса и было поручено посольству Головина. После длительных переговоров с уполномоченными китайского правительства, 25 августа 1689 г. был заключен Нерчинский трактат, определивший восточную границу с Китаем. По этому трактату рубежом между двумя государствами была признана р. Горбица, впадающая в Шилку с левой стороны; от верховьев Горбицы граница шла по Становому хребту до самого моря. Границей была признана также р. Аргунь. Земли по левую сторону ее отходили к России, а по правую — к Китаю.

Город Албазин, построенный русскими на левом берегу Амура, подлежал уничтожению, а пребывавшие там люди вывозились на русскую сторону. Беглецы, перебежавшие до заключения Нерчинского договора во владения России или в Китайские земли, оставались там «безрозменно». В дальнейшем беглецов с обеих сторон должны были без промедления отправлять пограничным воеводам. Нерчинский договор разрешал русским и китайцам производить между собой торговлю по проезжим грамотам.

Нерчинский трактат 1689 г. зафиксировал закрепление Забайкалья под властью России, хотя вопрос о южной границе оставался еще неразрешенным вплоть до 1727 г. По Нерчинскому трактату установление границы к западу от устья Амура было отложено «до иного благополучного времени».

Поиски «новых неясачных землиц» прекратились. Царское правительство стремится теперь укрепить свою власть в завоеванных землях, колонизовать их, организовать ясачно-податную эксплоатацию местного населения. Еще продолжалась «шатость» со стороны бурят, эвенков, монголов. В конце XVII в. многие «ясачные люди» в Забайкалье пла-

[1] Материалы Комиссии Куломзина для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области, вып. V Приложения, 22, стр. 17.

тили ясак не по окладу, а «повольно» (по желанию). Нередко они отказывались подчиняться воеводской администрации, откочевывали подальше от острогов или уходили в Монголию. Не прекращались и набеги монгольских тайшей и разнообразные пограничные инциденты, но они уже не имели прежних размеров. Войны Китая с ойротским контайшей Галданом (1686—1697 гг.), в которые были вовлечены и монгольские князья, потребовали большого напряжения сил, отвлекая этих князей от Забайкалья. Эти войны и внутренние распри между монгольскими князьями, разорявшие улусных людей, стали вместе с тем своеобразным барьером, препятствовавшим перекочевкам бурят в Монголию. Наоборот, развивалась тяга из Монголии в Забайкалье. Таким образом международная обстановка на Дальнем Востоке благоприятствовала закреплению Забайкалья под властью России. В то время как соседи ее были заняты военными неурядицами, в ней при Петре I (1682 — 1725 гг.) укреплялась империя помещиков и купцов, одной из частей которой являлась Сибирь.

Ясак и «поминки»

Царское правительство, совершая завоевание Сибири, рассматривало народы обширного края как своих данников, «взятых и покоренных в ясачный платеж из-за меча войною. Малейшее колебание в уплате ясака, исполнении приказов воевод и других агентов царской власти считалось «шатостью», «изменой» и жестоко каралось. Все средства разрешалось употреблять при собирании ясака, начиная с «подарочной казны», угроз, захвата аманатов, кончая характерным приказанием «промышлять всякими обычаи, сколько милосердный бог помочи подаст, чтоб их войной смирить». Непокорным воеводы угрожали: «А будет они, братские люди, учинятца государю непокорны и непослушны, ясаку с себя и с улусных своих людей платить не учнут и под государевою высокою рукой в вечном холопстве быть не захотят, и на них, братских людей, прося у бога милости, воевода Дмитрий Андреевич Францбеков да диак Осип Степанов будут они сами, собрався со многими большими ратными людьми, и велит их всех побивати и вешати и разоряти, и повоевав до основания, жен их и детей в полон возьмут».[1]

Сибирские воеводы наделялись царским правительством почти неограниченными полномочиями: им предписывалось в случаях, не предусмотренных царскими указами, действовать «по высмотру, как бог вразумит», т. е. по своему произволу. Собирая ясак для царской казны, воеводы, приказчики, дьяки, начальники отрядов, служилые люди добивались и своих собственных «прибытков», которые нередко заранее санкционировались воеводами. В 1645 г. против эхиритов и булагатов отправился отряд, получивший от воеводы следующее предписание: «А что они, Алексей и Курбатко, и Васька, с служилыми людьми на братском погроме всяких их братских животов и лошадей и скота всякого рога-

[1] Наказная память воеводы Дмитрия Францбекова (1648). Колониальная политика Московского государства в Якутии. Сборник документов. Л., 1936, стр. 53.

того возьмут, и тем погромным их братским животом и скотом государь пожаловал за службу их служилых и охочих промышленных людей».

Погромы бурятских улусов упомянутым «Васькой» — атаманом Васильем Колесниковым — стали принимать такие размеры, что угрожали совершенно разорить «ясачных плательщиков». Улусные люди князьца Чекодея платили ясак в Верхоленский острог. Между тем Колесников, добравшийся со своим отрядом до устья Оки и построивший

Рис. 10. Сбор ясака.
(Рисунок из „Кунгурской летописи", вторая половина XVII в.).

там острожек, стал требовать новый ясак. Во время своих набегов отряд Колесникова «князьцы Чекодея и его улусных людей повоевал и разорил, жены и дети поймал и скот отгонил». Даже соратник Колесникова Курбатко Иванов, боявшийся потерять плательщиков ясака, был вынужден жаловаться: «Те братцкие люди с Осы с Укичи (вероятно Унги,—*Ф. К.* с его Васькина разоренья, разбежались и ясака в Верхоленский острог не дали».[1]

[1] Дополнения к актам историческим, т. III, № 4.

На почве дележа военной добычи происходили столкновения между самими служилыми людьми. Енисейский острог соперничал с Красноярским и Якутским, Осинский с Верхоленским и т. д. Едва одни служилые люди успевали собрать ясак, как приходили другие, и начинались снова поборы.

Верхоленские и осинские буряты жаловались, что к ним «от одного государя» «приходят двои люди».

Сначала собирали ясак верхоленские служилые люди, затем «другие люди от тебя ж, государя, пришодши на них войною побивают и жен их и детей в полон емлют, и скот и лошади отгоняют, и им де как под твоею государевою высокою царскою рукою быть. Хотя де, государь, их две доли на боях побьют, а третья де доля останется, и тогда де не что с их, братских людей, на тебя, государя возьмут». [1]

Способ действия в «новых землицах» не был однообразен, было бы слишком примитивно представлять его сплошным «погромом». Там, где встречая «больших братов», служилые люди не чувствовали себя достаточно сильными, они вынуждались действовать «бережно и усторожливо». Начальники острогов и военно-разведочных экспедиций стремились привлечь на свою сторону бурятских князьцов, обещая им «государево жалованье». Боязнь, чтобы «государем не учинилась в ясачном сборе поруха большая и недобор» в результате восстаний, побегов, полного разорения «ясачных плательщиков», охлаждала до некоторой степени «соболиную горячку», заставляя агентов царской власти принимать меры против начальников, подобных Ивану Похабову, Василию Колесникову и другим, хотя эти мероприятия и не устраняли самой системы административного произвола. Да и такие люди действовали различно в зависимости от окружающей их обстановки: как известно, Иван Похабов, встретив в Забайкалье значительные группы бурят, был вынужден действовать «ласкою и приветом», ограничившись обменом подарками с князем Турухай-Табуном и сбором сведений о серебряной руде. Между тем, тот же Похабов, будучи в 50-х годах XVII в. управителем Балаганского острога, «жесточью и правежем» (жестокостями и пытками) возбудил против себя как бурят, так и русских.

Завоеватели использовали противоречия между бурятскими князьцами и их киштымами, а также внутреннюю борьбу среди бурят. Эвенки, платившие ясак бурятским князьцам, были проводниками служилых людей и участниками походов в Бурятскую землю. Внутренняя борьба среди приангарских бурят в 1626—1630 гг. настолько ослабила их, что они были вынуждены давать ясак «без войны». В 1929 г. эвенкийские князьцы Сойт и Тымэк рассказывали служилым людям: «В Братской де землице теперво нет ни большево, ни меньшево, потому что де мы у них убили большево князьца, а у них де ныне война промеж собою третий год. А на братских де людей мы итти войною готовы». [2]

---

[1] То же.

[2] Архив Академии Наук СССР, фонд 21, опись 4, дело 17 (списки Томского архива, ч. I, № 86).

Между тем до этой войны «промеж собою», буряты совершали набеги на другие племена, собирая с них ясак, а в дальнейшем эти племена выступали против бурятского засилия.

Во второй половине XVII в. бывшие противники не раз становились союзниками. Русские и буряты вместе отражали набеги монгольских ханов и тайшей. Наконец, как мы увидим ниже, происходили совместные выступления бурят, эвенков и русских против произвола царской администрации.

Главным стимулом завоевания «новых землиц» и закрепления их под властью московского царя был ясак. С бурят он собирался пушниной и скотом. Единицей измерения ясака был соболь. Стоимость всех объектов ясачного сбора переводилась на стоимость того или другого количества соболей. Кроме соболя, бывшего главным предметом ясачного платежа, ясак собирали бобрами, выдрами, горностаями, лисицами, рысью, белками, россомахами, волчьими, медвежьими, лосиными, оленьими шкурами, лошадьми и рогатым скотом.

Для податного ясака устанавливается особый «соболиный оклад», не отличавшийся, однако, достаточной определенностью. Сбор его производился различно: то с улусов, то с человека, то по родам. Им облагались все мужчины от 18 до 50 лет. Малолетние платили половину. В Восточной Сибири ясачный оклад колебался от 2 до 6 соболей с человека в год. Иногда он был и выше, смотря по зажиточности, семейному положению, богатству местности пушниной. Фактически же «ясачные плательщики» были вынуждены сдавать ясак значительно больше установленного оклада. С них собирали еще так называемые «поминки государевы, воеводские и дьячьи». Формально они считались «добровольными подарками» царю, воеводам и дьякам, фактически же отличались от ясака только тем, что не имели определенного оклада. В начальный период завоевания Сибири между ясаком и «поминками» была еще какая-то грань. По характеристике проф. Бахрушина «ясак — это подать, установленная законом, уложенная, принудительная в отличие от добровольного приношения — „поминков". Ясак — по преимуществу дань, которую платят покоренные победителю; он является поэтому признаком подданства... Такой характер ясака чувствовался и сознавался туземцами Сибири очень определенно. Часто соглашаясь платить дань в виде поминков, они отказывались давать ту же дань в виде ясака».[1] Фактически поминки вносились под угрозой «погрома» в местностях, еще не завоеванных окончательно, или являлись формой натуральной уплаты за «подарочную казну». Установление же ясачного оклада считалось признаком завоевания «новых неясачных землиц». После завоевания принципиальное различие между ясаком и поминками по существу стиралось, и последние являлись фактически приплатой к ясачному окладу. Это обстоятельство можно хорошо проследить, например, по ясачным «приправочным» книгам Илимской воеводской приказной избы. Эвенки, жившие в Нижнеилимской волости, платили поминки одновре-

[1] Проф. С. В. Бахрушин. Ясак в Сибири в XVIII веке. Журн. «Сибирские огни», Новосибирск, 1927, стр. 96.

менно с ясаком, причем характерно, что не только за ясак, но и за поминки взыскивалась недоимка. Количество платежа увеличилось еще от произвольной оценки «мягкой рухляди» сборщиками и от уплаты по раскладке за выбывших. В результате накапливалась большая недоимка.

В 1703 г. эвенк Телько Бурухин со своим сыном имел оклад ясака в 5 соболей и взнос поминок в 1 соболь. Между тем с него взыскивали еще недоимку за 19 предыдущих лет — 71 соболь.[1] Сборщики ясака занимались вымогательством и в свою пользу. В совокупности получалась сумма, далеко превышавшая установленный ясачный оклад.

Одновременно со сбором ясака производилась и скупка пушнины для казны. Для привлечения местных князьцов к большему взносу пушнины их поили «государевым горячим вином», давали подарки. В 1682 г. нерчинский воевода Воейков писал енисейскому воеводе, прося о присылке «подарочной казны», так как «приезжают в Нерчинск ясачные князьцы разных родов и бьют челом о подарках». Они просили сукна, котлы, топоры, ножи, огнивы, удила. Сборщикам не разрешалось покупать соболей для себя и торговать своими товарами, особенно так называемыми заповедными (оружием, вином, табаком). До окончания ясачного сбора торговцам и промышленникам запрещалось скупать пушнину. Но эти запрещения фактически обходились и служилыми людьми и торговцами.

Торговля сделалась монополией царского правительства, отправлявшего через своих агентов «государевы товары для покупки соболиной», а также через служилых людей и купцов, получавших особые «проезжие грамоты». Царская администрация приказывала эвенкам, которые вели меновую торговлю с бурятами, продавать пушнину, оставшуюся после уплаты ясака, исключительно «государевым торговым и промышленным людям». Приказывалось, чтобы эвенки «в иные землицы, в браты и монголы, тою мягкою рухлядью не торговали, и из государевой земли той своей рухляди в чужую землю не отвозили». Из предметов русской торговли в Восточной Сибири в XVII в. известны: сукна, холст, кумач, миткаль и другие материи, прядево неводное, котлы, медные тазы, железо и медь для различных поделок, ножи, топоры, огнивы, удила, косы-горбуши, сошники, соль, вино, табак[2] и пр. Со стороны бурят и эвенков главными товарами были: пушнина, лошади, крупный рогатый скот, овцы, верблюды. Преобладала меновая торговля, но постепенно развивалась и денежная. Деньги упоминаются в числе предметов, присылаемых в Сибирь для «покупки соболиной».

Монополистический характер торговли открывал широкий простор для торгово-ростовщической эксплоатации сибирского населения купцами и агентами царской власти путем чрезмерных цен за продаваемые ими товары, обмана, вымогательства, спаивания, ростовщического кредитования.

В этом отношении характерно, например, следующее сообщение иркутского воеводы Шишкина тайше Кудинского ведомства Барчихтою

[1] Исторический архив Иркутской области. Фонд Илимской воеводской приказной избы, дело № 53, Ясачная «приправочная книга».

[2] Там же, Таможенные книги за 1658—1667 гг.

Халиханову в 1703 г.: «В челобитной твоей написано: приезжают де к вам промышленные люди и пашенные крестьяне и привозят с собой всякие товары и теми своими товары и табаком они промышленные и гулящие люди и пашенные крестьяне вас опромышляют, белки и иную мягкую рухлядь покупают до сбору вел. г-ря ясаку, и вы де от того табаку пропиваетися и стали вы скудны, и великого государя ясак промышлять нечем». [1]

Ясырь

Собирая ясак, захватывая пушнину, скот и другое имущество во время набегов на бурятские улусы, агенты царской власти посягали и на личность покоряемых. При набегах захватывался ясырь (пленные), брались аманаты (заложники) в обеспечение уплаты ясака и других требований. За аманатов приходилось уплачивать выкуп.

Захваченные пленники, если их не выкупали родственники, фактически обращались в рабов. Их продавали не только в Сибири, но и «вывозили на Русь». Об этом говорит нам грамота 1649 г. енисейскому воеводе Федору Полибину, в которой читаем: «Посылаютца из Енисейского острогу на нашу службу на Байкал озеро енисейские служилые люди, и привозят в Енисейский острог с Байкала озера братских людей полонеников мужской пол и женской, и в Енисейском остроге тех полоненников продают торговым и промышленным людям, и торговые и промышленные люди покупают тех полоненников и, записав в таможне, вывозят на Русь, в съезжей избе купленных людей никого не объявляют». [2]

Служилые, промышленные и торговые люди захватывали бурятских женщин, совершали над ними насилия, продавали их. По свидетельству одного из документов XVII в., люди эти «насильством женок, девок и ребят имали и у себя держали». В 1683 г. тобольский и сибирский митрополит Павел писал игумену Троицкого Селенгинского монастыря: «Даурские многие жители... живут... с некрещеными иноземками блудно беззаконством, ребят приживают, и прожив с ними, тех иноземок продают, а себе для блудного беззаконного дела иных некрещеных иноземок покупают». Енисейский воевода Голохвастов отдавал «зерни и корчмы и безмужних жен на блуд и от того откупу брал себе рублев по 100 и больше».

Характерно, что способом закрепощения было насильственное крещение в православие, т. е. «крещение в неволю». Крещеные пленники не возвращались в родные улусы, а закрепощались за своими «крестными», которые могли даже продавать их.

Известны вкладные в Троицкий Селенгинский монастырь, когда в качестве вкладов фигурировало не только имущество, но и люди. Например, в 1701 г. нерчинский казак Плотников положил в монастырь «вкладом за сто рублей денег купленного своего дворового

---

[1] Сборник материалов по истории Бурятии XVIII и первой половины XIX в., вып. 1, под ред. В. П. Гирченко. Верхнеудинск, 1926, стр. 1—2.

[2] Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653—1726 гг.). Казань, 1875, стр. 12.

парня мунгальской породы, крещеного именем Митку, с женою ево Мариною да с дочерью ево Миткиною девкою в вечно». Сам Плотников взял этого Митку по «закладной кабале» от приказного Свечникова. В этой закладной читаем: «А в тех заемных деньгах заложил и подписал громленого (взятого в плен,—*Ф. К.*) своего мунгарские породы парня именем Дашей, а по крещении... Мина... А буде я... денег по сей закладной на год в срок не заплачу, и после сроку по сей закладной кабале ему Агапиту тем моим парнем Миткою вольно самому вечно владеть и на сторону продать и заложить».[1] Таким образом «крещеных в неволю» могли продавать и закладывать.

В списках «холопных» и «пашенных» крестьян Троицкого Селенгинского монастыря упоминаются «новокрещеные» мунгальской породы. Они получали русские имена и фамилии («Константин Максимов, сын новокрещеной», «Тимофей Дмитриев сын Тунгусов», «Степан Глуховцев, мунгальской породы, новокрещен» и т. д.), но были бурятами, эвенками, «крещеными в неволю».[2] Одни из них становились монастырскими холопами, непосредственно работавшими в монастырском хозяйстве, другие «пашенными крестьянами», которые, имея свое хозяйство, должны были вместе с тем платить монастырю оброк и отбывать различные повинности. И те и другие были закрепощены за монастырем. Православная церковь, тесно сросшаяся с крепостническим государством, выступала и в Сибири носительницей крепостнических приемов эксплоатации.

В процессе своего распространения «крещение в неволю» входило в противоречие с интересами царского правительства. «Крещеные» изолировались от своих соплеменников, отрывались от их хозяйственной жизни. В результате они уже не выплачивали ясака в царскую казну. Таким образом крепостническое государство теряло своих плательщиков ясака. «Крещеные» совершали также побеги и боролись против закрепощения. Учитывая это, царское правительство ограничивает, а затем запрещает «крещение в неволю».

По указу 1733 г. предписывалось: «Которые ясашники невольно побраны и распроданы, и с тех, кои не приняли веры христианской и греческого исповедания и не крещены, отпускать в прежние места, а которые ж крестили, таким дается свободное жительство в городах и уездах между крестьянами собою и у кого хотят».[3] Но фактически этот указ выполнен не был и понадобился новый, изданный в 1744 г. Лишь в 40-х годах XVIII в. «крещение в неволю» исчезает. Однако насильственное крещение в православие и закабаление улусных людей путем ростовщичества имеют место и в дальнейшее время.

---

[1] Там же, стр. XXVII.

[2] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Троицкого Селенгинского монастыря.

[3] Читинский областной архивный отдел. Фонд Нерчинской воеводской канцелярии, дело № 4.

Глава III

ВОССТАНИЯ БУРЯТ В XVII в.

Восстания в первой половине XVII в.

Если началом завоевания бурят считать первые походы казаков в Бурятскую землю в 20-х годах XVII в., а завершением — Нерчинский договор 1689 г., определивший восточную границу с Китаем, то оно продолжалось свыше 60 лет. За этот период и позже буряты не раз волновались и восставали. Эти восстания были вызваны «погромами», грабежами и насилиями, порабощением ясыря и чрезмерными поборами со стороны агентов царской власти.

Когда та или другая местность считалась уже покоренной, устраивались укрепленные зимовья и остроги, заводились небольшие пашенные заимки, собирался ясак; острожная администрация и подчиненные ей служилые люди чувствовали себя господами положения. Но вдруг, неожиданно для завоевателей, поднималось восстание. Восставшие убивали или изгоняли из своих улусов сборщиков ясака, отказывались платить его, вытесняли служилых людей со своей земли и осаждали остроги. [1]

В 40-х годах XVII в. происходит несколько восстаний среди верхоленских и приангарских бурят. Во главе их стояли князец Булуй, брат его Бура и «мужик» Чокора. Ближайшими поводами к восстаниям являлись «погромные» набеги на бурятские улусы отрядов пятидесятника Курбата Иванова и атамана Василия Колесникова.

В 1644 г. Курбат Иванов неожиданно напал на улусы князьца Толгая и после схватки с бурятами разгромил «40 юртов» и захватил 70 человек ясыря. Возбужденные этим нападением ангарцы соединились с верхоленскими бурятами и напали на Верхоленский острог. Они осадили его и отбили скот, захваченный служилыми людьми.

В 1645 г. поднялось новое восстание, охватившее значительную часть эхиритов и булагатов. Восставшие прекратили ясачный платеж и три раза «ходили войною» на Верхоленский острог.

«Приходят братские люди под острог войною, — доносили служилые люди, прося о подкреплении, — на конях, збруйны, в куяках, в шишаках, а бой у них лучной и копейной и сабельной, а те де браты, которые приходят войною, живут своей землицей по левую сторону

[1] Восстания бурят-монголов в XVII в. описаны в книге А. П. Окладникова «Очерки из истории западных бурят-монголов» (Л., 1937).

Ангары реки, возле Байкала озера, от Верхоленского острожку живут близко и до большого улусу всего три дни конной езды, а смута у них и измена учинилась оттого, как их разгромил атаман Васька Колесников с служилыми людьми».[1] Начальники служилых людей, теперь уже не решались отправлять их в бурятские улусы. Курбат Иванов со своим отрядом был вынужден «сидеть в осаде», попустившись военной добычей: лошади и рогатый скот верхоленского гарнизона были отогнаны бурятами, которые «острог облегли кругом». Восставшие собирались итти на устье Куты (притока Лены), чтобы «дороги залечи» и не пропускать служилых людей.

На помощь осажденным в Верхоленске был отправлен отряд служилых и промышленных людей из Илимского острога. Они встретились по дороге к Верхоленску с отрядом бурят в 500 человек. Произошел бой, во время которого обе стороны понесли большие потери. «После тово бою, — сообщал Курбат Иванов, — сын боярской Алексей Бедарев, укрепяся накрепко, с ратными людьми пошел в острог, а братские люди с того ж бою воротились в свои улусы». Видя, что осажденным идет подкрепление, бурятский отряд был вынужден снять осаду. Илимцы, соединившись с верхоленцами, совершили два похода против восставших, «улусы погромили и взяли скот и ясыря».

Булуй, Бура и Чокора, считавшиеся главными «завотчиками» восстаний, были захвачены как аманаты. Енисейский воевода Федор Головин отправил в Верхоленский острог «Статейную речь», которую было приказано зачитать «братских людей Икирежского улусу аманатом Булую да сипугайскому мужику Чокору». Воевода перечислял бурятские восстания и угрожал аманатам от имени царя: «Довелись быловы по государеву указу за ту свою за многую измену разоренья большово, а ты, Булуй, и брат твой Бура довелись и смертной казни, повесить, для того, что тому всему дурному делу и измене завотчики, и иных братских людей научали вы, Булуй и брат твой Бура».[2]

Однако казнить «завотчиков» воевода не решался, боясь новых волнений среди бурят. Булую и Чокору было приказано дать «прямую шерть» (присягу) за себя, своих родственников и улусных людей о «прямом холопстве» царю и уплате ясака «по вся годы». Булуй и Бура поочередно должны были жить, как аманаты, в Верхоленском остроге; им было обещано в это время «государевым жалованьем кормить довольно». «Статейная речь» заканчивалась угрозами беспощадной расправы в случае «измены». Несмотря на угрозы и погромы, восстания продолжались. Весной 1646 г., когда Алексей Бедарев и Курбат Иванов отправились в Ленский волок с соболиной казной и аманатами, буряты снова напали на Верхоленский острог и «что было у служилых людей скота, коней и коров, и все отгонили».

Ленский воевода Василий Пушкин послал против восставших ратных людей. Они погромили Сипугайские улусы и улусных людей

---

[1] Дополнения к актам историческим, т. III, № 4.

[2] Колониальная политика Московского государства в Якутии. Сборник документов. Л., 1936, стр. 230.

князьца Содока. Когда служилые люди, захватив добычу и пленных, возвращались в острог, на них внезапно напал бурятский отряд, имевший до 2000 человек. В схватке было убито 17 и ранено 10 служилых людей. Буряты отбили лошадей, коров и овец, захваченных во время набегов. Отряд Бедарева едва вырвался из окружения и пробился к Верхоленскому острогу.

В 1649 г. буряты, «скопясь со многими воинскими людьми», пытались захватить Верхоленский острог. Подойдя к Верхоленску, они убили и ранили несколько служилых людей, заняли подострожные заимки, подожгли сено и хлеб, одновременно они напали на Тутурский острог, угрожали Усть-Куту и Илимскому острогу. Для помощи верхоленцам в Илимске был собран отряд из служилых и промышленных людей, отправленный против восставших, чтобы «смирить их войной». Дойдя до Верхоленска, ратные люди не нашли повстанцев, так как они «остереглись и разбежались». Лишь спустя несколько время они были приведены в «государев ясак» «грозою и ласкою».

Балаганское восстание 1658 г.

Из управителей острогов Восточной Сибири выделялся своими жестокостями Иван Похабов, управлявший в 50-х годах XVII в. Братским и Балаганским острогами. На него поступали многочисленные жалобы от бурят, эвенков и русских. «В 1657 году, — пишет Фишер, — сделался он управителем в Балаганске и управлял так бесчеловечно, что россияне, буряты и тунгусы великие на него жалобы приносили. Особливо с бурятами поступал столь жестоко, что они толпами бежали к монголам и землю почти пустым местом делали».[1] Похабов представлял собою типичную фигуру того времени, выросшую на почве бесправия народных масс и административного произвола, царившего в феодально-крепостнической России.

От притеснений со стороны Похабова и его приближенных страдали как «ясачные иноземцы» (буряты, эвенки), так и русские (пашенные крестьяне и мелкие служилые люди). «Иван Похабов чинил нам великие обиды и всякие насильства, и во всем изгоняет и утесняет и женишек и детей емлет к себе на постелю сильно для блуда, и нас, ясачных иноземцев, бьет и мучит, и животы наши грабит и всякими средствами угрожает»,[2] — жаловались буряты. Похабов эксплоатировал и продавал «громленых холопов», т. е. пленников, захваченных во время набегов на бурятские улусы. Русских он закабалял путем ростовщичества и прямого принуждения давать «кабальные записи». Похабов и его «ушники» били батогами и плетьми, сажали в колодки «ясачных иноземцев», пашенных крестьян и мелких служилых людей, «вымучивая» с них пушнину, скот, хлеб и другие пожитки. Грабежи и насилия приводили их в отчаяние и вызывали побеги от «мучителей и ра-

[1] И. Э. Фишер. Сибирская история. СПб., 1774.
[2] К истории Бурятии в XVII в. Красный архив, № 3 (76), 1936, стр. 184.

зорителей». «Брести розно» — эта форма протеста против социального гнета была распространена во всей крепостнической России. Широкий размах она принимала и в Сибири. Действия Похабова начинали беспокоить даже отдельных представителей острожной верхушки, состоявшей, кроме управителя (приказчика), из приказных, казачьих начальников и священника: они опасались лишиться объектов эксплоатации из-за побегов пашенных крестьян и ясачных плательщиков. Священник обратил внимание Похабова на чрезмерные мучения крестьян и сказал ему, что они «кормят и попа и приказчика». Похабов ответил: «Батюшко, после де меня — хоть трава не расти, ныне де я был, сыт был, а после меня хотя и не было».[1]

Ставленик Похабова, Арефка Фирсов, действовал подобно своему патрону. Назначенный приказчиком на Кежемскую заимку и в верховые деревни, он бил крестьян батогами, кнутом и «в холоде мучил». Собирая хлеб для Ивана Похабова, Фирсов вымучил почти все хлебные запасы у пашенных крестьян. В качестве натуральной повинности крестьяне пахали, кроме своей («собинной»), «государеву десятинную пашню». Сдавая собранный на ней хлеб в казну, Фирсов однажды, когда он наблюдал за молотьбой, пустился с целью вымогательства с крестьян на провокацию: он отрывал хлебные колосья и подбрасывал их на гумно среди измолоченного уже хлеба. Затем Арефка придирался к крестьянам, что они плохо молотят казенный хлеб, оставляя колосья. Эта провокация была поводом для избиения крестьян и вымогательства у них хлеба и пожитков.

Ненависть к Похабову и его ставленникам все росла и росла. Однажды произошла ссора казаков с Похабовым на почве его отказа принимать ту «мягкую рухлядь», собранную в качестве ясака, которую он считал плохой. Дело дошло до драки между казаками и «дворовыми людьми» Ивана Похабова. «Меж дворовыми ево людьми и казаками случилась драка и ножевое резанье и сабельное сечение», — рассказывали крестьяне. Свирепый управитель, стремясь учинить расправу с казаками, отправил толмача в бурятские улусы и посланцев к пашенным крестьянам, приказывая им «служилых людей бить и имать и в тюрьму сажать».

Несмотря на угрозы Похабова бить кнутом, ни буряты, ни русские не пошли против служилых людей; взаимные обиды и счеты отошли на задний план, всех объединила общая ненависть к царскому сатрапу.

5 июня 1658 г. ясачные и пашенные крестьяне подали челобитные на Похабова. Через 9 дней на него же били челом и служилые люди. Буряты в своей челобитной жаловались на «великие обиды и насильства», творимые Похабовым, и в заключение просили: «Из Брацкова острогу тово приказново человека Ивана Похабова переменить и про то ево всякое насильство и про многие обиды и про грабеж обыскать всяких чинов людьми и по тому обыску вели, государь, с ним Иваном

---

[1] Цит. по: А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937, стр. 101.

Рис. 11. Насильственное крещение бурят-монголов в 1658 г. балаганским воеводой, Иваном Похабовым, в р. Ангаре.
(Фот. с картины худ. Окладникова).

милостивый свой государев царский указ и оборон учинить, чтоб нам твоего государева ясачного платежу не отстать и от брацкого острогу не отбыть, в ясачном недоборе в твоей государевой пене и в жестоком наказанье не быть и до конца не пропасть».[1]

Насилия со стороны похабовцев продолжались. В результате русские крестьяне стали бегать от насильников, — «бежали врозь покиня домы и жен и детей своих». Буряты же подняли восстание и совершили массовый побег.

В напряженной обстановке всеобщего недовольства произошли события, явившиеся ближайшим поводом к восстанию.

Служилые люди, посланные помощником Похабова Шадриковым в бурятские улусы, учинили там буйство и начали драку. Вернувшись в Балаганский острог, казаки, сами виновные в буйстве и драке, стали жаловаться на бурят. Шадриков распорядился тогда привезти на приказный двор одного из улусных людей Бодая и бил его нещадно батогами. Кроме того, Шадриков заставил избитого Бодая отдать ему овцу. Решив отомстить за обиды, Бодай и его брат убили Ивана Байкала, служившего толмачем у Шадрикова. Это был вызов, брошенный похабовцам. Буйство посланцев Шадрикова, избиение Бодая, перспективы новых репрессий за убийство толмача были последними каплями, переполнившими чашу народных обид.

Восстание начали буряты, жившие по Унге. Они захватили лошадей и рогатый скот, пасшийся под Балаганским острогом, покинули родные улусы и, взяв свои пожитки и угоняя скот, бежали «в мунгалы».

Тяжело было покидать «породные земли»; лишь боязнь новых жестокостей и полного разорения от насилий свирепого Багаба-хана и его приспешников заставила балаганских бурят решиться на этот шаг. Верхоленским князьцам Багую, Седую и Камкаю, отправленным в помощь казакам для розыска бежавших, «беглые ясачные люди» рассказывали, заливаясь горькими слезами, что их заставила бежать «великая десмертная обида от приказных людей, от Ивана Похабова... и от тех де приказных людей и от их насильства разбежались по нужде, что забоялись страху и грозы».

К унгинцам присоединялись окинские буряты. Побег последних ускорили разнообразные слухи о расправе Похабова с их унгинскими соплеменниками. Говорили даже, что Иван Похабов «ясачных людей хочет всех побить». Ночью 28 июня 1658 г. окинцы также бежали «в мунгалы». Похабов, отправившийся со своими служилыми людьми в погоню за бежавшими, нашел на месте прежних кочевий только решетки для войлочных юрт, арбы, сумки «и по Унге проса посеяна». Угроза побега «в сторонние улусы», о которой буряты не раз заявляли царской администрации, была осуществлена. Некоторые из бежавших говорили встречным эвенкам, что вернутся через три года, когда ожидалась смена Похабова, как управителя.

---

[1] К истории Бурятии в XVII в. Красный архив, № 3 (76), 1936, р. 184.

Иван Похабов после возвращения с Унги не решился посылать казаков в новую погоню. Напуганный восстанием он заперся с служилыми людьми в Братском остроге и стал просить подкрепления у енисейского воеводы. Последний отправил в Братск 150 служилых людей под начальством сыновей боярских Ивана Максимова и Якова Турчанинова «для выручки тех острогов и для оберегания пашенных крестьян и для промыслу над иноземцы». Кроме того, им было поручено выяснить вопрос о причинах побега «ясачных людей». Первое задание выполнять не пришлось, так как буряты уже покинули места, примыкавшие к Братскому и Балаганскому острогам. Во время же допроса о причинах побега служилые люди заявили, что главным виновником является Похабов, творивший насилия и угрожавший бурятам новыми расправами.

Поиски беглецов в конце 1658 и в начале 1659 г. не увенчались успехом, — «ясачных людей никово не сыскали и нихто не объявился». Удалось задержать только немногих отставших беглецов, которые рассказали, что их соплеменники «отбежали в Мунгальские степи».

Побег ясачных плательщиков приносил ущерб царской казне. Из Москвы пришел приказ о смене Похабова и отправке его в Енисейск для следствия и наказания. Однако пронырливый Багаба-хан сумел избавиться от всякой кары.

Преемники Похабова ничему не научились; они продолжали грабежи и насилия. В результате в 1660 г. происходит новый побег. Перебив посланных к ним ясачных сборщиков, буряты бежали со своими стадами «в мунгалы». Балаганская степь опустела. Сын боярский Яков Похабов (однофамилец Ивана Похабова), посланный в 1661 г. для поисков беглецов, доносил: «И я холоп твой, Якушка, собрав служилых людей и старых годовальщиков и пашенных крестьян и детей их и охотников, поднялся из нижнего Братского острогу в верхней в Балаганский острог. . ., и в Балаганском отнюдь нет ни единого человека, ясачные люди все разбежалися за камень в Мунгальскую землю».[1]

Лишь немного позже Балаганская степь заселяется снова выходцами из кудинских, верхоленских, идинских бурят. Пришлось возвратиться из Монголии и беглецам, измученным насилиями со стороны монгольских феодалов. После тяжких испытаний на чужбине перспектива побега «в мунгалы» не была уже заманчивой.

В этом отношении очень характерен ответ бурятского князьца Икея посланцам одного из монгольских тайшей, предлагавших в 1669 г. «в мунгалы бежать»: «Не иду де я в Мунгалы и умру де я в своей земле».[2]

Братское восстание 1696 г.

В конце XVII в. борьба «ясачных мужиков» против царской администрации принимает новые формы: они выступают во время народных волнений и восстаний как союзники русских крестьян, посадских

[1] Дополнения к актам историческим, т. IV, № 80.
[2] Цит. по: А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937, стр. 136.

и мелких служилых людей. Причин и поводов для этих выступлений было достаточно.[1]

В Сибири не было помещиков, но общий гнет со стороны крепостнического государства, усиленный произволом его местной агентуры, сказывался и здесь. Сибирские пашенные крестьяне обременялись повинностями и казенными сборами. Они пахали государеву десятинную пашню. В Илимском уезде за каждые четыре десятины собственной пашни крестьяне обязывались пахать две десятины государевой. Они жали, молотили «государев хлеб» и доставляли его в казенные амбары. Некоторые за десятинную пашню платили годовой оброк отсыпным хлебом. «Тягла на нем десятина ржи, десятина ярового, — читаем в «Окладной книге илимских пашенных крестьян» за 1687 г., — а за ту пашню платит он годовой оброк по две четверти с полуторою осминою с четвериком с полчетвериком ржаного».[2] За «лишнюю пашню», превышающую размеры десятинного тягла, брали в казну «пятый сноп». Крестьянам приходилось также платить за «оброчные статьи»: покосы, рыболовные угодья и пр.; с них собирали поворотные, уздяные, седельные и другие деньги.

Кроме общественных, существовали мирские сборы и повинности. Они шли на содержание местной администрации, канцелярские расходы, казенные постройки. Крестьяне строили казенные винокурки, солеварни, кабаки, хоромы для приказчиков и приказных людей, доставляли дрова и различные материалы, отбывали подводную гоньбу. Крестьянин, как мы знаем, «кормил и попа и приказчика», — и тот и другой получали натуральные доходы.

Различными поборами и повинностями были обременены также жители острогов и городов — посадские, подавляющее большинство которых состояло из ремесленников («работных людей»), ямщиков, мелких торговцев и хлебных оброчников.

В атмосфере бесправия народных масс тяжесть этих повинностей и сборов усугублялась взятками, вымогательствами, насилиями со стороны царской администрации, ростовщической кабалой. В роли ростовщиков выступали: царская казна, с лихвой получавшая за ссуду («подмогу») переселенцам в Сибирь, казенные и частные «слободчики», приказчики и другие представители местной администрации, откупщики (винный и другие откупа) и купцы, пользовавшиеся ее покровительством.

К концу XVII в. значительно изменилось положение мелких служилых людей: после завоевания Сибири прекратились их прежние «прибытки», состоявшие преимущественно из военной добычи; закончились частые походы в «новые землицы». «Казакам приходилось обращаться в оседлых поселян... Период бродячей жизни закончился».[3] Часть из них состояла на действительной службе, получая «государево

---

[1] Ф. А. Кудрявцев. Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII в. Иркутск, 1939.

[2] Исторический архив Иркутской области. Фонд Илимской воеводской приказной избы, дело № 33.

[3] Васильев. Забайкальские казаки, т. I. Чита, 1916.

денежное, хлебное и соляное жалованье». В Илимском уезде, например, служилые люди «пешей казачей службы» получали ежегодно «денег пять рублев, хлеба две четверти полтора осмин ржи, две четверти овса. полтора пуда соли».[1] Казаки, находившиеся в запасе («беломестные»), наделялись пашенной землей и сенными покосами. Служилые люди стали заниматься сельским хозяйством, промыслами и ремеслами, мелкой торговлей. Произвол царской администрации обрушивался и на казаков: воеводы, приказчики и другие начальники присваивали себе часть «государева жалованья», задерживали его выдачу, совершали злоупотребления при отводе земли, издевались над ними. Приказчик Нерчинского острога (1673—1676 гг.), сын боярский Павел Шульгин, приказывал бить казаков батогами, давил их налогами, скупал хлеб, привозимый из Братского острога, и продавал его по дорогой цене. Между тем денег у казаков не было. В результате они стали «нужны и бедны и умирали голодною смертью».[2] Измученные казаки отказались повиноваться Шульгину, не пустили его в приказную избу, выбрали нового приказчика и подали на Шульгина челобитную.

На почве ненависти к царским сатрапам объединялись для совместной борьбы с ними бурятские и русские крестьяне, посадские и казаки. Особенно ярко это сказалось во время Братского восстания, происходившего в 1696 г.

Действия управителя Братского острога письменного головы Христофора Кафтырева и его приближенных с поразительным сходством повторяли основные черты похабовщины. Свирепый Багаба-хан был прототипом Кафтырева. Сходство между ними не было случайным, — они выросли на одинаковой социальной почве.

Биография Кафтырева имеет черты авантюризма. Грек по национальности, «цареградец», т. е. житель Константинополя, Кафтырев служил в «Мулянской земле» (видимо в Мусульманской, т. е. в Турции) полковником конных табаров. Затем он выехал в Москву с караваном греческих купцов. Был в Забайкалье вместе с боярином Федором Головиным во время заключения Нерчинского договора 1689 г. По возвращении из «Дауры» Кафтырева назначили сначала стряпчим в Москве, а затем письменным головой в Енисейск. Наконец, енисейский воевода отправил «гречанина Христофора» управителем в Братский острог. Здесь он «стакався» с попом острожной Богоявленской церкви Иваном Григорьевым «да с ворами, енисейскими казаками, с Сенькой Пополутовым, с Костькой Бормасовым, с Ивашкой Костоусовым, с Ивашкой Езоповым и Ивашкой Калгою». В своих торгово-ростовщических операциях Кафтырев был связан с русскими и греческими купцами. Неугодных для себя людей он старался убирать и ставить своих, например, приехав в Спасскую пустынь, Христофор избил «строителя» монастыря Болдакова, казначея Федорова, нескольких вкладчиков и назначил «строителем» черного попа (иеромонаха) Иосифа. Напоив его пьяным,

---

[1] Исторический архив Иркутской области. Фонд Илимской воеводской приказной избы.

[2] Васильев. Забайкальские казаки, т. I. Чита, 1916.

Кафтырев купил у него 1000 пудов казенного хлеба «и деньги он, черный поп Иосиф, ему, Христофору, пропили и тем в Спасской пустыни хлебную скудость и разорение учинили».[1]

Став самовластными хозяевами в Братском уезде, Кафтырев и его клика возбудили всеобщую ненависть. Русские и буряты жаловались на Христофора, как на «гонителя и разорителя крестьянских домов и на мучителя мирского и на душегубца и насильством скверноблудника и винокура и винопродавца».

Пашенные крестьяне, посадские, казаки обвиняли Кафтырева «в налогах и в обидах и в мученьи и разоренъи и больших ево Христофоровых взятках и в насильстве блудного воровства». «Ясачные мужики», т. е. бурятские крестьяне, «от ево, Христофорова, напрасного разорения и страшного мучения в конец разорились».

«Видя ево, Христофорово, к себе разоренье, — жаловался один из обиженных, — и нестерпимые томительные муки смертные и напрасные нападки, мои братья, улусные люди и я, холоп твой, убояся ево, Христофора, покиня улусы свои и юрты, разбежались в дальние степи и в расели каменные и в бегах жили многое время и от того разорились в конец».

Характерно, что побеги совершались уже не в Монголию, а внутри Восточной Сибири. Христофор Кафтырев отправлял казаков на поиски беглецов в Красноярский уезд и к Удинскому острогу. Умалчивая о своих насилиях, Кафтырев обвинял их в побеге от ясачного платежа. Кроме ясачных мужиков он разыскивал также бежавших служилых людей.

В действиях Кафтырева характерно типичное для того времени сочетание внеэкономических и экономических форм эксплоатации, посредством которой он «большие животы нажил», т. е. большое состояние.

Торговля, которую вел Кафтырев, принимала довольно широкий размах. Он отправлял своих доверенных в Москву и на ярмарки Европейской России. Они продавали там ценную сибирскую пушнину и китайские товары, а закупали атлас, кумач («бумагу красную»), серьги и камни изумрудные. Московские товары и сибирскую пушнину Кафтырев продавал в Китай. Доверенный Христофора Петрушка Калмык с его работными людьми «из Нерчинска с тем русским товаром ходил в Китай»», получая в обмен на него «китайские меновые товары». В Сибири, кроме московских и китайских товаров, Кафтырев продавал вино, табак, хлеб и порох. Христофор имел винокурню «в три котла и шесть труб».

Основой богатства Кафтырева, давшей ему возможность производить широкие торговые операции, была внеэкономическая эксплоатация бурятского, эвенкийского и русского населения. В следственном деле о Братском восстании сохранилась пространная «роспись», что и у кого Кафтырев «имал нападкам из-за гроз, из-за мучения, насильством».

---

[1] Ф. А. Кудрявцев. Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII в. Иркутск, 1939, стр. 70. (Цитаты из документов о Братском восстании 1696 г. приведены по этой книге).

Кафтыревцы врывались в дома посадских и казаков, ездили по деревням и улусам для «выимок» лошадей, рогатого скота, пушнины, хлеба, хмеля для винокурения и денег.

«Посымает он, Христофор, — жаловались жители Братского острога, — их Сеньку, с товарищи к нам, холопам и сиротам вашим, для выимок, сведая у кого коня доброго или скотину рогатую, деньги и хлеб, и женишек наших, холопей и сирот ваших возят в приказную избу и мучит в колодки и из-за того мученья емлет с нас... деньгами и коньми и скотом и хлебом». Для того чтобы придраться к своим жертвам, Кафтырев вступал и на путь провокации: разъезжая по деревням, заимкам и улусам, кафтыревцы подкидывали табак, запрещенный для вольной продажи, а затем привозили с «подметным табаком» в приказную избу, сажали в колодки, били кнутом, вымучивая «большие взятки».

Затеяв винокурение, Кафтырев насильно отбирал муку у мельников, заставляя свозить ее в свои амбары. Однажды «из-за гроз и мучений» Христофор захватил до 3000 пудов хлеба «на винное курение».

Христофор Кафтырев эксплоатировал также и труд местного населения. «Для покупки соболей и иной мягкой рухляди» он заставлял бурятских и русских крестьян ездить в Удинский острог и другие места. При малой населенности края им приходилось попадать в местности, где было трудно достать продовольствие; например, Христофор отправлял ясачных мужиков на Барлукскую заставу, где они жили «четыре недели и помирали голодною смертью и ели траву и сосновую кору».

Однажды Кафтырев заставил выкосить бурятские покосы и поставить для себя 150 копен сена. В другой раз, в разгар страды, кафтыревцы загнали в Братский острог крестьян, избили их батогами и принудили рубить лес. «И мучил у той лесной рубки неделю и больше», — жаловались крестьяне на Кафтырева. В то время как они рубили лес, Христофор выпустил свой скот на крестьянские поля, «потравил десятиной и собиной хлеб» и «учинил хлебную скудость и разоренье».

Народ характеризовал Кафтырева как «мучителя мирскова и душегубца». Приходя на «мирской совет» (мирские сходки), Христофор и поп Иван Григорьев с их приближенными били «всякого человека своими руками на смерть». Во время одной сходки, происходившей перед самым восстанием, началось столкновение между посадскими и попом. Дело дошло до потасовки. «Били меня, богомольца вашего, на смерть, — рассказывал поп, — и сбили с меня скуфью и шапку».

«По извету» попа на сходку явился Христофор и стал угрожать «кнутом и огнем», но угрозы никого не испугали. Царский сатрап оказался бессильным перед поднявшейся волной народного возмущения. «Как мир восстанет, так и царь ужаснет», — заявил Кафтыреву один из руководителей восстания Григорий Бессонов.

К восстанию, начатому посадскими и казаками, примкнули пашенные крестьяне и ясачные мужики. Жители Братского острога считали их своими союзниками и призывали к совместному выступлению против Кафтырева. Что же касается острожной верхушки — приказных и казачьих начальников из детей боярских, то они к восстанию не примк-

нули. «Детей боярских в том их совете и в мирской челобитной никого не было», — рассказывали повстанцы. Братское восстание было вызвано всей совокупностью произвола и насилий, которым подвергалась народная масса. Оно не было единичным явлением в Восточной Сибири: в 1692 г. происходило восстание бирюльских пашенных крестьян, в 1695—1696 гг. начались волнения в Красноярске, Илимске, Иркутске и в Забайкалье. Эти выступления оказали влияние и на жителей Братского уезда. «Указывают они, бунтовщики, на Нерчинский и на Красноярский бунты», — заявляли осажденные восставшими сторонники Кафтырева.

Мирская сходка, на которой произошло столкновение с попом Григорьевым, была, вероятно, созвана для обсуждения вопроса о выступлении против Кафтырева, так как поп рассказывал впоследствии, что он на этой сходке пытался «унять от бунтовства», но посадские и казаки «учинились непослушны и почали кликать атаманов-молодцов». В Братском остроге начались оживленные сходки: «Всяких чинов люди, — доносили кафтыревцы, — ходят в Братском остроге и по улицам и становятся кругами и величают друг друга атаманами-молодцами».

Кафтырев со своими приближенными заперся в приказчичьих хоромах, осажденный восставшими, которые завалили бревнами все двери и поставили караул. Попытки «осадных сидельцев», вырваться из хором немедленно пресекались, — повстанцы захватывали их и били. Вокруг острога устроили заставы, по деревням и улусам сообщили о необходимости перехватывать все челобитные и отписки, идущие от Кафтырева. Ивашка Калга, посланный Христофором к енисейскому воеводе, был пойман на дороге, у него отняли все бумаги и «посыльные деньги».

После трехдневной осады Кафтырев и его сторонники были вынуждены сдаться. Их арестовали и перевели под караулом из приказных хором в другое помещение.

Братский острог оказался в руках восставших. Они захватили приказную избу со всеми делами, ясачную и денежную казну, хлебные запасы, порох, ружья и свинец. Старая острожная администрация была фактически отстранена от управления, предстояло выбрать новую.

Восстание произошло перед Богоявлением (6—19 января), — это был местный престольный праздник. В этот день в острог приезжали жители Братского уезда для решения мирских дел и выбора старост и целовальников. Богоявленьев день 1696 г. оказался необычным. Кроме посадских, служилых людей и пашенных крестьян на мирской совет прибыли ясачные буряты. Они уже знали о выступлени братских жителей против Кафтырева и желании подать на него челобитную. На мирском сходе 6 января 1696 г. речь шла не о выборе старост и целовальников, а об устранении общего врага — Кафтырева с его приближенными — и выборе новых управителей Братского острога и уезда. В этом вопросе было кровно заинтересовано и русское и бурятское население.

«Братские жители, — рассказывал на допросе посадский Прокопий Ловцов, — отказали от дел и расправ, видя ево, Христофора, многие себе обиды и разорения и вся муки попа Ивана Григорьева и воров Сеньки

Пополутова с товарищи. Съехав на празднике на Богоявленьев день, братские ясашные иноземцы для челобитья в обидах своих и разорениях в Братский острог приезжали без совету и зову братских жителей». Об отсутствии «совета и зова» со стороны жителей Братского острога говорили в своих показаниях и буряты. Но эти заявления были лишь средством взаимной самозащиты, так как за «подстрекательство к бунту» ясачных мужиков угрожало жестокое наказание. Поэтому, заявляя об отсутствии предварительного «совета» между собой о выступлении против Кафтырева, ни буряты, ни русские не желали выдавать друг друга. Участие ясачных мужиков в Братском восстании не было случайным: они выступали против общего врага как союзники русских мужиков; известная согласованность в совместных действиях, участие бурят в мирском совете, отстранении Кафтырева от власти, выборе новой администрации, подаче челобитной — все это свидетельствует о предварительном «совете» их с русскими единомышленниками. (Кафтырев в своей челобитной называл «единомышленниками» руководителей восстания и всех его участников).

Во главе восстания стояли казаки Дмитрий Кириллов, Григорий Бессонов, Даниил Терентьев; пашенные крестьяне Василий Бухаров, Иван Тупица; посадские Кирилл Наумов, Агапий Дмитриев, Лев Карачаевец и подьячий Григорий Матвеев. Кафтырев называл их «первыми заводчиками и бунтовщиками». В документах сохранились также имена ясачных мужиков, представителей бурятского населения в мирском совете восставших: Обонтуй Грошев, Халган Инкиев, Мляул Камнаев, Ханзин Мумуетов, Умядей Уныгенов, Залбун Иринджев, Колочей Табоев, Дочикай Мумуетов, Мусыней Кынтуев, Бодоной Наконов. Они не называются ни князьцами, ни «лучшими людьми», — это были ясачные мужики.

На мирском совете 6 января 1696 г. постановили «отказать» Христофору Кафтыреву от управления Братским острогом и уездом «за обиды его и за налоги» местному населению. Для отказа Христофору от «государевых дел» была отправлена делегация в составе четырех человек с требованием, чтобы он покинул «государевы хоромы».

На этом же сходе была составлена челобитная енисейскому воеводе Римскому-Корсакову «на мучителя мирского и на душегубца» Христофора Кафтырева. К челобитной приложили пространную «роспись» обид и насилий, причиненных им. В составлении челобитной участвовали «Братского острогу всякие жители и Спасовой пустыни строитель с братиею и ясачные иноземцы», т. е. представители всех групп местного населения, за исключением острожной верхушки и клевретов Кафтырева.

Народ устранил Христофора и его приближенных от власти, избрав свою администрацию.

Уполномоченные от основных частей населения (9 казаков, 3 посадских, 4 пашенных и 10 ясачных крестьян) Кафтыреву «от дел отказали в ево, Христофора, к ним налогах и обидах и разорениях и чтоб ему, Христофору, служилых и посадских людей судом и расправою

не ведать». Вместо Кафтырева управителями Братского острога были избраны «для всех дел» казачий десятник Дмитрий Кириллов и рядовой казак Даниил Терентьев. В согласии с выборными людьми они были наделены всей полнотой административных функций в Братском уезде: «Им, Митьке и Данилке, быть в Братском остроге у всяких великого государя дел, и судом и расправою их, служилых и посадских и пашенных и ясачных людей, ведать и, смотря по вине, бить батоги. А им выборным людям их, Митьку и Данилку, во всяких государевых и челобитчиковых делах во всем слушать, а ослушникам чинить наказание, а им выборным людем за ослушников не стоять и в том им, Митьке и Данилке, против того их выбору оберегать и челобитчиков на него, Христофора, послать».

Характерно, что мирские челобитные были посланы уже после того, как Христофор Кафтырев был устранен от власти. Кроме челобитной, составленной 6 января 1696 г., после выбора Дмитрия Кириллова отправили вторую челобитную о наказании Кафтырева за обиды. Челобитчики обращали внимание воеводы и Московского правительства на то, что действия Кафтырева нарушили интересы царской казны, нанесли ущерб государству: «От ево, Христофора, разоренья разорились мы, сироты ваши, в конец», — говорилось в челобитной. Казаки заявляли, что им «службы служить нечем»; пашенные крестьяне — что «государевой десятинной пашни пахать нечем»; ясачные просили избавить их от насилий Кафтырева и других приказных, «чтобы им от него, Христофора, и впредь от иных приказных людей в конец не разоритца и вашего, великих государей, ясаку не отбить и врозь не разбрестись».

Руководители восстания придавали большое значение участию в нем бурятского населения. В довольно многочисленных показаниях русских повстанцев во время следствия выявилось, с одной стороны, отрицание в целях самозащиты предварительного «совета» с бурятами и призыва их к выступлению; с другой — красной нитью проходила мысль о том, что выступление против Кафтырева имело общенародный характер, и постоянно отмечалось участие в нем ясачных людей. «Как те братские жители ему, Христофору, от дел отказали, — рассказывал Дмитрий Кириллов, — и ево де, Митьку, выбрали те братские жители и иноземцы в выборных, в неволю, да с ними братского служилого человека Данилка Тереньтева, и выбор им братские служилые люди и иноземцы дали».

Получив челобитные, енисейский воевода был уже поставлен перед совершившимся фактом: народ сам сменил старую острожную администрацию и выбрал новую. «Выбрали судеек свою братию», — говорил отстраненный от власти письменный голова Кафтырев. Действительно Братский уезд, хотя и непродолжительное время, управлялся «своей братьей», т. е. выборными людьми, облеченными доверием русского и бурятского населения.

«По челобитию Енисейского уезду Братского острогу и уезду всяких чинов жителей и пашенных крестьян и ясачных на Христофора Кафтырева» началось продолжительное следствие.

«Розыск» о братском восстании. Иркутские события 1696 г.

«Розыск» о событиях в Братском уезде затянулся до 1698 г. Сначала из Енисейска был отправлен «для розыску» сын боярский Алексей Галкин с подьячим. Христофор Кафтырев подал тогда челобитную енисейскому воеводе, обвиняя всех лиц, отправивших на него челобитные, в «бунтовстве». Воевода вызвал выборных челобитчиков Григория Бессонова и Василия Бухарова в Енисейск для очной ставки «против ево, Христофорова, челобитья». Но они «в очную ставку к ответу не пошли», заявив, что отправят новую челобитную и «обидную роспись» в Москву.

Дело дошло до Сибирского приказа, который по царской грамоте поручил произвести «подлинный розыск» о братских событиях Семену Полтеву, назначенному воеводой в Иркутск. Полтев же умер дорогой, не доехав до места своего назначения. В Иркутск приехала его жена с малолетним сыном. Иркутские жители, недовольные прежним воеводой Савеловым, отстранили его от управления и решили вместо него определить малютку Полтева. Кроме этого фиктивного «воеводы», был избран фактическим управителем сын боярский Перфильев. Во время передачи ему Савеловым дел был принесен на руках малютка «воевода» Полтев. Иркутяне донесли о смене администрации высшему начальству и стали ожидать соответствующего указа. Управление Полтева и Перфильева продолжалось до 1699 г. Наконец в 1698 г. в Восточную Сибирь были отправлены из Москвы «сыщики» — думный дьяк Полянский и дьяк Берестов «с товарищи», наделенные широкими полномочиями по «розыску» о народных волнениях, сильно встревоживших Московское правительство. «Сыщикам» было приказано: «Против тех челобитен, которые были на Христофора в Енисейск поданы Михаилу Римскому-Корсакову и которые подадут, ... во всем ево, Христофора, распросить, и в чем учинитца спор, велено челобитчики очные ставки и с очных ставок в тех его делах, в чем учнет запиратца, велено розыскать Брацкого острогу всякого чина людьми накрепко, и буде по розыску и по распросным его речам вина ево, Христофора, в том явитца, велено за то ево бить кнутом нещадно и сослать ево на Лену в казачью службу, а живот ево все переписать с понятыми и взять на нас великих государей, чтобы впредь не повадно было прикащикам так воровать и всякого чина людей обиды и налоги и изгони и грабежи и розоренья и бесчетного ругания чинить».

Во время следствия русские и буряты держались дружно, не выдавали друг друга, отрицали «бунтовской» характер своих действий и все свои показания направляли против «мучителя мирского и душегубца» Кафтырева и его приближенных, называя их «ворами», нарушавшими интересы царской казны.

В условиях напряженной и тревожной атмосферы народных волнений, происходивших в Восточной Сибири в 1695—1698 гг., боясь новой «шатости», «изгони» (побегов) и «порухи государевой казне», царское правительство не решилось применить репрессии против участников Братского восстания. Кафтырев же был наказан. По приговору Сибир-

ского приказа в июле 1706 г. было предписано «учинить ему, Христофору, жестокое наказание — бить его кнутом при многих людях нещадно и сослать в ссылку в Якутской в казачью службу, а животы ево взять на великого государя».

Жители Братского уезда добились устранения «мучителя» и «душегубца» Христофора Кафтырева. Сменив представителей местных органов власти, восставшие не могли, конечно, устранить самой системы управления, установленной крепостническим государством и давившей народные массы: вместо Кафтырева был назначен новый приказчик Братского острога; избранные же народом «судейки» должны были сложить свои полномочия и передать новой администрации ключи от Братского острога, ясачную соболиную и денежную казну, хлебные запасы, приказные дела, порох, свинец и ружья. Смена местных сатрапов не подрывала социальной почвы, на которой они вырастали. После похабовых и кафтыревых через историю Сибири прошла целая галлерея новых «мучителей мирских».

Вскоре после Братского восстания, в марте 1696 г., началось выступление забайкальских казаков и стрельцов против иркутского воеводы Савелова. Недовольные притеснениями самого Савелова и назначенных этим воеводой приказчиков, казаки отказались повиноваться им и стали заменять приказных своими выборными. Наконец казаки и стрельцы Удинского, Селенгинского, Кабанского и Итанцинского острогов решили отправиться в поход против ненавистного воеводы. Это были «голутвенные» казаки, т. е. казачья беднота. «Старые», более зажиточные казаки выступить отказались. В марте 1696 г. «голутвенные» начали избивать «старых», не желавших итти с ними, а затем со знаменами и барабанами двинулись к Иркутску. Их было больше 200 человек. В Иркутском уезде к движению были привлечены беглые стрельцы, холопы, а также часть ясачных бурят. Забайкальцы отбили стрельцов и холопов у иркутских служилых людей, посланных в погоню за ними. Известно, что забайкальские «служилые люди, прибрав к себе на дощаники беглых полковых стрельцов и беглых холопей с женами, детьми»,[1] пошли к Иркутскому острогу. Подойдя к Иркутску, они осадили его. Казаки подговаривали иркутян открыть им городские ворота и отказать от власти воеводе Савелову, вместо которого забайкальцы хотели поставить своего приказчика. Вскоре иркутские жители устранили воеводу и выбрали нового управителя, но казаков в Иркутск не пустили: зажиточные посадские и служилые люди боялись, что казаки станут громить их. Осада Иркутска оказалась неудачной, и казаки были вынуждены снять ее.

Кроме осады Иркутского острога, казаки, соединившись с ясачными бурятами, совершили набег на Тутурский острог по Лене, избили илгинского приказчика Валютинского и других лиц, захватили и увезли с собой различные «животы», т. е. имущество.

---

[1] Из дела «О бунте заморских казаков против иркутского всеводы Афанасия Савелова» (1696). (Первое столетие Иркутска. Сборник материалов. Иркутск, 1902).

Бурятские восстания в первой половине XVII в. не раз возглавлялись князьцами. В конце же XVII в. наблюдается другое явление: во главе улусных людей становятся во время выступлений против царской администрации свои же ясачные мужики, русские казаки, посадские и пашенные крестьяне. Князьцы же шли на сделку с царизмом, который давал им награды и гарантировал различные привилегии. Улусная аристократия становилась помощницей царской администрации в области управления ясачными мужиками и эксплоатации их. Улусные люди вели борьбу, то явную, то скрытую, как против русской администрации, так и против «своих» князьцов. В 1689 г. иркутский воевода писал о «братских мужиках», что они «бывают повсегодно в шатости», убегают от ясачного платежа и «живут в вольности». Они скрывались в Тункинских горах у монгольской границы вместе с монголами, бежавшими от притеснений со стороны халхасских тайшей. В 1692—1698 гг. среди бурят, ушедших в дальние места, выдвинулся, как предводитель, улусный человек Богачей. Он совершал набеги на Тункинский и Бельский остроги, Иркутское зимовье, подходил к Иркутску. Богачей расправлялся с царскими агентами из русских служилых людей и вместе с тем нападал на кочевья бурятской знати, захватывал имущество и угонял скот. Несмотря на попытки иркутских властей захватить Богачея, он продержался со своими сородичами шесть лет.

Причины поражений. Историческое значение восстаний

Борьба, которую вели буряты, как и другие народы Сибири в XVII в., не увенчалась успехом. Почему же они потерпели поражение?

Отряды служилых людей, совершавшие завоевание, имели преимущество в отношении вооружения. Казаки обладали «огненным боем» (огнестрельным оружием), а буряты-воины — «лучным» (лук, стрелы, копья). «Из пустого и волшебного железа, — говорили эхириты, — выходит дым и огонь, и мы умираем». Между тем стрелы наносили сравнительно меньший урон.

В условиях преобладания кочевого быта буряты не имели прочных укрепленных пунктов, тогда как завоеватели строили деревянные крепости-остроги. За их стенами из толстых бревен отряды царских воевод, отстреливаясь в бойницы, не раз выдерживали осады со стороны бурят, эвенков и других народностей Сибири. Бревенчатые стены острогов были довольно хорошей защитой от стрел и копей.

Раздробленность бурятских племен не давала возможности выдвинуть более или менее постоянные и крупные вооруженные силы. Бывали моменты, когда несколько территориально-племенных группировок (например, ленские и ангарские буряты) выступали вместе. Но такие военные союзы не отличались прочностью, — они скоро распадались. Союзы бурят со своими соседями-эвенками были еще менее прочными. Эвенки, тофалары и другие племена являлись киштымами — данниками бурятских князьцов, подвергаясь со стороны последних ясачным поборам, притеснениям и насилиям. Это обстоятельство, вызывая взаимную вражду и столкновения бурят с соседями, препятствовало

их совместному выступлению. Наоборот, агенты царской власти — воеводы, приказчики, начальники отрядов — использовали для своих целей вражду как между бурятами и киштымами, так и между бурятскими племенами и родами. Обещая поделиться военной добычей, воеводы и другие начальники подстрекали одну племенную группировку к нападению на другую. Об этом свидетельствует, например, следующая «отписка» красноярского воеводы енисейскому в 1653 г.: «В прошлом в 160 году, по государеву указу, посылал из Красноярского острогу воевода Андрей Бунаков племянника своего Кирилла Бунакова, а с ним красноярских служилых людей в Братскую землю на непослушников братского Олона князьца на племянников, на Узуна да на Чипачея и на их улусных людей за их вины войною, и с ними ж посланы Красноярского уезду ближних и дальних земель качинские и аринские, и ястынские, и канские, и тубинские, и камасинские земли и братские корчюмские земли татаровя, и как те непослушники побиты, и улусы их разорены и жены их и дети их в полон взяты; и те жены их и дети татаровя разделили по себе по паям и развели их по разным землям, кто в которой земле живут». [1]

Таким образом в набеге на бурятские улусы вместе с русскими служилыми людьми участвовали вооруженные всадники из тюркских племен Красноярского уезда и часть нижнеудинских бурят («Корчюмские земли»).

Бурятские князьцы и сайты, враждовавшие сначала с царской администрацией, в дальнейшем идут на соглашение с ней, становятся ее опорой.

Указы, дававшие «государево жалованье», почетные звания, утверждавшие привилегии степной аристократии, предписывали улусным людям повиноваться князьцам, а последним следить, чтобы среди их подчиненных не было «дурна и шатости», т. е. волнений, восстаний, побегов. Ставка на господствующие классы и превращение местной знати в агентов царской власти были вообще характерны для царизма.

Буряты не могли выдержать натиска русских казаков и монгольских князей. С запада и с севера (со стороны Якутского острога) наступали отряды служилых людей, отправляемые царскими воеводами; с юга и востока нападали монгольские ханы и «богдоевы люди», т. е. подданные китайского богдо-хана. После некоторых колебаний буряты предпочли остаться на своих «породных землях», чем бежать в Монголию, охваченную опустошительными войнами.

В 90-х годах XVII в. буряты вместе с русскими пашенными крестьянами, посадскими, мелкими служилыми людьми участвовали в восстаниях против произвола царской администрации. Это были первые совместные выступления трудящихся двух народов, ставших соседями. В них выражался протест, борьба против феодальной эксплоатации со стороны крепостнического государства и его агентов. Объединенные общими интересами, буряты и русские забывали взаимные обиды и выступали против «мучителей и разорителей мирских».

---

[1] Дополнения к актам историческим, т. III, № 111.

Народные волнения в Восточной Сибири, несмотря на некоторые особенности, определяемые специфически сибирскими условиями (отсутствие помещичьего землевладения и помещиков), были сходны с крестьянскими восстаниями, происходившими в Европейской России, характеристику значения которых и причин их поражения дал И. В. Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом:

«Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлении этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства. Но, конечно, какую-нибудь аналогию с большевиками тут нельзя проводить. Отдельные крестьянские восстания, даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели. Кроме того, говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами; они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг».[1]

Восстания бурятских и русских крестьян в Сибири были направлены против произвола агентов крепостнического государства, подобных Похабову, Халецкому (восстание крестьян Бирюльской слободы), Кафтыреву и др. В этом отношении очень интересны челобитные бурят и русских на «мучителя и душегубца» — приказчика Братского уезда Христофора Кафтырева. Челобитчики, как мы знаем, ссылались на то, что насилия и разорения со стороны Кафтырева приносят ущерб царской казне, и просили «великих государей» наказать его «за воровские дела».

Вместо устраненного от власти Христофора, восставшие выбрали своих «судеек», поручив им «быть в Братском остроге у всяких великого государя дел». Выборные управители Дмитрий Кириллов и Даниил Терентьев действовали, ссылаясь на царские указы. «Да они же бунтовщики, Митька Кириллов с товарищем своим с Данилкою Терентьевым, облыгаютца вашим, великих государей, указом, пишутся в памятех и в проезжих и в подорожных и в ярлыках и во всяких ваших, великих государей, делах будто они сидят в Братском по вашему, великих государей, указу», — доносил Кафтырев в 1696 г. Наиболее крайние элементы из участников Братского восстания не шли дальше того, чтобы припугнуть царя, заставить его пойти на уступки: «Как мир востанет, так и царь ужаснет», — говорил один из руководителей восстания Григорий Бессонов. Крестьянские восстания не раз ужасали царей, но свергнуть царизм не могли.

---

[1] Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 527.

Основная причина поражения крестьянских восстаний в XVII—XVIII вв., в том числе и сибирских, заключалась в том, что тогда еще не было классовой силы, которая могла бы сплотить разрозненные выступления, организовать и повести за собой трудящиеся массы различных народов. Поэтому крестьянские восстания, принимавшие часто широкие размеры, отличались все же раздробленностью и, несмотря на временные частичные успехи, подавлялись крепостническим государством. Лишь значительно позже, во второй половине XIX и в начале XX в., выступила на историческую сцену новая несокрушимая революционная сила и повела за собой к победам миллионы многонационального крестьянства, прошедшего на протяжении веков через «томительные муки смертные» от своих угнетателей. Такой революционной силой стал пролетариат, победный путь которого освещен великим учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

Глава IV

КОЛОНИЗАЦИЯ БУРЯТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII И В XVII в.

Формы колонизации

Почти одновременно с завоеванием Прибайкалья началась его колонизация русским населением. Застрельщиками ее были отряды казаков и стрельцов, способ действия которых нам известен. Военно-служилая колонизация закреплялась сетью зимовьев и острогов. Одновременно со служилыми людьми двигались «охочие» промышленные и торговые люди, искавшие разнообразных «прибытков». Мы уже характеризовали в основных чертах этот начальный период военно-служилой и торгово-промысловой колонизации. В дальнейшем колонизация Прибайкалья принимает новые формы.

Служилые, промышленные и торговые люди нуждались в хлебе. Доставка его из Европейской России, а позже из Западной Сибири была, при плохих путях сообщения, затруднительной. Развитие хищнической охоты приводило к уменьшению пушных богатств. Военная и промысловая колонизация постепенно уступает свое место земледельческой. Самый процесс колонизации принимает более широкие размеры.

Правительство переселяет в Сибирь пашенных крестьян «по прибору» и «по указу». В первом случае правительственные агенты набирали крестьян, желавших переселиться в Сибирь «на пашню», обещая ссуду и податные льготы. Часто же набор переселенцев возлагался в форме особой повинности на крестьян той или другой местности. Они были обязаны выделять в Сибирь определенное количество крестьянских семейств, давая им «подмогу» в виде хлеба на посев, скота и пр. Переселение «по указу» состояло в принудительной отправке того или другого количества пашенных крестьян по особым распоряжениям царского правительства. «Энергичную деятельность проявляло само правительство, принудительно переселяя или более или менее добровольно прибирая крестьян «на пашню» в Сибирь; с своей стороны и местная администрация содействовала всякими мерами земледельческой колонизации: приискивала крестьян, устраивала слободы посредством назначаемых из служилых людей приказчиков, распределяла между колонистами участки земли и повинности и организовывало управление ими».[1]

---

[1] Проф. С. В. Бахрушин. Сибирские слободчики. (Из истории колонизации Сибири). Тр. Гос. Колонизац. научно-исслед. инст., т. II, М., 1926, стр. 126—138.

Правительственная колонизация имела своей задачей создание продовольственной базы для служилых, промышленных и торговых людей, а также закрепление завоеванных земель.

Наряду с правительственной развивалась так называемая вольная колонизация. В Сибирь отправлялись переселенцы, искавшие «угожих пашенных мест», «дебрь плодовитую на жатву и скотопитательные места», пушные и рыбные богатства. Сюда уходили от тягостей крепостнического гнета в поисках лучших условий жизни.

В роли колонизаторов выступали частные предприниматели из торговых и промышленных людей, так называемые слободчики. Неимущие поселенцы были вынуждены обращаться за ссудой в казну или к частным лицам. Этим и пользовались слободчики. Облюбовав земельные угодья, исхлопотав у правительства разрешение поселиться на них, получая различные льготы, а иногда и ссуду натурой или деньгами, слободчики «прибирали» на эти земли крестьян, давая им ссуды под проценты. В 30—40-х годах XVII в. «опытовщик» Ерофей Хабаров в районе верхней Лены имел значительное для того времени хозяйство: пашни, покосы, мельницы, соляные варницы, занимался торговлей и ростовщичеством. Хозяйство его велось посредством наемных работников. О доходах Хабарова свидетельствует то обстоятельство, что он в 1649 г. имел возможность вместе с якутским воеводой Францбековым снарядить военно-промысловую экспедицию на Амур.

В 1654 г. возле Нижнего Братского острога на Ангаре действовал, как слободчик, зажиточный пашенный крестьянин Распута Потапов, прибравший на пахоту 70 пашенных крестьян из ссыльных, «присланных сюда администрацией».

Примером казенных слободчиков может служить Аверкий Шипицин, основавший Ново-Удинскую слободу. «По твоему государеву указу, — сообщал Шипицин в 1704 г., — построил я, Аверкий, в Илимском уезде на Уде реке новую слободу и проча и радея тебе, великому государю, многих крестьян ссужал хлебными запасами и деньгами и коньми; в той новой слободе... многие крестьяне дворами построились и скотом и хлебом завели, а около той новой слободы кочуют братские мужики и тунгусы».[1]

Колонизаторами Прибайкалья являлись также монастыри: Киренский, Вознесенский (возле Иркутска), Знаменский (в Иркутске), Троицко-Селенгинский и Посольский (в Забайкалье). Эти монастыри, давая поселившимся на их землях крестьянам ссуду хлебом, скотом, деньгами и пр., заставляли обрабатывать за это монастырскую землю, пасти скот, ловить рыбу, варить соль в монастырских варницах и т. д.

На монастырских землях селились преимущественно «гулящие люди», как называлась в старину беднота, искавшая, переходя из одного места в другое, средства к существованию. Кроме «гулящих людей» монастыри селили на своих землях и «крещеных в неволю».

---

[1] Исторический архив Иркутской области. Фонд Илимской воеводской приказной избы.

Рис. 12. Карта Илимского, Иркутского, Селенгинского и Нерчинского уездов Иркутской провинции.

(Из „Атласа Российского", изд. Акад. Наук, СПб., 1745).

Монастыри покупали захваченных в плен бурятских женщин, крестили их и выдавали замуж за монастырских крестьян. В 1693 г. игумен Феодосий писал в Иркутскую приказную избу, что поселившиеся на землях Селенгинского монастыря «трудники из вольных гуляющих людей на монастырских и купленых иноземских бабах поженились и хлебную и скотинную ссуду из монастыря у них взяли и ссудные записи на себя дали». [1]

Из крестьян Селенгинского монастыря образовались деревни: Темлюй, Буй, Куналей, Елань, Климишная, Кокуй, Кудара-Благовещенье, село Троицкое и др. Иркутский Вознесенский монастырь «нажил крестьян и собрал слободы»: Китойскую, Бодайскую, Мальтинскую, Усолье и др.

Одной из форм колонизации Сибири была ссылка, узаконенная «Соборным уложением» 1649 г. Крепостническое государство стремилось использовать ее как средство наказания и как одну из форм колонизации обширного края. С 50-х—60-х годов XVII в. уголовных преступников взамен смертной казни били кнутом, отсекали им палец левой руки и ссылали вместе с женами и детьми в Сибирь на вечное житье «на пашню».

Во второй половине XVII в. в Сибирь попадают и ссыльные по политическим делам. Это были участники крестьянских, казачьих, стрелецких волнений и восстаний, происходивших в этот период.

Царское правительство превратило сибирскую ссылку и каторгу в одно из средств расправы со своими политическими противниками.

Ссылка на каторжные работы в Сибирь увеличивается после особого царского указа, изданного 5 февраля 1705 г. Этот указ предписывал «вместо смертной казни чинить жестокое наказание, бить кнутом и пятнать новым пятном, вырезывать у носа ноздри и ссылать на каторгу в вечную работу». [2]

Невольные жители Сибири вливались в состав местного сибирского населения.

Колонизация Прибайкалья совершалась по наиболее удобным для сельского хозяйства и промыслов местам. Преимущественно селились в долинах больших рек: Ангары, Лены, Селенги, Шилки с их притоками. Краткие сведения об итогах колонизации к началу XVIII в. дает нам «Чертежная книга Сибири», составленная в 1701 г. тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым. [3] В чертежах этой книги на территории современных Иркутской и Читинской областей указаны: города Иркутск, Илимск, Удинск (Верхнеудинск); остроги — Братский, Балаганский, Голуметский, Верхоленский, Киренский, Чечуйский, Усть-Кутский, Яндинский, Удинский (Нижнеудинский), Тункинский, Верхнеангарский, Баргузинский, Еравнинский, Кабанский, Аргунский; Читинская

[1] Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653—1726). Казань, 1875.

[2] Ф. А. Кудрявцев. Александровский централ. (Из истории сибирской каторги). Иркутск, 1936, стр. 8—9.

[3] Чертежная книга Сибири, составленная Семеном Ремезовым в 1703 г. Изд. Археограф. комисс., СПб., 1882.

слобода, а также другие более мелкие поселения — слободы, деревни, монастыри, заимки, зимовья.

«Чертежная книга» свидетельствует о росте земледельческой колонизации; Семен Ремезов особо отмечает расселение пашенных крестьян и «пашенные места» («пашни по горам и степям споваль»). Например, в «Чертеже Иркуцкого города» читаем: «Живут по обе стороны Илима реки илимские пашенные крестьяне, и перекочевывают илимские иноземцы для своего корму с речки на речку». «Вверх по Ангаре до Шаманского порогу . . . живут крестьяне и кочуют илимские ясашные иноземцы». «С усть Куты и до усть Киренги и до Тунгуского волоку и до усть Пелендуя реки пашенные места и сенные покосы, по обе стороны Лены реки угодья всякие».

В конце XVII и начале XVIII в. приангарские и верхоленские крестьяне снабжали хлебом Якутск и служилых людей Восточного Забайкалья. Например, в 1706 г. в Якутск отправлялось 7264 «четверти с малыми дробями ржи и овса».

Наряду с русскими населениями в «Чертежной книге» указываются «жилья» и кочевья ясачных людей — бурят и тунгусов (эвенков).

Ремезов отмечает чумы эвенков и юрты бурят в виде конусообразных палаток или маленьких избушек.

Челобитная хоринцев Петру I в 1703 г.

Забайкалье, по сравнению с Предбайкальем, колонизовалось медленнее. Ремезов указывает здесь меньше населенных пунктов (особенно в Восточном Забайкалье) и реже пишет о пахотных местах. Как мы уже указывали, в Забайкалье, из-за боязни волнений и откочевок в Монголию, царское правительство вело сначала сравнительно осторожную политику.

В наказных статьях иркутским воеводам 1696 г. указывалось: «Которые мунгальские новые выходцы тайши и зайсаны с улусными людьми ясашные иноземцы живут и кочуют промеж Байкала озера и байкальских острогов, и к ним держать бережение и привет и того смотреть и беречь накрепко, чтоб от приказчиков и от работных людей никаких обид и налогов и разорения и грабежу им никакого отнюдь не было», чтобы не отогнать новых подданных и «в ясашном сборе недобру не учинить».[1] Однако, укрепившись в Забайкалье, «служилые и всяких чинов люди» стали при колонизации края притеснять бурятское население. Эти притеснения начали принимать настолько широкие размеры, что хоринские буряты, отчаявшись найти защиту у местных властей, вынуждены были отправить в 1703 г. целую делегацию, возглавляемую зайсаном галзотского рода Баданом Туракиным, с челобитной Петру I. Хоринцы указывали, что в их кочевных местах по правой стороне Селенги, Уде, Курбе, Чикою, Хилку и в Кударинской степи возле Байкала поселились «селенгинские и удинские служилые и всяких

[1] Материалы Комиссии Куломзина для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области, вып. V, Приложение 21. СПб., 1898, стр. 15—16.

чинов люди», заняв лучшие кочевные места, всякие угодья и звериные промыслы, построив заимки для хлебной пахоты. Хоринцы жаловались: «Ту нашу породную Кудуринскую степь Иркуцкого присуду селенгинские и удинские служилые и всяких чинов люди отняли у нас. холопей и сирот твоих наши породные Кудуринские степи, лутчие кочевые места наши, зимние и летние стойбища и всякие угодья и звериные промыслы, кормовые теплые места подле лесами, построили себе заимки для хлебной пахоты. А горожба у них около пашен плохая и около сена горожба плохая ж, и в их хлебных и сенных протравах были нам от них разорения, обиды и налоги большие, брали с нас, холопей твоих, головщины непомерные насильством, своими руками разорят нас вконец. И от тех их головщины мы, холопы и сироты твои, жен и детей своих испродали и в заклады иззакладывали и сами меж дворы скитаемся и от твоего, великого государя, ясаку отстали». [1]

Хоринские челобитчики, заявляя, что они служат «многие годы» с нерчинскими старыми казаками, бьются против неприятельских воинских людей, «не щадя голов своих», и платят ясак «по вся годы без недобору с прибылью», просили: «С Кударинские степи их селенгинских и удинских служилых всяких чинов людей с заимками свесть по другую сторону Селенги реки, чтоб ... от их налог и обид вконец не разоритца и твоего, великого государя, службы и ясаку не отбить».

Опасаясь, что разорившиеся хоринцы «отбудут от царской службы и ясаку», Петр I приказал «свесть служилых и всяких чинов людей по другую сторону Селенги..., чтоб им иноземцам от их налог и обид вконец не разоритца». Жалобы же на притеснения бурятских крестьян при «отводе земель под поселенных» продолжались и в дальнейшем.

В начальный период колонизации царское правительство, ставя главной своей задачей получение ясака, не определяло места бурятских кочевий или делало это в самых общих чертах, например: «кочевать близ города Селенгинска по обе стороны реки Селенги». С развитием же колонизации те или другие участки земли отводились для пользования бурятскому населению по так называемым владетельным указам на имя тайшей и зайсанов с улусными людьми.

В одних случаях при этом довольно подробно определялись границы земельных угодий, в других — просто давалось разрешение кочевать на незанятых пространствах: «Кочевье иметь за Байкалом по сю сторону границы по разным удобным местам, где русские жительства не имеют». [2] По характеристике А. Щербачева, «указы имели на практике значение чисто временное и, повидимому, служили лишь доказательством того, что пользование землею производится с согласия администрации. Последняя отменяла их, давала новые и вообще распоряжалась землями по своему усмотрению». [3]

---

[1] К истории Бурятии в XVII в. Красный архив, № 3 (76), 1936.

[2] Материалы Комиссии Куломзина для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области, вып. V, Приложение 35. СПб., 1898, стр. 35.

[3] Там же, стр. 87.

Пограничные дела. Буринский трактат 1727 г.

Во второй половине XVII и начале XVIII в. происходит внедрение в Прибайкалье различных монгольских групп. Одни из них уходили из Монголии от военных невзгод и разорений, другие попадали в Прибайкалье в процессе перекочевок. Этому способствовала неопределенность южной русско-монгольской границы. Нерчинский договор 1689 г., установивший восточную границу с Китаем, оставил вопрос о южной границе нерешенным. Это обстоятельство отразилось и в «Чертежной книге Сибири». В «Чертеже земли Нерчинского города» Ремезов указывает: «Река Горбица, а на ней с китайцы граница». Между тем в «Чертеже земли Иркуцкого города», в состав которой входило и Западное Забайкалье, пограничная линия не указывается. У р. Толы (приток Селенги) Ремезов отмечает «жилья по Толе мугальских владельцев». Ниже имеется надпись: «А по выше писанным рекам и от Селенги до Кутухтина жилья места степные, жилья бывали мугальских людей».

Монгольские набеги на русские поселения и бурятские кочевья были настолько обыкновенным явлением, что Ремезов отметил их в своем «Чертеже»: в районе Кабанского острога «падьми подъезжают воровские мунгальские люди и скот отгоняют»; по р. Иркуту «из степи подъезжают воровские мунгальские люди через камень» (видимо через Тункинские горы).

В условиях неопределенности пограничной линии различные монгольские группы почти беспрепятственно перекочевывали в Прибайкалье. Одни из них возвратились в Монголию, другие остались в пределах Забайкалья. Основная часть монгольских пришельцев поселилась в бассейне р. Селенги. В 1665 г. из Сайон-нойоновского аймака переселились сюда атаганы; в 1684 г. — ашехабаты; в 90-х годах XVII в. — хатаганы, тушету-хановские узоны и цонголы; в первой четверти XVII в. перекочевывают из Сецэн-хановского аймака три табунгутских рода.

В конце XVII в. несколько родов монгольского племени хонгодоров поселилось среди аларских и тункинских бурят.

Монгольские переселенцы вливались в состав бурятского населения. Они или совершенно сливались с ним, или образовывали новые бурятские группы. Таким образом, из монгольских пришельцев и местных бурят, живших в бассейне Селенги, образовалась одна из основных частей бурятского народа — селенгинские буряты. В XVIII в. селенгинцев особо отличали от других бурятских групп и называли «российскими монголами». В дальнейшем селенгинцы различаются как одна из территориальных групп бурятского населения. Сохраняя отдельные особенности в области языка и быта, они вошли в состав бурятского народа.

В области пограничных отношений России пришлось иметь дело не только с монгольскими ханами, но преимущественно с Китаем. Во время войн, происходивших между ойратскими феодалами во главе с контайшей Галданом Бошохту и монгольскими ханами, последние обратились за помощью к китайскому богдо-хану Канси и в 1691 г.

перешли в китайское подданство. В 1696 г. войска Галдана были окончательно разбиты китайцами, но внутренние раздоры и вооруженные столкновения между монгольскими ханами, а также с другими ойратскими контайшами продолжались.

Эти разорительные схватки, притеснения со стороны китайских чиновников и монгольских феодалов вынуждали улусных людей бежать из Халхи в Забайкалье. Царская администрация, стремясь иметь новых ясачных людей, принимала их в российское подданство. Например, в 1726 г. перебежало «в российские подданство пленных... контойшинцев и табунгутов мужска и женска пола около 1000 душ, за коими хотя и гнались мунгалы, но не были внутрь границы впущены российскими военными людьми». Причина побега объяснялась тем, что «народ оной зело от китайцев отягощен и подводами, и войною, которою они имеют с контайшею; и хотя китайцы держали против оного большие армии, из двухсот тысяч состоящие, но и доныне по их желанию произвесть не могут, поелику он требует у китайцев возвращения завоеванных ими трех провинций».

Неопределенность южной границы вызывала много недоразумений между российскими и китайскими властями. Нерчинский договор 1689 г., устанавливая строгое наблюдение за границею и запрещая переход ее без особого разрешения, не определял границы к западу от р. Горбицы, признанной порубежной линией на востоке. Таким образом южная граница осталась спорной. Особенно много споров вызывал вопрос о подданстве бурят и монголов, живших в приграничных степях. Не были урегулированы также торговые сношения России с Китаем, дела о перебежчиках и пр.

Наконец, в 1725 г. был отправлен в Пекин полномочный посол Савва Владиславович Рагузинский, получивший поручение определить южную границу с Монголией и Китаем, установить порядок регулярных торговых сношений, организовать охрану границы и устроить духовную миссию в Пекине. Для подкрепления требований, выдвигаемых послом от имени царского правительства, был командирован под начальством полковника Бухольца особый отряд, состоявший из Тобольского пехотного полка, роты драгун и 200 человек Екатеринбургской охранной стражи. После переговоров в Пекине уполномоченные России (Савва Рагузинский с посольством) и Китая (монгольский князь Тушету-хан и сановник Тулешень) выехали в Западное Забайкалье.

20 августа 1727 г. представители обоих государств заключили на р. Буре (в 20 верстах от будущей Кяхты) Буринский трактат.

По Буринскому договору была установлена южная граница между договаривавшимися сторонами от Кяхты до верховьев Енисея — на запад и до речки Горбицы — на восток. Граница была подробно описана и на ней установлено в качестве пограничных знаков 63 маяка (каменных насыпи). В каждом маяке зарыто описание его на русском и монгольском языках.

На основании Буринского трактата все племена, кочевавшие в пограничных местах, были признаны подданными того государства, на территории которого они находились в момент заключения договора.

В дальнейшем все пойманные перебежчики той или другой стороны должны были передаваться обратно. Переходить границу могли только те лица, которые получали специальные разрешения от пограничных властей, Петербургского сената или Пекинского трибунала.

Для регулярной меновой торговли с Китаем и Монголией по Буринскому договору назначалось два пункта: Кяхта и Цурухайтуй (на р. Аргуни).

В целях охраны границы были сооружены Селенгинская, Троицкосавская (с Кяхтинским форпостом) и Цурухайтуйская крепости. На пограничной линии устроили караулы. Они представляли собою небольшие остроги, обнесенные частоколом. Гарнизоны караулов состояли из солдат, казаков и бурятских дружин.

Возникновение бурятского казачьего войска (1764—1765 гг.)

Большую роль в закреплении и охране границы сыграли буряты, кочевавшие в приграничных местностях. В 1727 г. Савва Рагузинский в своем донесении о переговорах с Китаем писал, что буряты: «Служат верою России, не уступая природным россиянам; своим оружием и кочеванием границу распространяли, мунгальской землицы великою частью завладели, на границе с великим чаянием и верностью были доброоружны и доброконны, держали оную почти по всему расстоянию в многолюдстве; прикрытием границ и разъездами служили без жалованья с добрым сердцем и учтивостью, на которых я имел большую надежду, видя их храбрость и усердие».[1]

Буряты были храбры и усердны в охране границы: охраняя ее, они защищали свои земли от китайских и монгольских набегов, угрожавших разореньем и захватом пленных. Не даром хоринцы заявляли Петру I, что они еще в 1689 г. служили в полку Федора Головина, разбившем монгольских тайшей, и в дальнейшем вместе с русскими казаками бились с неприятелями, не щадя голов своих.

Политика царского правительства в области привлечения бурят в качестве вооруженной силы отличалась двойственностью: с одной стороны, оно, боясь волнений и восстаний среди бурят, запрещало продавать им огнестрельное оружие, принимать их в солдаты (указ 24 апреля 1702 г.), отправляло лазутчиков, чтобы следить за настроением кочевников; с другой стороны, малочисленность войск в Забайкалье заставила привлечь часть бурятского населения к охране границы, причем характерно, что буряты-казаки почти до 40-х годов XIX в. не получали огнестрельного оружия, но были вооружены луками со стрелами, саблями и копьями. Буряты считались отличными стрелками и наездниками; природные скотоводы, они являлись хорошими «следопытами», различая следы лошадей и скота, переходивших границу. Это имело большое значение во время поисков монгольских и китайских всадников, совершавших набеги и угонявших скот.

---

[1] Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань, 1882, стр. 145—147.

В первой половине XVIII в. в пятнадцати пограничных караулах служили дружины из бурят селенгинских родов: цонголова, ашехабатского, табангутского, сартольского, атаганова и др., а также из 11 хоринских родов. В каждом карауле находилось от 5 до 10 юрт. Селенгинцы и хоринцы получали особые знамена.

В 60-х годах XVIII в. пограничные дружины были реорганизованы в бурятское казачье войско. В 1764 г. сформировалось 4 бурятских казачьих полка, имевших по 6 сотен в каждом: Ашехабатский, Цонголов, Атаганов и Сартолов. Сначала зачисление в эти полки считалось добровольным. Желающих зачислиться в казаки оказалось больше, чем было нужно по штату. Это объяснялось стремлением освободиться от уплаты ясака (казаки освобождались от уплаты «впредь до указа») и желанием защищать свои земли. Пограничные бурятские кочевья особенно страдали от монгольских и китайских набегов.

Добровольное сначала зачисление в бурятские казачьи полки стало в дальнейшем воинской повинностью. Служба производилась с перерывами: 1 год службы — 3 года льготных. Выходить в отставку по особому разрешению губернатора могли только дряхлые и неспособные к службе. Оружием и лошадьми казаки снабжались от своих обществ за счет специальных денежных сборов.

Военная служба считалась обязательной для всех бурят, причисленных к казачьему сословию, но фактически богатые и зажиточные могли освободиться от нее: они нанимали неимущих к несению службы за себя.

Во главе бурятского казачьего войска стояли выборные: атаман, четыре полковых есаула, сотники, пятидесятники и десятники. Все они подчинялись пограничному начальнику. Фактически главные командные должности сосредоточивались в руках бурятского нойонства. Первым атаманом был зайсан ашехабатского рода Бадалуев. После его увольнения по причине дряхлости в 1802 г. атаманом стал его сын Гомбо Цэренов. В дальнейшем главные атаманы назначались по наследству.

Буринский договор 1727 г. окончательно закрепил бурятское население в российское подданство и положил предел прежним более или менее значительным перекочевкам в Монголию и обратно. Со стороны бурят в первое тридцатилетие XVIII в. таких перекочевок уже не происходило, — наоборот, вследствие указанных выше причин совершались побеги из Монголии в Забайкалье. После Буринского трактата большинство этих перебежчиков передавалось обратно монгольским властям.

Прекращение прилива и отлива различных бурятских и монгольских групп в Прибайкалье способствовало стабилизации бурятского населения.

Глава V

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПРИБАЙКАЛЬЯ В XVIII И В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Рост земледелия

«Мы часто называли Сибирь царской колонией, — пишет проф. Шестаков, — часто вопрос о ней, как о колонии, ставился так: было в Сибири какое-то большое государство, а царская Россия его захватила и заставила подчиниться своей государственной власти, русскому царизму и т. д. На самом деле с Сибирью дело происходило несколько иначе. Сибирь была страной, крайне слабо заселенной. Огромная территория Сибири в значительной части впервые колонизовалась русским народом. Наряду с захватом и подчинением отдельных народов Сибири, еще очень слабо объединенных в государственное образование, с недостаточно диференцированными классовыми отношениями, туда направляется поток русских переселенцев, являвшихся, благодаря стоявшей за ними государственной власти, единым целым и вносивших свою культуру в жизнь отсталых племен, с которыми они там встретились. Пусть эта культура была варварской, дикой, но это все же была гораздо более высокая культура, чем та, которую застали русские переселенцы у народов Сибири. Включение народов Сибири в состав «тюрьмы народов» — царской империи — все же сыграло известную положительную роль в подготовке тех общественных форм, с которыми мы встретились в Сибири, подготовляя победу пролетариата».[1]

Такое же явление наблюдалось и в Прибайкалье. В процессе развивавшейся колонизации края русские переселенцы принесли с собой навыки земледельческой культуры, оседлого быта, различные ремесла и зачатки промышленности.

К концу XVIII в. Прибайкалье покрылось сетью новых населенных пунктов, выросших среди бурятских и эвенкийских кочевий.

В 1791 г. в Верхнеудинском уезде насчитывалось 252 поселения. В том числе было 2 города (Верхнеудинск и Селенгинск), 3 острога (Кабанский, Ильинский, Итанцинский), 3 крепости (Троицкосавская с Кяхтинским форпостом, Петропавловская и Кударинская), 13 казачьих караулов, затем слободы и деревни. В Верхнеудинском уезде было

---

[1] Проф. А. Шестаков. Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР». Историк марксист, 1937, № 3, стр. 91—92.

48 437 жителей, из них 28 737 человек составляли буряты и эвенки и 20 000 — русские.

В Иркутском уезде в конце XVIII в. числилось 544 населенных пункта. Наиболее значительными из них считались города Иркутск, Илимск, Балаганск, остроги Идинский, Тункинский, Яндинский, Бельский, Илгинский, Верхоленский. Во всем уезде было 102 264 человека, в том числе 53 512 русских, 48 752 бурят и 2006 эвенков.

Основную массу русского населения Прибайкалья составляли крестьяне, разделявшиеся на государственных экономических (бывшие монастырские) и горнозаводских (Восточное Забайкалье).

К концу XVIII в. земледельческая колонизация имела уже довольно значительные по тому времени успехи.

В «Словаре географическом Российского государства», вышедшем в 1801—1804 гг., мы встречаем довольно четкое описание прибайкальского земледелия.

Основной земледельческой базой обширной Иркутской губернии, состоявшей из Иркутской, Нерчинской, Якутской и Охотской областей, был Иркутский уезд. В нем, как указывается в «Словаре», «на ровных и хлебопашенных местах сеют всякой ржаной и яровой хлеб, как то: рожь, ярицу, пшеницу, овес, ячмень, гречиху, горох, а некоторые сеют просо и садят картофели, от которого посеву в плодородной год прибыль получают: ржи всемеро, ярицы вшестеро, пшеницы впятеро, овса вдесятеро, ячмень впятеро, гречи, коноплей и гороху вчетверо. Землю пашут сохою на лошадях и боронят по два раза, а некоторые и по три раза, и оставляют к предбудущему году в парах, а потом те же пары пашут на другое лето, мая с 1-го числа нассвают всяким яровым хлебом, а заборанивают по три и по четыре раза, а кто однажды пашет, тот в урожай хлеб весьма с малой прибылью получает. Сей случай во многих местах сей губернии подал способ извлечь изобилие из недр бесплодных, а особливо здешние иноверцы, под присмотром правительства ныне своим примером сие доказали, произнося сию умную пословицу: что не столько роса, падающая с небес, сколько пот, текущий с лица, творит поле плодоносным».[1] Характерно упоминание о том, что «здешние иноверцы», т. е. буряты, подобно русским земледельцам, «извлекали изобилие из недр бесплодных», «творили поле плодоносным». Это свидетельствует об успешном усвоении ими от русских крестьян земледельческих навыков.

В 1848—1851 гг. в Иркутском округе занималось хлебопашеством до 100 000 русских и 36 000 бурятских крестьян мужского пола. От урожая в Иркутском округе «зависит существование не только собственных его жителей, но и соседних».[2] На хлебопашцах «лежала обязанность»: 1) прокормить жителей Иркутска, 2) обеспечить мукой войска, расположенные в округе, 3) и рабочих Иркутского (Усольского) солеваренного завода и Тельминской суконной фабрики, 4) доставлять

[1] Географический словарь Российского государства, ч. II. М., 184, стр. 803—804.

[2] Статистическое обозрение Сибири, составленное Гагемейстером. СПб., 1854, стр. 353—354.

хлеб для выкурки вина в Александровском винокуренном заводе. Вниз по Лене в Киренский округ и Якутскую область отправлялось из Иркутского округа по 20 000 четвертей хлеба, и «в 1846—1848 гг. отправлено по Ангаре в Енисейскую губернию от 300 000 до 800 000 пудов хлеба в год» (в Енисейской губернии в этот период были неурожаи).

На втором месте в отношении земледелия стоял Верхнеудинский уезд Иркутской области. «В сем уезде, — читаем в «Словаре», — большею частью места гористые, однако между оными довольно есть лугов и равнин таких, что и хлеб и трава родится с желаннейшим успехом, также во всех местах и лесу очень довольно. Земля в чистых местах гораздо черная и несколько с песком, а глубже глиниста; сеют на оной большей части рожь, ярицу, ячмень, конопли, лен, гречу, просо и прочее. Но в прибыль получают не более, как в четверо».[1]

В Нерчинской области, состоявшей из Баргузинского, Доронинского, Нерчинского и Сретенского уездов, числилось в 1784 г. 39 213 жителей, а в 1802 г. — 42 963. Из них 23 469 ясачных, т. е. бурят и эвенков. Большинство русского населения состояло из крестьян, приписанных к Нерчинским рудникам и заводам.

Они, занимаясь земледелием, платили наравне с государственными крестьянами все подати, а кроме того были обязаны выполнять заводские работы, починять плотины, участвовать в заводских постройках, ремонтах и пр. Из горнозаводских крестьян набирались путем рекруттчины рабочие для рудников и заводов.

Основная часть крестьян, приписанных к Нерчинским заводам, образовалась путем переселения «по указу», с целью обеспечить продовольственную базу и рабочие руки для серебро-свинцовых рудников и плавильных заводов. По грамоте Сибирского приказа в 1708 г. было приписано в Нерчинский округ и поселено «у рудного промысла» 104 семьи енисейских пашенных крестьян. Они, взамен денежной подати и «государевой пашни», обязывались «попеременно всякие лесные припасы, дрова и уголь, каменье, запорные плиты к горнам возить без найма». В дальнейшем подобные переселения продолжались. По данным ревизии 1763 г., количество заводских крестьян достигало 6026 человек, а к началу XIX в. оно возросло до 14 579.

Во второй половине XVIII в. продолжалась как вольная, так и принудительная колонизация Прибайкалья. В этот период царское правительство усиливает переселение в Забайкалье, считая, что «этот полуденный край, наделенный благорастворенным климатом и плодородным кряжем, населен весьма мало». Целью колонизации Забайкалья являлось: создание продовольственной базы и рабочего резерва для Нерчинских серебро-свинцовых рудников и плавильных заводов, закрепление приграничной полосы и обеспечение кяхтинской торговли. В Забайкалье переселяли приписанных к заводам крестьян и мастеровых, отставных солдат и других переселенцев, наконец ссылали на каторгу и поселение.

[1] Географический словарь Российского государства, ч. I. М., 1801, стр. 826.

В 60-х годах XVIII в. по приказу Екатерины II в Забайкалье по долине р. Селенги и ее притокам (Уде, Хилку, Чикою) поселяется значительная группа старообрядцев, так называемых «семейских» (их переселяли целыми семьями).

По указу 17 октября 1799 г. предписывалось поселить в Забайкалье 10 000 человек: из отставных солдат (крепостных, отдаваемых помещиками в зачет рекрутов) и ссыльно-поселенцев. Однако это мероприятие не удалось. Прибыла лишь незначительная часть переселенцев.

Вскоре предпринимается новая колонизаторская попытка. В 1802 г. в Забайкалье командируется Сенатом чиновник Лаба для устройства поселений. По его донесению в 1806 г. вырабатывается новое положение о водворении переселенцев в Сибири. Для поселения предназначались, кроме других, земли за Байкалом, выбранные Лабою по рр. Ингоде и Чите. Жившие на этих землях буряты — хоринцы — были вынуждены, по настоянию Лабы, действовавшего через тайшу, «уступить» большие земельные площади по р. Ингоде, «плодоноснейшие в том крае», и откочевать в «места, единственно для скотоводства пригодные», к р. Онону. Формально эта уступка считалась «добровольной», фактически же была вынужденной. Тайша Иринцеев в своем рапорте Лабе указывал, что в нескольких местах, «по умножению в хоринских родах людей, так и по разным прежде бывшим поселениям земледельцев, кочевья сделались теснее». Тайши (помощники главного), зайсаны, шуленги считали земли по Ингоде «весьма нужными», отмечая, что некоторые хоринцы имеют там не только скотоводство, но и хлебопашество. Что же касается бурятских крестьян, живших по Ингоде, то их поставили перед совершившимся фактом изъятия земель и заставили покинуть привычные места и откочевать в менее удобные. Память об этом печальном событии хоринцы и агинцы сохранили в своих песнях. Они вспоминали о том времени:

Когда белая степь Ингоды
Была просторной и прекрасной,
Когда пышная белая юрта
Была высокой и прекрасной...

Оставшиеся у хоринцев земли предписывалось указом 1806 г. «обмежевать без промедления времени и на всегдашнее владение выдать грамоту и план», но это предписание выполнено не было.

Зарождение промышленных предприятий

В XVIII в. в Восточной Сибири начинает зарождаться горная и некоторые другие отрасли промышленности, причем на первое место выдвигаются Нерчинские серебро-свинцовые рудники и сереброплавильные заводы. Они возникают при Петре I, в период укрепления государства помещиков и купцов, когда нужда в деньгах и металлах для военных целей, для создания промышленных мануфактур, торговли требовала развития горной промышленности. Но это развитие отличалось большой противоречивостью: с одной стороны, упомянутые причины

требовали роста добычи и обработки горных богатств, с другой — крепостнические отношения тормозили более широкое развертывание промышленности. Это обстоятельство сказывалось и в Восточной Сибири.

Еще в 1698 г. в Нерчинский горный округ командируется несколько греческих мастеров под начальством мастера Левандиана. Они убеждаются в наличии там серебряных руд и совершают первые опыты по их добыче. После того как результаты изысканий Левандиана и его товарищей были признаны удовлетворительными, было решено приступить к добыче и выплавке серебра. В 1704 г. на левом берегу р. Алтачи, впадающей по слиянии с р. Серебрянкой в р. Аргунь, был основан первый Нерчинский сереброплавильный завод, по соседству с древними копями в горе Култучной. Сохранилась интересная «Ведомость» о Нерчинском сереброплавильном заводе за 1727 г., дающая краткие сведения об его состоянии. Заводские постройки представляли собою «три анбара рудоплавных, в тех анбарах 6 горнов дует конный и работными людьми. Один анбар голидной, в нем две голиды для разделения строго свинца с серебром, в том голидном анбаре складены из кирпичей 6 дин для чищения серебра... две кузницы для дела заготовки припасов и инструментов и для плавки кричного железа, сарай кирпичный».[1] Вообще заводы и «фабрики» XVIII в. в Восточной Сибири представляли собою не фабричные предприятия с широким применением машин, а типичные мануфактуры с примитивной техникой производства.

Наиболее заметное развитие нерчинских серебро-свинцовых и плавильных заводов происходит с 40-х годов XVIII в. С 1740 по 1752 г. ежегодная выплавка колебалась от 9 до 85 пудов серебра. В 60—70-х годах она поднимается, колеблясь ежегодно от 150 до 619 пудов (в 1774 г.). Но усиленная хищническая добыча привела к истощению ряда богатых рудников; в результате количество ежегодной добычи и выплавки серебра в дальнейшем уменьшается. К 60-м годам XIX в. она приходит в упадок, не превышая 10 пудов ежегодно. Но вместе с тем на землях Нерчинского горного округа с 1776 г. стала развиваться золотопромышленность, рост которой открыл новый этап в истории горной промышленности Восточной Сибири.

Кроме добычи серебра, свинца, золота (с 1766 г.), в Нерчинском горном округе известны в XVIII в. попытки организовать добычу и других ископаемых. В 1737 г. были открыты первые медные приски в Агинской степи и два Курензелайских приска в вершине р. Онон-Борзя. Для выплавки меди по соседству с ними был учрежден в 1739 г. Курензелайский медеплавильный завод, выплавивший за 4 года своего существования 510 пудов меди и закрытый в 1743 г. «за пресечением руд».

К поискам серебряных руд привлекались и хоринские буряты через тайшей, присваивавших себе результаты работы своих подчиненных. В 1763 г. селенгинский комендант Якобий доносил, что «с 759 г. оной тайша Иринцей с сыном своим Юмсаном, употребляясь в приисках серебряных руд, и действительно нашел оные». Хоринцами был открыт

---

[1] Читинский областной архивный отдел. Фонд Нерчинского горного управления, дело № 1.

Кудунский рудник, к разработке которого привлекались, кроме нерчинских горных служителей, и подчиненные тайше Иринцею бурятские крестьяне. О разработке этого рудника Якобий писал в Коллегию иностранных дел: «Объявленной Кудунской рудник не малое время определенною тамо от оной горного начальства канцелярии командою разрабатывается, и серебряная руда добывается, а и кроме того довольно ж им тайшею серебро содержащие рудные признаки около того ж Кудунского рудника обретены, из которых некоторые по тому ж определению оттоль командою по оказавшейся в них надежде в рудах и по пробам содержащих разрабатываются казенным коштом, и ныне де он, тайша, по данному ему из оной канцелярии прочетному указу к сыску вновь серебро содержащих и протчих руд и минералов старание прилагает и впредь к тому редкостные труды иметь обещает, особливо же он тайша приращение к интересу показал по объявлении им реченного Кудунского рудника с начала разрабатывания оного еще по малости тогда там горных служителей дачею к тому разрабатыванию из подчиненных ему братских иноверцев в горную работу за плату казенную».[1]

Кроме Нерчинских заводов, из предприятий горнозаводской промышленности, возникших в XVIII в. в Восточной Сибири, известны Ланинский и Петровский железоделательные заводы. Ланинский завод был построен в 1730 г. и принадлежал иркутскому купцу Ланину. Он находился недалеко от Ольхонского пролива у западного побережья Байкала и просуществовал до начала XIX в. Более прочным оказалось существование Петровского железоделательного и чугунолитейного завода, дожившего до наших дней. Петровский завод в Забайкалье начал действовать с 1788 г. на базе железорудного месторождения по р. Баляге, впадающей в р. Хилок.

Еще во второй половине XVII в. возникают Устькутский и Усольский солеваренные заводы. В XVIII в. к ним присоединяется Селенгинский солеваренный завод (основан в 1719 г.). В заметных размерах добыча («выволочка») соли происходила на Борзинском соляном озере (Забайкалье). За период с 1756 по 1821 г. там было добыто 266 025 пудов соли.

В XVIII и начале XIX в. в Восточной Сибири появляется ряд небольших винокуренных заводов, наиболее значительным из которых был Александровский (возник в конце XVIII в.), в 76 километрах к северо-западу от Иркутска.

Несколько обособленно от других предприятий стояли по характеру своего производства Тальцинская фарфоро-фаянсовая и Тельминская суконодельная мануфактуры. Они назывались фабриками, но по своему типу были мануфактурами, так как в них преобладало не машинное, а ручное производство. Тальцинский стеклянный завод был основан в 1784 г. ученым Эриком Лаксманом, а в 1812 г. слился с фаянсовой фабрикой (мануфактурой) иркутского купца Солдатова. Тельминская

[1] Фонд Коллегии иностранных дел. Дела бурятские. (Цит. по копиям, присланным Центрархивом Архивному управлению Бурят-Монгольской АССР).

суконная мануфактура была основана в 1731 г. на месте запустевшего железоделательного завода. С 1793 г. она была взята в секвестр за казенный долг одного из владельцев и перешла в ведение Иркутского комиссариата. В 1793—1797 гг. на ней производилось от 3800 до 8650 аршин сукна в год, а всего за этот период выработано 32 200 аршин.

В конце XVIII и первой половине XIX в. главными промышленными предприятиями Прибайкалья считались: Нерчинские серебро-свинцовые рудники и плавильные заводы, солеваренные заводы — Усольский, Устькутский, Селенгинский, винокуренные — Александровский, Илгинский, Никольский, Петровский железоделательный завод, Тальцинская фарфоро-фаянсовая и Тельминская суконная фабрики.

С 40-х годов XIX в. на первый план выдвигается золотопромышленность. В этот период начинается разработка Ленских и Баргузинских золотых приисков. В 1844—1853 гг. в Лено-Витимском (Бодайбинском) районе было добыто 45, а в 1854—1863 гг. 1696 пудов золота. Увеличивается также добыча золота в Нерчинском горном округе (начало ее относится еще к XVIII в.).

Промышленные предприятия, возникшие в Восточной Сибири в XVIII в., не получили, однако, более или менее заметного развития. На всей их организации лежала еще печать крепостничества. На рудниках и заводах преобладал принудительный, крепостнический по характеру труд приписных (на казенных предприятиях) и посессионных (на купеческих предприятиях) крестьян, а также набираемых путем рекрутчины рабочих и ссыльно-каторжных. При наличии дешевого принудительного труда владельцы промышленных предприятий мало интересовались повышением их технического уровня. Самый принудительно-крепостнический труд отличался низкой производительностью. Положение горнозаводских рабочих и приписных крестьян было чрезвычайно тяжелым. Об этом свидетельствует, например, полковник Соймонов, командированный в Нерчинский горный округ в 50-х годах XVIII в. Он писал: «Сказал бы ничего хорошего здесь нет. Но руды серебряные весьма надежные, богатые и прибыточные. До приписки крестьян к заводам была скудность, но не совершенная. Без работы люди могли голодом лежать, а работая, голодом жить невозможно. Почитай половина крестьян питается травою и посылается на заводские работы. В истории я не видал, чтобы какие люди могли терпеть такой тяжелый голод, как здесь живущие. Ибо им не евши три дня быть будто один уповод. Крестьяне и тунгусы от голоду летом умирали в многолюдстве».[1]

С распространением хлебопашества в Нерчинском округе снабжение хлебом улучшилось, но положение рабочих и приписных крестьян оставалось попрежнему тяжелым. Работая «денно и ночно», едва перебиваясь, горнозаводские рабочие подвергались побоям и жестоким телесным наказаниям. В архиве Нерчинского горного правления мы находим

---

[1] Ф. Кудрявцев. Из истории изучения Забайкалья. (Материалы экспедиции академиков Палласа и Георги). Архив истории науки и техники, вып. VI, Л., 1935.

многочисленные дела о наказаниях рабочих розгами и побегах от тягостей заводского режима. При таких условиях «вольное» население, в том числе и бурятское, всячески избегало попадать на работу в рудники и заводы.

Связь бурятского крестьянства с промышленными предприятиями выражалась, преимущественно, в доставке сырья, строительных материалов и продовольствия для заводского населения. В конце XVIII в. возрастает, например, спрос на шерсть для казенной Тельминской суконной фабрики. Восточносибирская администрация предписывала бурятам расширять для снабжения суконных фабрик овцеводство, обещая за это награды тайшам и другим начальникам и вместе с тем угрожая репрессиями. Буряты стали главными поставщиками шерсти. В 1798 г. управляющий Иркутскою (Тельминскою) суконною фабрикой обер-кригскомиссар Новицкий писал: «Поелику снабдение фабрики шерстями должно ожидать от кочующих бурятских народов, доколе не заведены будут собственные фабрике принадлежащие стада, то и должно употребить всевозможные средства к привязанию сих народов и к соединению, так сказать, интересов их с интересами фабрики».[1] Любопытны выдвигаемые Новицким мероприятия по отношению к бурятам. Новицкий писал, что различные начальники во многих случаях вместо защиты бурятского населения под разными предлогами делали ему многие притеснения. По незнанию бурятами языка и «судопроизводства российского» их вовлекали в долговременные следствия и тяжбы «с поселянами». «Вызывая их из кочевьев, — писал Новицкий, — отнимают у них время и расстраивают хозяйство, так что почасту стада их остаются без всякого призрения и теряются». Новицкий просил назначить управляющего казенными суконными фабриками ходатаем по судебным делам «бурятских народов». Докладная записка Новицкого свидетельствует, что администрация казенной фабрики была очень заинтересована в получении шерсти от бурятского населения. Однако, кроме мер административно-полицейского воздействия, по отношению к овцеводству ничего не предпринималось. Наоборот, как это признает и Новицкий, притеснения администрации неблагоприятно отражались на бурятском хозяйстве. Характерна для Новицкого, как представителя бюрократии, вера в могущество административных мероприятий. Достаточно было, по его мнению, назначить управляющего казенными фабриками ходатаем «по судебным и тяжебным делам ... бурятских народов ..., как они усугубили бы рвение свое в снабжении тех фабрик шерстями и тем довели бы оные в кратчайшее время до такого совершенства, до какого ни одна еще фабрика в столь короткое время не достигла».

Бурятские крестьяне доставляли на заводы дрова и строительные материалы; например, в 1768 г. кудинские буряты обязывались доставлять по контракту для Николаевского винокуренного завода 6270 саж. дров, а с недоимкой по доставке прежних лет — 7738 саж.

---

[1] Ленинградское отделение Центрархива. Фонд Сената. Канцелярия генерал-прокурора, дело № 1313.

Нерчинские рудники и заводы «ложились ярмом» на все население Забайкалья, в том числе и бурятское. К постройке заводов, доставке хлеба, угля, строительных материалов, перевозке руды, отправке караванов с серебром и свинцом в Европейскую Россию привлекались, особенно в первой половине XVIII в., не только приписные, но и государственные крестьяне. Известно, что в 60-х годах XVIII в. вместе с русскими попали в нерчинско-заводские крестьяне и «крещеные» из эвенков и бурят. Это «крещение» совершалось насильно, напоминая «крещение в неволю», существовавшее в конце XVII и начале XVIII в. По данным «Иркутской летописи», главный начальник Нерчинских заводов (с 1775 г.), известный своим самодурством Василий Нарышкин, «крестил силою тунгусов и хоринских бурят, тайше последних за ослушание грозил наказанием и набирал из бурят гусарские полки».[1]

Торговля

С ростом колонизации, развитием торговли, зарождением промышленности старые остроги, бывшие когда-то временными укрепленными пунктами, становятся более прочными торгово-административными центрами; возникают города и поселки городского типа. В XVIII и начале XIX в. «лучшими и знатнейшими селениями» в Восточной Сибири считались: города — Иркутск, Верхнеудинск, Нерчинск, Нижнеудинск, Баргузин, Селенгинск, Илимск, Балаганск, торговая слобода Кяхта и Троицкосавская крепость (Троицкосавск), остроги — Верхоленский, Братский, Тункинский, Аргунский, Кутомарский, Шилкинский, Дучарский, Газимурский, Курунзулаевский, Екатерининский (в Нерчинском горном округе). Главным административным и торговым центром обширного края стал Иркутск — резиденция управлявших Восточной Сибирью губернаторов.

По утвержденному в 1797 г. штату, в состав Иркутской губернии входило 17 уездов: Иркутский, Балаганский, Верхоленский, Тункинский, Нижнеудинский, Верхнеудинский, Селенгинский, Баргузинский, Нерчинский, Киренский, Илимский, Якутский, Зашиверский, Среднеколымский, Нижнеколымский, Олекминский и Верхневилюйский. Таким образом, в ведении иркутской администрации находилась обширная территория. Иркутск был главным товаро-распределительным пунктом для Иркутской губернии, в том числе и для Бурят-Монголии.

В 1761 г. Иркутский магистрат представил по запросу Академии Наук следующие «известия» о торговле в Иркутске: «В городе Иркутске ярмарка бывает во весь год и производятся торги у гражданских жителей в разные числа, а особливо с октября месяца зачинается от приезду, как водяным путем, так и сухим летом и зимою обыкновенно, а товары приходят российского разного продукта: воск, мед, холст, сукна сермяжные, шубы овчинные, юфть, медь и пр.; разных родов пушные товары, а именно: белки, разных родов лисицы, соболи, бобры, выдры, россомахи, рыси, горностаи, ушканы, песцы и недопески

[1] Иркутская летопись. (Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова). Иркутск, 1911, стр. 103.

и прочее. Потом же и разные немецкие шолковые и полотняные, також и прочие всякие мелочные товары, а особливо происходит торг продажею и менною и разными китайскими товарами, которые проходят в Иркутск с китайской границы с Кяхтинского форпоста. И для кладжи товару и производства оными торгов в Иркутске гостинный двор имеется только один, да в мелочном ряду лавки».[1]

В 1722 г. в Иркутске было 3447 жителей. В конце же XVIII в. он имел 1508 «обывательских дворов», 243 лавки в гостином дворе и 10 000 жителей. Являясь торговым центром края, Иркутск был вместе с тем пунктом сосредоточения ремесленников: кузнецов, слесарей, сапожников, мыловаров, горшечников, кирпичников и др.

По сравнению с Иркутском, другие города представляли собою более мелкие торговые, административные и ремесленные пункты, например, в Верхнеудинске в конце XVIII ст., кроме казенных построек и лавок, было всего 110 дворов.

«Торговля и промысел жителей, — читаем о Верхнеудинске в старинном географическом словаре, — состоит из разных привозимых из Иркутска и других городов приказчиками российских и немецких товаров, на которые выменивают у здешних иноверцев пушные товары, рогатый скот, лошадей и пр. и отвозят через Троицкую крепость в Кяхту для промена китайцам».[2] В 1780 г. в Верхнеудинске были установлены две ярмарки, происходившие зимою и летом.

С ростом колонизации в Восточной Сибири совершается развитие торгово-купеческого капитала, проникновение которого началось одновременно с ее завоеванием.

В Восточной Сибири условия, необходимые для развития торгового капитала, складывались довольно выгодно. Этому способствовала торговля с Китаем через Кяхту, начавшая развиваться после Буринского договора 1727 г. До этого завязавшаяся во второй половине XVII в. торговля России с Китаем состояла почти исключительно в отправке из Москвы в Пекин казенных караванов, которые везли в Китай преимущественно пушные товары. После же Буринского договора главным пунктом торговли с Китаем стала Кяхта. Здесь была выстроена деревянная крепость, таможенный двор, а к 1743 г. вырастает торговая слобода. Против нее за границей возникает китайский торговый пункт Маймачен.

Торговля с Китаем была сначала исключительно меновая. Главными предметами обмена с русской стороны являлись сибирские меха, а с китайской — китайка, шелк, бархат, чай и сахар. Вскоре после основания Кяхты (1727—1728 гг.) прекращается казенная караванная торговля. Главным средоточием русско-китайского товарообмена стала Кяхта. Из России поставляются в Китай, кроме мехов, разные мануфактурные и заводские изделия: кожевенные, суконные, железные и другие товары. Через Кяхту продавались также иностранные сукна:

[1] Материалы по истории города Иркутска в XVIII в. Тр. Иркутской ученой архивной комиссии, вып. 2, 1914, стр. 116.

[2] Географический словарь Российского государства. ч. I. М., 1801, стр. 826.

английские, французские, голландские. О росте кяхтинской торговли с Китаем свидетельствуют следующие данные: в 1753—1762 гг. со стороны России было променено здесь своих и иностранных товаров на 2 859 074 рубля, а в 1756—1800 гг. на 15 584 202 рубля.

Для Прибайкалья кяхтинская торговля была, преимущественно, транзитной, но она не могла не отразиться на его хозяйственной жизни. Для продажи в Китай купцами производилась скупка пушнины и мерлушки, закупалась кожа для обшивки («ширки») чайных цибиков, отправлявшихся в далекий путь. Значительное количество придорожного населения вовлекалось в работу по обслуживанию этой торговли, занимаясь перевозкой товаров. Кяхтинская торговля способствовала обогащению восточносибирских купцов, увеличивая их оборотные средства для торговли внутри края.

В начале XVIII в. Петр I считал еще сибирских купцов «скудными» и давал им следующую характеристику: «А в которых городах торговые люди есть, и тем в сборе денежной казны ясачной и не в каких сборах верить не следует для того, что они люди скудные». Но рост кяхтинской торговли и выгодная внутренняя обстановка в Сибири способствовали в дальнейшем обогащению местного купечества.

Преобладавшее в крае земледельческое и скотоводческое население, разбросанное на больших пространствах по улусам и деревням, нуждалось в изделиях промышленности. Сохранились, например, реестры товаров, потребных для бурятского населения. В числе этих товаров указываются: железо, олово, свинец, уклад, сошники, чаши чугунные, различная посуда, чай, соль, листовой табак, холст, сукна, ткани и пр. С развитием сенокошения, земледелия, кузнечного и плотничного ремесел, с заменой луков и стрел на охоте огнестрельным оружием и т. д., спрос на промышленные изделия усиливается. Между тем, в Восточной Сибири промышленность находилась в самом зачаточном состоянии. Подавляющее большинство промышленных изделий приходилось доставлять из далекой Европейской России, причем доставка требовала больших средств. Все эти обстоятельства создавали почву для выгодной продажи купцами по высоким ценам привозимых товаров, «обусловливали господство богатых купцов-откупщиков, комиссионеров, вообще монополистов».[1] Улусное и сельское население было вынуждено покупать по высоким ценам товары, продаваемые купцами, и вместе с тем дешево продавать продукцию своего хозяйства.

При небольшом количестве городского и заводского населения в Восточной Сибири, потребляющего продукты сельского хозяйства, спрос на них был на местном рынке ограничен, и цены поэтому стояли низкие. Купцы же, закупая по дешевым ценам пушнину, мерлушку, продукты скотоводства и земледелия, значительно дороже продавали их в тех местностях, где в этих товарах испытывалась нужда. Например, русские купцы выгодно сбывали в Китай пушнину, мерлушку и кожевенные изделия. Закупленный же хлеб они продавали вместе с другими товарами по вы-

---

[1] А. П. Щапов. Сибирское общество до Сперанского. Сочинения А. П. Щапова, т. III, СПб., 1908, стр. 643—717.

соким ценам народностям сибирского севера (якуты, эвенки и др.), занимавшимся скотоводством и охотой, за бесценок скупая у них пушнину.

В XVII и начале XVIII в. буряты вели меновую торговлю с Монголией и через нее с Китаем. Среди предметов домашнего обихода бурятских нойонов путешественники XVIII в. отмечают китайские вещи (чай, китайка, шелковые ткани, бархат, серебро, фарфоровая посуда и пр.). Как указывает Георги, у многих нойонов Забайкалья со времени свободной торговли с Китаем сохранилось «на несколько сот тысяч китайской монеты или клейменого их серебра, которое они приобрели тогда еще, когда не было им запрещено продавать китайцам скот свой». После Буринского трактата 1727 г. торговля с Китаем становится монополией царского правительства и крупного купечества. В 1744 г. предписывалось «для пресечения в провозе тайным образом товару воровства в Кяхтинском форпосте сделать особливое клеймо». Тайно провозимые беспошлинные товары приказывалось «конфисковать бесповоротно, а купцам, у кого тайные товары явятся, в тех местах, где пойманы будут, чинить жестокое наказание, бить кнутом нещадно, дабы всеконечно то воровство пресечено было вовсе».[1] И внешняя и внутренняя торговля стала монополией крупных купцов, открывая широкий простор для торгово-ростовщической эксплоатации народов Сибири, в том числе и Бурят-Монголии. Господствуя в городском управлении (сначала магистраты и ратуши, затем городские думы и управы), подкупая чиновников, крупные купцы для повышения цен добивались исключительного права на торговлю теми или другими товарами; например, в 1810 г. право торговать мясом в Иркутске было предоставлено только трем купцам — Ланину, Панову и Кузнецову. Поставка соли по всему Забайкалью в 1818—1831 гг. находилась в руках иркутского купца Сибирякова. Сибиряковы «держали в руках весь Иркутск, а через него и всю Восточную Сибирь. Они занимали должности городских голов города Иркутска и заставляли трепетать обывателя». Торговля хлебом на Лене была отдана на откуп подрядчикам Малееву и Кузнецову. К 20-м годам XIX ст. забайкальские богачи, братья Кандинские, ворочая миллионами, держали на откупе и в кабале почти все Забайкалье. Пользуясь острой нуждой крестьян в деньгах для уплаты податей и покупки предметов первой необходимости, купцы давали в долг под высокие проценты деньги и товары. Если долг не уплачивался в срок, проценты еще больше повышались. В результате крестьяне оказывались в кабале у купцов, были вынуждены отрабатывать долг или за бесценок продавать купцам пушнину, хлеб, скот и пр. В 1817 г. иркутский губернатор Трескин писал о «задолжении» крестьян и иноверцев торговым людям деньгами и товарами: «Разные торговые люди, разъезжая по русским и иноверческим селениям с товарами, охотно задалживают крестьян и иноверцев: польза от такого задолжения торговым людям и вред от того должникам чрезвычайный потому, что торговцы, зная состояние должника своего, стараются задалживать его

[1] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Селенгинской воеводской канцелярии, дело № 1.

на такую сумму, которую он никогда, и при лучшем промысле или урожае, вдруг заплатить не может. Посему, и по накладываемым торговцами большим процентам и снабжению заимодавца ежегодно необходимыми товарами или деньгами происходит то, что крестьянин, но в большей частью иноверец, забравшись в долг, никогда из оного выйти не может и принужден отдавать заимодавцу своему весь свой промысел по той цене, по которой сей оный примет. Сие последнее обстоятельство, по которому должник беспрекословно делается всегдашним работником своего заимодавца, происходит опять от того, что должник по первому настоянию заимодавцев сельскими и иноверческими начальниками за неплатеж отдается ему в зарабатывание долга. Сие злоупотребление есть корень раззорения большей части крестьян и иноверцев и главная причина тому, что и ясак с последних поступает более деньгами».[1]

Закрепление русско-китайской и русско-монгольской границы, рост колонизации, развитие торговли, зарождение промышленности — все это, как мы увидим ниже, отразилось на социально-экономической и политической жизни бурятского населения в XVIII в. Высказывалось мнение, что в этот период совершалась «товаризация бурятского хозяйства, особенно усиленно происходившая в XVIII ст., под влиянием китайского и русского торгового капитала», что «в Бурятии не было и нет феодализма. Она, отпочковавшись от Монголии, в процессе своего самостоятельного исторического развития миновала стадию развития феодальных отношений и, в виду исторических условий, оказалась непосредственно вовлеченной в орбиту товарных отношений, которые сравнительно быстро внедрялись в поры бурятского хозяйства, благодаря своеобразному «стыку» на территории Прибайкалья торгового капитала России и Китая».[2] Такое представление является ошибочным. Оно основано на преувеличении роли торгового капитала, игнорировании конкретной исторической обстановки, в которой совершалось его развитие. Развитие торгового капитала, ремесел, зарождение промышленности, некоторые изменения в сельском хозяйстве (рост сенокошения, земледелия, распространение огнестрельного оружия для охоты и т. д.) и быте — все это способствовало усилению связи бурятского хозяйства с рынком, росту элементов его товарности. Но «особенно усиленной товаризации» этого хозяйства в XVIII в. не было. Основы натурального хозяйства: соединение преобладающего тогда скотоводства и других сельскохозяйственных занятий с домашними промыслами еще не были подорваны. И развитие торгового капитала не привело к коренному изменению способов производства. Кяхтинская торговля, в процессе которой совершался «стык» русского и китайского торгового капитала, имела для Бурят-Монголии преимущественно транзитный характер; промышленность края находилась в зачаточном состоянии. В самом развитии товарно-денежных отношений наблюдалось большое противоречие: с одной стороны, ряд отмеченных

---

[1] Исторический архив Иркутской области. Фонд Киренского земского суда, № 3.

[2] К вопросу о земельной реформе в Бурятии. Газ. «Бурят-Монгольская правда», № 299, 28 декабря 1929 г.

нами изменений в хозяйственной жизни Восточной Сибири побуждал к относительному увеличению сбыта продукции крестьянского хозяйства и покупке товаров на рынке; с другой стороны, хищная эксплоатация бурятских крестьян царизмом, его чиновниками, купцами, нойнами, миссионерами, шаманами и ламами выкачивала последние соки из бурятского хозяйства, не оставляя достаточных средств, необходимых для его расширения, улучшения, следовательно тормозила дальнейшее развитие товарности этого хозяйства.

Глава VI

ХОЗЯЙСТВО БУРЯТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В XVIII в.

Взаимное влияние русских и бурят

Закрепление границы с Монголией и Китаем, рост колонизации, развитие земледелия, торговли, зарождение промышленности — все это прямо или косвенно оказало большое влияние на хозяйство и быт бурятского населения. Начался процесс взаимного влияния русских и бурят, ставших близкими соседями.

Царское правительство, его местные агенты, миссионеры насаждали недоверие и вражду к «иноверцам», «иноземцам», творили обиды и насилия над улусными людьми. Однако это разжигание национальной вражды не нарушило дружбы «ясачных мужиков» и русских крестьян. Об этом свидетельствуют факты совместного выступления русских и бурят против царских сатранов, подобные Братскому восстанию 1696 г., совместная защита границ, наконец взаимные хозяйственные и социально-бытовые связи.

Русские крестьяне, как мы уже указывали, явились проводниками земледельческой культуры и оседлого быта. От них буряты заимствовали навыки земледельческого хозяйства. Из неустойчивого подсобного занятия отдельных групп бурятского населения земледелие, начиная с XVIII в., становится, вторым после скотоводства основным занятием многих бурятских крестьян. Русские принесли в Прибайкалье новые культуры: рожь, пшеницу, овес, ячмень, гречиху, коноплю, горох, картофель и пр. Как свидетельствует «Географический словарь Российского государства», буряты, занимавшиеся земледелием, вели его по примеру русских крестьян.

В правительственном «аттестате», выданном в 1782 г. главному хоринскому тайше Дамба Дугар Иринцееву, имеется интересное указание на то, что он старался «подчиненных своих вводить в обряды, в сходность российским народам, во всей домашней экономии, в постройке домов, во упражнении в хлебопашестве».[1] В данном случае «стараниям» тайши приписывалось то, что подчиненное ему бурятское население воспринимало непосредственно от своих соседей-русских: хлебопашество, постройку более удобных и теплых, по сравнению с войлочными юртами, домов, «домашнюю экономию», т. е. заимствование предметов хозяйствен-

[1] Бурят-Монгольский Государственный институт языка, литературы и истории. Фонд хоринских тайшей, дело № 1.

ного и домашнего обихода. Характерно, что названия этих предметов заимствовались из русского языка с некоторыми особенностями произношения или без существенных изменений.[1] Русское влияние стало сказываться в области хозяйства, жилища, пищи, одежды. Оно отражалось на домашней и общественной жизни бурятского населения. Это влияние было сильнее в тех местностях, где буряты ближе соприкасались с русскими, и слабее там, где это соприкосновение было сравнительно менее близким.

Среди верхоленских крестьян существовало предание о том, как «буряты с самого начала заводили содружество с русскими».[2] Русские пришли снизу, устроили Верхоленский острог и оттуда объясачивали бурят. «Сначала без ружья русские не ездили и не ходили в улусы». Затем русские и буряты стали привыкать друг к другу. Торговые и промышленные люди «заводили содружество» с бурятами, ходили к ним в гости, но все еще с ружьями и порохом.

Пришли, однажды, в улус русские, угостились у бурятских дружков-нукуров и вернулись домой, а ружье с натруской, где был порох, и «путешественную» икону забыли в юрте. Буряты, увидев предметы, оставленные русскими друзьями, изумились, испугались и решили поджечь их. «Зажгли и с ужасом увидели, как вмиг вспыхнула натруска с порохом, запылала пламенем вся юрта и сгорела». Пожар был сочтен за чудо, и с тех пор буряты «стали заводить мирное содружество с русскими, без ружьев».

В основе этого предания лежала историческая правда. В устном народном творчестве отразился процесс сближения бурят и русских, которые встретились сначала как две воюющих стороны. Затем, по мере развития мирной колонизации Прибайкалья, буряты, часто соприкасаясь с русскими, стали сближаться с ними и, наконец, «даже заводить взаимную дружбу». Известно, например, что русские, участники Братского восстания 1696 г., имели своих «сородичей», т. е. родственников и приятелей среди балаганских бурят. «Почти каждый бурят, — пишет А. П. Щапов, — стал иметь в близ лежащих русских селах и деревнях своих дружков, нукуров, а точно так же и русские, с своей стороны, заручались своими дружками, нукурами, по улусам».[3]

На почве семейно-бытового сближения русских с бурятами возникали смешанные группы населения, получившие название «ясачных». Академик Паллас, побывавший в Прибайкалье в 70-х годах XVIII в., писал, что «большая часть городских и сельских жителей в Селенгинской области и в Даурии обнаруживает сильное смешение с монгольской кровью. Из обоюдных или взаимных браков бурят и русских происходит род мулатов».

По свидетельству Палласа, «вследствие этого смешения русские жители усвоили и бурятский язык, так что последний сделался почти

---

[1] Т. Бертагаев. О заимствованных русских словах в разговорном бурятском языке. Зап. Инст. культуры, вып. 1, Улан-Удэ, 1935, стр. 13—37.

[2] А. П. Щапов. Эгоистические инстинкты в Ленской народной общине, дополнительный том. Иркутск, 1937, стр. 255.

[3] Там же, стр. 255.

господствующим языком простого народа». «Ясачные» почти одинаково владели и русским и бурятским языком и воспринимали хозяйственные и социально-бытовые черты обоих племен.

Пишущий эти строки, руководя в 1929 г. статистико-экономическим обследованием в Хоринском аймаке Бурят-Монгольской АССР, встретился со следующими фактами, характерными для упомянутого процесса смешения русского и бурятского населения.

Хоринские «ясачные», называвшиеся до революции «оседлыми инородцами», нередко затруднялись определить свою национальную принадлежность. В результате с их слов статистики-регистраторы в графе «Национальность» делали следующие записи: «инородец», «ясачный», «бурят ясачный», «бурят», «русский».

Бурятское население также оказывало влияние на своих русских соседей.

Русские приобретали у бурят скот местной «бурятской породы» и усваивали от них различные навыки ведения скотоводческого хозяйства в местных условиях. Известно, например, что в конце XVIII в. хоринские буряты доставили 1000 лошадей для русских переселенцев в Забайкалье. Многие слова, заимствованные забайкальцами из бурятского языка, относятся, по характеристике А. П. Щапова, «к туземным зоолого-экономическим условиям монголо-бурятского скотоводческого и звероловческого быта: барахчан — однолетний теленок, каширик — двухлетний теленок, гунак — трехлетний теленок, иргэн — кладеный баран, яман — козел, тулун — кожаный мешок, чумбур — ременный повод и т. д.». Русские воспринимали от бурят «правила бурятского наездического искусства», принадлежности седлания лошадей, различные кожаные изделия: унты и пр., козьи дохи, «козланые штаны».

«В домашних делах и обычаях, — пишет Щапов, — русское забайкальское население немало усвоило изделий, обычаев, поступков и сноровок бурятских».

Взаимное влияние бурят и русских сказалось в области языка устного народного творчества. По сообщению Г. М. Осокина, «народный эпос русского населения Забайкалья во многом заключает в себе массу чужого, заимствованного от бурят и монгол. Многое из прежнего забыто, многое пополнилось новым из мифологии бурят и монгол и их исторического прошлого... Местный крестьянин, знакомый с бурятской речью, не отказывает себе в удовольствии послушать и бурятские сказки, которых у последних довольно».[1] Вместе с тем, на бурятском фольклоре отразилось русское влияние.

Многолетнее соседство русских и бурят оказало плодотворное влияние на различные стороны жизни обоих народов. Несмотря на их религиозные и другие предрассудки, взаимное влияние русского и бурятского населения, вызванное экономическими и социально-бытовыми потребностями, было прогрессивным явлением.

---

[1] Г. М. Осокин. На границе Монголии. Очерки и материалы по этнографии юго-западного Забайкалья. СПб., 1906, стр. 89.

Главные занятия бурятского населения в XVIII в.

Скотоводство

В XVIII в. оформляются основные территориальные группы бурятского населения. По данным ревизии 1766 г., западные буряты жили «под разными ведомствами» Иркутского уезда: в Иркутском, Балаганском дистриктах — по р. Ангаре и ее притокам (Иркуту, Куде, Китою, Белой, Иде, Унге); в ведомствах Верхоленского острога — около верховьев р. Лены и на Байкальском острове Ольхоне; в районе Тункинского острога; небольшие группы бурят жили около Удинского острога (Нижнеудинск) и в Илимском дистрикте; в Забайкалье хоринские буряты считали своими «породными местами» — «от Чикоя вниз по правую сторону Селенги реки, по Хилку, по Тугную, по Уде, по Курбе рекам» и юго-восточнее между Ингодой и Ононом; в южной части Байкала буряты кочевали по Кударинской степи; в Селенгинском дистрикте — по Селенге и ее притокам (Чикою, Джиде) жили бурятские и монгольские роды, составлявшие группу селенгинских бурят. В 40-х годах XVIII в. часть верхоленских бурят переселилась в Забайкалье — в район р. Баргузина; «баргузинские буряты, — читаем в „Летописи баргузинских бурят", — перешли в Баргузин из Иркутской губернии, Верхоленского уезда, с урочища Анги в 1740 году».[1]

Основой хозяйственной жизни бурятского населения в XVIII в., как и в предыдущем столетии, было скотоводство. Однако в самом ведении скотоводческого хозяйства в этот период происходят некоторые изменения: ограничение земельного простора с развитием колонизации, увеличением населения, необходимость приближения к рынкам, сравнительный рост, наряду со скотоводством, земледелия, влияние оседлого быта русских крестьян, — все это приводило к ограничению частоты и масштаба перекочевок, а также к росту сенокошения.

Об ограничении перекочевок свидетельствует распространение рядом с войлочными юртами, приспособленными к частому кочеванию, деревянных, которые путешественники 70-х годов XVIII в. называли «хижинами»: «Буряты, — пишет Георги, — летом живут по большой части в войлочных юртах, а зимой в деревянных хижинах, но некоторые и зимою в войлочных юртах; другие же, особливо из бедных, западных, — в одних хижинах».[2]

Среди западных бурят были распространены деревянные шести- и восьмиугольные юрты. Зимние юрты ставили они в местах, богатых травяной ветошью, чтобы скоту было легче отыскивать пищу из-под снега. Около жилищ устраивались изгороди и стойла для скота. Летом совершались перекочевки в удобные для пастбищ места, богатые подножным кормом. Летние юрты находились возле рек или ручьев (для

---

[1] Летопись баргузинских бурят, под ред. и с примеч. Н. Н. Поппе. Изд. Акад. Наук СССР, М. — Л., 1935, стр. 28.

[2] И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Русском государстве народов, ч. IV. СПб., 1799, стр. 85.

водопоя скота). По описанию Георги, «хижин бывает вместе от 5 до 20 под закрытием горы или в лесу, и в оных-то буряты зимуют. Оные рублены из тонких бревен, худо сплочены, четыре- шести- и осьмиугольные. Последние величиною и видом подобны войлочным юртам, имеют два отверстия: одно — вместо дверей, в боковой стене, которая бывает вышиною от 4 до 5 футов, другое — для свету и дыму, в потолке, сделанном из корм и покрытом землею. У многих таких хижин бывают присенки крытые. Бедные делают хижины из плетня и обмазывают оные коровьим калом. В хижинах, как и в юртах, нет никаких отделений. Огонь разводят всегда на середине. Подле стен лежат войлоки или кожи, на коих буряты спят, а на стенах висит верховая сбруя, оружие, платье и пр.».[1]

Интересно указание Георги, что деревянные юрты напоминают по своей форме войлочные. Это свидетельствует о преемственности подобных типов жилищ: строя деревянные юрты, буряты придерживались старых форм войлочных.

Западные буряты имели постоянные зимние улусы (зимники), состоявшие из нескольких деревянных «хижин». Они покидали их лишь временно, в период летних перекочевок. «Их дома, объединенные в деревни, расположены обыкновенно около рек. Буряты не меняют своего местожительства подобно тунгусам или другим народам», — писал Исбрант Идес, проезжавший через Прибайкалье в 90-х годах XVII в.[2]

У бурятского населения Забайкалья преобладали в XVIII в. войлочные юрты, хотя встречались и четырехугольные деревянные. Забайкальцы совершали более частые перекочевки: «Бурят, — указывал Гмелин, — не остается на одном месте более одного или двух месяцев; если его скот поел корм на одном месте, он должен искать другое место».

О селенгинских бурятах Георги писал, что «Российские монголы суть совершенно кочевой народ, странствующий со своими стадами и получающий от оных свое пропитание, одежду и благоденствие... Они живут в подвижных войлочных юртах... не имеют зимников и не упражняются в земледелии».

Но и в этих частых перекочевках была своя систематичность: селенгинцы совершали перекочевки не где попало, а в определенных районах, например, в 1737 г. селенгинские буряты тонголова рода, прося через тайшу Унагачея и зайсана Даргачея Окининых дать им «владетельный указ» на земли, заявляли, что они: «В урочищах от Селенгинска вверх по Чикою реке, от камени Цекуртуя по обе стороны вверх по р. Чикою, повыше зимовья... до высокого камени с принадлежащими на Чикое семью островами, которые в чертеже именно показаны от тех межей от Чикоя реки прямо в гору вверх по Хилку реке по правой стороне до р. Скины и от Хилка реки вверх по таковой же реке до мосту до проезжей тележной дороги, на которой земле, как

---

[1] Там же, стр. 30.

[2] М. П. Алексеев. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. I, ч. II. Иркутск, 1936, стр. 143.

отец их с улусными своими людьми кочевали, так и он Унагачи с товарищами с улусными своими людьми и поныне кочуют».[1]

К началу XIX в. перекочевки становятся менее частыми. Таборная форма перекочевок, при которой кочевали почти круглый год, начинает постепенно сменятся циклической. Буряты стали совершать перекочевки в пределах своего района, имея юрты на известном определенном месте. Перемена местопребывания в течение года зависела от количества голов скота и наличия кормов в данной местности. Обыкновенно местопребывание скотоводов менялось два раза в год: зимник («убульджен») и летник («заусулан»). Имеющие больше скота присоединяли еще весенник («хабаржан») и осенник («намаржан»). Наиболее богатые скотоводы меняли стойбища 10—12 раз.

Путешественники XVIII в. отмечают лучшую обеспеченность скотом забайкальских бурят, по сравнению с добайкальскими. Наиболее обеспеченными считались хоринцы. Они, по словам Георги, «зажиточнее всех бурятских племен, имеют весьма великие табуны лошадей и рогатого скота и овец, верблюдов однакож и коз не так много». Но как мы увидим в дальнейшем, распределение этого скота было очень неравномерным. Рядом с крупными скотовладельцами, имевшими тысячи голов скота, существовали бедняки-скотоводы. На втором месте после хоринцев стояли в отношении обеспечения скотом селенгинские буряты.

У бурят Забайкалья, особенно хоринцев, было развито коневодство. «Коневодство есть главная отрасль их хозяйства, — писал Георги, — и пользуется необыкновенной с их стороны любовью... Мясо лошадей есть величайший для бурят лакомый кусок; молоко дает напиток, вино и сыр, кожа — одежду, мех (для жидкостей), кости — стрелы, навоз — отопление, волосы из хвоста и гривы — все необходимые веревки и бечевы».

Георги дает краткую характеристику скота, который имели буряты: «Лошади их росту среднего, голову и уши имеют большие, бодрые и послушные, рогатый скот мелок, не удоист, но бодр и бывает весьма жирен. Овцы роду широкохвостых, имеют уши повислые... Козы малы и весьма шерстисты. Верблюды большею частью двугорбые».

У западных бурят, живших вокруг Балаганского острога, славились крупные быки, которых употребляли для перевозки тяжестей. Лучших овец имели селенгинцы. Верблюды встречались, преимущественно, в пограничных с Монголией местностях Забайкалья.

У западных бурят еще в конце XVII в. отмечены зачатки сенокошения. Так, в указе Иркутской приказной избы за 1688 г. на имя Бахука Ирбанова, поселившегося с сородичами в Аларских степях, предписывалось «посеянные просой поля и сенные покосы... городить крепкими огородами».[2]

В 70-х годах XVIII в. Георги обратил внимание, что некоторые

---

[1] Материалы Комиссии Куломзина для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области, вып. V, Исторические сведения, Приложение 27. СПб., 1898, стр. 25.

[2] М. Н. Богданов. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1926, стр. 62.

добайкальские буряты «накашивают немного сена для поддержания скота своего в зимнее время». О сенокошении у забайкальских бурят он не упоминает. Наоборот, о хоринцах, например, Георги пишет, что для скота своего они нисколько корму не запасают, но оставляют его питаться тем, что найдет сам. «При всем том, — пишет Георги, — мало гибнет скота от того. Сие наиболее удивительно в рассуждении столь нежных и впрочем верблюдов, коих на зиму обшивают войлоками, а питаются единственно ивовыми леторослями около речных берегов и мелкими степными кустарниками. К исходу зимы скот становится так тощ, что едва ноги волочит, но вскоре весною оправляется и становится бодр. . . и тучен».

В XVIII в. начинает развиваться сенокошение и среди восточных бурят. В 1797 г. иркутский губернатор Нагель доносил Сенату, что буряты, «населяющие китайскую границу», при жалобах на стеснения их в пользовании земельными угодьями, заявляли, что «с начала разграничения, сенными покосами они довольствовались безобразно, но после мало-по-малу по разным обстоятельствам при переоброчках введены покосы в оброк».[1] Далее, полагая, что бурятам нужно возвратить «издавно владеемые ими земли и сенные покосы», Нагель указывал, что это следует сделать, «особливо живущим за Байкалом». Началом разграничения был Буринский трактат 1727 г.; следовательно и в первой половине XVIII в. у некоторых групп бурятского населения Забайкалья существовали зачатки сенокошения. Это подтверждается и другими документами; например, в указе Селенгинской воеводской канцелярии 1739 г. об отводе земель бурятам харангутского рода говорится о местах «под стойбища юртами», сенных покосах, выпуске для скота и для «звериного промыслу».[2] Таким образом различаются в числе угодий выпуски для скота и сенные покосы. Наконец, в указе той же канцелярии 1766 г. имеется ряд указаний о землях, «бывших во владении под сенными покосами», упоминаются даже места, загороженные под покосы. Кроме упомянутых видов угодий, указывается еще земля, годная под пахоту. Предписывалось вокруг пахотных земель и покосов иметь городьбу крепкую в семь жердей.

Относительно большее развитие сенокошения у западных бурят, хотя скота у них было меньше, объясняется, вероятно, большей снежностью зимы в Западной Бурятии, что затрудняло отыскание скотом пищи из-под снежного покрова. Кроме того; при сравнительно лучшей урожайности трав сенокошение здесь было эффективнее.

Земледелие

Уже со второй половины XVIII в. наметилась разница в степени развития земледелия у западных бурят сравнительно с восточными. Оно совершалось не одинаково и внутри этих групп бурятского населения.

---

[1] Ленинградское отделение Центрархива. Фонд Сената, Первый департамент, дело № 320.

[2] Материалы Комиссии Куломзина для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области, вып. V, Исторические сведения, Приложение 31. СПб., 1898, стр. 29.

Как мы уже указывали, зачатки земледелия в форме посевов проса и гречихи, существовавшие у некоторой части западных бурят в XVIII в., не отличались устойчивостью развития. Исбрант Идес в 90-х годах XVII ст. полагал даже, что северо-забайкальские (западные) буряты «не знают ничего о хлебопашестве и огородничестве».[1]

Более устойчивое земледелие, в основе которого лежали новые культуры, принесенные в Прибайкалье русскими (рожь, пшеница, овес), начинает развиваться с XVIII в.

«Земледелием занимаются, — писал Георги, — некоторые буряты около Иркутска и по Ангаре, вниз по течению. Приблизительно третий и четвертый хозяин засевает несколько пудов ржи, яровой пшеницы и овса. Немногие обрабатывают до 5 десятин земли». Георги приводит бурятские названия сохи, косы-горбуши, серпов, граблей. В другом месте он говорит: «Многие из добайкальских бурят по причине разных препятствий в скотоводстве от суровости климата и местоположений, совокупили оное с земледелием».

Так началось складываться скотоводческо-земледельческое хозяйство.

В 1786 г. шуленга Кудинского ведомства Хабтагай Бутуханов доносил экономии-директору Деппину, что в этом ведомстве начинает понемногу увеличиваться хлебопашество, причем начинающие земледельцы испытывают большой недостаток в семенах для посева и в земледельческих орудиях. «Моего абаганатского роду... Малан Имыкеев с товарищи, всего десять человек, — доносил шуленга, — имеют хлебопахатную землю и сенных покосов со удовольствием, а по недостатку их распахивают к посеву весьма малое количество, потому что имеется как лошадей, так и на посев семян и инструментов крайне малое количество».[2] Кроме указанных 10 человек, завести земледельческое хозяйство изъявило желание еще 40 человек. Все они просили выдать взаймы денег «на разведение хлебопашества». Бутуханов и родовые шуленги поручались за исправность платежа. Характерно, что начинающие земледельцы желали стать настоящими хлеборобами. В этом отношении интересно указание шуленги: «А хлебопахотную землю втуне запустить не хотят, а желают распространить оную распашку наиболее так, как и наилучшие крестьяне». В 80-х годах XVIII в. бурятский хлеб в Иркутской губернии начинает, хотя и в небольшом количестве, поступать на рынок. В 1787 г. экономии-директор писал родовому шуленге 1-го буяновского рода кудинских бурят, что в его роде «довольное есть количество посевов хлеба», причем предписывалось, чтобы везли на продажу хлеб в казенный Николаевский винокуренный завод и не продавали в частные руки до тех пор, пока это предприятие «не удовольствуется». 1-м буяновским родом было запродано Николаевскому заводу 100 пудов ржи и 100 ярицы по 26 коп. за пуд. Известна ведо-

[1] М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, т. I, ч. II. Иркутск, 1936, стр 143.

[2] Сборник материалов по истории Бурятии XVIII и первой половины XIX в., вып. 1, под ред. и с примеч. В. П. Гирченко. Верхнеудинск, 1926, стр. 2.

мость о посеве озимого и ярового хлебов у бурят Кудинского ведомства за 1787 г. На 3430 ревизских душ, числившихся во всех кудинских родах, приходилось посева: ржи 222 десятины, ярицы 352 десятины, пшеницы 16 ½ десятин, ячменя 6 десятин, овса 9 десятин.[1]

Путешественники XVIII в. не говорят о существовании земледелия у забайкальских бурят. Относительно селенгинцев Георги даже утверждает, что они «не упражняются в земледелии». Однако, к концу XVIII в. земледелие начинает распространяться и среди забайкальцев.

В 80—90-х годах XVIII в. 1200 хоринцев стали заниматься земледелием и в 1802 г. привезли на продажу в Иркутск 15 000 пудов муки. По официальным данным 1797—1800 гг., хоринские и баргузинские буряты «имеют хлебопашество, не малое скотоводство звериный промысел, как-то: соболей, лисиц и белок».[2] О селенгинцах и кударинцах говорится, что некоторые из них ясачную недоимку «и от хлебопашества заплатить могут и что вообще забайкальские буряты принялись за хлебопашество».

Таким образом, земледелие существовало у хоринцев, селенгинцев, кударинцев и баргузинцев, но внутри этих групп занимались земледелием не все, а лишь часть скотоводов.

Возникает вопрос о причинах замечавшегося во второй половине XVIII и первой четверти XIX в. роста земледелия у бурят. В этот период в Восточной Сибири складываются условия, стимулирующие расширение зернового хозяйства, в том числе бурятского. Рост колонизации, развитие кяхтинской и внутренней торговли, зарождение промышленных предприятий, увеличение населения в городах (купцы, ремесленники, чиновники) и заводах (рабочие), необходимость продовольствия для ссыльно-каторжных и военных частей — все это повышало спрос на продукты сельского хозяйства. Эти же явления вызывали у представителей царской администрации Восточной Сибири стремление насаждать земледелие путем административных воздействий как на русское, так и на бурятское крестьянство. В 80-х годах XVIII в. в Иркутске была даже создана должность экономии-директора, который между прочим должен был наблюдать за развитием земледелия среди бурят. В 1802 г., например, кудинскому главному тайше предписывалось объехать с родовыми шуленгами и старшинами улусы и освидетельствовать, «хлебопашествующие братские занимаются ли оным». Приказывалось под страхом строгого взыскания принуждать, «чтобы ни один в улусах своих праздным по силам своим без работы не оставался, ленивцев же и огурщиков (ослушников, упрямцев) по мере вины штрафовать по братскому обыкновению».[3] В этом же году начальники 12 родов Кудинского ведомства во главе с тайшей Барахоком Тулаевым

---

[1] Материалы по истории хозяйства и родового управления добайкальских бурят во второй половине XVIII и начале XIX в. Журн. «Бурятиеведение», 1926, № 2, Верхнеудинск, стр. 9.

[2] Ленинградское отделение Центрархива. Фонд Сената, Первый департамент, дело № 295.

[3] Сборник материалов по истории Бурятии XVIII и первой половины XIX в., вып. 1, стр. 7.

дали подписку с обязательством «год от году умножать земледелие». Каждый шуленга должен был смотреть, чтобы ни один крестьянин 40 лет «не осмеливался в рабочее время быть праздным» под страхом наказания лозами, «невзирая ни на какие оправдания». Старшины обязывались наблюдать за своими подчиненными и над каждым десятком назначать особых надзирателей для наблюдения за отдельными лицами. Не имеющих семян предлагалось снабжать из экономических магазинов, а «коня, соху, борону отделять у имеющих оное в излишестве». К 1803 г. на каждую платежную единицу должно было приходиться не менее ½ десятины хлеба.

В 1812 г. Иркутское губернское управление издало «Положение о распространении хлебопашества». На основании этого «Положения» русские земледельцы обязывались ежегодно засевать по 2 десятины на ревизскую душу; буряты Иркутского и Нижнеудинского уездов, «по уважению настоящего их образа жизни и непривычки многих к земледелию», — по 1 десятине; забайкальские буряты (Верхнеудинский уезд) считались «еще менее привыкшими к земледелию», — им предписывалось засевать по ½ десятины на ревизскую душу. Количество посева, приходящегося на каждую семью, определялось особыми выборными. Тайши и родовые начальники обязывались строго наблюдать за выполнением предписаний «Положения», «понуждая и наказывая на месте» их нарушителей. Земские суды весною и осенью посылали своих членов для поверки, «действительно ли соблюдены везде выше разъясненные правила — и распахано, засеяно и приготовлено под посев положенное число десятин». Наконец, командировались особые чиновники-ревизоры.

Для бюрократически-полицейского режима, существовавшего в крепостнической России, характерна уверенность в силе «указов», «положений», «предписаний», мер административно-полицейского воздействия, наград тайшам и родовым начальникам за «размножение хлебопашества». Между тем, никакой реальной помощи: экономической, агрономической, ветеринарной, культурно-просветительной, сельскому и улусному населению не оказывалось.

В «Положении о распространении хлебопашества» выдвигались меры, по существу способствовавшие закабалению бедноты нойонами и кулаками. «Общественные выборные, — читаем в „Положении", — делая расположение пашни по семьям и участкам, в праве и в обязанности совершенно неимущих или по поведению своему безнадежных отдавать в работу прилежным и достаточным хлебопашцам, которые, приняв их на свое содержание, обязаны вместе с тем принять на себя и участок их для обрабатывания. По прошествии года новые общественные выборные, делая свое расположение, входят в положение таковых работников и тех, которые хорошего были поведения, освобождая от работы, возвращают им и участок их для собственного обрабатывания».

В правительственной политике «распространения хлебопашества» среди бурят наблюдалась большая противоречивость: с одной стороны, делались многочисленные предписания о расширении площади запашки; с другой, как мы знаем, значительные части бурятского населения вынуждались под давлением царской администрации покидать плодородные

местности и перекочевывать в места, «единственно для скотоводства пригодные».

Приемы земледельческого хозяйства бурятское население восприняло не из правительственных предписаний и миссионерских наставлений, а от окружающего русского крестьянства и своих соплеменников, ранее приступивших к земледелию. Когда в 1803 г. часть бурят Верхнеудинского округа (тогда в него входили селенгинцы и кударинцы) пожелала заняться земледелием, им была оказана помощь хоринскими земледельцами, снабдившими их семенами и скотом.

Рост земледелия среди бурят вызывался необходимостью дополнительных ресурсов к скотоводческому хозяйству и увеличением спроса на хлеб на восточносибирском рынке.

Западные буряты, менее обеспеченные скотом по сравнению с забайкальскими, острее нуждались в дополнительных ресурсах к скотоводческой продукции. Об этом свидетельствует сопоставление пищевого режима добайкальских бурят и хоринцев.

Хоринцы, по свидетельству Георги, содержали себя почти одним скотоводством и питались, преимущественно, его продукцией. Кроме того, они покупали крупу и варили кашицы и похлебки.

О западных бурятах Георги говорит, что они, «не будучи, как другие, богаты скотом, должны более, нежели живущие к востоку, пособлять нуждам своим звероловством, часто дикорастущими кореньями простой и сибирской овсянки, белой сараны, сердечной травы и пр. «Некоторые употребляют также и во весь год приготовляемую из муки пищу, сиречь саломату, кашицу и пресные лепешки».

Из напитков у всех бурят, кроме молока и воды, были распространены чай кирпичный или его суррогаты, мясные отвары, кумыс, молочное вино (тарасун, арака). Чай варили в воде, прибавляя молока, масла, немного соли, иногда муки. «Почему — пишет Георги, — многие во все лето большею частью одним чаем, без всякой другой пищи, довольствуются». Это, конечно, относилось к необеспеченным скотоводам. «Имеющие довольно скота, бьют оный, не жалея» (Георги). Западные буряты, имея сравнительно меньше скота, употребляли больше растительной пищи, чем восточные. Основным источником дополнительных к скотоводству средств существования, кроме охоты и рыболовства, становилось земледелие, вытеснявшее собирание дикорастущих кореньев. Не даром в 80-х годах XVIII в. буряты Кудинского ведомства, плохо обеспеченные скотом, заявляли, что они «хлебопахотную землю втуне запустить не хотят, а желают распространить оную распашку наиболее, как и наилучшие крестьяне».[1]

Промыслы

Из промыслов имела распространение охота. В XVII в. главным оружием бурят был лук. Продажа им огнестрельного оружия строго за-

[1] Сборник материалов по истории Бурятии XVIII и первой половины XIX в., вып. I, стр. 2.

прещалась: оно считалось «заповедным» товаром. В XVIII же столетии начинают употребляться и ружья. О баргузинских бурятах, например, Георги писал, что у них «употребление винтовок столь же обычно, как и лука; сими оружиями бьют они всяких зверей».

Кроме обыкновенного лука применялся лук-самострел. Понятие «самострел» имеет два значения: с одной стороны, так называют лук, прикрепленный к стволу с прикладом и со спуском для тетивы; кроме того, под «самострелом» понимается и особое охотничье приспособление лучное или огнестрельное, в котором выстрел происходит от спуска тетивы или курка, когда это приспособление будет задето животным. Такие луки-самострелы существовали и у бурят в XVIII в.; например, селенгинцы харанутского рода с 1 октября или позже, когда выпадал снег, ставили на зверей луки. Самострелы ставились, преимущественно, в снежное время, так как тогда легче заметить звериные тропы. Из-за самострелов у харанутцев происходили столкновения с соседним ашехабатским родом, так как лошади и рогатый скот подстреливались иногда поставленными для зверей луками.

Рыбной ловлей, по словам Георги, буряты занимались «только в крайней нужде», и рыба была, главным образом, пищей бедных людей.

Кузнечное ремесло, ведущее свое начало с древних времен, существовало и в XVIII в. В 1735 г. Гмелин обратил внимание, что среди бурят, живших вокруг Балаганского острога, были занимавшиеся ремеслами: из них многие являлись мастерами своего дела, они умели обкладывать серебром и оловом железо, конскую сбрую, ножны для охотничьих ножей, пояса, ложки, сделанные из железа и пр. По свидетельству Гмелина, эта работа производилась «с таким искусством, что эти изделия имеют вид дамасских». Приблизительно такую же оценку дает и Георги: «Железные их вещи с серебряною насечкою славны во всей России, под именем братской работы».

В 1801 г. главный тайша хоринских бурят Дамба Дугар Иринцеев доставил в качестве подарка царю «с насечкою серебра на шоры набор»,[1] за что получил золотые часы с цепочкою, осыпанные жемчугом и брильянтами. Таким образом, и для пышного царского двора изделия хоринских мастеров представлялись ценными.

Путешественники XVIII в. дают краткое описание одежды и обуви бурят. «Рубах не носят, — пишет Георги, — имеют самые короткие штаны, зимою же сверх оных обыкновенно весьма длинные шаровары... Кафтан, который носят на китайчатом полукафтане, а больше на голом теле, делается по большей части из овчин и нередко из лошадиной кожи или диких зверей; богатые же шьют иногда из цветных сукон или шелковых материй, опушивая оные дорогими мехами».

Края верхней одежды нередко украшались полосами материй. Крепко подпоясавшись длинным кушаком, буряты привешивали к поясу нож, огниво и табачный прибор, обыкновенно покрытый «вороненой

[1] Бурят-Монгольский Государственный институт языка, литературы и истории. Фонд хоринских тайшей, дело № 1, лист 24.

работой» бурятских мастеров. Было распространено ношение серег, перстней и колец. Летом носили небольшие красные суконные шапки с околышами, зимой — кожаные. «Знатные между ними», по словам Георги, надевали шапки «самые плоские китайские, с большою кистью и кругом опушкою из мехов».

«Ноги обертывают войлошными и шубными лоскутами и надевают на оные долгую и широкую подобную, с шерстью или без оной, кожаную обувь с законченными подошвами».

Будничная женская одежда походила на мужскую, но праздничная отличалась. Долгое платье из сукон или шелковых материй с накидными полами опушивалось, обыкновенно, мехом. Женщины подпоясывались шелковыми поясами или носили шелковый широкий кушак через плечо. Сверх платья надевалась короткая душегрейка.

Девушки, по описанию Георги, «заплетают волосы в тонкие, кругом поопущенные косы, и покрывают голову маленькими остроконечными шапками с околышами в большой перст. В некоторых поколениях носят они и подзатыльники шириною в ладонь, длинную до подколенок, украшенные бисером, кистями и гремушками».

Замужние женщины заплетали волосы в две косы и опускали их на грудь через плечи. Чтобы сделать косы толще, в них прибавляли черных конских волос. Украшениями служили серьги с корольковыми привесками и ожерелье на шее из корольков.

В XVIII в. замечается влияние на бурятскую одежду русской. О нижнеудинских бурятах, например, Гмелин пишет, что «их платье мало отличается от общероссийского».

Глава VII

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ У БУРЯТ В XVIII в.

Путешественники XVIII в. различали среди бурятского населения «богатых», «достаточных» и «бедных». Первые представляли собою крупных скотовладельцев, вторые — средних и мелких скотоводов, третьи — малоимущих или бедноту, не имеющую скота.

В Забайкалье некоторые крупные скотовладельцы имели до 4000 лошадей, 3000 голов рогатого скота, 1000 верблюдов, 8000 овец и несколько сот коз.[1] Георги сообщает об одном баргузинском скотовладельце, имевшем 500 лошадей, 500 овец, 300 штук рогатого скота, несколько верблюдов и коз. Его денежные средства (чистыми деньгами и китайским серебром) достигали 4000 рублей, что составляло значительную для того времени сумму. По свидетельству Георги, у даурских (забайкальских) скотовладельцев накопилось «на несколько сот тысяч китайской монеты или клейменого сих серебра, которые они приобрели тогда еще, когда не было им запрещено продавать китайцам скот свой».[2]

В конце XVIII и начале XIX в. особенно богатым скотовладельцем являлся хоринский тайша: он имел 10 000 лошадей, 3000 рогатого скота и 40 000 овец. Дочь тайши, вышедшая замуж за одного из бурятских начальников, получила в приданое 40 ящиков, наполненных дорогими мехами.[3]

Богатые скотовладельцы приобретали шелковые ткани, бархат, сукна, фарфоровую посуду, серебряные и золотые изделия.

Полную противоположность крупным скотовладельцам представляла не имеющая скота беднота. Наряду с богатыми существовали, по словам Георги, «весьма бедные».

В 1766 г. в Коллегию иностранных дел были представлены краткие сведения об экономическом положении бурят Селенгинского ведомства. Эти сведения констатируют наличие, кроме «прожиточных» и «посредственных» скотоводов, бедноты, не имевшей скота: «Между оными есть довольно и таких бедных: ни одной скотины не имеют, и на платеж ясака и к пропитанию себе промышляют они, живя

---

[1] Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. IV. СПб., 1799, стр. 28.

[2] Там же, стр. 29.

[3] Карл Риттер. Землеведение Азии, вып. 1. СПб., 1879, стр. 64—65.

у русских людей в работах, и при необыкновенности к тем работам — за малые деньги».[1]

В первом цонгольском роде «есть довольно таких, что не только бы скотину или лошадь у себя имели, но никакого пропитания не имеют, как только просимою милостынею около русских и то недовольно питаемы, и с великим голодом себя содержат травяным кореньем, степным луком, сараной».

В третьем галзутском роде среди бедноты наблюдалось «всеконечное убожество, кои не только не имели какую скотину, ни юрт никаких не имеют и питаются около русских и живут между братскими и русскими».

Завоевание Прибайкалья внесло ряд изменений в социальные отношения. Бурятские князьцы и сайты потеряли своих киштымов, которые превратились в ясачных людей царизма. Исчезло прямое рабство, когда порабощались пленники, захваченные во время войн и набегов. Как «улусные владельцы», так и подчиненные им «ясачные мужики» стали царскими подданными. Буряты подчинялись царской администрации, платили ясак и выполняли повинности. Все это приводило к ограничению прежнего влияния и власти нойонства. Но оно скоро приспособляется к новой политической обстановке, идя на сделку с царизмом и становясь проводником его политики по отношению к бурятскому крестьянству.

Тайши и другие начальники обязывались «в ясачном сборе радеть и смотреть за ясачными людьми и в роде своем и других родах», а также наблюдать, чтобы не было «всякого дурна и шатости», т. е. восстаний, волнений и пр.

После заключения Буринского трактата 1727 г. с Китаем царское правительство награждает бурятских начальников званием тайшей, зайсанов, освобождает их от ясачного платежа, дает жалованье за содействие о приграничных делах, а в последующее время награждает их чинами по «табелю о рангах» (титулярные советники, коллежские асессоры, надворные советники). Известно, что хоринские тайши тщательно хранили документы о своих награждениях, передавая из поколения в поколение «патенты», «ордера» и «указы», на которых они основывали свои привилегии.

В 1729 г. зайсан галзотского рода Шодо получил патент на звание тайши по представлению графа Саввы Рагузинского. В указе по этому поводу предписывалось губернаторам, воеводам, чиновникам и «всякого звания людям» «Шодоя тем чином (тайши) писать, признавать и почитать».[2] Шодой со своими детьми и братьями освобождался от уплаты ясака и получал ежегодно 20 рублей жалованья. Хоринцам 11 родов приказывалось, чтобы они Шодою «в делах и отправлениях были все по своей присяжной должности послушны».

---

[1] Фонд Коллегии иностранных дел. Дела бурятские, книга I. (Цит. по: В. Гирченко. К вопросу о феодальных отношениях в истории Бурят-Монголии. Сб. «К истории Бурят-Монголии», М.—Л., 1935, стр. 177).

[2] Бурят-Монгольский Государственный институт языка, литературы и истории. Фонд хоринских тайшей, дело № 1, лист 38.

Главные тайши возглавляли «конторы», управлявшие территориальными объединениями (ведомства). Они наблюдали за действиями подчиненных им бурятских начальников (зайсанов, шуленг). В более крупных ведомствах (например у 11 хоринских родов) кроме главного тайши были второй и третий тайши — помощники первого. У западных бурят помощник тайши назывался зайсан-ноен. Что касается объема власти тайши, то он не был точно определен. В патенте тайши Шодо есть лишь общее указание на то, что хоринские буряты во всех делах должны слушаться тайшу и ему подчиняться. В пределах своего ведомства власть главного тайши была значительна. Его решение считалось окончательным. Обжалование же этих решений перед русской администрацией определялось как преступление и необыкновенный случай. «В прежнее время, — пишет М. Н. Хангалов, — власть главного родоначальника, т. е. главного тайши, была очень велика, — перед ним все буряты буквально трепетали и беспрекословно подчинялись всем его решениям распоряжениям». [1]

В отношении установления местной бурятской администрации своеобразно переплетались принципы наследственности, выборности, назначения русской администрацией и тайшами (для зайсанов и шуленг). В конечном же итоге должности тайшей, зайсанов, шуленг закреплялись за семьями крупных скотовладельцев, составлявших «степную аристократию» (сайты). В случае выборов обыкновенно избирались дети и ближайшие родственники прежних сайтов; избрание же носило формальный характер. У селенгинцев тайши и родовые начальники избирались «наследственно по поколению» и утверждались русским начальством. Если умерший родовой начальник не имел потомства, то должен был избираться «человек честного поведения, имеющий хороший достаток и знающий грамоту». [2]

По данным архива хоринских тайшей можно проследить, как на протяжении целого ряда лет, начиная с есаула галзотского рода Балтурика, заслужившего в 1711 г. доверие русской администрации, есаулы, зайсаны, тайши определялись из одной наследственно-семейной группы. Сын Балтурика Шодой был просто «приверстан» в зайсаны. «На прошение Ваше, — читаем в указе Нерчинского дистрикта 1724 г., — приверстаны Вы, Шодой, вновь в зайсаны, а Баир в есаулы, вместо отца твоего, Шодоева, Балтурика». [3] В 1751 г. в чин зайсана был произведен даже тринадцатилетний сын хоринского тайши Иринцея Шодоева Дажуран за то, что он был обучен монгольской и обучался российской грамоте. Зайсан Юмсун Иринцеев был назначен тайшей «по выбору хоринских зайсанов, шуленг, есаулов и лучших ясашных людей, подписавшихся под оным, всего сорока человек», и с утверждения русской администрации. Избрание его мотивировалось тем, что он при жизни отца своего, тайши Иринцея, «довольно видел, как оный отец

[1] М. Н. Хангалов. Юридические обычаи у бурят. Этнографическое обозрение, 1894, № 2.

[2] Проф. В. А. Рязановский. Обычное право монгольских племен, ч. II, Обычное право бурят. Чита, 1921, стр. 45.

[3] ... Фонд хоринских тайшей, № 1, лист 11.

по указанным повелениям исполнения чинил и должность свою исправлял».[1] М. Н. Хангалов приводит факт из истории балаганских бурят, когда один из родовых начальников, Назар Хубаев, был утвержден в 1787 г. главным тайшей, и с этого времени звание тайши передавалось в потомстве Хубаева до 1865 г.

В Аларском ведомстве с 1787 по 1864 г. тайшинство было сосредоточено в роде Баторовых, затем оно перешло в руки Матхановых и, наконец, снова оказалось у Баторовых.

Возникали своеобразные «тайшинские династии». Та или другая нойонская фамилия добивалась устранения своих соперников, прерывая иногда «династическую линию», но власть тайшей и других начальников почти не выходила из узкого круга богатых нойонских семейств.

Влияние тайшей и других начальников было различно, в зависимости от количества населения в подчиненных им ведомствах и его экономической мощности. Наибольшим влиянием пользовались хоринские тайши, первыми получившие патенты на это звание. Они возглавляли хоринцев, имевших большую численность населения и более мощное, по сравнению с другими группами бурятского населения, скотоводство. Усилению влияния хоринского тайши способствовало также то обстоятельство, что часть подчиненных ему родов несла пограничные караулы, а некоторые вошли в состав бурятского казачьего войска. Во время приема ученого путешественника Гмелина в 30-х годах XVIII в. селенгинский тайша гордился между прочим знаменем, полученным цонгольским родом за пограничную службу. На знамени красного цвета было изображено солнце и написаны слова «Никому не уступает».

Среди западных бурят наиболее влиятельными были балаганский и аларский тайши.

Путешественники XVIII в. определенно констатируют существование в бурятском обществе привилегированного слоя — «степной аристократии». Георги писал, что каждое бурятское поколение (ведомство) имеет «из своего дворянства или княжеских родов общего главного начальника, называемого зайсан, или ехе-тологой».

В XVIII в. различались следующие ступени местного управления в бурятских ведомствах:

1) улус, или хотон, с засулом во главе,

2) объединение улусов — холбон, или табин, во главе с шуленгой;

3) объединение холбонов — «поколение» во главе с главным зайсаном или тайшей.

Улус, или хотон, объединял жителей одного поселения; во главе его стоял засул (есаул).

Объединение нескольких улусов, или хотонов, составляло табин, возглавлявшийся шуленгой «из почетных людей», утверждавшимся губернским правлением. Табины входили в состав родового управления, во главе которого стоял зайсан, или родовой шуленга. В известном указе Петра I (1703 г.), в ответ на жалобу хоринцев, упоминаются

[1] Там же, лист 13.

зайсаны галзотского, харганатского, бодонгутского родов, «разных родов и улусов шуленги». «Поколение» представляло собою более крупное территориальное объединение (ведомство), состоявшее из нескольких табинов, или родовых управлений. Существовали поколения аларских, балаганских, верхоленских, кудинских, ольхонских, хоринских, селенгинских, кударинских, баргузинских бурят. Во главе поколений стояли главные зайсаны или тайши.

Количественный состав родов того или другого поколения был различен; например, в харганатском роде хоринцев числилось по 3-й ревизии (1763 г.) 2090 душ мужского пола, а в батанайском — 534; у селенгинцев в донголовом роде насчитывалась 1481 душа мужского пола, а в подгородном — 232 (этот род состоял из бурят, живших под городом Селенгинском).

В документах XVIII и XIX вв. часто употребляются понятия «род», «родовые начальники», «родовые управления». Распространенность этой терминологии, а также наличие отдельных родовых традиций в бурятском обществе вводили в заблуждение некоторых авторов, утверждавших, что у бурят вплоть до начала XX в. господствовал родовой строй; например, по характеристике проф. Рязановского, бурятский род представляет собой строго замкнутую общину. Община живет патриархальной семьей, сплочена общностью материальных интересов... Элементами родовой связи у северных бурят являются родовые боги и родовые жертвы, родовой шаман, родовой огонь, родовая честь и родовой суд.[1] В таком же духе высказывался и проф. Н. Кюнер: «Социальные отношения бурят до последнего времени определялись господством родового строя, на основе которого возникла мелкая общинная единица — улус, объединяющая у добайкальских бурят членов «большой семьи», связанных тесным родством и общими хозяйственными интересами».[2]

Подобные характеристики общественого строя бурят основаны на игнорировании классового расслоения и преувеличении роли родовых пережитков в бурятском обществе.

Родовые пережитки в семейном быту выражались в экзогамии. Вступать в брак разрешалось только с женщиной чужого рода, причем принималась во внимание степень родства по мужской линии. За невесту выплачивался калым. По свидетельству Георги, богатые буряты давали калым в размере 100 лошадей, 20 верблюдов, 50 коров, 200 овец и 30 коз. Ученый путешественник объяснял большие размеры калыма за дочерей богатых людей тем, что «они делят наследство с братьями своими поровну» и что поэтому калым до некоторой степени возмещался наследственной долей невесты. Последняя при выходе замуж наделялась приданым, составлявшим около четвертой части выкупа за нее. Кроме того, невеста получала подарки от своей и жениховой родни. Самый малый калым в XVIII в. состоял из 10 голов лошадей и рогатого скота.

[1] Проф. В. А. Рязановский. Обычное право монгольских племен, ч. II. Чита, 1921.

[2] Буряты. Большая Советская Энциклопедия, т. VIII, М., 1927, стр. 238.

Более состоятельные имели по две, четыре, пять жен, а прочие, по словам Георги, «от бедности, скромности и любви» — только по одной.

Некоторые приграничные буряты покупали себе жен в Монголии. По данным Селенгинской воеводской канцелярии, в 1744—1753 гг. в качестве калыма за «мунгальских женок» было уплочено несколько тысяч голов скота. Пограничная администрация предписывала родовым старшинам «об оных женках содержать им всемерно в наикрепчайшем секрете и не разглашать, дабы не могло быть оного знания китайской стороне и не воспоследовало за то претензии, а Государственной Коллегии иностранных дел об оставлении оных женок в Российской стороне жить указанным иноверцам... отнюдь не объявлять, но содержать секретно, дабы оные не могли впредь вновь из заграницы воровски таковых же женок и девок покупать».[1] Тайши, зайсаны, шуленги обязывались строго следить за выполнением этого приказа улусными людьми «под опасением наижесточайшего без всякого помилования истязания».

Кроме приобретения жены за калым, бурятское обычное право знало взаимное сватовство — анда. В этом случае происходил своеобразный обмен: сын одних родителей женился на дочери других, а сын последних был женихом дочери первых. Таким образом, калым взаимно погашался, и, следовательно, сватовство такого рода имело известное экономическое основание.

Платеж калыма был не одинаков: «иные платят за невест своих весьма дорого, другие средственно, а некоторые берут и в перемену, т. е. от кого получают невесту, а потом отдают тому таковую в постороннее семейство, не производя платежа калыму».

На почве уплаты калыма нередко возникали недоразумения и распри, доходившие до вмешательства администрации и суда. В архивах административных и судебных учреждений XVIII—XIX вв. встречаются многочисленные дела по вопросам взыскания калыма.

Калым превращал женщину в объект купли и продажи, закабалял ее за мужем и его родней. Еще А. П. Щапов, изучая архив Верхоленской степной думы, обратил внимание на «дела о беглых жонках от мужьев» за 1791—1821 гг., говорящие о тяжелом положении бурятской женщины, помимо своей воли выдаваемой замуж.

«Несчастная женщина, — писал Щапов, — как баба, «изи», взятая из чужого дальнего рода, как член чуждый единокровно-родовой своеулусной общине, является в бурятской общине настоящей рабыней, работницею. Она все в юрте делает — и коров или кобыл доит, и тарасун гонит, и шубы, и турсуки берестенные шьет, и войлоки вываливает и пр. Басаган же, девица, как своя, однородовая, одноулусная кровь, кровь своей общины, не только не считается рабой, но и пользуется особенною или наибольшею любовью, почетом, подарками, воспевается в песнях как подруга «наила гаира хубун» — хороших парней. Об ней в песнях поют: «аман дуртай — люби, по-

[1] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Селенгинской воеводской канцелярии, дело № 1.

люби девку». Бабу, «изи», не пускают даже на тайлаганы, на мольбища у священных шаманских гор, лесов или ключей и т. п., не пускают именно потому, что она чужая и чужого рода-племени, а девица-басаган беспрепятственно включается в своеродовой священный союз, в улусно-тайлаганный круг». [1]

Значительное количество «дел о беглых жонках» не случайно. В побегах, по существу, выражался стихийный протест против закабаления бурятской женщины. «Жонки» бежали от насилий и обид со стороны сватов и мужей, уходили от постылого мужа к своим родителям, к любимому человеку или скрывались, где придется.

«Я ушла от мужа своего, — рассказывала одна из «жонок», — потому, что он с своей молодой сестрой нещадно бил, мучил меня, от этих несносных побоев я и убежала потаенным образом, пешком, долго блуждала по лесам, в преследовании до родной юрты питалась по лесам саранками, на пашнях выминала зерна хлеба из кладей, да вырывала репу».

Несмотря на родовые пережитки, ни бурятский улус, ни род не были в XVIII в. «строго замкнутой общиной, жившей патриархальной семьей, сплоченной общностью материальных интересов». Улус, или хотон, представлял собой небольшое поселение, кочевое стойбище, в котором жили родственные и неродственные семьи, имевшие отдельные хозяйства. По своей социальной сущности улус фактически соответствовал русской сельской общине. Бурятский же род в XVIII — XIX вв., включавший несколько улусов, являлся административно-территориальной единицей, напоминавшей русскую волость. Он не был «строго замкнутым», так как в него включались люди из других родов и выделялись с ростом населения, а также по обстоятельствам, связанным с землепользованием, распределением податей и повинностей, новые роды, причем характерно, что царская администрация при разрешении вопроса о перечислении из рода в род и разделении родовых групп руководствовалась исключительно интересами выполнения ясачного сбора и казенных повинностей. Указ Иркутского нижнего земского суда за 1795 г. предписывал, чтобы «отделяющие роды, не переменяя своих нынешних названиев, дабы тем не сделать в сборе ясака помешательство, именовались тех же родов вторым, чего они и сами просят». [2] (например, у кудинцев — 1-й 2-й абаганатский, 1-й 2-й харанутский).

По обычному праву, земельные угодья, расположенные на территории улусной общины, считались принадлежавшими ей. Распределение этих угодий производилось зайсанами, шулегами и сугланами (улусными сходами) в зависимости от качества угодий, количества ревизских душ и скота. На основании обычного права удобные для сенокошения места должны были равномерно распределяться между членами улусных общин.

---

[1] А. П. Щапов, Собрание сочинений, дополнительный том. Иркутск, 1937, стр. 213.

[2] Материалы по истории хозяйства и родового управления добайкальских бурят во второй половине XVIII и в начале XIX в. (Сообщ. Вл. Гирченко). Журн. «Бурятиеведение», 1926, № 2, Верхнеудинск, стр. 11.

Но эти нормы обычного права, на которых сказывалось влияние родовых пережитков, входили в противоречие с фактическим положением вещей. Неравенство в скотовладении и другом имуществе приводило и к неравенству землепользования. Самое распределение земельных угодий производилось, с одной стороны, сайтами (зайсаны, шуленги), выражавшими интересы крупных скотовладельцев, с другой стороны — улусным сугланом. Первые, пользуясь своим экономическим и административно-политическим влиянием, закрепляли за собой бо́льшие и лучшие угодья. В случае необходимости «степные аристократы» добивались не только фактического, но и юридического закрепления земельных угодий, хотя формально это определялось как «добровольная уступка» общественников. В архиве хоринских тайшей хранился «ордер» нерчинского обер-коменданта фон-Гантвиха главному тайше хоринских бурят Дамбе Дугар Иринцееву от 18 марта 1791 г. и указ Иркутского намсстничества по поводу отвода ему во владение для скотоводства «состоящего при Кудуне реке урочища».[1] На владение этой землей Иринцеев добился, как говорится в «ордере», «согласия на мунгальском языке, учиненного всем хоринских родов братским обществом», и представил его на утверждение правительственной администрации. При отмеченном выше влиянии тайшей, последние могли добиваться какого угодно «согласия». Отвод во владение Иринцееву пастбищных угодий был санкционирован наместническим правлением.

«В родовой или сельской общине, — пишет Ф. Энгельс, — с общей собственностью на землю, с которою или с весьма заметными остатками которой вступают в историю все культурные народы, само собой подразумевается довольно равномерное распределение продуктов; где же возникает более или менее значительное неравенство в их распределении между членами общины, это служит уже признаком начавшегося разложения последней».[2]

В бурятском обществе XVIII в., разделившемся на «богатых», «достаточных» и «бедных», неравенство распределения продуктов и средств производства проявлялось уже в резких формах. Это служит показателем разложения основ родового строя.

Нойоны закабаляли бурятское крестьянство, богатея за счет эксплоатации его, путем поборов в свою пользу при собирании ясака для царской казны и других «темных поборов», отдачи скота на выпас, ростовщического кредитования скотом и деньгами за отработки, приплод и денежные проценты.

По свидетельству Палласа, «подати уплачивают родоначальники от лица рода, а потом уже сами раскладывают их, с обильным приращением, посредством чего своих подчиненных держат в зависимости от себя». При казенных поставках шерсти, скота, дров и пр. тайши и другие начальники также удерживали в свою пользу «посреднический процент».

---

[1] Бурят-Монгольский Государственный институт языка, литературы и истории. Фонд хоринских тайшей, дело № 1, листы 9, 34.

[2] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, Соцэкгиз, 1931, стр. 150.

На основании обычного права можно проследить, как ссуда скота, бывшая когда-то формой родовой взаимопомощи, превращается в дальнейшем в средство эксплоатации крупными скотовладельцами мелких или неимущих скотоводов. Характерна при этом самая противоречивость норм обычного права, говорящая о столкновении более ранних обычаев с более поздними. С одной стороны, указывается, что «если кто отдал другому по дружбе в работу свою дочь, сына или верблюда, коня, быка или дойную корову для пользования, то впоследствии пусть не ищет платы». Вместе с тем устанавливаются строгие взыскания за неуплату ссуды в срок: сверх имущественной ответственности налагалось наказание розгами, при неплатежеспособности применялась отдача должника в кабалу или выдача кредитору головой. Кабала состояла в отработке долга («Степное уложение хоринцев» 1781 и 1808 гг.). По «Уложению» хоринцев 1781 г. (сохранились лишь отрывки их этого Уложения), «кто возьмет в долг деньги или вещи и в названный срок не внесет оных, — подвергается телесному наказанию, а его имение отдается заимодавцу в уплату».[1]

Памятники обычного права бурят свидетельствуют о распространении торговой и ростовщической эксплоатации населения. В 1800 г. хоринцы в докладной записке на имя главного тайши жаловались: «Поданные 11 родов... от купцов на большую сумму берут в долг товар из больших процентов и тот забранный в долг товар, не будучи в состоянии оплатить купцу, друг от друга деньги из большого процента перезанимают и расплачиваются, а то, не найдя чем уплатить долг,... дают от себя купцам подписки и старый свой долг опять переписывают на новые проценты, затем, не будучи в состоянии уплатить и этот долг, раззоряются, вследствие чего бывают принуждены уйти в кабалу, отчего лишаются возможности отправлять государственную албу и всякие расходы и сборы».[2] Иногда «за таковые всякие долги, сделанные отцом, сын его головой уходит в кабалу». Для предотвращения упомянутых явлений хоринцы выносили ряд постановлений: 1) чиновным сайтам запрещалось брать товары в кредит и торговать ими под угрозой штрафа и отобрания товара с возвращением владельцу; 2) это же запрещалось лицам податных сословий — в наказание постановлялось «крепче высечь спину и вернуть товар продавцу»; торговля могла вестись с разрешения родовых начальников только товарами, приобретенными за наличные; 3) за попустительство родовые начальники должны были подвергаться штрафу. Кроме запрещения купли-продажи в кредит, ограничивался размер процентов за отдаваемые в заем деньги.

На основании «Уложения» хоринцев 1781 г. ответственность по долгам носила как имущественный, так и личный характер. При неуплате долгов в срок продавалось имущество. Сверх имущественной ответственности налагалось наказание розгами. При неплатежеспособности должника он отдавался кредитору в кабалу, состоявшую в отработке долга.

---

[1] Проф. В. А. Рязановский. Обычное право монгольских племен, ч. II. Чита, 1921, стр. 30.

[2] Там же, стр. 49—50.

Без разрешения родовых сайтов и главного начальника запрещалось отдавать за долги в кабалу людям чужой приписки (не бурятам). При продаже имущества за долги часть его, необходимая для удовлетворения основных жизненных потребностей, оставлялась должнику. Вследствие неграмотности бурят и других народностей Сибири, купцы часто составляли расписки с произвольным указанием суммы долга. В указе 1748 г. по этому вопросу предписывалось: «Никаких писем (расписок) на иноверцев и новокрещеных не писать и не брать, разве которые сами писать умеют, и у тех брать на их языке» с засвидетельствованием старшины и «объявлением в главной своей команде», где должна производиться запись в книге. В противном случае долговые расписки считались недействительными; указ предписывал: «Если кто по таким письмам (распискам) будет долгов искать, оных штрафовать без упущения».[1]

По обычному праву бурят запрещалось давать и брать в долг без согласия и одобрения родовых начальников, без поручительства и письменного обязательства.

Основой ростовщической и торговой эксплоатации явились высокие проценты по займам, продажа товаров в долг «по ценам чрезвычайным», произвольное взыскание этого долга и «задатки, коих платеж умножаясь от году в год непомерным ростом, переходит от отца к сыну, оставляя весь род в долгу неоплатном».[2]

Бурятское крестьянство закабалялось и своими нойонами и русскими купцами-ростовщиками. Известны факты, когда нойоны в качестве скупщиков и торговцев являлись даже конкурентами русских купцов, очень ревниво относившихся ко всякой конкуренции.

В 1784 г. Верхнеудинский городской магистрат издал постановление, в котором указывалось, что некоторые из бурят, проживавших по близости к Верхнеудинску, перекупают скот, кожи, пушнину у своих соплеменников, приезжающих в город. Эти скупщики «всякими способами не допущают их до торговой биржи, перекупая у них сходными ценами, и продают приезжающим иногородным купцам с прибытком, а здешнему купечеству делают в торгу помешательство и убытки».[3]

Отдельные факты взаимной конкуренции не мешали, однако, бурятским нойонам входить в сделки с русскими купцами, выступать в качестве их посредников по продаже товаров и скупке пушнины, скота и пр.

На почве торгово-ростовщической эксплоатации населения Сибири происходили иногда столкновения агентов крепостнического государства — чиновников — с купцами. Последние, охраняя свою монополию, были против государственного ограничения внутренней торговли, хотя добивались ограничительных тарифов в отношении иностранных това-

---

[1] Ленинградское отделение Центрархива. Фонд Сената, Первый департамент, дело № 320.

[2] С. Прутченко. Сибирские окраины. СПб., 1899, Приложения, стр. 178.

[3] Вл. Гирченко. Социальное расслоение среди бурят-монголов в XVII—XIX вв. Журн. «Жизнь Бурятии», № 2, 1929, стр. 105.

ров и, что особенно характерно для Сибири, ограничения числа торгующих. Чиновники же добились некоторой регламентации торговли с сибирским, в том числе бурятским населением, мотивируя это интересами выполнения ясачной подати и различных повинностей. Вместе с тем, представители бюрократии использовали эту регламентацию для своих собственных выгод, сами выступая в роли скупщиков, продавцов и ростовщиков.

По инструкции секунд-майору Щербачеву (1763) было постановлено как в городах и острогах, так и в отдельных улусах устраивать для бурят и других народностей Сибири, с согласия их князьцов и старшин, сборные места и при них учреждать ярмарки. Последние существовали и раньше, так как указывалось, что они устраиваются «по примеру кочующих в Нерчинском и Селенгинском ведомствах братских и хоринцев».

На ярмарке было разрешено купцам «единственно только с нужными по тамошним обстоятельствам к житию их товарами в определенные... времена приезжать».[1] В сборных местах во время ярмарок ясачные плательщики уплачивали свой оклад, а оставшиеся после уплаты продукты могли «променять на нужные к содержанию своему товары».

Комиссары, посылаемые от казны за сбором ясака, продавали порох и свинец. Характерно, что эта продажа производилась «для сильнейшего и способнейшего впредь промыслу зверей». Купцам разрешалось приезжать на ярмарки один раз в год только в то время, когда там будут находиться комиссары для сбора ясака. В остальное время предписывалось «в улусы и кочевья ни с какими товарами отнюдь не въезжать». На ярмарках разрешалось производить торговлю лишь после того как будет выплачен ясачный оклад. Фактически же постановления, запрещавшие купцам въезд в улусы и стойбища кроме ярмарок, часто нарушались.

Несмотря на отдельные столкновения между собой, чиновники, купцы и нойоны являлись союзниками по закабалению и эксплоатации сибирского трудового населения, составляя единые нити опутавшей его паутины.

---

[1] Ленинградское отделение Центрархива. Фонд Сената, Первый департамент, дело № 295, листы 1—3.

Глава VIII

СИБИРСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ XVIII в. И БУРЯТЫ

Характеристика сибирской администрации

Во второй половине XVIII в. главное управление сибирскими делами сосредоточивалось в Сибирском приказе, находившемся в Москве. На местах управляли воеводы, приказчики и разные служилые люди.

В 1708 г. была учреждена обширная Сибирская губерния с центром в Тобольске. В состав ее входила вся Сибирь и даже Приуральская часть Европейской России. В 1719 г. Сибирская губерния разделялась на 5 провинций: Вятскую, Соликамскую, Тобольскую, Енисейскую, Иркутскую. Восточная Сибирь входила в состав Иркутской провинции, во главе которой стоял вице-губернатор, подчинявшийся сибирскому генерал-губернатору. В 1764 г. Иркутская провинция выделилась в самостоятельную губернию.

В 1782—1783 гг. в Сибири было учреждено 3 наместничества — Тобольское, Колыванское и Иркутское, Последнее состояло из Иркутской, Нерчинской, Якутской и Охотской областей. Наконец, в 1796 г. Сибирь была разделена на две губернии — Тобольскую и Иркутскую. Каждая область, входившая в состав губернии, делилась на дистрикты (уезды).

Губернией управлял губернатор, возглавлявший Губернское правление. В каждой губернии были: Казенная палата, имевшая финансово-экономические функции («для домостроительных дел и управления казенных доходов»), губернский землемер, Палаты гражданского и уголовного суда и Верхний земский суд.

Управление уездом сосредоточивалось в Нижнем земском суде во главе с земским исправником. В каждый уезд определялись казначей, присяжный землемер, доктор, лекарь и два подлекаря. Нижний земский суд имел административные и полицейские функции. Судебными делами ведал уездный суд и нижняя расправа.

Городами управляли городничий или комендант и городовой магистрат или ратуша.

В условиях бесправия народных масс и удаленности от центральной власти, перед сибирской администрацией открывался широкий простор для административного произвола.

В Сибири прошла целая галлерея чиновников, прославившихся своим самодурством, взяточничеством, грабежами и насилиями. «Сибирь, — указывал соликамский летописец, — была наполнена присяж-

ными разбойниками, кормящимися властями, т. е. воеводами, комиссарами, приставами, для коих украсть, ограбить, даже убить человека из-за денег, продать душу за алтын, считалось ни во что».

«Воеводы и губернаторы в XVIII столетии, — пишет Ядринцев, — отличались железным управлением. Телесные наказания, кнуты, темницы и пытки, «огонь и железо» были орудиями этого управления. Произвольные конфискации имущества, заточения и казни личностей, которых имущество хотел приобрести воевода, были в полном ходу». [1]

Многочисленные жалобы на злоупотребления сибирских сатрапов обыкновенно игнорировались центральной властью. «Народ стенал от несправедливостей и поборов, но его стенания заглушались тою же силой, которая их возбуждала». Екатерина II объявила сибиряков ябедниками, кляузниками и беспокойными людьми, не заслуживавшими никакого доверия. По поводу жалоб на тиранические действия иркутского губернатора Якобия царица заявила следующее: «Читано перед нами несколько тысяч листов под названием сибирского якобинского дела, из которого мы ничего иного не усмотрели кроме ябеды, сплетен и кляуз».

Ревизии, направленные в Сибирь, или не имели положительных результатов в смысле искоренения злоупотреблений, или ревизоры оказывались еще хуже ревизуемых.

В 1764 г. в Сибирь был отправлен секунд-майор Щербачев с командой «для пресечения притеснений, какими сибирские дворяне, дети боярские и казаки, отряжаемые для сбору ясаку, бессовестно и до конца разоряли беззащитных ясачных племен». В особой инструкции Щербачеву предписывалось, чтобы «взяток и подарков никаких ни под каким предлогом брать не дерзали и в селах и деревнях крестьянам, а в ясачных жилищах иноверцам, яко безгласному народу, никаких обид, побоев и в квартирах утеснений отнюдь не чинили». [2] При сборе ясака приказывалось «обходиться без угроз и притеснений». Ревизия Щербачева нисколько не пресекала злоупотреблений сибирских сатрапов большого и малого рангов. В действиях самой Екатерины II, подписавшей иструкцию Щербачеву, наблюдалось полное противоречие: с одной стороны, инструкция предписывала «пресекать притеснения», с другой — указ по делу иркутского губернатора Якобия объявлял многочисленные жалобы сибирского населения на действия местных сатрапов не заслуживающими доверия кляузами и таким образом открывал сибирским управителям широкий простор для новых злоупотреблений.

Указы об управлении народами Сибири

В области управления бурятским населением царское правительство и его местная администрация опирались, как мы знаем, на феодальную верхушку бурятского общества, причем вплоть до 1822 г. когда было издано «Положение об управлении инородцев», правитель-

[1] Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб., 1892, стр. 473.
[2] Ленинградское отделение Центрархива. Фонд Сената, Первый департамент, дело № 295.

ственные агенты руководствовались частными актами и прецедентами административной практики.

Первыми актами, определявшими управление бурятским населением, были шерти (присяги) князьцов в XVII в. о подданстве. Князьцы, давая шерть «по своей вере под солнцем и под землею, и под огнем, и под русскою саблею, и под пищалью», обязывались за себя, своих родственников и улусных людей «быть в вечном холопстве», платить без недобору ясак и поминки, ходить вместе с «государевыми людьми» войною на «непослушников», «смирять» их и брать ясак в царскую казну.

Нойоны подчинялись воеводам, приказчикам, но сохраняли самостоятельность в области внутреннего управления улусными людьми.

В конце XVII и начале XVIII в. руководящими актами считались договоры окольничьего Федора Головина, заключенные в 1689 г. с монгольскими тайшами и табунгутскими сайтами, кочевавшими в Забайкалье. С некоторыми изменениями основные положения этих актов были распространены на управление всеми группами бурятского населения. По своему содержанию упомянутые договоры напоминали шерти бурятских князьцов.

Наконец, после Буринского трактата 1727 г. руководящими актами стали «Инструкция пограничным дозорщикам» и патенты на звания тайшей.

В инструкции Посольской канцелярии графа Саввы Рагузинского пограничному дозорщику Григорию Фирсову и толмачу Ст. Кобею от 27 июня 1728 г. устанавливались следующие основные положения по управлению приграничным бурятским населением:

1) малые дела: споры о калыме, воровство, драки и пр., за исключением «криминальных» (политических) дел и убийств, подлежали суду бурятских начальников; менее значительные тяжбы разрешались в каждом роде его родовыми начальниками, а для более сложных дел составлялся суд из начальников трех соседних родов, по два от каждого рода; «чем они осудят, — указывалось в инструкции, — на том стоять у иске за притчину, дабы земские комиссары по уездам и острогам за малые причины не грабили и не разоряли»;[1] дела по 1-му 2-му и 3-му пунктам криминальных законов (политические) и дела об убийствах передавались суду уездных земских комиссаров (в дальнейшем — земские исправники);

2) ясак собирался натурой или деньгами по его действительной стоимости; сбор производился через бурятских начальников;

3) каждый бурят был обязан числиться в каком-нибудь роде под ведением своих начальников и подчиняться им; «перебежка» из одного рода в другой запрещалась; бежавших возвращали в те роды, к которым они были приписаны.

Инструкция являлась основным актом для управления всем бурятским населением. На нее ссылаются в своих общественных приговорах верхоленские, балаганские, селенгинские буряты, а также якуты.

---

[1] Материалы Комиссии Куломзина..., вып. V, Приложение 77, стр. 130.

Вторым документом, характеризующим управление и суд среди сибирских народностей, была инструкция Сената секунд-майору Щербачеву, командированному в 1763 г. в Сибирь для урегулирования ясачных сборов. Основные положения этого документа соответствуют по своему содержанию «Инструкции пограничным дозорщикам»: 1) «ближайшее управление по улусам, стойбищам, наслегам и пр. предоставлено бывшим тогда князцам и других наименований почетным людям»; 2) им же предоставлены суд и расправа «во всех делах тяжебных и маловажных уголовных».[1]

Существовали также указы и манифесты по отдельным судебным и административным вопросам: указ 1783 г. «о суждении в небольших тяжбах словесным разбором у родовых шуленг», указ 1795 г. «об уничтожении и запрещении вовсе наказания, без суда, батожьем, кошками и плетьми», указ 1797 г. «о братии под караул ослушников и подговаривающих к ослушанию начальства» и др.[2]

С 40-х годов XVIII в. в бурятских ведомствах учреждаются «конторы». Первой была учреждена (сначала под названием «Мирской сборной избы») Онинская контора среди 11 хоринских родов. В ней хранились указы, распоряжения начальства и дела, подлежащие ведению конторы. Присутствие конторы состояло из главного тайши и 6 депутатов. Двое из них вместе с тайшей поочередно дежурили в конторе и решали дела, четыре же других депутата разъезжали для управления и решения дел по местам. При конторе устраивались албанные съезды (сугланы) для раскладки податей и повинностей и решения более важных дел. На сугланах участвовали все тайши, депутаты и родовые начальники (зайсаны, шуленги, засулы).

Кроме контор, существовали в родовых объединениях мирские сугланные избы.

Конторы, албанные съезды и сугланные избы ведали раскладкой, сбором и сдачей в казну податей, распределением повинностей, исполняли предписания губернского и уездного начальства, наблюдали за исправным содержанием местных почтовых станций, за поправкой дорог. Тайшам и родовым сайтам со второй половины XVIII в. предписывалось способствовать «размножению хлебопашества» и пополнению хлебозапасных магазинов, содействовать собиранию шерсти для казенных фабрик и т. д.

К компетенции бурятских нойонов относились также суд и расправа на основании «Инструкции пограничным дозорщикам» и других правительственных актов и норм обычного права. Тайши и родовые сайты, совершая расправу, наказывали розгами, запирали под арест, взыскивали денежные штрафы. «Родовые правила во многих случаях весьма жестоки и несправедливы даже до того, что допускают пытки и истязания», — писал Сибирский комитет о суде и расправе бурятских «старшин».[3]

---

[1] Прутченко. Сибирские окраины. Приложения, стр. 176.

[2] Сборник обычного права сибирских инородцев. Изд. Д. Я. Самоквасова, Варшава, 1876, стр. 87—88.

[3] Прутченко, там же, стр. 176.

Сбор ясака, выполнение казенных повинностей и другие мероприятия по отношению к бурятскому населению проводились через улусных, родовых и межродовых (тайши) начальников из «степной аристократии», ставшей опорой самодержавия.

Бурятские начальники имели значительные привилегии в области внутреннего управления и суда, используя административное влияние для внеэкономической эксплоатации бурятского крестьянства.

При раскладке ясака и организации управления были использованы родовые пережитки. Род являлся основной административной единицей, за которой закреплялись ясачные плательщики (запрещение «перебежки» из одного рода в другой).

Формально «Инструкция пограничным дозорщикам» ограничивала вмешательство земских (уездных) чиновников во внутреннее управление бурятских ведомств («дабы земские комиссары по уездам и острогам за малые причины не грабили и не разоряли»).

Фактически же «все управление... перешло большею частию в зависимость земских чиновников и сделалось поводом к великим злоупотреблениям».

«Комиссары разоряют нас и держат под арестом, морят голодною смертью и берут с нас не малые взятки, отчего пришли во всеконечную нищету и скудость и отбыли от ясачного платежу», — жаловались хоринцы в 1729 г.[1]

В ноябре 1729 г., вероятно под влиянием подобных жалоб, был издан указ Государственной коллегии иностранных дел о «нечинении ясашным притеснения», но «великие злоупотребления», по свидетельству Сибирского комитета, продолжались и в дальнейшем.

Предоставляя бурятским нойонам суд и расправу «во всех делах тяжебных и жалованных уголовных», царское правительство и местная сибирская администрация полагали, что суд будет производиться «по своим обычаям», т. е. на основании обычного права. Правила, по которым действовали бурятские нойоны, производя суд и расправу, были «основаны на сложных и разнообразных преданиях, вызывавших споры о смысле и силе их правил». При отсутствии систематизированных записей обычного права, с которым приходилось сталкиваться сибирской администрации, последняя совершает попытки его кодификации через тайшей и сайтов.

В результате возникает ряд актов, отражающих нормы обычного права.

Попытки кодификации «степных узаконений»

В 1763 г. на албанном суглане по раскладке податей и повинностей тайшами и сайтами 11 хоринских родов был составлен законодательный сборник под названием «Хэб» («Уложение», «Положение»).

---

[1] Фонд Коллегии иностранных дел. Дела бурятские. (Цит. по копиям, присланным из Центрархива Архивному управлению Бурят-Монгольской АССР).

В нем содержались три обширных статьи: о брачном праве, о регулировании занятий охотой, о борьбе с пьянством.

В 1781 г. было составлено «Степное уложение» хоринцев («Хэбтоктол»). Вероятно в этот же период составляются «Степные узаконения» селенгинских бурят.

С некоторыми изменениями и дополнениями эти сборники легли в основу «Степных уложений» первой половины XIX в.

Сборники обычного права касались: управления, податей и повинностей, некоторых вопросов хозяйства (скотоводство и охота), религии, норм семейного, гражданского и уголовного права.[1]

Кодификация обычного права совершалась в тот период, когда бурятское общество раскололось на классы и развернулась классовая борьба в улусе. В этом отношении очень характерен приговор селенгинских бурят от 5 июня 1823 г., являющийся введением к сборнику «Степных узаконений».

В приговоре указывается, что предки бурят-селенгинцев сначала не нуждались в особых правилах для управления и суда, так как жизнь была несложной и родовые старейшины решали все дела путем словесного разбора. «Когда же после сего, — говорится далее в приговоре, — в течение многогодичного времени, как в людях, так и в скоте последовало умножение, к тому же в прошлых 1764 и 1765 гг. в наших селенгинских 14 родов составлено было пограничное, четырех полков, братское войско, то по неизвестным нам обстоятельствам стало упадать прежнее наше спокойствие, а с тем вместе возрождается ненависть и неудовольствие к одному другого, и от того происходят ссоры, тяжбы, скотское воровство, напоследок, уже не оставалось никаких мер к прекращению всего того и к восстановлению прежнего образа жизни нашей, посему, бывшие тогда главные родовые тайши, шуленги, зайсаны, начальники четырех полков, с их сотниками, бандиды, ламы, хамбы, с прочими степными ламами и общественными лучшими людьми и казаками, сделали сообразно инструкции, данной от иллирийского графа, бывшего на китайской границе полномочного посланника, Саввы Владиславовича Рагузинского, 1728 г. в день июня, степные узаконения.

«После того в 1818 г. по случаю требования, подобного сему, начальством, собравшись при онной конторе, учинили такое же положение, сообразно прежде установленному по известным преданиям».[2]

«Неизвестные обстоятельства», по причине которых стало «упадать прежнее спокойствие», «возрождаться ненависть и неудовольствие одного к другому», заключались в разложении родового строя, развитии классового расслоения и классовой борьбы. Мы уже указывали, что древние родовые обычаи приходили в резкий конфликт с более поздними нормами обычного права, санкционированными эксплоататорской верхушкой бурятского общества. Обычай родовой взаимопомощи, совершав-

---

[1] Сборник обычного права сибирских инородцев. Изд. Д. Я. Самоквасова. Варшава, 1876.

[2] Там же, стр. 151.

лейся безвозмездно, превратился в форму ростовщической эксплоатации и закабаления неимущих должников.

«Степные узаконения» содержали нормы, которые, по существу, утверждали ростовщичество и ростовщическое закабаление (продажа имущества при неуплате долга, наказание должников розгами, «отдача в кабалу» для отработки долгов). По данным Сибирского комитета, платеж, умножаясь из года в год непомерным ростом, переходил от отца к сыну, оставляя весь род в долгу неоплатным».

В обычном праве появляются нормы, касающиеся наемного труда. По уложению хоринцев, нанявшийся на работу обязуется «хозяину своему повиноваться и помимо хозяина самовольно ничего не начинать и никаких грубостей не наносить и хозяйскую прибыль, как и сам хозяин, должен наблюсти и самовольно отнюдь не отлучаться никуда».

В то время как «степная аристократия» стремилась к утверждению в своих интересах положений, способствующих закабалению улусных людей, последние добивались установления норм, направленных против этого закабаления.

В «Степных уложениях», наряду с нормами, фактически санкционирующими ростовщичество и кабалу, встречаются указания о бесплатности предоставления в пользование скота и других предметов, необходимых для хозяйства; сайтам и богатым податным людям запрещается отдавать в пользование скот за плату.

В 1800 г. «поданные 11 хоринских родов», заявляя в своем приговоре о распространении ростовщичества, приводящего к разорению и закабалению, постановили:

1) запретить родовым сайтам брать в кредит товары и торговать ими; лицам податного состояния с разрешения сайтов дозволялось производить торговлю только товарами, купленными за наличные деньги. Купля-продажа в кредит вообще запрещалась;

2) если у какого человека не будет никаких средств, чтобы уплатить долги, сделанные отцом его, то такого человека за отцовские долги не отдавать в кабалу;

3) запретить отдавать в кабалу «лицам чужой приписки»;

4) установить норму взимания процентов за долги — без поручительства взыскание должно было ограничиваться 6%, с разрешения родовых сайтов нормы взыскания могла повышаться, но не более 25%.

Мероприятия, направленные против ростовщичества (точнее, к его ограничению), не затрагивали социальных условий, порождавших ростовщическое закабаление, и поэтому не давали реальных результатов.

Ясачная подать в XVIII в.

Одной из главных функций местной администрации в бурятских ведомствах был сбор ясака. В начальный период завоевания Прибайкалья, в XVII в., ясак собирался пушниной или скотом. В конце XVII в., кроме натуральной, появляется и денежная форма ясачного сбора, которая в XVIII в. постепенно вытесняет натуральную. Еще в конце XVII в. правительство и его местные агенты, заинтересованные в полу-

чении пушнины путем ясачных сборов, пошлин с торговых и промышленных людей, а также через меновую торговлю, высказывали иногда опасение, как бы «мягкая рухлядь» не «испромышлялась» с развитием колонизации и заведением пашен.

В 80-х годах XVII в. были переведены в Баргузинский острог енисейские служилые люди на постоянную службу «с пашен, без хлебного жалованья». «А наперед сего на Байкале пашен не было, потому что места лесные и ясашные» — писал иркутский воевода Кислянский.[1] Спустя некоторое время служилых людей, поселившихся в «байкальских острогах» и начавших заводить пашни, было приказано перевести в Иркутский острог, чтобы «в байкальских острогах. пашен не заводили и лесов под пашни не сбили и не жгли, и от того бы зверь не выводился. . . ясашному сбору недобору не было». Однако и в более позднее время, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, никаких рациональных мер для охраны пушных зверей от истребления не принималось. Наоборот, правительственная и частная эксплоатация содействовали развитию хищнической охоты, «испромышлению» зверей.

«Испромышление» пушнины в результате хищнической охоты и вырубки лесов с развитием колонизации, а также проникновение товарно-денежных отношений в натуральное хозяйство были главными причинами того, что натуральный ясак в форме пушнины стал вытесняться денежным. В XVIII в. этот процесс можно проследить довольно ясно.

В 1705 г. было собрано ясачной, поминочной и выменной казны иркутского, идинского, ангарского, верхоленского, селенгинского, баргузинского, баунтовского сборов с бурят, эвенков и «мунгальских выходцев»: 271 «соболь с хвосты и от тех соболей тож число пупки», 305 лисиц, 100 россомах, 15 выдр, 19 волков. Кроме того, за ясак было взято деньгами 2162 рубля 5 алтын. Эти деньги были получены от тех ясачных людей, которые «за немочью и за скудностью соболей и вместо соболей и иных зверей не упромышляли». С них «по самой нужде собрано за ясак за соболиное число и принято к плохим соболям и иным зверям в придачу деньгами 2162 рубля 5 алтын».

По указу 1727 г. было постановлено «брать ясак зверьми и китайкою попрежнему без прибавки по настоящей оценке». Но в то же время предусматривалось — «а у кого зверей и китайки нет, с тех брать деньгами по оценке без излишества, и вольно им отдавать в казну или продавать на сторону, а в казну заплатить деньги».[2] В половине XVIII в. неопределенность ясачного оклада и поборы, совершаемые при взимании ясака, были настолько заметны, что правительство командирует в 1763 г. в Сибирь секунд-майора Щербачева для регулирования вопроса об ясаке и переокладке его. По инструкции Щербачеву,

---

[1] А. А. Ионин. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII в. Иркутск, 1895, стр. 214.

[2] Ленинградское отделение Центрархива. Фонд Сената, Первый департамент, дело № 320. (Приведены копии указов и других документов, которыми руководствовались по отношению к «ясачным у Байкала» — бурят-монголам, тунгусам — в XVIII в.).

полагалось ясачный оклад платить в казну ежегодно деньгами «не с каждого порознь, но суммою со всего улусу». Таким образом должна была производиться, соответственно ясачному окладу, внутренняя раскладка ясака. При объявлении ясачных плательщиков, что они не в состоянии вносить наложенную на них сумму денег или количество зверей, разрешалось, «сообразуясь с обстоятельствами», устанавливать оклады, которые могли бы вноситься без недоимки. Подтверждалось старое постановление «дарить князцов за исправный платеж ясаку», но предлагалось определить размер вознаграждений. Ясак должен был взиматься соответственно переписным книгам ревизских душ (мужского пола). При сборе ясака предписывалось «никаких ясашным оскорблений не чинить, окладов не переменять»; в случае же «справедливых о сем просьб, по причине лишения некоторых кочевьев звериных промыслов или скотоводства, представлять с прописанием обстоятельств в Правительствующий Сенат». Соответственно инструкции секунд-майору Щербачеву были установлены новые оклады ясака. Ясачная подать 1763 г. в Иркутской губернии вносилась преимущественно в денежной форме.[1] Натуральный оклад вносился, главным образом, эвенками. Ясак исчислялся на душу мужского пола (ревизская душа).

В Иркутском округе, включавшем почти всех западных бурят, за исключением нижнеудинских, по 3-ей ревизии (1763 г.) числилось 65 бурятских родов — 17 501 ревизская душа, а к 1800 г. — до 23 506 ревизских душ. На душу приходилось в 1763 г. от 1 р. 60 к. до 2 р. 60 к. ясака. В 1800 г. Иркутская казенная палата сообщала, что ныне ж по собственной их... воле платить желают ясак деньгами не по числу душ, а вообще родами, из коего по расчислении выходит от 1 р. 20 к. до 1 р. 85 к. на душу».

В Нижнеудинском округе 3-я ревизия насчитывала в 15 родах 1380 ревизских душ. Количество ясака в 1763 г. — от 60 к. до 3 р. 25 к., а в 1800 г. — от 1 р. 60 к. до 2 р. на душу.

В Баргузинском округе по 3-ей ревизии числилось 12 бурятских родов — 11 490 ревизских душ, а к 1800 г. — 16 158 ревизских душ. В это число входило 11 родов бурят-хоринцев и 1 подострожный (у Баргузинского острога) род. Платеж ясака в 1763 г. — от 1 р. до 2 р. на душу, а в 1800 г. — от 80 к. до 1 р. 14 к.

В Верхнеудинском округе, включавшем тогда кударинских и селенгинских бурят, по 3-ей ревизии (1763 г.) числилось 27 бурятских родов — 7266 ревизских душ, а к 1800 г. — 8244 ревизских душ. Ясак платился деньгами от 60 к. до 3 р. 30 к. на душу (в 1763 г. — от 80 к. до 1 р.).

Различие в платеже ясака объясняется раскладкой его внутри родов по степени зажиточности. При небольшой абсолютной цифре ясачного оклада уплата его была, однако, затруднительной вследствие невы-

[1] Ленинградское отделение Центрархива. Фонд Сибирского комитета 1852 г., дело № 111. «Ведомость о числе душ кочевых и бродячих инородцев Восточной Сибири, пространстве принадлежащих им земель, имуществе и промышленности их и о подати, на них положенной». (Приводятся сравнительные данные ясачной подати 1763 и 1827 гг.).

соких в конце XVIII в. цен на продукты сельского хозяйства. Затруднительность уплаты ясака доказывается наличием постоянных недоимок; например, буряты Иркутского округа платили в 1763 г. 24 098 р. ясака, а в 1800 г. — 34 377 р. Но кроме годового оклада за ними числилось недоимки за 20 лет — 4187 р. Казенная палата требовала уплаты этой недоимки, указывая, что «оную в рассуждении заведения ими хлебопашества, к которому они начали иметь прилежание, также имеющегося у них скотоводства заплатить могут». Характерно, что в числе источников пополнения недоимки у западных бурят совершенно не указывается охота, между тем как у эвенков она считается главным источником ясачной подати, хотя и они ссылались на «умаление стойбищ зверя». Ясачный оклад бурят Верхнеудинского округа исчислялся по 3-ей ревизии (1763 г.) — 8002 р., а в 1800 г. — 9525 р. Недоимка, «расположенная ко взысканию в 20 лет», достигала превышающей оклад цифры в 14 626 р., да с 1786 г. еще 8297 р. Буряты заявляли, что «недоимка накопилась по скудости их». Источником покрытия ее Казенная палата считала звероловство, скотоводство, а для некоторых и хлебопашество. Характерно, что меньше всего недоимки имели буряты-хоринцы, входившие тогда в состав Баргузинского округа. По этому округу ясачный оклад исчисляется, по 3-ей ревизии, в 14 640 р., а в 1800 г. — в 20 655 р. Недоимки же числилось всего 29 р. Хоринцам сумма ясака была прибавлена, причем это обстоятельство мотивировалось тем, что они «имеют... хлебопашество, немалое скотоводство, звериный промысел». Прибавка к исчисленному окладу была довольно значительна, достигая 1/3 его. Недоимки, накапливавшиеся годами, и прибавки в случае малых недоимок повышали фактическую сумму ясака. Наконец, при внутренней раскладке ясачного оклада в бурятских родах, при выключении малолетних и престарелых, доля ясака на ревизскую душу могла увеличиваться; например, один из родов нижнеудинских бурят жаловался, что оклад их, исчислявшийся по 3 р. 2 к. на душу, достигал, однако, 8 р., при выключении дряхлых и малолетних. Нижнеудинцы указывали, что они «пришли в немалое убожество».[1] Сумма платежей, собиравшихся с бурятских крестьян, увеличивалась «темными поборами» со стороны тайшей, зайсанов, шуленг и чиновников. Кроме уплаты ясачной подати, буряты выполняли различные повинности: отбывали подводную гоньбу, поправляли дороги, несли пограничные караулы, доставляли дрова, строительные материалы, шерсть для казенных предприятий и пр.

Процесс вытеснения натуральной формы уплаты ясака денежной свидетельствует о некоторых изменениях, происходивших в экономической жизни в XVIII в.: уменьшение удельного веса охоты, внедрение элементов денежного хозяйства в натуральный уклад, относительное усиление связи бурятского хозяйства с рынком. Но, как мы уже указывали, эти явления еще не привели к коренному изменению патриархально-натурального уклада.

---

[1] Ленинградское отделение Центрархива. Фонд Сената, Первый департамент, дело № 295.

Глава IX

ПРОНИКНОВЕНИЕ ЛАМАИЗМА В БУРЯТИЮ В XVIII в.

В 1652 г. русские служилые люди, отправленные для разведки о «Мунгальской земле», встретились с монгольским князем Култуцином, кочевавшим со своими улусными людьми по Хилку и Селенге. В ставке князя (казаки называли его «царевичем») они видели «лабу» (ламу), который «у него, царевича, служит во вся дни, по утру и по вечеру». В молельне стояли серебряные и позолоченные «литые болваны». Перед ними находились чаши, окруженные тоненькими свечами «в гнездах». «Горят те свечи тихонько день и ночь перед теми болванами», — рассказывали служилые люди.

Лама был служителем новой религии, начинавшей проникать к забайкальским бурятам, — ламаизма. Покровителями этой религии были «степные аристократы» — бурятские нойоны. Укрепляя свою экономическую мощь и политическое влияние в новых условиях, установившихся после завоевания Бурятии, нойоны уже не удовлетворялись шаманством, выросшим еще в условиях родового общества. Для сношений с русской администрацией и внутреннего управления, торгово-ростовщических операций и укрепления своего влияния среди улусных людей «степные аристократы» нуждались в бывалых и расторопных посредниках. Привыкая к роскоши, нойоны уже не удовлетворялись убогой обстановкой шаманского культа, им больше импонировала пышность ламаитских хуралов. Ламы, воспринявшие традиции феодально-теократического Тибета, выступали не одиночками, а целыми группами, являясь носителями пышного ритуала и религиозно-схоластической догматики. Ламы представляли собой более надежную опору для «степной аристократии», чем шаманы. Путешественники XVIII в. встречали в Забайкалье у тайшей и зайсанов ламаитские молельни и лам, выступавших в роли служителей культа, секретарей, советников, лекарей, учителей монгольской грамоты у детей нойонов. Приобретая в лице лам новых союзников и помощников, нойоны оказывали им всемерное покровительство.

Ламаизм стал проникать к забайкальским бурятам из соседней Монголии в конце XVII и первой половине XVIII в. Его проповедниками были монгольские и тибетские ламы.

После Буринского трактата 1727 г., закрепившего границу с Китаем и Монголией, сношения с ней стали затруднительнее, но они не прекращались. В материалах Селенгинской воеводской канцелярии

за 1744—1756 гг. имеется целый ряд дел о переходивших границу «мунгальцах», «мунгальских ламах».[1] Они выступают одновременно и в роли проповедников ламаизма и в роли торговцев-контрабандистов. У «мунгальских лам» находили, кроме предметов религиозного культа, китайский чай и другие товары.

Кроме монгольских лам, в документах, относящихся к первой половине XVIII в., упоминаются «индеяне». Это были тибетские ламы, попавшие в Забайкалье из Тибета через Монголию.

В 30-х годах XVIII в. путешественник Гмелин при посещении селенгинского тайши беседовал с ламой-гелоном (священником). Этот лама считал бурят не правоверными ламаитами, а «язычниками». Видимо, в первой половине XVIII ст. ламаизм, хотя и проникал к забайкальским бурятам, но не получил еще тогда широкого распространения и не вытеснил шаманства. У хоринского тайши Гмелин видел ламаитскую молельню. Вместе с тем в юрте тайши находились шаманские онгоны, а вокруг жилища — шесты с насаженными на них для шаманской жертвы баранами. Бабка тайши пользовалась большим почетом как шаманка. В 70-х годах XVIII в. Георги указывал что «даурские буряты не только много ламаитского вмешивают в свои верования, но некоторые богатые люди приглашают лам из Монголии и отправляют ламаитские идолослужения рядом с шаманскими».

Ведя борьбу с шаманством, ламы вместе с тем ловко приспособлялись к шаманскому культу, — ламаизм впитывал в себя различные элементы шаманства.

В 1741 г. в Забайкалье сооружаются первые ламаитские монастыри — Цонгольский и Гусиноозерский дацаны.

По официальным сведениям, в этом году числилось 11 «капищ» и 150 лам. Кроме упомянутых дацанов, в число капищ входили небольшие ламаитские молельни. По описанию Георги, относящемуся к 70-м годам XVIII в., «капища... суть не войлочные юрты, но небольшие деревянные дома, наподобие китайских капищ (пагод) построенные... Кроме капищ, имеют они много и часовен, маленьких, деревянных, посвященных некоторым бурханам... Около и поблизости капищ имеют также священнослужители небольшие деревянные жилища, почему жилища их с капищами представляют вид монастырей».[2]

Самым большим дацаном в 70-х годах XVIII в. считался Цонгольский, являвшийся резиденцией главы ламаитского духовенства бандидо-хамбо-ламы. В дальнейшем резиденцией последнего стал Гусиноозерский дацан.

Ламаизм распространялся, преимущественно, в тех ведомствах, где он находил более сильных покровителей из среды бурятского нойонства. Такими покровителями были селенгинский и хоринский тайши со своими

---

[1] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Селенгинской воеводской канцелярии, дело № 1.

[2] Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. IV. СПб., 1799, стр. 44.

сайтами. Ламаизм со второй половины XVIII в. распространялся все больше и больше. В 1774 г. в Забайкалье числилось «10 больших и 6 малых кумирен и при них 617 лам». К 1822 г. количество лам увеличилось до 2600, а к 1842 г. — до 5545 человек.

Еще в 20-х годах XVIII в. царская администрация, обратив внимание на распространение ламаизма, стремится провести по отношению к нему различные ограничения. В инструкции 1728 г., данной Саввой Рагузинским пограничным дозорщикам, предписывалось «лам заграничных, чужих подданных, в улусы к себе... не пропускать и довольствоваться теми ламами, которые после разграничения с Китаем остались на Российской стороне». В случае же недостатка последних разрешалось выбирать для обучения из каждого рода по два мальчика. В 1741 г. вице-губернатором Иркутской провинции было приказано Селенгинской воеводской канцелярии взять с бурятских лам «обязательство под угрозой смертной казни» не проходить за границу и не иметь никаких сношений с заграничными ламами. Количество лам, существовавшее тогда, было признано достаточным и утверждено «комплектным».

Как в XVIII в., так и в последующее время, в политике царского правительства по отношению к ламаизму наблюдалась двойственность: с одной стороны, оказывалось всемерное содействие православному миссионерству, издавались ограничительные указы против распространения ламаизма; с другой — царское правительство легализировало ламаизм и стремилось использовать его для своих политических целей. Ламство было тесно связано с тайшами и сайтами, через которых царизм проводил свою политику по отношению к бурятам. Вместе с тем царская власть стремилась использовать ламство для усиления своего влияния в Монголии и вообще в Центральной Азии. В результате царское правительство, несмотря на отдельные конфликты с ламством, фактически способствует его укреплению.

Правительственные мероприятия способствовали централизации ламской иерархии и фактически усиливали влияние ламаитского духовенства. В 1741 г. указом царского правительства был поставлен во главе всех бурятских лам ширетуй (настоятель) Цонгольского дацана Пунцук. В 1764 г. глава ламаитского духовенства получил титул бандидо-хамбо-ламы, узаконенный правительством. «Титул бандиды, — пишет арх. Нил, — важен и громок. И это потому, что он там один, и в лице его сосредоточена вся духовная власть над монголо-бурятами ламайской веры, обитающими по ту и сю сторону Байкала».[1] Первый бандидо-хамбо Заяев принимал участие в Екатерининской комиссии по составлению нового «Уложения» и был награжден золотой медалью. Пребывание в Петербурге и награду Заяев использовал для усиления своего влияния и пропаганды ламаизма. Ламы, получая награды, заявляли, что им покровительствуют цари, и в свою очередь стремились укреплять царскую власть авторитетом религии. Екатерина II, при которой был установлен титул бандидо-хамбо-ламы, была объявлена ламами

[1] Нил. Буддизм, рассматриваемый в отношении к исследователям его, обитающим в Сибири. СПб., 1858, стр. 78.

воплощением богини цаган дара-эхэ; другие цари и царицы также объявлялись перерожденцами будд.

В 1783 г. в управлении ламаитским духовенством Восточной Сибири началось «двоевластие», так как часть дацанов была передана в ведение нового хамбо-ламы, имевшего резиденцию в Гусиноозерском дацане. Разгоревшаяся борьба за влияние закончилась в начале XIX в. победой последнего. В 1809 г. генерал-губернатором Пестелем был утвержден в звании бандидо-хамбо-ламы всего ламаитского духовенства Восточной Сибири Иши-Чжамсуев, имевший местопребывание в Гусиноозерском дацане.

В конце XVIII в. представители сибирской администрации пытались провести мероприятия, направленные к ограничению количества лам определенным комплектом, а излишних исключать из духовного звания и «обратить в ясак», который ламы не платили. На возражение хамбо-ламы губернатор разрешил «во избежание ропота» сверхштатным духовным лицам попрежнему называться ламами и замещать некоторым из них штатные места. В 1783 г. было составлено Удинской провинциальной канцелярией расписание штатных лам при дацанах и установлено комплектное число их в 150 человек, а сверхштатных лам предписывалось оставить в их званиях с платежом ясака и в штатные их не определять. Предписывалось также «ламам в светские дела не входить». Но ламы, количество которых продолжало увеличиваться, попрежнему вмешивались в светские дела.

В 1809 г. иркутскому губернатору Трескину пришлось снова определять количество лам и порядок их замещения. Власть бандидо-хамбо-ламы расширялась. Причем характерно, что ему было официально предложено «пресекать шаманство».

Центрами ламаизма стали дацаны, представлявшие собою своеобразные монастырские поселки. Здесь находились храмы, посвященные культу различных божеств, подсобные культовые и хозяйственные постройки и жилища лам. В дацанах совершались хуралы (богослужения), изготовлялись и хранились предметы культа, богословская литература на монгольском и тибетском языках, производилось обучение лиц, подготовляемых к духовному званию. По свидетельству путешественника Кохрена, ламы приобрели за 12 000 голов скота «целую богословскую литературу на 30 возах из Тибета».[1] У ламаистов считалось главным собрание священных книг количеством до 360, называемое «Ганджуром» и «Данджуром». 108 книг излагали основы буддийской догматики (Ганджур), а остальные представляли собою ее комментарии (Данджур).

Обучение в дацанах (богословие, религиозно-мистическая философия, астрология, тибетская медицина, монгольская и тибетская письменность) носило религиозно-схоластический характер соответственно принципу средневековья «философия — служанка богословия». Все подчинялось религиозной догматике. Догматика, консерватизм, схоластика, пре-

[1] Карл Риттер. Землеведение Азии, вып. I. СПб., 1879, стр. 182.

обладание умозрительных построений — таковы характерные черты обучения в дацанах.

Известный художник В. В. Верещагин, интересовавшийся ламаизмом, дал следующую краткую, но четкую характеристику ламаитского обучения: «Ламаитское обучение ведется вдолбежку, и тупость, суеверие, граничащее с детской наивностью, полное. Современная наука совершенно пренебрежена, и вся буддийская мудрость обратилась в буквоедство, строго определенные формы которого совершенно застыли под пылью времени».[1]

Ламаизм, как разновидность буддизма, разграничивал мир материальный (сансара) и духовный (нирвана). Первый считался недостойным человеческой привязанности, наполненным страданием и скорбью. Жизнь представлялась мучительным круговоротом превращений из одного существа в другое. Буддизм проповедывал, что избавление от мучений может принести только отрешение от всех житейских стремлений, погружение в полный покой, небытие — нирвану.

Проповедуя отказ от переустройства жизни, смирение, непротивление, буддизм, как и другие религии, явился орудием закабаления трудящихся эксплоататорскими классами.

Ламаизм, оформившийся после проникновения буддизма из Индии к кочевым племенам Тибета и Монголии, упростил мистическое учение древнего буддизма о нирване и вместе с тем усилил обрядовую и жреческо-магическую сторону буддийской религии. Если древний буддизм, появившийся в V—IV вв. до н. э., соответствовал пессимистическому настроению разлагавшейся индусской рабовладельческой аристократии, то на его более поздних формах, в том числе на ламаизме, лежала печать развивавшихся феодальных отношений. Ламаизм систематизировал пантеон различных божеств и духов во главе с буддами, бодисатвами, тенгеринами и оформил жреческую иерархию — ламство, которое при поддержке феодальных князьков приобрело большое влияние. Ламы считались ходатаями перед добрыми бурханами, заклинателями, оберегавшими от злых духов, помогавшими перевоплощению в более совершенные существа. Вместо проповеди отречения от житейских благ, как пути к нирване, в ламаизме на первый план выдвинулись молитвы, заклинания, обряды и жертвоприношения, которые являлись поводами к многочисленным поборам со стороны ламства. «Тех жертв, — пишет этнограф С. В. Максимов, — где льется кровь, кровавых приношений, здесь не только не принимают, но и строго преследуют, за то: неси меха, сала, водку, давай то, что родится в поле... На этом самом расчете духовных лиц, или лам, набрело у бурят великое множество, и им всем стало жить хорошо».

Красный дыгыл ламы был соединен со «свободой от всяких государственных повинностей и с возможностью жить весьма покойно и привольно без всяких трудов за счет благочестивых мирян».[2]

---

[1] Цит. по: В. В. Кирьяков. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. М., 1902.

[2] С. М. Максимов, Собр. соч., т. XVI, СПб., 1910, стр. 313.

Документы XVIII—XIX вв. свидетельствуют, что ламы, в союзе с бурятским нойонством, приобрели большое влияние. Они вместе с тайшами и сайтами участвуют в разрешении вопросов об управлении и суде в бурятских ведомствах, в кодификации обычного права, добиваясь включения в сборники «степных законов» норм, закреплявших привилегии лам и нойонов. Ко второй половине XIX в. ламы почти вытеснили своих конкурентов — шаманов — среди забайкальских бурят (за исключением кударинцев, у которых преобладало шаманство), и ламаизм стал проникать к западным бурятам (аларцы, тункинцы), хотя и не получил здесь такого распространения, как в Забайкалье.

Ламство, по характеристике декабриста Н. А. Бестужева, стало «язвой бурятского племени»,[1] одним из тормозов его хозяйственного и культурного развития. Содержание дацанов и лам, их многочисленные поборы тяжелым бременем ложились на бурятское население. Ламаизм, как и другие религии, крайне консервативен. Ламы стремились противодействовать всяким новшествам в хозяйстве и быте бурятского населения, обособить его от влияния «иноверцев», т. е. русских и других народов. В союзе с нойонством ламство представляло собою цепкую паутину, опутывавшую бурятское население. «Сословие лам, при их многочисленности среди бурят, представляет ту крепкую сеть, в которую запутано их племя, как рыба или птица в тенетах», — писал этнограф С. В. Максимов.[2] Все эти тенета и сети социального гнета были сняты с бурятского народа лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

---

[1] Н. А. Бестужев. Гусиное озеро. Сб. «Декабристы в Бурятии», Верхнеудинск, 1927, стр. 75.

[2] С. В. Максимов, там же, стр. 319.

Глава X

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ У БУРЯТ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В первой половине XIX в. все заметнее становилось некоторое различие в хозяйственном развитии отдельных территориальных групп бурятского населения, сходных по общему характеру хозяйственного быта, но имеющих и свои особенности. Основными материалами по изучению этого вопроса являются архивные фонды органов местного управления в бурятских ведомствах — степных дум.[1] К сожалению, значительная часть этих материалов погибла. В 1836 г. сгорело большинство дел Аларской степной думы, а в 1843 г. — Хоринской. Из документов Идинской степной думы сохранились лишь жалкие остатки. Материалы Тункинской думы имеются только с 50—60-х годов прошлого столетия. Не было, к сожалению, в нашем распоряжении фонда Агинской степной думы, возникшей в 1837 г. Но сохранившиеся архивные и печатные материалы дают все же возможность осветить в основных чертах хозяйственный быт и социальные отношения в первой половине XIX в., с учетом особенностей хозяйственной жизни территориальных групп бурятского населения Забайкалья (хоринцы, селенгинцы, агинцы, баргузинцы, кударинцы) и Предбайкалья (идинцы, аларцы, балаганцы, верхоленцы, кудинцы, ольхонцы, тункинцы).

Забайкальские буряты

Хоринцы

Ведомство степной думы 11 хоринских родов включало первоначально все бурятское население, жившее на территории, соответствующей современному Хоринскому аймаку Бурят-Монгольской АССР и Агинскому национальному округу Читинской области. В 1837 г. из Хоринской степной думы выделилась Агинская степная дума, в которой в момент выделения числилось около 16 000 душ обоего пола. В Хоринском же ведомстве, по данным 1843 г., состояло 32 542 человека. Путешественники XVIII в. считали хоринцев, более обеспеченными

---

[1] Фонды Аларской, Балаганской, Верхоленской, Кудинской, Ольхонской, Тункинской, Кударинской, Баргузинской, Хоринской, Селенгинской степных дум хранятся в Архивном отделе Бурят-Монгольской АССР.

в отношении скотоводства, по сравнению с другими бурятскими группами. Они характеризуют хоринцев и селенгинцев как «совершенно кочевой народ».

В первой половине XIX в. основой хозяйственной жизни хоринцев попрежнему являлось скотоводство. «Главнейшая их отрасль хозяйства состоит в скотоводстве», — читаем в отчете Хоринской степной думы за 1849 г. Но хозяйство хоринцев становится сложнее. Рядом со скотоводством начинают складываться элементы скотоводческо-земледельческого хозяйства. Происходят изменения в самом характере ведения скотоводства.

Кочевки весь год в войлочных юртах ограничиваются, увеличиваются деревянные юрты, появляются дома. «Инородцы, — читаем в отчете Хоринской степной думы за 1849 г., — ведут кочевую жизнь, перекочевывая с одного места на другое от 2-х до 4-х разов в год, и все они имеют места жительства; юрт имеют вообще войлочных 7533, деревянных 2412, русских домов 308... перекочевки с одного места на другое делают для прокормления скотов своих».[1] Так называемых «оседлых инородцев» числилось в ведомстве Хоринской степной думы всего 360 человек, ведущих «жизнь оседлую в устроенных домах наравне с русскими жителями». Хотя у хоринцев преобладало пастбищное скотоводство на подножном корму, но увеличивалось и сенокошение для подкорма скота зимою. В 1837 г., например, было поставлено 230 775 копен (свыше 1 милл. пудов) накошенного хоринцами сена. Рогатого скота в ведомстве Хоринской степной думы числилось в 1849 г. 29 367 голов, лошадей 27 562, овец и коз — около 50 000 голов. В небольшом, сравнительно, количестве разводились еще верблюды.[2]

Скотоводство являлось для хоринцев главным источником средств существования, оплаты казенных сборов, приобретения товарной продукции. По вычислениям степной думы, в 1849 г. общий денежный доход хоринцев от скотоводства составлял около 44 483 р. из общей суммы исчисленного в ведомстве дохода в 51 963 р. (цифры, конечно, относительные).

Скотоводческое хозяйство носило экстенсивный характер. Преобладало пастбищное скотоводство на подножном корму. Сено заготовлялось для подкорма скота в зимнее время в недостаточном количестве. В годы неурожая трав, снежные зимы, затруднявшие отыскание подножного корма, много скота погибало «как от недостатка, так и худого корма».[3] Затем в более благоприятное время убыль покрывалась приростом, и опять происходило увеличение численности скота. Мы еще коснемся этого вопроса при описании хозяйственного быта селенгинских бурят.

---

[1] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Хоринской степной думы, дело № 18.

[2] То же.

[3] И. И. С. К истории бурятского хозяйства. Журн. «Сибирский архив», 1912, № 3, стр. 169—176.

По сравнению со скотоводством, земледелие, охота, рыболовство, ремесла считались подсобными занятиями, «не приносящими больших доходов, могущих доставлять обогащение».

В 70-х годах XVIII в. зачатки земледелия у хоринцев были, повидимому, настолько незначительны, что путешественники Паллас и Георги даже не обратили на них внимания, считая, что забайкальские буряты не знали тогда земледелия.

В первой половине XIX в. земледелие у хоринцев заметно увеличивается. В 1837 г. посевная площадь достигала 21 800 десятин. Распашка залогов и паров производилась одноконными сохами (сибирскими). Обработка каждой десятины земли стоила 2 р. серебром, доход от нее, за вычетом затрат на запашку, исчислялся примерно при хорошем урожае в 20 р. и при среднем — 10 р. серебром. Хлеб шел преимущественно на удовлетворение собственных потребностей. Небольшие избытки хлеба продавались в своем районе. В урожайные годы хлеб продавался в казну, вывозился на продажу в г. Верхнеудинск и другие места.

Земледелием занимались не все хоринцы. Отчет Хоринской степной думы отмечает, что хлебопашество «существует по некоторым местам». Сеяла хлеб приблизительно третья или четвертая часть хоринских скотоводов. Из овощей некоторыми хозяйствами в небольшом количестве разводился картофель.

Наблюдались частые колебания в урожайности хлебов, например, в 1849 г. хлеба было получено «против прошедших годов менее». Хоринцы не имели возможности внести в экономические магазины хлеб, взятый взаймы, а наоборот, были вынуждены брать новые хлебные ссуды на посев. «Это случается почти всегда при скудном урожае хлеба», — констатирует отчет. При плохой обработке земли неблагоприятные атмосферные явления особенно резко сказывались на произрастании хлебов. «Причины, препятствующие произрастанию хлеба, — читаем в отчете Хоринской думы за 1849 г., — были от бездожия и сильных жаров. Дожди хотя и пошли, но, по прошествии времени удобного произрастанию хлеба, не могли дать росту и погибло из посеянного ярового 4400 десятин».[1]

Несмотря на колебания в развитии земледелия, среди хоринцев рядом со скотоводческими оформлялись скотоводческо-земледельческие хозяйства.

О занятии хоринцев охотой отчет степной думы сообщает следующие сведения: «Занимаются звероловством не все, а некоторые в средственной степени, употребляя на это орудия — большею частью ружья винтовки, лоушки, луки и пасти; преимущественно с исхода сентября до половины ноября — винтовками, а зимою занимаются луками (иначе самострелами); пастями — почти во всякое время года».

Пригодными для охоты считались «хребтовые места: от вершины р. Березовки или Онгостоя вверх по р. Уде к востоку по вершинам впадающих в оную разных речек до Витима»; южнее — от верховьев

---

[1] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Хоринской степной думы, дело № 18.

Хилка вниз по Тугную; восточнее — по Чикою и прилегающим местам. Охота производилась группами в 2 — 6 человек или поодиночке. На птиц охотились, кроме ружей, петлями и плашками. Важнейшими предметами охоты были: белка, хорек, лисица, волк и коза. Больше всего добывалось белки (в 1849 г. продано 34 421 шт.), меньше — соболей, рысей, медведей, сохатых. Соболей, повидимому, добывалось хоринцами незначительное количество. При перечислении в отчете степной думы продаваемых предметов охоты соболей упоминается всего 26 штук (цифра, конечно, приблизительная).

Из птиц хоринцы охотились по рекам и озерам на гусей и уток разных пород, в лесах — на глухарей, тетеревов, рябчиков, по степям — на дрохв. Птица в продажу почти не поступала и употреблялась для собственного пропитания. Количество добытой птицы исчислялось в 3274 шт.

Рыболовством хоринцы занимались в Еравнинских и других озерах, а также в реках: Уде, Кудуне, Оне, Курбе, Хилке, Витиме. В озерах ловили, преимущественно, сорожину, затем щук, в реках — ленков, харюзов, тайменей, налимов, язей. Для рыбной ловли употреблялись сети, остроги и удочки. Улов рыбы начинался весной после таяния льдов до 1 июня, а осенью и зимой — с начала октября до начала января. Рыба шла, главным образом, для собственной потребности. Небольшая часть ее поступала в продажу. Занимались также хоринцы промыслом орехов.

Главным ремеслом среди хоринцев было кузнечное. В 1849 г. в ведомстве Хоринской степной думы насчитывалось 23 кузницы. Мельниц числилось всего три. Из торговых предприятий — около 6 купеческих лавок.

Путешественники XVIII и первой половины XIX в. обратили внимание на успехи бурят в кузнечном деле и скорняжничестве. По свидетельству доктора Эрмана, железные и серебряные изделия бурятских мастеров едва ли уступали работам тульских и европейских мастеров.

«В кузнечном деле и скорняжничестве буряты сделали наибольшие успехи», — читаем в «Землеведении Азии» К. Риттера. [1] «Их кузнецы (дорхон) искуснее тунгусских. У бурят есть наковальни (дюже), клещи (урульби), горнила и пр., также молотки и проволока. Впрочем серебро и железо (тумир) добывают они не сами, а покупают. Серебро у них должно быть самое лучшее китайское, известное под именем «ханского». Работу их русские называют братскою; сами буряты называют ее «пудуцу». Они вытягивают серебро в самую тонкую пластинку, налагают ее на железную полосу, на которую хотят навести серебро, и ударяют слегка молотом, снабженным остроконечною бородкою, посредством которой они делают пластинку пунктированною. Из пластинки вырезывают они по моделям, сделанным из березовой коры, длинные фигуры, кладут их на раскаленную полосу и, слегка ударяя молотом, вгоняют таким образом серебро в железо. Потом кладут они полосы еще раз на огонь, вынимают, обивают молотом и трут черным углем. Также

[1] Карл Риттер. Землеведение Азии, вып. 1. СПб., 1879, стр. 148.

наводят они на железо и золото и олово». У забайкальских бурят славились хоринские и селенгинские мастера.

Скорняжничеством (выделкой кож) занимались, главным образом, женщины. Они дубили кожи, изготовляли замшу, подошву, кожаные турсуки и пр. Женщины шили одежду, выделывали войлоки для покрытия юрт и постелей, матрацы, унты. Работы женщин украшались узорами «из крашеной волны или меха».

Продукцию своего хозяйства хоринцы сбывали в Верхнеудинске, Петровском заводе, Троицкосавске и в Кяхтинской торговой слободе, продавали скупщикам, приезжавшим в улусы, доставляли в казну для казенных заводов, армии, тюрем и пр.

В центре Хоринского ведомства — селении Додо-Онинском — ежегодно с 15 ноября по 15 декабря происходила ярмарка, называвшаяся Онинской, и периодически устраивались базары.

Предметами сбыта со стороны хоринцев были: лошади, рогатый скот, овцы, сырые и сухие кожи, черная и белая мерлушка, овчины, мясо, масло, сало. На втором месте стояла упомянутая выше продукция охоты. Покупали хоринцы преимущественно чай, табак, русские бумажные ткани, плис, китайки, шелк, железо, медь, олово, серебро и металлические изделия для хозяйственных нужд и домашнего обихода.

Агинцы

Ведомство Агинской степной думы охватывало бурятское население, обитавшее в Агинской и Тургинской степях. Агинская степь находится по левую сторону р. Онона, между ее притоками Агою и Илею. Тургинская степь простирается по правую сторону Онона, между притоками Тургой и Борзей, впадающими в Онон.

«Буряты в степи Агинской составляют единственное население, степь Тургинскую они разделяют с тунгусами», — сообщается в «Журнале Министерства внутренних дел» за 1840 г.[1] В 1840 г. в ведомстве Агинской степной думы, входившей в состав Нерчинского уезда, числилось 17 312 человек. По сравнению с хоринцами, агинцы чаще совершали перекочевки, живя почти исключительно в войлочных юртах, приспособленных для кочевок. В Агинском ведомстве было 5075 юрт, из которых 5026 войлочных и 49 деревянных. Домов русского типа числилось лишь 22, в том числе 15 общественных.

«Главным предметом хозяйства бурят (агинцев) и главным источником и мерилом их богатства, — читаем в «Журнале Министерства внутренних дел», — остается пока одно скотоводство. В нем, действительно, заключается все благосостояние бурята. Оно удовлетворяет все его нужды и прихоти: дает ему пищу, одежду, обувь и деньги. Оттого степи бурятские, в особенности по рр. Онону, Ингоде и Турге, покрыты многочисленными стадами и табунами, состоящими из всякого рода домашнего скота, как то: лошадей, коров, овец и т. д. Свиней, впрочем,

[1] Монголо-буряты в Нерчинском округе, Иркутской губернии. Журн. Мин. внутр. дел, 1843, ч. 3, № 7, стр. 3—47.

не замечается в их улусах, равно как и домашней птицы. Есть зато верблюды, употребляемые преимущественно для перевоза тяжести».

У бурятского населения Агинского ведомства числилось в 1840 г. 79 319 голов скота: 19 083 лошади, 16 018 крупного рогатого скота, 42 864 овцы, 1354 верблюда.

Скот летом и зимой пасся в степи, на подножном корму. Для подкорма скота весной и зимой заготовлялось сено (в 1840 г. — до 213 338 копен).

«С примера и поощрения русских» к агинцам начинало проникать земледелие. В 40-х годах XIX в. в Агинском ведомстве запахивалось исключительно под ярицу от 1900 до 2600 десятин.

Продукцию своего хозяйства — лошадей и другой скот, сало, кожи, мерлушку, овечью и верблюжью шерсть — агинцы сбывали скупщикам-торговцам, приезжавшим в улусы. Кроме продажи на деньги, была распространена торговля «меною товара на товар». Ежегодно с 20 ноября по 15 декабря при Агинской степной думе бывала ярмарка, на которую, кроме агинцев, съезжались «от 200 до 500 сторонних продавцов и купцов». Оборот ярмарочной торговли исчислялся в 13 800 р. ассигнациями.

Селенгинцы

Селенгинские буряты обитали на территории, соответствующей современным Селенгинскому и Кяхтинскому аймакам Бурят-Монгольской АССР.

В 1830 г. в 18 селенгинских родах числилось 19 787 душ обоего пола, а в 1852 г. — 23 279 душ.[1]

Главным занятием селенгинцев было скотоводство. В 1832 г. в ведомстве Селенгинской степной думы насчитывалось 93 535 голов скота, в том числе 17 380 лошадей, 21 603 крупного рогатого скота, 45 688 баранов, 7340 коз и 376 верблюдов. Овцеводство было больше всего развито в Боргойской степи. «Между овечьими заводами, — говорится в отчете Селенгинской степной думы за 1852 г., — как по количеству голов, так и по количеству шерсти первое место в ведении думы есть Боргойская степь, где проживают инородцы атаганова рода, ибо это место на произведение овцеводства более удобное».[2]

Георги в 70-х годах XVIII в. называл «российских монголов», т. е. селенгинцев, «совершенно кочевым народом, странствующим со своими стадами» и жившим в войлочных юртах. Кочевники не задерживались на своих стойбищах больше одного-двух месяцев. В первой половине XIX в. перекочевки селенгинцев ограничиваются; среди них распространяются устойчивые деревянные юрты, появляются дома русского типа. Большая часть селенгинцев перекочевывала в определенном районе четыре раза в год — весною, летом, осенью и зимой — «для одного только прокормления имеющегося разного рода скотоводства и поддержа-

[1] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Селенгинской степной думы, отчеты за 1830 и 1852 гг.

[2] Там же, отчет за 1852 г.

ния в оном благосостояния, особенно по случаю холодных зим и великих снегов для снискания подножного корма». Некоторые селенгинцы, как указывается в отчете степной думы за 1852 г., «часто проживают постоянно на одном месте во все времена года». В 1852 г. в Селенгинском ведомстве было 4096 деревянных юрт, 4220 войлочных, 970 домов. Так называемых «оседлых инородцев» числилось два селения: Стрелочное (29 домов) и Зарубинское (22 дома).

Большим бедствием для скотоводческого хозяйства были снежные зимы и летние засухи. В первом случае затруднялось добывание скотом пищи из-под снега. «Большой снег здесь — бедствие для всего края, — писал Н. А. Бестужев, — скотина не может добывать пищу из-под глубокого снега, какой был, например, прошлой зимой (1851 г.), и у нас за Байкалом вывалились сотни тысяч скота, лошадей и баранов». Страшна была для скотовода и засуха. «Ежели летом была засуха, — указывает Н. А. Бестужев, — стало быть мало было снега, и мало корму по степям на зиму, то это бывает совершенным несчастьем для этого народа» (бурят). [1]

В первой половине XIX в. были крупные падежи скота (в 1833 и в 1850—1851 гг.) из-за неурожая трав вследствие засухи, больших снегов, сильных морозов зимой. По данным Селенгинской степной думы, в 1833 г. погибло около 31 730 голов скота. [2] «1850 год, — пишет Н. А. Бестужев, — был замечателен своей сухостью, а зима на 1851 год гибельна для здешнего скотоводства, засуха, господствовавшая в продолжение 12 лет, заключилась этим годом, жесточе всех предшествовавших. Не только негде было накосить травы на зиму, но и ветоши к осени не осталось на зиму нисколько для продовольствия скота, обыкновенно, питающегося лето и зиму подножным кормом. Везде, где были зимние стойбища бурят, валялись кругом дохлые лошади, коровы, овцы... Были примеры, что многие хозяева отгоняли свой скот к дальним бурятам и отдавали половину стад, чтобы они прокормили остальных». [3] Падежи скота чрезвычайно неблагоприятно отражались на состоянии скотоводческого хозяйства. В 1833 г. сравнительно с 1832 г. количество скота из-за массового падежа уменьшилось с 93 595 до 61 865 голов. К 1852 г. количество скота увеличивается до 77 144 голов. С этого года начинаются сравнительно благоприятные урожаи трав, не особенно снежные зимы, и опять происходит увеличение поголовья скота.

На втором месте после скотоводства стояло у селенгинцев земледелие. По свидетельству Н. А. Бестужева, в 40-х годах прошлого столетия земледелием занималась приблизительно четвертая часть бурятского населения Селенгинского ведомства. В 1833 г. в посеве числилось: ярицы 4936 десятин, озимой ржи 63 десятины, пшеницы 180 десятин,

---

[1] М. К. Азадовский. Н. А. Бестужев о бурятском хозяйстве. Сб. «Декабристы в Бурятии», Верхнеудинск, 1927; Н. А. Бестужев. Гусиное озеро. Там же, стр. 12.

[2] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Селенгинской степной думы.

[3] Н. А. Бестужев, там же, стр. 45.

ячменя 52 десятины. «Хлеб засевается преимущественно яровой, — читаем в отчете Селенгинской степной думы, — по тому уважению, что пашни, разработанные почти вообще на открытых местах и слабом грунте земли, с которых всегда сносит снег ветрами, и обнажаются поля на всю зиму; поэтому лучшим и полезным средством признали производить хлебопашество преимущественно поливные, где только удобно можно это сделать и приобрести». Озимовый хлеб в очень небольшом количестве засевался только в чикойско-харанутском роде и у двух десятков семей ашехабатского и цонголова родов в расчищенных от леса местах. Применялось орошение полей через проводимые для этой цели канавы.

Буряты первыми в Прибайкалье стали применять орошение пашен, а от них научились этому селившиеся там русские. Где была возможность перенять горную речку или ручей, там производилась поливка покосов и пашен.[1]

Естественное распределение земельных угодий в Селенгинском районе отличается некоторой неравномерностью, четко подмеченной еще декабристом Бестужевым: «Положение здешнего Забайкалья очень странное. Множество земли и очень мало удобной. У одних есть пахотная земля, но нет покосов; у других покосы, но пахать землю надобно ехать за 20 верст. Засухи здесь составляют почти нормальное состояние климата. Недостаток воды чувствителен везде, несмотря на гористое месторасположение. Зато везде, где есть возможность, речка, ручеек, ключик перехвачены и поливают пашни и покосы».

Орудиями обработки земли у селенгинцев были обыкновенно сохи и бороны. Пахали на новом месте, пока старая земля не отдохнет совершенно. При малой плотности населения это было возможно. В отношении урожайности были, как и у хоринцев, колебания по отдельным годам. Хлеб употреблялся преимущественно для собственного пропитания. В урожайные годы небольшие излишки его продавались в своем округе, а частью в казну для продовольствия войск. Часть хлеба поступала в экономические магазины.

Подсобными занятиями у селенгинцев были охота и рыболовство, некоторые занимались также извозом, ремеслами, «работали у частных людей» по найму. Звероловством занимались те селенгинцы, которые кочевали около хребтов и гольцов, прилегающих к Байкалу, а также по Чикою «в окрестности пограничных мест». Главными предметами охоты были: белки, зайцы, козы, кабарга, волки, лисицы, частью соболи. Для охоты собирались небольшие группы от 3, 6 до 10 человек. «Звериные шкуры, — говорится в отчете степной думы, — употребляют на некоторую одежду свою, а остальные продают на местах жительств приезжающим торговцам, а в городах купцам верхнеудинским, селенгинским и кяхтинским».[2] Из птиц селенгинцы охотились, главным образом, на гусей и уток.

[1] Н. А. Бестужев. Бурятское хозяйство. Сб. «Декабристы в Бурятии», Верхнеудинск, 1927, стр. 12.

[2] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Селенгинской степной думы, дело № 28 (1844—1846 гг.).

Рыболовством селенгинские буряты занимались по рр. Селенге, Чикою, Темнику и Джиде; ловили преимущественно тайменей, ленков и налимов, частью омулей и харюзов; в Гусином озере — щук, окуней, сорожину. Буряты, проживающие в окрестностях Троицкосавска, занимались извозом купеческих товаров от Кяхты до Усть-Кяхтинской слободы и обратно, а частью до Байкала.

Из ремесел у селенгинцев было распространено кузнечество, слесарничество, выделка изделий из серебра, плотничество. М. М. Сперанский отметил искусство бурятских мастеров в разных мелочных поделках. Декабрист Н. А. Бестужев писал, что «бурят — плотник и кузнец, и столяр, и работник у нас, и пахарь, и косец. Без них было бы здесь плохо. Вся мебель на европейский манер в нашем доме делана бурятами, дом построен ими, у брата моего они делают экипажи, у сестры — фактотум всех ее хозяйственных желаний и поделок... Все заказы, по части лесной, бревна, доски, дрова, они выполняют».[1] Из селенгинцев, занимавшихся кузнечеством и плотничеством, некоторые ходили на работу в города Верхнеудинск, Селенгинск, Троицкосавск, Кяхту, Иркутск.

Важнейшими предметами сбыта у селенгинцев были лошади, рогатый скот, овцы и продукты скотоводческого хозяйства: мясо, жир, масло, овечья шерсть, мерлушка, кожи. В небольшом количестве сбывались предметы охоты. С развитием кяхтинской торговли с Китаем возник большой спрос на кожи для обшивки чайных цибиков. Для этой цели из Забайкалья шло около 70 000 кож. Через Кяхту менялось китайцам на чай до 200 000 мерлушек, значительную часть которых доставляли бурятские скотоводы. Другие продукты скотоводства селенгинские буряты продавали в Верхнеудинске, Селенгинске, Троицкосавске и приезжавшим в улусы купцам-скупщикам. Производились также поставки для казны.

Кударинцы и баргузинцы

Кударинцы представляют собою группу бурятского населения, живущую в Кударинской степи, прилегающей к юго-восточному берегу Байкала.

В 1808 г. в четырех кударинских родах насчитывалось 2892, а в 1832 г. 4308 человек. Хозяйственная деятельность кударинцев складывалась из скотоводства, земледелия, рыболовства, извоза и охоты. «Хозяйство, — читаем в отчете Кударинской степной думы, — состоит в главной промышленности: хлебопашестве, приготовлении сена, скотоводстве, рыболовстве, небольшом звероловстве и извозничестве».[2] Развитию в Кударинском районе рыболовства, а также извоза способствовало его географическое положение: близость к Байкалу и дорогам от Иркутска в южное (на Кяхту) и восточное (на Нерчинск) Забайкалье.

---

[1] М. К. Азадовский. Н. А. Бестужев о бурятском хозяйстве. Сб. «Декабристы в Бурятии», Верхнеудинск, 1927, стр. 12—13.

[2] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Кударинской степной думы, дело № 164 (1846 г.).

В 1846 г. в ведомстве Кударинской степной думы было 16 434 головы скота: лошадей — 3944, рогатого скота — 5224, овец — 6232, коз — 1034, свиней — 14.

Перекочевки кударинцы совершали лишь два раза в год (зимник-летник). Жили они в деревянных юртах и домах русского типа, называвшихся «зимовьями».

В первой половине XIX в. у кударинцев заметно увеличивается хлебопашество. В 1808 г. числилось посева: ярицы 119 десятин, овса 8 десятин, ячменя 6 десятин, пшеницы 3 десятины, озимой ржи лишь 2 десятины. К 1846 г. посев увеличился до 2009 десятин. В посеве, как и прежде, преобладала ярица, в меньшем количестве сеялся ячмень и овес. В небольшом количестве разводили картофель.

Рыболовством кударинцы занимались на Байкале и на р. Селенге. Ловились преимущественно омули, затем осетры и харюзы. Главными орудиями лова служили неводы и верши. О времени лова имеются следующие сведения: «Начинается промысел рыбы в море Байкале с 15 числа мая, оканчивается 8 числа июля, и в Селенге начинается с 1 августа или смотря по входу из моря Байкала в Селенгу омулей, а иногда и ранее, оканчивается таковой 1-го числа сентября каждого года».[1] Омулей солили в бочках; излишки улова продавали в Иркутске, Верхнеудинске, Троицкосавске.

Некоторые кударинцы занимались охотой по хребтам у Байкала; охотились с ружьями преимущественно на белок, лисиц, хорьков, уток. Продукты охоты поступали на рынок, сбываясь на ярмарках в Кударинской и Кабанской слободах, а также купцам Верхнеудинска.

Извоз был сначала для кударинцев очень обременителен, так как являлся, в большинстве своем, казенной повинностью. В начале XIX в. они отбывали почтовую гоньбу на протяжении 120 верст от Посольска до Половинной станции, строили и содержали почтовые дома по тракту, ставили верстовые столбы, исправляли мосты и расчищали дорогу. Было множество и других работ и нарядов: кударинцы должны были возить чиновников, переселенцев, казенные грузы; отряжались группами человек по 20 для поимки беглых и т. д. В 1805 г. во время проезда в Пекин дипломатической миссии под начальством графа Головкина было выставлено сначала на каждом станке по 332 лошади, а потом приказано было прибавить еще 1668 лошадей. Под «мягкую рухлядь» (пушнину), ревень и серебро по тракту выставлялось по 100 лошадей, на каждой станции. В 1806 г. бурятам пришлось платить за провоз в Забайкалье так называемых «кавказских поселенцев» и даже за иезуитов, проезжавших через Сибирь и Китай.[2] С увеличением русского населения в Прибайкалье тяжесть дорожно-подводной повинности несколько уменьшилась. Извоз стал одним из видов заработков кударинцев. В летнее время они возили грузы (китайские чаи и другие товары) от Троицкосавска—Кяхты до Байкала (в отчете Кударинской степной

[1] То же.

[2] Кавказские поселенцы — русские переселенцы по набору правительства из Северного Кавказа. Иезуиты — католические монахи ордена иезуитов («Орден Иисуса»).

думы указывается «до Чертовкиной пристани»), а в зимнее время — до города Иркутска. Оттуда до Кяхты везли «российские товары». По данным Кударинской степной думы (приблизительным, конечно), в 1846 г. было перевезено до 10 700 пудов разного груза.

Баргузинские буряты обитают в бассейне Баргузина, впадающего в Байкал. По сообщению Цыван-Жаб Сахарова, «кочевья бурят расположены по р. Баргузину, начиная от устья его с 70-й версты, вверх по течению, на 180 верст до речки Брянхор, впадающей в него. Здесь прекращаются кочевья бурят и начинаются горы и леса, составляющие владения верхнеангарских бродячих тунгусов (орочен)».[1]

Основная часть баргузинцев являлась потомками верхоленских бурят, переселившихся в район Баргузина в 40-х годах XVIII в. По преданию, первая группа переселенцев состояла, приблизительно, из 100 семейств. В 1745 г. они подали в Селенгинскую воеводскую канцелярию просьбу о наделении их землей. В ответ на это переселенцы из Верхоленского района получили указ Селенгинского коменданта, бригадира Якобия, от 18 апреля 1746 г. об утверждении за ними, согласно их просьбе, земельных угодий.[2] В 1787 г. количество баргузинских бурят определялось в 597 душ мужского пола. В дальнейшем население увеличивалось, кроме естественного прироста, также за счет новых переселенцев из Ольхонского ведомства.

В 1824 г. в 5 родах ведомства Баргузинской степной думы (баендаевском, бурском, чиноевском, чиндылдырском, сборном) числилось 4553 души обоего пола, а в 1856 г. — 8302.

Баргузинские буряты занимались скотоводством, земледелием, охотой и рыболовством. «Главное занятие их, — говорится в отчете Баргузинской степной думы, — состоит в хлебопашестве и скотоводстве, в посеве картофеля, и небольшая часть из них занимается звериным промыслом, равно и рыболовством».[3]

У баргузинцев, как и у кударинцев, перекочевки совершались два раза в год. Войлочных юрт у них не было. В 1839 г. баргузинцы имели 1300 деревянных юрт и 670 домов. В 60-х годах XIX в. баргузинские буряты зимою жили исключительно в домах, а летом в деревянных юртах.

В 1839 г. в ведомстве Баргузинской степной думы насчитывалось 18 148 голов скота: лошадей 2510, крупного рогатого скота 3352, овец 11 735, коз 551. В 1856 г. — 76 751 голов: лошадей 7346, крупного рогатого скота 10 623, овец 57 810, коз 966. В годы неурожая трав и в снежные зимы бывали падежи скота от недостатка корма. В 1838 г., например, «по случаю недостатка кормов и жестокости зимы», погибло до 9897 голов скота. Недостаток подножного корма зимой стимулировал рост сенокошения. В 1839 г. баргузинцами было поставлено 26 457 копен, на 17 000 более, чем в предыдущий год.

---

[1] Летопись баргузинских бурят. Под ред. и с примеч. Н. Н. Поппе. Изд. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1935, стр. 39.

[2] То же, стр. 28.

[3] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Баргузинской степной думы, дело № 69 (1856 г.).

На собрании родовых сайтов и старшин при Баргузинской степной думе в 1839 г. обсуждался указ Иркутской казенной палаты «о мерах к обеспечению в прокормлении скота». Собрание вынесло постановление: 1) «поставить в непременную обязанность» при урожае трав накашивать сена возможно больше на случай неурожайных годов; 2) не продавать сеня без особенной надобности; 3) соблюдать распоряжение иркутского губернатора «о продержании скота не далее 15 мая на покосных лугах (или зимных стойбах), где бывают сенокошения»; 4) беречь солому; 5) в случае предвидения неурожая трав, вырубать у тальников и березников ветви перед отпадением листьев и сохранять их в виде снопов.

На собрании родовых нойонов обсуждался также вопрос о травосеянии и заведении четырехполья, причем и то и другое было признано тогда «неудобным»: «Что же касается до травосеяния, пользы четырехпольного хозяйства, по малоимению удобных земель произвести по нашему ведомству и при совершенно малом знании этой промышленности считаем неудобным, посему и полагаем это оставить впредь до подробнейшего истолкования и приискания удобных земель».[1]

В первой половине XIX в. у баргузинцев расширяется земледелие. В 1825 г. было посеяно 308 десятин, в 1835 г. — 568, а в 1856 г.— 2940 десятин. Сеяли преимущественно ярицу. В Баргузинском ведомстве существовало 5 хлебозапасных экономических магазинов, в которых в 1856 г. находилось 3820 пудов хлеба. В небольшом количестве баргузинцы разводили картофель.

Главным предметом охоты у баргузинцев являлась белка. В небольшом количестве добывались лисицы, волки, сохатые, кабарга, соболь. Ежегодная добыча зверя была неравномерной.

«Неравенство промысла» объяснялось, со слов охотников, следующим образом: «Сие происходит от бывшего в засушливое время неурожая разного деревянного (древесного) и земного плода, в кое время отходит оной зверь, изыскивая себе изобилие пищи,... в отдаленные места».[2]

Сохранились краткие сведения об организации в Баргузинском ведомстве кожевенного и суконного «заведения» типа мануфактуры. Оно было устроено в 1855 г. в урочище Улюне по инициативе баргузинского тайши Хамнаева. В этом заведении выделывались юфтевые кожи, крестьянское сукно, сукманина (тонкое сукно), происходило шитье сапог и бродней. Кроме того, в отдельных хозяйствах для выделки сукна и сукманины существовало 12 краснов (станки для тканья) и 45 саморядок. В 1856 г. было выработано сукна 250 аршин, сукманины 460 аршин, шерстяных кушаков 170 штук.[3]

Ежегодно в Улюнском улусе при Баргузинской степной думе происходила ярмарка. В 1856 г. оборот ее исчислялся в 2015 рублей. «Главный предмет торговли на этой ярмарке, — сообщает отчет степной

---

[1] То же.
[2] Там же, дело № 2 (1824—1825 гг.).
[3] Там же, дело № 76.

думы, — со стороны купечества — различными российскими и китайскими товарами, а со стороны инородцев — мягкая рухлядь, мерлушка, скотские кожи, масло, жир, рогатый и конный скот, променивая у купцов на нужные товары, а более продавали на наличные деньги».

Буряты Иркутской губернии

Идинцы, аларцы, балаганцы

Западные буряты разделялись на семь территориальных групп: идинцев, аларцев, балаганцев, кудинцев, верхоленцев, ольхонцев и тункинцев. В первой половине XIX в. бурятские ведомства, в которых жили эти группы, входили в состав тогдашнего Иркутского уезда.

Отличительная особенность хозяйственного развития большинства западных бурят, кроме ольхонцев и тункинцев, состояла в том, что они, уступая своим забайкальским соплеменникам (хоринцам, агинцам, селенгинцам) в области скотоводства, превосходили их в отношении роста земледелия.

В 1812 г. земледелием занималась приблизительно третья часть балаганских, идинских, аларских, кудинских бурят. По свидетельству Иркутского губернатора Трескина, они «с давних лет уже принялись за земледелие, и оно у них в довольно цветущем состоянии, но не все они оным занимаются. Большая часть упражняется в одном скотоводстве».[1] В дальнейшем количество хлебопашцев увеличивается; те, кто прежде «упражнялся в одном скотоводстве», заводят скотоводческо-земледельческое хозяйство. Во второй половине XIX в. последнее становится преобладающим.

Идинцы, аларцы, балаганцы занимали удобные для земледелия и скотоводства местности по притокам Ангары — Оде, Осе, Уде, Унге. Территория Идинского, Аларского, Балаганского ведомств в основном соответствовала современным Аларскому и Боханскому аймакам Усть-Ордынского национального округа Иркутской области. Основными занятиями упомянутых групп были скотоводство и земледелие.

У идинских бурят, которых в 1828 г. числилось в 12 родах 12 361 душа обоего пола, хлеб поступал на продажу. В 1816 г. из Идинского ведомства было доставлено в казенные места (Тельминскую суконную фабрику, Иркутский провиантский магазин и больницу) 11 000 пудов хлеба, а в 1817 г. — 80 000 пудов. Хлеб доставлялся также в Александровский и Николаевский винокуренные заводы. В 1835 г. генерал-губернатором Восточной Сибири была объявлена «признательность» земледельцам Идинского ведомства за распространение хлебопашества. Все это свидетельствует о развитии земледелия среди идинцев. К сожалению, мы имеем об их хозяйственной жизни лишь мелкие, отрывочные сведения, так как архив Идинской степной думы, за исключением отдельных документов, погиб.

В Балаганском ведомстве в 1853 г. было 16 346 жителей, а в Аларском, по сведениям 1855 г. — 10 773. Среди жителей этих

[1] Исторический архив Иркутской области. Фонд Киренского земского суда, дело № 3.

ведомств различались: «а) оседлые или живущие постоянно оседлостью на одних местах; б) кочующие, которые, в мае месяце съезжая с зимнего жилища, кочуют в летние удобные для пастбищ скота места, где проживают в летних юртах до 1 сентября, возвращаются опять в зимние юрты, устроенные наподобие крестьянских изб».[1]

Войлочных юрт идинцы, аларцы и балаганцы не имели. В Балаганском ведомстве в 1844 г. было домов 2207, юрт деревянных летних 2840, зимних 2992. В Аларском ведомстве в 1855 г. насчитывалось 2207 домов и 3820 деревянных юрт. Еще в конце XVIII в. большинство западных бурят совершало перекочевки всего два раза в год (летник и зимник). Летники находятся преимущественно на степных открытых местах близ речек и ключей; зимники — в падях и лесных местах.

«Буряты Иркутской губернии, — писал в 1858 г. С. Шашков, — сделались уже почти оседлыми, только некоторые из них перекочевывают с места на место дважды в год, весною и осенью, да и то на весьма небольших пространствах. Занятие хлебопашеством, уменьшение звериных промыслов заставляют (бурят-) монголов более и более делаться оседлыми. Первоначальное устройство их юрт переменено и приспособлено к оседлой жизни. Прежде, не имея нужды долго жить на одном месте, монголы делали свои юрты на живую руку: складывали несколько лесин в пирамидальную форму, обкладывали их лиственничною корою, дерном, мусором, — вот и юрта. Ныне же юрты строятся гораздо удобнее и прочнее; их складывают из сосновых или лиственничных бревен; низкие стены юрты покрываются пирамидальною кровлею, в вершине которой находится отверстие для выхода дыма. Во внутренность юрты ведет небольшая дверь на железных петлях или просто на веревках».[2]

В занятии земледелием идинцы, аларцы, балаганцы занимали первое место среди всего бурятского населения. От забайкальцев они отличались не только большим количеством посевов, но и разнообразием полевых культур. На полях Аларского ведомства в 1855 г. было снято 44 327 четвертей хлеба ярового и 8421 четверть озимого посева. В Балаганском ведомстве в 1857 г. урожай ярового исчислялся в 37 068 четвертей, озимого — в 9639 четвертей. Производились посевы ярицы, озимой ржи, затем пшеницы, овса, ячменя, гречихи и в небольшом количестве конопли. Урожай ярового у аларцев считался «сам-третий», озимого — «сам-четверт».

Из овощей разводился картофель, сбор которого у аларцев определялся в 1947 четвертей, у балаганцев в 3331 четверть.

«Огородничеством занимаются преимущественно одни оседло-живущие постоянными домами в деревнях», — читаем в отчете Аларской степной думы. Они в небольшом количестве производили посадку капусты, репы, редьки, моркови, огурцов.

---

[1] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонды Аларской и Балаганской степных дум (годовые отчеты за 1853 и 1855 гг.).

[2] С. Шашков. Буряты Иркутской губернии, их нравы, обычаи верования, легенды, песни. Иркутские губернские ведомости, 1858, № 3.

Земля распахивалась сохою, запряженною в одну лошадь; под озими распашка производилась «на два, а под паровые на три ряда» и заборанивалась. Хлебопашество из неустойчивого подсобного занятия стало одной из основ бурятского хозяйства. Изменился самый состав полевых культур. Вместо просовых и «курлышных» (гречиха) полей, существовавших в XVII в., развились посевы новых культур, принесенных в Прибайкалье русскими земледельцами: ржи, пшеницы, овса, конопли. Появился картофель и (в небольшом количестве) огородные овощи.

Во второй половине XVIII в. хозяйство западных бурят переживало кризис. Одно скотоводство и охота не могли уже удовлетворить насущных потребностей бурятского населения. Еще в XVIII в., как свидетельствуют Гмелин и Георги, «многие из добайкальских бурят, по причине разных препятствий в скотоводстве от суровости климата и местоположений, совокупляют оное с земледелием». Скотоводы стремились восполнить хлебопашеством недостаток в скоте. Георги в 70-х годах XVIII в. указывал, что тогда они еще мало преуспевали в нем. Но в дальнейшем, особенно в первой половине XIX в., бурятские земледельцы добились заметных успехов, достигнутых путем упорного труда по разработке «дебри на жатву плодовитой».

Развитие земледелия, доставляя новые хозяйственные ресурсы, способствуя росту оседлости, было, несмотря на отсталость земледельческой техники, прогрессивным явлением.

Развитие земледелия достигалось напряженным трудом бурятских крестьян, учителями которых были русские соседи и свои соплеменники, ранее начавшие заниматься хлебопашеством. Между тем, царское правительство приписывало это «стараниям» тайшей и родовых нойонов. В первой половине XIX в. они получали награды «за размножение хлебопашества». В 1811 г. тайша балаганских бурят Андрей Назаров «за споспешествование к распространению хлебопашества» и другие «заслуги» был произведен в чин 11 класса и награжден серебряной саблей. Шуленги Х. Назаров, Илья Иванов, старшина М. Андреев, старший оспенный ученик Алексей Андреев в 1811—1817 гг. получили «за размножение хлебопашества» серебряные кортики.[1]

В 1838 г. «отличившимся по хлебопашеству» считались главный тайша Алексей Андреев (сын тайши Андрея Назарова), второй тайша Григорий Андреев, шуленга Илья Иванов, награжденные кортиками «за распространение хлебопашества». Тайши и родовые начальники увеличивали свои запашки путем эксплоатации чужого труда. В 30-х годах XIX в. наибольшим в Балаганском ведомстве считался посев в 25—40 десятин. Такие посевы имели бурятские нойоны, годовой сбор хлебов у которых достигал до 2400 пудов. Между тем, по вычислениям Балаганской степной думы, на каждую душу населения приходилось в среднем 3 четверти, т. е. 24 пуда. Характерно замечание Сибирского комитета, что «отличившиеся по хлебопашеству особенных способов

[1] Ленинградское отделение Центрархива. Фонд Сибирского комитета, отдел V, дело № 27.

не прилагали, кроме как лично наблюдали за пахарями пахать землю глубже и чаще проходить сохою борозды».[1]

Продукция хлебопашества употреблялась для собственного продовольствия, кормления скота (солома, в небольшом количестве овес); излишки продавались преимущественно в казну, затем на частных рынках; производились взносы в хлебные экономические магазины (окладной хлеб, взносы по займам).

По доставке хлеба в казенные места заключались контракты с бурятскими улусными обществами через их «доверенных», в роли которых выступали улусные богатеи, получавшие при этом «посреднические проценты». Известен, например, контракт с Матвеем Мункоевым по поставке в 1835 г. 7390 пудов хлеба в Александровский винокуренный завод и 8370 пудов — в Илгинский. В контракте указывается: «Обязуюсь я, Мункоев, с доверителями моими поставить в магазины Александровского и Илгинского винокуренных заводов муку молотую, из сухой и винной ржи, без сырости, без затхлости, не лежалую, не севшую, без многих кольев и затечек, без хруста, напрасно все умножающего, без предварительного снятия лучшей муки, не слишком крупно молотую и не имела бы в себе какой-либо посторонней примеси».[2]

В 1855 г. жителями Аларского ведомства было доставлено в разные казенные места 127 247 пудов ржаной муки. Подобные же поставки производились идинцами и балаганцами.

Натуральные (по 6 гарнцев хлеба с ревизской души) и денежные (по 3 копейки с ревизской души) взносы для хлебных экономических магазинов, ежегодно пополняя их запасы, составляли «капитал народного продовольствия» на случай неурожайных лет и для выдачи ссуд на посев. В 50-х годах XIX в. в Аларском ведомстве было 10, а в Балаганском 24 экономических магазина.

Вторым основным занятием идинцев, аларцев, балаганцев являлось скотоводство. В 1853 г. в ведомстве Балаганской степной думы насчитывалось: крупного рогатого скота 17 218 голов, лошадей 12 181, овец простых 29 489, тонкорунных 424, свиней 582, коз 4233, верблюдов 76. В Аларском ведомстве в 1855 г. было 18 756 голов рогатого скота, 450 свиней, 26 740 лошадей, 5590 коз. В отчете степной думы указывается, что «особенных пород животных разводить не испытывали, а имеют обыкновенные породы».[3]

По сравнению с забайкальскими, у западных бурят было больше развито сенокошение. В 1832 г. в Балаганском ведомстве было поставлено 370 000 копен сена, которое не только употреблялось для прокорма своего скота, но и поступало на продажу. «Значительные запасы сена буряты продают в Иркутске, — писал С. Шашков. — Для лучшего же произрастания трав, вводят поливку лугов посредством канав. Скотоводство у бурят Иркутской губернии хотя находится и не в таком состоянии, как у бурят забайкальских, однако же стада их постоянно раз-

[1] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Балаганской степной думы, дело № 931.

[2] То же.

[3] То же.

множаются и скот их, хотя не крупен и невзрачен на вид, но способен к тяжелым работам: паханию, боронению, перевозке тяжестей».[1]

Рост земледелия и сенокошения способствовал ограничению перекочевок. Время перехода из зимников в летники и обратно определялось началом и окончанием полевых работ. «Из зимников в летники кочевка у них бывает в конце мая, а из последних в зимники — после уборки сена и хлеба, т. е. после 20 сентября, осенних же посевов у здешних бурят не имеется», — читаем в «Статистическом описании Балаганского ведомства».

По сравнению со скотоводством и земледелием, охота и рыболовство были «лишь только случайною поддержкою в содержании и оплате ясака, податей и прочих повинностей». В отчете Балаганской степной думы за 1853 г. указывается, что эти занятия «не составляют, по малоценности, народного богатства».[2] В 1853 г. в Балаганском ведомстве было «упромышлено» белок 4520, зайцев 105, коз диких 95, соболей 60, еще в меньшем количестве — хорьков, выдр, медведей, волков. Главным предметом охоты является белка. У западных, как и у забайкальских бурят, было распространено скорняжничество, кузнечное дело, плотничество. С развитием земледелия в бурятских ведомствах появились мельницы. В 1853 г. в Аларском и Балаганском ведомствах насчитывалось 58 кузниц и 25 мельниц.

Продукция земледельческого и скотоводческого хозяйства, отчасти охоты, сбывалась на рынках Иркутска, Балаганска, доставлялась в казенные места, продавалась скупщикам. Значительное место в товарной продукции аларцев, балаганцев, идинцев стал занимать хлеб. «В Иркутской губернии, кроме здешнего Забайкалья, — писал в 1853 г. Н. А. Бестужев, — буряты настоящие кормильцы хлебом».[3] «Замечают, что лучший в Иркутске хлеб в 1857 г. продавался бурятами», — указывал С. Шашков.[4]

Кудинцы и верхоленцы

Кудинские буряты живут по правому притоку Ангары — Куде с ее притоками Муриком, Куядой, Ордой. Верхоленские — по верховьям Лены (ниже Верхоленска) и впадающим в нее рекам Манзурке и Куленге.

В 1810 г. в Верхоленском ведомстве числилось 8930 душ обоего пола; в Кудинском, по сведениям 1829 г. — 12 010.

Хозяйственная жизнь кудинцев и верхоленцев была в основном сходна с хозяйством аларцев, балаганцев, идинцев. Некоторое различие

---

[1] С. Шашков. Буряты Иркутской губернии... Иркутские губернские ведомости, 1858, № 3.

[2] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Балаганской степной думы.

[3] М. К. Азадовский. Н. А. Бестужев о бурятском хозяйстве. Сб. «Декабристы в Бурятии». Верхнеудинск, 1927, стр. 10.

[4] С. Шашков. Буряты Иркутской губернии... Иркутские губернские ведомости, 1858, № 3.

состояло преимущественно в том, что первые две группы немного уступали им по степени развития земледелия, хотя и превышали в этом отношении остальных своих соплеменников. Основными занятиями кудинцев и верхоленцев были скотоводство и земледелие.

В 1823 г. по сельским местностям Иркутской губернии рассылались анкеты Казанского университета с целью сбора сведений о хозяйстве и быте населения для «увеличения любопытными статьями «Казанского Вестника». Верхоленская степная дума дала по этой анкете следующие сведения: — «Инородцы проживают в зимнее и летнее время по степным местностям в падях и около лесов юртами, построенными из лесу, около речек, ключей и некоторые в зимнее время на сухих местах. Обычаи или обыкновение инородцев состоит в непостоянной жизни, потому как они в зимнее и летнее время перекочевывают кроме юрт (т. е. юрты не передвигают) с одного места на другое .... Промышленность состоит более ныне в хлебопашестве, малою частью в звероловстве, вообще приверженность имеют к скотоводству и хлебопашеству».[1]

В 1829 г. в Кудинском ведомстве было 39 951 голов скота (лошадей 10 969, крупного рогатого скота 14 629, овец и коз 14 353); в ведомстве Верхоленской степной думы, по данным 1840 г., — 47 415 голов скота (лошадей 10 111, крупного рогатого скота 23 197, овец 10 749, коз 3358). «Непостоянная жизнь» кудинцев и верхоленцев заключалась в том, что они два раза в год переходили из зимников в летники и обратно, имея постоянные деревянные юрты и зимовья типа русских изб. На зимний период производилась заготовка сена, которое не только употреблялось для прокорма своего скота, но и поступало в продажу; например, в 1829 г. кудинцы продали сена на 8000 р. Применялось удобрение покосов и утугов навозом для лучшей урожайности трав.

В первой половине XIX в. у кудинских и верхоленских бурят заметно увеличивалось хлебопашество. В 1787 г. в Кудинском ведомстве было посеяно всего: 222 десятины озимой ржи, 350 десятин ярицы, 16 десятин пшеницы, 6 десятин ячменя и 9 десятин овса. К 1802 г. посевы увеличились настолько, что кудинцы поставили в казну 4000 пудов хлеба. В 1829 г. посев определялся уже в 5498 десятин (2883 десятины под яровыми хлебами и 2615 под озимым). Годовой сбор хлебов исчислялся в 290 333 пуда. Из них было продано 46 000 пудов.

Верхоленцы, по сравнению с кудинцами, имели немного больше скота, но меньше посевов. В 1840 г. в Верхоленском ведомстве было посеяно 3640 десятин. Преобладали посевы озимой ржи и ярицы; в меньшем количестве сеяли пшеницу, овес, ячмень. В 1839 г. верхоленцами было продано в казенные места до 5000 пудов хлеба, но в 1840 г., вероятно менее урожайном, указывалось, что «урожая... в продажу не предвидится».

---

[1] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Верхоленской степной думы.

Подсобными занятиями кудинцев и верхоленцев являются охота и рыболовство. Кроме того имел распространение лесной промысел, выделка телег, саней, деревянной и берестяной (туеза) посуды, выгонка дегтя, выделывание шкур, катание войлоков, свивание волосяных веревок, вожжей и пр.

Охотились, главным образом, на белку (до 5000—6000 штук в год); затем в небольшом количестве добывались: дикие козы, лось, изюбрь, кабарга, медведи, волки, лисицы, зайцы, хорьки, горностаи, из птиц — гуси, тетерева, рябчики.

В Кудинском ведомстве охотой и рыболовством занимались три небольших рода: алагуевский, 2-й ашехабатский и 3-й харанутский. Алагуевцы ловили рыбу «по речке Багульдейке и по карге моря вниз по скату оного, расстоянием до 40 верст».[1] Два других рода имели рыбную ловлю от устья речки Голоустной «по карге моря», на том же расстоянии. В каждом из этих рыболовных мест добывалось, по исчислению Кудинской степной думы, до 50 000 омулей, до 150 пудов харюзов, до 50 пудов сигов. На Байкале промышлялась еще в небольшом количестве нерпа. Излишки рыболовческой продукции продавались в Иркутске, в селениях Иркутского округа и приезжавшим к купцам скупщикам.

Верхоленцы почти не занимались рыбной ловлей и покупали рыбу у ольхонских бурят.

В 1812 г. иркутским губернатором Трескиным было издано распоряжение об учреждении ярмарок в бурятских ведомствах «на трактовых дорогах». На суглане Кудинского ведомства решили учредить ярмарку при Усть-Ординской почтовой станции, причем был составлен «регистр» потребных товаров, дающий некоторое представление о том, что главным образом покупало тогда бурятское население. Кудинцы просили привозить на ярмарку следующие товары: «Сукна корновые и солдатские, цветами синее, красное и желтое. Дабы синие простые пекинские и калганские. Китайки черные. Фанзы красные, белые и голубые. Полушелковые красные. Сошники, уклад, железо, олово, свинец. Чашки и танги чугунные. Чашки красные деревянные китайские. Табак листовой. Чай кирпичный. Иглы швальные. Холст толстый. Платки бумажные, также шелковые. Корольки разных цветов. Персты медные. Наперстки железные. Пуговицы медные».[2]

Сами кудинцы и верхоленцы продавали: скот и продукты скотоводства, хлеб и сено, продукцию охоты и рыболовства, лесного промысла. Характерно, что у кудинцев на первом месте стояла продажа хлеба и сена, а на втором — скота и продуктов скотоводства. В 1829 г. было продано хлеба и сена на 32 000 р., скота и продуктов скотоводства на 22 500 р., звероловства — на 1500 р., всего на 52 200 р. У верхоленцев же продажа хлеба занимала лишь небольшое место.

---

[1] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Кудинской степной думы.

[2] Материалы по истории хозяйства и родового управления добайкальских бурят во второй половине XVIII и начале XIX в. (Сообщ. Вл. Гирченко). Журн. «Бурятиеведение», 1926, № 2, стр. 14.

Ольхонцы

Ведомство Ольхонской степной думы охватывало бурятское население, жившее на острове Ольхоне и на северо-западном побережье Байкала. В 1840 г. в 8 родах Ольхонского ведомства насчитывалось 5324 человека, а в 1856 г. — 5946.

Ольхонцы жили в неблагоприятной естественно-географической обстановке: почва на острове Ольхоне малоплодородная — каменистая или песчаная; особенности климата — малое количество осадков, сравнительно низкая средняя летняя температура, часто бывают сильные ветры.

Для повышения урожайности трав в некоторых местах Ольхонского ведомства производилось удобрение и искусственное орошение покосов.

В первой половине XIX в. совершаются попытки насадить земледелие среди ольхонцев мерами чисто административного воздействия. На сугланах зачитывалось «Положение о распространении хлебопашества и разведении картофеля» с «надлежащим чрез толмача истолкованием». Объявлялись предписания заседателей, обязывающие расширить запашку. В этом же направлении должны были действовать тайши и родовые нойоны. Но никакой реальной помощи в отношении развития земледелия ольхонцы не получали; между тем и природные условия не благоприятствовали этому. В 1831 г. «за малоудобностью и по большей части каменистого и песчаного местоположения» было посеяно лишь 95 четвертей ржи. Занималось хлебопашеством всего 33 человека. «Засевают в год озимого 13 и ярового: ярицы, ячменя и овса 12½ десятин». Урожай считался «убогим».

Близость к Байкалу и необходимость подсобных заработков стимулировали развитие среди ольхонцев рыбного и нерпичьего промыслов, кроме того некоторые искали заработков на стороне: «частью нанимаются в Верхнеудинском и частью в Иркутском округах у разных людей». Ловили, преимущественно, омулей, затем сигов, харюзов, окуней. В 1831 г., по сведениям Ольхонской степной думы, было добыто 6050 пудов омулей, из которых 4492 пуда поступили в продажу. Орудиями лова служили сети, неводы и «морды». В старину сети плелись из шерсти и конского волоса. В связи с рыболовством выделывались бочки для соления омулей, лодки, карбаза.

Кроме нерпичьего промысла, ольхонцы в небольших размерах занимались охотой на белку, волков, медведей, коз, хорьков.

Ольхонские буряты остались в основном скотоводами и рыболовами. Земледелие не нашло здесь распространения.

В 1831 г. Ольхонская степная дума характеризовала занятия жителей своего ведомства следующим образом: «По малоимению сенокосной и еще того менее удобной к хлебопашеству земли, первое упражнение обитающих около Байкала инородцев состоит в рыбопромышленности, в удабривании по возможности из пастбищных мест сенокосных утугов, в возке из леса дров и сенокошении в удобное к тому время... Жены их упражняются в выделке кож на сыромять, овчин, шитье раз-

ного платья, т. е. шуб, дыгылеев и обуви, деланием войлоков, подседельников, берестяных лукошек и в присмотре за скотоводством».[1]

В 1831 г. в Ольхонском ведомстве насчитывалось 22 704 головы скота, в том числе: крупного рогатого скота 5209, лошадей 1845, овец 12 856, коз 1794. На развитии скотоводства неблагоприятно сказывался падеж скота, происходивший от неурожая трав, недостатка сена, суровых зим; например, в 1850 г. пало 7676 голов от неурожая трав, малого количества поставленного сена, и «от сурового в зимнее время климата».

Ольхонцы жаловались на «малость сенокосных мест» по сравнению с другими ведомствами, указывая, что поэтому они «в достаточном содержании и приумножении скотоводства способов не имеют». Часть ольхонцев была вынуждена покупать сено в селениях Манзурской волости и у верхоленских бурят, доставляя его на далекое расстояние. В этих же местах ольхонцы покупали хлеб. В материалах Ольхонской думы указывается, что необходимость покупки и дальней доставки сена приводила необеспеченных ольхонцев «в оскудение».

С давних времен у ольхонцев существовало кузнечное мастерство: выделка топоров, ножей, кос и пр.

Предметами сбыта у ольхонцев была продукция скотоводства, рыболовства, отчасти охоты. На Тельминскую суконную фабрику ольхонцы доставляли шерсть. Рыба сбывалась, главным образом, скупщикам, приезжавшим обыкновенно в июне — июле (в разгар лова). Кроме продажи за наличные деньги, производилась мена на круглый хлеб, муку, конопляю и другие товары.

Купцы-скупщики закабаляли ольхонских рыболовов путем ростовщичества и вместе с тем выступали в роли предпринимателей («наймашинов») на рыбалках.

Тункинцы

Тункинские буряты живут к юго-западу от Байкала, в пределах современного Тункинского аймака Бурят-Монгольской АССР.

В «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. тункинские, китойские, ольхонские буряты назывались «южными скотоводами и промышленниками» в отличие от «кочующих земледельцев» — аларцев, балаганцев, идинцев, кудинцев.[2]

В 1864 г. в ведомстве Тункинской степной думы было 11 519 жителей. Более ранних сведений о населении и хозяйственной жизни тункинцев мы не имеем, так как из материалов степной думы сохранились лишь отдельные документы, относящиеся к 60-м годам прошлого столетия.

---

[1] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Ольхонской степной думы, дело № 92.

[2] Учреждение для управления сибирских губерний. Устав об управлении инородцев в Сибири. СПб., 1822, стр. 4.

Хозяйство тункинцев имело скотоводческо-промысловое (охота) направление, но, в отличие от ольхонцев, у них замечалось и развитие земледелия. «Занятие их, — читаем в отчете Тункинской степной думы за 1864 г., — состоит исключительно в скоте и зверопромышленности. «Хлебопашеством занимается одна четвертая часть».

Главным занятием тункинцев было скотоводство. В 1864 г. в Тункинском ведомстве насчитывалось 29 446 голов скота: лошадей 9384, рогатого скота 11 670, овец 7362, свиней 270, коз 550. Интересно, что в числе домашнего скота у тункинцев, хотя и в небольшом количестве, упоминаются олени (210 голов). По исчислению Тункинской степной думы, на каждое хозяйство, полагая семью в 4 души мужского пола, приходилось по 2 лошади, 4 головы крупного рогатого скота и 2 мелкого.

Перекочевка у тункинцев совершалась от двух до четырех раз в год. Сена было накошено, по сведениям степной думы, 776 020 пудов.

На втором месте после скотоводства стояла охота. В 1864 г. в Тункинском ведомстве было добыто 78 091 штука различных зверей, которые оценивались в 20 726 р. Больше всего добывалось белки (75 086), затем шли дикие козы (858), хорьки (793), зайцы (467), соболи (391), горностаи (318). Значительно меньше добывали изюбрей, лисиц, волков, кабанов, медведей.

Шкуры зверей тункинские охотники сбывали приезжавшим к ним скупщикам, в Иркутске, а также в пределах всего ведомства.

Земледелием, как подсобным занятием, пользовалась четвертая часть тункинцев. В 1864 г. в Тункинском ведомстве было посеяно 3917 десятин. Урожай яровых хлебов определялся в 14 045 четвертей, озимых — в 3511 четвертей. «Хлеб засевается более яровым, по причине того, что озимовые хлеба от встречающихся осенью и летом сильных ветров выдуваются», — констатирует отчет Тункинской степной думы.

«Правила земледельцами применяются через распахивания земель в год до трех раз, а некоторыми жителями земля удабривается навозом, потом ровнят землю обыкновенными боронами и при наступлении весны, по распашке в третий раз, сеют хлеб и, наконец, теми же боронами заравнивают... Кроме сего никаких правил не производят. Полей здесь не совершенно достаточно по случаю гористого и каменистого местоположения».[1]

По сравнению с ольхонцами и агинцами, имевшими незначительные посевы, тункинцы имели значительно больше посевной площади и более устойчивое хлебопашество. В Тункинском ведомстве было 5 хлебных экономических магазинов и 8 водяных мельниц, перемалывавших до 42 000 пудов хлеба.

Ремесла у тункинцев были такие же, как и у остального бурятского населения.

---

[1] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Тункинской степной думы.

Общая характеристика хозяйственного развития бурятского населения

(выводы)

В первой половине XIX в. у западных бурят складывалось скотоводческо-земледельческое и земледельческо-скотоводческое хозяйство. У тункинцев преобладало скотоводческо-промысловое хозяйство, но шло и развитие земледелия. У ольхонцев хозяйственная жизнь имела преимущественно скотоводческо-промысловое направление.

Среди забайкальских бурят преобладало скотоводство, но вместе с тем развивались элементы земледельческого хозяйства. Земледелием занималась приблизительно третья—четвертая часть хоринцев, селенгинцев и кударинцев. Агинцы, за небольшим исключением, являлись скотоводами. Промысловое хозяйство (охота) больше всего было развито у закаменских бурят Селенгинского ведомства, поселившихся в Джидинской тайге, и у кударинцев (рыболовство, извоз). У остальных бурят промыслы и ремесла (охота, рыболовство, лесной промысел, извоз, кузнечество, плотничество, обработка продуктов животноводства и земледелия) играли подсобную хозяйственную роль.

В первой половине XIX в. замечаются некоторые признаки интенсификации хозяйства. Увеличивается сенокошение, устраиваются загоны для скота при юртах и скотные дворы с навесами, начинается в некоторых местах удобрение приусадебных покосов (утугов), искусственное орошение покосов и пашен. Похожая на серп коса-горбуша уступает место более удобной косе с длинной рукояткой (литовка). «Около 1780 г., — сообщает хоринский летописец Вандан Юмсунов, — возникла одна единственная торговля так называемыми литовками, нынешними косами, появившимися из России. Некоторые купили их, и пока они бились над тем, чтобы научиться ими косить сено, в 1804 г. переселились кавказские крестьяне, и тогда, увидав как они, явившись с такими косами, косили сено, они (хоринцы, — *Ф. К.*) после этого научились владеть своими косами и, поняв, что они очень удобны для косьбы, пуще прежнего стали знать способы сенокошения».[1]

Относительно лучше становится обработка земли при хлебопашестве; применяется, например, боронование, которого прежде, по свидетельству путешественников XVIII в., не было. Увеличиваются водяные мельницы и хлебные экономические магазины. Самый факт развития земледелия усложняет хозяйственные работы; инвентарь и продукция становятся более разнообразными. У западных бурят земледельческое хозяйство дает даже значительную для того времени товарную продукцию.

С развитием колонизации, ростом населения, соприкосновением с хозяйством и бытом русских крестьян, внедрением товаро-денежных отношений, расширением сенокошения и земледелия суживается сфера прежних перекочевок, развиваются элементы полукочевого и оседлого быта. В первой половине XVIII ст. у забайкальских бурят преобладала «таборная» форма кочевания, при которой население перекочевывало

[1] Проф. Н. Н. Поппе. Перевод летописи Вандана Юмсунова. (Рукопись).

в той или другой местности почти круглый год. Гмелин указывал, что буряты Забайкалья не задерживались в одном месте больше одного-двух месяцев. В первой половине XIX в. преобладала уже циклическая форма перекочевок в зависимости от времени года (зимник—весенник—летник—осенник или зимник—летник); таборная форма встречалась реже (преимущественно среди агинцев). У западных бурят циклическая форма перекочевок преобладала уже в XVIII в. В первой половине XIX в. большинство из них перекочевывало на небольшом пространстве всего два раза в год (зимник—летник). В совокупности среди бурятского населения развивались различные переходные формы от таборного кочевья к оседлости. Этот процесс сказывался не только на характере перекочевок, но и в домашнем быту (вытеснение войлочных юрт деревянными, устройство теплых зимовьев, домов, приусадебных построек и пр.). Часть бурятского населения составляли «оседлые или живущие постоянно оседлостью на одних местах».

В XIX в. еще больше, чем в предыдущие периоды, происходит влияние русского населения на хозяйство и быт бурят. В свою очередь и они оказывают влияние на русских. Это был прогрессивный период, но в тогдашних условиях он не мог привести к коренным изменениям системы и техники производства. Трудовое сибирское население (преимущественно крестьянское), обремененное податями и повинностями, поборами, со стороны чиновников, вносивших в управление обширным краем нравы помещичьей вотчины, и духовенства, опутанное сетями ростовщической кабалы со стороны купцов и деревенских «мироедов» (кулаков), не обладало средствами для повышения экономическо-технического уровня своего хозяйства, не знало, в большинстве своем, даже элементарной грамотности и не имело возможности учиться более производительным формам хозяйствования. «В Сибири, — писал в 1856 г. Н. Бакшевич, — простому земледельцу не у кого учиться, а также некому подражать. Оставленный на произвол удачи, он, при безотчетной деятельности, пребывает всегда в одной и той же степени совершенства. Да и невозможно от него требовать движения вперед, улучшения в деле, которое основано и на строгой науке и на умении прикладывать эту науку к данным условиям».[1]

Дальнейшее проникновение торгово-промышленного капитала в Сибирь, рост товарно-денежных отношений, необходимость приобретения ремесленных и заводских изделий для хозяйственного (сошники, серпы, косы, ружья, свинец для охоты и пр.) и домашнего обихода, вытеснение натурального ясака денежными сборами — все это приводило к усилению связи бурятского хозяйства с рынком, хотя и не уничтожало основ преобладающего тогда патриархально-натурального уклада. Буряты играли значительную роль в экономической жизни Восточной Сибири. Они доставляли продукцию сельского хозяйства для городского, заводского и приискового населения, снабжали скотом переселенцев, производили поставки сырья и топлива для немногочисленных тогда промыш-

[1] Н. Бакшевич. Описание реки Иркута до впадения в Ангару. Зап. Сиб. отд. Русск. геогр. общ., кн. 1, 1856, СПб., стр. 1—52.

ленных предприятий (Тельминская суконная фабрика, Петровский железоделательный завод, нерчинские заводы и рудники, солеваренные и винокуренные заводы). Бурятские крестьяне обслуживали кяхтинскую торговлю (перевозка грузов), отправлялись в Петербург с караванами серебра, золота, драгоценных камней из Нерчинского горного округа, перевозили переселенцев, военных, разные казенные грузы, почту производили прокладку и починку дорог.

Бурятское хозяйство развивалось в обстановке экономической и культурной отсталости. «Царская Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития. До 60-х годов прошлого столетия в России было очень мало фабрик и заводов. Преобладало крепостническое хозяйство дворян-помещиков. При крепостном строе не могла по-настоящему развиваться промышленность. Подневольный крепостной труд давал низкую производительность труда в сельском хозяйстве».[1] В Сибири не было крепостного права, но гнет со стороны крепостнического государства и его агентов сказывался и здесь. На сибирских заводах преобладал до 60-х годов XIX в. подневольный труд приписанных к заводам крестьян, мастеровых и ссыльно-каторжных. Промышленность находилась в зачаточном состоянии. Сибирские крестьяне (в том числе и бурятские) были обременены крепостническим государством податями и повинностями, тяжесть которых увеличивалась поборами со стороны чиновников и ростовщической кабалой со стороны купцов и нарождавшейся сельской буржуазии — кулачества. Среди бурятского населения были еще сильны феодальные отношения; «степные аристократы» — нойоны,— закреплявшие за собой административное влияние в бурятских ведомствах, совершали «темные поборы», вымогательства, принуждали крестьян «по наряду, без всякой платы» работать в нойонских хозяйствах. Неблагоприятна были и рыночная конъюнктура: при слабом развитии промышленности, высоких сравнительно ценах на товары, привозимые из центра, цены на продукты сельского хозяйства были низкие.

Социальные отношения

Начиная с 1819 г. при раскладке податей и повинностей было установлено разделение сельских и улусных жителей «на классы по состоянию на 4 разряда».

К первому «классу» были отнесены «самые богатые, которые имеют превосходное изобилие в скотоводстве, хлебопашестве; сверх сего занимаются извозом тягостей и прочего судя по промышленности (промыслу)».

Ко второму «классу» относились «достаточные», которые имеют «умеренное скотоводство и хлебопашество и не имеют ни в чем недостатка».

К третьему «классу» причислялись те, которые «имеют только небольшое количество пашни, сенокосов, скота, необходимого для обраба-

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б), 1938, стр. 5.

тывания оных и для домашнего прихода, и которые непосредственно могут исправлять государственные подати и общественные повинности».

Наконец, к четвертому «классу» причисляли «совершенно неимущих, тех, которые престарелых лет, неизлечимых в болезни, малолетних и вместе не имеющих ни родственников, ни состояния». [1]

Положение «о разделении на классы по состоянию на 4 разряда» при сопоставлении с другими документами дает представление о классовом расслоении бурятского населения в первой половине XIX в.

«Самых богатых, которые имеют превосходное изобилие в скотоводстве, хлебопашестве», представляли бурятские нойоны. «Достаточными», видимо, являлись зажиточные крестьяне и кулаки — представители сельской буржуазии. Остальные два «класса» — это крестьяне, составляющие подавляющее большинство бурятского населения. Часть из них добывала средства к существованию «работой у частных лиц разных сословий», т. е. являлась батраками.

В бурятских ведомствах встречались богачи, имевшие несколько тысяч голов скота.

«Все старшины богаты скотом и деньгами и лучшими землями», — писал в 1830 г. Геденштром. [2]

«Среди забайкальских монголо-бурят, — отмечал в 1856 г. К. Стуков, — есть хозяйства, которые ежегодно засевают по 100 десятин хлеба и продают на тысячи рублей скота, говядины, сырого и топленого сала, масла, кож, бараньей шерсти, мерлушки, овчин, соболей, лисиц, рысей, белку, волчьих шкур, изюбревых рогов и кабарговой струи». [3] У некоторых скотовладельцев было до 1000 верблюдов, до 4000 лошадей, от 2000 до 3000 быков и коров, от 8000 до 10 000 овец.

Полную противоположность «самым богатым, которые имеют превосходное изобилие в скотоводстве, хлебопашестве», представляли «совершенно неимущие» — бесскотная и беспосевная беднота, вынужденная добывать средства к существованию «работой у частных лиц разных сословий» (указание в отчетах степных дум). «Многие же бедного состояния, не имеющие средств к хлебопашеству, звероловству и рыболовству, занимаются у разных частных лиц в Иркутске и по окружным селениям рубкою дров, так равно и услугами в срочных и временных работах, — читаем в отчете Кудинской степной думы за 1838 г.». [4]

Отличительная черта бурятских нойонов, как феодальной категории, заключалась в том, что нойоны, являясь проводниками политики царизма, сосредоточивали в своих руках пожизненно и потомственно (в одних случаях потомственность была юридической, в других фактической) внутреннее управление в бурятских ведомствах, используя свои административные функции для внеэкономической эксплоатации крестьян.

---

[1] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Баргузинской степной думы, дело № 2 (1819—1837 гг.).

[2] М. Геденштром. Отрывки о Сибири. СПб., 1830, стр. 68.

[3] К. Стуков. Очерки монголо-бурят, кочующих в Восточной Сибири. Зап. Сиб. отд. Русск. геогр. общ., т. VIII, отд. 1, 1856.

[4] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Кударинской степной думы.

Нойоны, имевшие «превосходное изобилие в скотоводстве, хлебопашестве», представляли собой «степных аристократов», пожизненно занимавших должности чиновных сайтов (тайшей, родовых начальников и пр.), которые освобождались от податей и повинностей, получали чины и награды; например, в 1805 г. зайсаны 11 хоринских родов, как указывает летописец Вандан Юмсунов, «были удостоены чином титулярного советника и они несли среди хоринцев почетные должности и потомки их находятся в числе привилегированных».[1] «Хоринско-агинская знать,— писал Стуков, — величает себя на сугланах официально сайт-нар «вельможами», а жены тайшей и родоначальников титулуются в письмах сайхан-абагай «прекрасными княгинями».[2] Занимая «почетные должности», нойоны использовали их для своего обогащения и закабаления подчиненных им бурятских крестьян.

Нойоны захватывали и закрепляли за собой лучшие земельные угодья для сенокошения и земледелия. В материалах степных дум мы встречаем различные жалобы бурятских крестьян на захваты их земель нойонами.

В 1818 г. крестьяне на одном из земельных участков по р. Хонхолою устроили оросительную канаву и распахали больше 20 десятин земли. Однако зайсан Ухатуев захватил этот участок «самовольно и сильно» (насильно) и огородил его. Совершали захваты и другие нойоны. Через тридцать лет, в 1849 г., хонхолойские крестьяне жаловались, что «богачи, чиновные и зажиточные люди, огородя способные хорошие земли, владеют ими, а пам уж лучшего ничего не видеть, итак мы угнетенные, бедные люди, на милосердие начальства надеемся».[3] Крестьяне просили «уделить им во владение из земель законно и по уравнению». Между тем, надеяться на «милосердие начальства» особенно не приходилось: оно защищало интересы нойонов.

С ростом сенокошения и земледелия распространялось огораживание земельных угодий, причем огораживание общинных покосов крестьянами отличалось от огораживания земельных угодий нойонами: в первом случае существовали переделы и очередность землепользования; во втором — нойоны «отдельно от народа» закрепляли за собой лучшие земельные угодья.

Интересные сведения об огораживании покосных угодий в Хоринской степи сообщает в своей летописи Вандан Юмсунов. Он пишет, что хоринцы, начиная с 1800 г. (сенокошение существовало у них и раньше), «стали косить в большом количестве сено и кормить им скот. В целях охраны своих покосов они во множестве объединялись и огораживали ближайшие в них местности, покрытые растительностью, длинными поскотинами; внутри их охраненную траву они делили и поочередно

---

[1] Проф. Н. Н. Поппе. Перевод летописи Вандана Юмсунова. (Рукопись).

[2] К. Стуков. Взгляд на происхождение и переход в подданство России кочующих за Байкалом хоринско-агинских монголо-бурятов. Иркутские губернские ведомости, 1859, № 33.

[3] В. Гирченко. Социальное расслоение среди бурят-монголов в XVII—XIX вв. Жизнь Бурятии, № 3—4, 1929, стр. 61—62.

косили». В данном случае речь идет об устройстве улусно-общинных покосотин и передельно-очередном пользовании покосами (это происходило и в русской сельской общине). Далее Юмсунов указывает: «Некоторые зажиточные люди строили своими усилиями, отдельно от народа, на свободных землях круглые ограды и переносили внутрь их на два-три года свои стойбища; стали удобрять навозом и свозить скотский помет, высыпать его на холмистые места, лишенные растительности и сеять траву, очищать от камней и сора, а в засушливые времена они поливали, проведя воду из ближайших рек и ручьев по каналам и орошая свои покосы и поля; они, собирая с них удовлетворительный урожай, становились вполне способными прокормить свой скот и переставали испытывать, за исключением особых скотских болезней и поветрий, недостатка в кормах, падежа в холод и губительную бескормицу».[1]

Следовательно, земли, огороженные нойонами «отдельно от народа», выходили из сферы общинного землепользования и закреплялись за ними.

В 30 — 40-х годах XIX в. нойоны Аларского ведомства совершали систематические захваты общественных покосов, даже «занимали эти покосы в зародах», т. е. отбирали и накошенное здесь сено. Захваченные покосы сдавались в аренду бурятским и русским крестьянам.

Хоринские тайши, пользуясь своим административным влиянием, добивались юридического закрепления земельных угодий не только за собой, но и за своим потомством. Это закрепление происходило на основании постановлений («согласий») сугланов родовых начальников, утверждавшихся губернским правлением. В 1799 г. суглан вынес постановление об «утверждении во владении» тайши Иринцеева земельных угодий по рр. Кудуну и Кижинге. В 1818 и 1824 гг. наследникам этого тайши были отведены еще дополнительные земельные участки. В «согласии» 1824 г. указывалось, что они даны «жене покойного тайши Иринцеева, надворной советнице Чойжот Годокиевой, и сыну ее, настоящему тайше Жигжиту Дамба-Дугарову, и наследникам под кочевье и скотский выгон, с прибавлением речек Ацы и Шана».[2] Кроме того тайше Дамба-Дугарову (Суванову) был отведен большой участок «прямою линиею до 150 верст», от вершины р. Оны до Грядской почтовой станции. Этот участок закреплялся за теми лицами, которые занимали должность главного тайши в Хоринском ведомстве.

Рост тайшинского землевладения приводил к стеснению землепользования бурятских крестьян. «Кочующие в окольности оных земель ясачные инородцы совершенно от стеснения пришли в неминуемую бедность», — говорится в одном из документов Хоринской степной думы в отношении земель, отведенных Дамба-Дугарову. Формально подобные отводы считались результатом «общественного согласия», фактически они являлись насильственными захватами земельных угодий у бурятских крестьян. Сугланы, дававшие эти «согласия», представляли собой собрания сайтов, улусные сходы или собрания выборных от кресть-

[1] Проф. Н. Н. Поппе. Перевод летописи Вандана Юмсунова. (Рукопись).

[2] Бурят-Монгольский Государственный институт языка, литературы и истории. Фонд хоринских тайшей, дело № 1.

янских обществ. Характерно, что «утверждались во владении» нойонов не только покосные и земледельческие угодья, но и земли «под кочевье и скотский выпуск», которые считались объектами общего пользования жителей той или другой местности. Бурятских нойонов можно приравнять к «большим людям», начальникам кланов у кельтов горной Шотландии, о которых писал К. Маркс: «Собственной своей властью они превратили свое право собственности на землю в силу титула в право частной собственности».[1]

«Нигде и никогда, — писал Ф. Энгельс, — аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не породил сам из себя ничего иного кроме собственного распадения. Сама русская крестьянская община уже в 1861 г. представляла сравнительно обесцвеченную форму этого коммунизма; общественная обработка земли, существующая еще в отдельных местностях Индии и в южнославянской задруге, вероятной родоначальнице русской общины, должна была уступить место обработке земли отдельными семьями, общинная собственность проявлялась уже только в переделах земли, производившихся в различных местах через различные промежутки времени».[2]

В таком же по существу направлении, при некоторых особенностях (они определялись преобладанием скотоводства, наличием полукочевого и кочевого быта), развивалась и бурятская улусная община. Общинная собственность проявлялась здесь в общем пользовании «кочевьем и скотским выпуском» и в переделах сенокосных угодий. Раздел земли производился, с санкции чиновных сайтов, по числу голов скота или по количеству душ мужского пола в том или другом хозяйстве. В некоторых документах обычного права указывается, что «раздел земель, как пахотных, так и сенокосных, со стороны инородческого начальства зависит, в уравнении, по числу душ мужского пола, по ревизии состоящих». Однако, фактически при частной собственности на средства производства (скот, сельскохозяйственный инвентарь и пр.) в развитии социального расслоения существовала неравномерность землепользования, усугублявшаяся тем, что нойоны закрепляли большое количество лучших земель за собой. По свидетельству М. Геденштрома, который несколько лет непосредственно соприкасался с делами управления в бурятских ведомствах Забайкалья, «все старшины богаты скотом и деньгами и владеют обширнейшими и лучшими землями, простолюдины же напротив более и более беднеют».[3]

Имея в своих руках административный аппарат и средства принуждения (сайты могли подвергать телесному наказанию, аресту, взыскивать штрафы и пр.), нойоны использовали это для эксплоатации подчиненных им в административном отношении крестьян. Производя раскладку и сбор податей, сайты сверх этого собирали «темные поборы» в свою пользу. «Родовой старшина (иные роды имеют более 1000 душ), — рассказывает М. Геденштром, — имея право располагать поборы

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Партиздат ЦК ВКП (б), 1937, стр. 683.
[2] Ф. Энгельс. Послесловие к статье «О социальном развитии России». К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 392.
[3] М. Геденштром. Отрывки о Сибири. СПб., 1830, стр. 68.

по собственной оценке состояния родовичей, легко может по пристрастию обидеть одного перед другим, и для собственной корысти соберет с рода большее число денег, нежели требовалось их, употребив излишек в свою пользу».[1] Кроме этих «излишков» нойоны под разными предлогами вымогали с крестьян поборы деньгами и натурой. Наконец, сайты, распределявшие казенные повинности, вместе с тем, как установила на основании многочисленных жалоб ревизия Сперанского, принуждали крестьян «по наряду» бесплатно производить сенокошение на нойонских покосах, обрабатывать пашни, огораживать их жилища, перевозить юрты и пр. Все эти действия сайтов приводили к крайнему угнетению бурятских крестьян. «Сие управление, — писал Геденштром об управлении в бурятских ведомствах, — как легко видеть можно, дает старшинам величайшее поползновение к угнетению народа».[2]

Так называемая внеэкономическая эксплоатация трудового населения нойонством, имевшая феодальные черты, сочеталась с экономической. Нойоны эксплоатировали наемный труд бедноты и батраков, производили ростовщические и торговые операции, занимались торговыми подрядами и поставками. Эти же формы эксплоатации применяла другая группа эксплоататорских классов — нарождавшаяся с развитием товаро-денежных отношений улусная буржуазия, кулачество.

Недостаток или отсутствие средств производства (скот, инвентарь), нужда в деньгах для уплаты податей, которые увеличивались поборами со стороны сайтов, чиновников, лам и шаманов, уплата калыма при женитьбе, бедственное положение крестьянства при падеже скота и пр. — все это вынуждало крестьян брать (деньгами или натурой) взаймы у нойонов и кулаков (бурятских и русских) под высокие проценты или отработку долга, попадать в ростовщическую кабалу или наниматься к ним на работу. По свидетельству декабриста Н. А. Бестужева, «бедный человек, чтобы купить невесту (уплата калыма) или по другой нужде, должал, забираясь в какую-нибудь работу вперед за год и даже за два». В дальнейшем он закабаляется еще больше. «Подушные идут своим чередом, — пишет Бестужев, — земские поборы, часто злоупотребительные от тайшей и зайсанов, довершают необходимость должаться. От этого выходит, что должники часто сверх своих сил и возможности обязываются работою или поставкою каких-нибудь припасов и материалов, а оттого долги их год от году растут и прибавляются».[3]

«Степные законы», кодифицированные под непосредственным влиянием нойонства, санкционировали закабаление бедноты и батраков, угрожая им телесным наказанием за «неустойку в условиях». По селенгинскому уложению 1823 г., составленному на суглане «главных шуленг, зайсанов, старшин» во главе с тайшей: «Ежели кто окажется из ясашных ленив к работе, не будет исправлять по найму своей обязанности или не похочет делать установленного по договору, хотя бы и без письма, но при свидетелях, словесно учиненного, таковых родовым на-

[1] Там же, стр. 68.
[2] Там же, стр. 67.
[3] Н. А. Бестужев. Гусиное озеро. Сб. «Декабристы в Бурятии». Верхнеудинск, 1927, стр. 84.

чальникам, по вышедшей на них жалобе принуждать к исполнению обязанности; в противном случае, за леность и неустойку в условиях наказывать лозами».[1]

В 1838 г. хоринским тайшей Дымбыловым была издана инструкция «о размножении хлебопашества». По этой инструкции, «низшего класса каждая душа обязана засевать по полторы десятины; состоятельные же первого и второго класса обязаны более оных приложить старание». Инструкция предписывала убеждать богатых и состоятельных, чтобы они «под видом займа» снабжали бедняков семенами, лошадьми, сельскохозяйственным инвентарем. За это бедняки обязывались отработкой «вознаграждать богатых, дающих им вспоможение». Богачи использовали в своих интересах нужду бедняков в средствах производства при «размножении хлебопашества». Они обсчитывали бедноту при выдаче хлеба, денег, взыскивали ссуду с лихвой, обманывали, как признает и «Инструкция», «отобранием в свою пользу приготовленной к посеву земли».[2]

Бурятские богачи занимались торговлей, производили скупку и перепродажу продукции сельского хозяйства и охоты; например в 40-х годах XIX в. богатые хоринцы провозили различные товары в Нерчинский уезд, выменивая у бурятских и русских крестьян кожи, мерлушку, пушнину и скот, который «выгоняют большими гуртами».[3]

В бурятские улусы проникал торгово-ростовщический капитал русских купцов, раскинувший свои щупальцы по всей Сибири. В Забайкалье в первой половине XIX в. хозяйничали крупные купцы Кандинские и Черных (в Баргузине), эксплоатировавшие русских, бурятских и эвенкийских крестьян. Кандинские, используя возраставшую нужду крестьян в деньгах и товарах, давали им взаймы под высокие проценты, требуя за это доставки определенного количества пушнины. За недоставленное купцы заставляли платить по повышенной цене. В результате, кредитовавшиеся не могли выйти из долгов и вынуждались за бесценок отдавать пушнину купцам. На таких же, приблизительно, условиях Кандинские сдавали на выпас коров, лошадей, овец. Каждый взявший скот обязывался в определенный срок доставлять условленное количество приплода и масла, отвечая материально за убыль скота или недостаток масла. Условия кредитования и уплаты долгов в большинстве случаев совершались «словесно», без особых документов. Это обстоятельство открывало купцам простор для обмана должников и вымогательства с них, тем более, что местная администрация находилась «почти без исключения на содержании и в услугах тех же богатых людей».[4]

---

[1] Сборник обычного права сибирских инородцев. Изд. Д. Я. Самоквасова, Варшава, 1876, стр. 85.

[2] В. П. Гирченко. К истории бурят-монголов — хоринцев первой половины XIX в. Журн. «Бурятиеведение», 1928, № I—III (V—VII), Верхнеудинск, стр. 56.

[3] В. Г. Гирченко. Социальное расслоение среди бурят-монголов в XVII—XIX вв. Жизнь Бурятии, 1929, № 3—4, стр. 62.

[4] И. Барсуков. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский, кн. I. М., 1891.

Глава XI

СИБИРСКАЯ РЕВИЗИЯ М. М. СПЕРАНСКОГО И «СТЕПНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

Сибирские сатрапы

«Губернию он считал вотчиною, а себя полновластным в ней приказчиком или управляющим», — писал М. Геденштром об иркутском губернаторе Трескине (1806—1819 гг.), типичном представителе сибирской администрации начала XIX в.

«Приказчики или управляющие» крепостнического государства, выходившие из среды чиновного дворянства, вносили во все области управления обширным краем нравы помещичьей вотчины. Бесправие народных масс, почти неограниченные полномочия и бесконтрольность сибирских сатрапов, удаленность от центра — все это создавало почву для административного произвола и самых вопиющих беспорядков и злоупотреблений, приведенных в систему.

В 1806 г. сибирским генерал-губернатором был назначен Иван Пестель, а иркутским губернатором Трескин. Пестель со своими помощниками 14 лет управлял огромной территорией от Урала до Камчатки в эпоху глубочайшего бесправия, жестокости, ужасающего лихоимства, невежества и доходящей до изуверства нетерпимости, в то время когда обезличие дошло до своего апогея и наступило, по выражению одного сибирского писателя, «царство полного разрушения».[1]

Пестель, стремясь закрепить за собой почетную и прибыльную должность сибирского генерал-губернатора, добивался расширения административных полномочий и стремился пресекать все жалобы на действия местной администрации. После кратковременного пребывания в Сибири генерал-губернатор уехал обратно и стал управлять обширным краем из Петербурга. Между тем, столичная почта приходила в Иркутск через месяц, а в весеннюю и осеннюю распутицу — через два и даже три месяца. В такие отдаленные места, как Камчатка, почта попадала иногда через год. Легко представить поэтому существовавшую тогда волокиту. Административная система Пестеля состояла в том, что он предоставлял губернаторам распоряжаться на месте по своему усмотрению, а сам направлял все усилия к тому, чтобы перехватывать жалобы на сибирских администраторов, поступавшие в Петербург. За всем, что посту-

[1] П. П. Баснин. Из прошлого Сибири. Мученики и мучители. Исторический вестник, 1902, ноябрь, стр. 533.

пало из Сибири, был установлен строгий надзор: жалобы, письма, корреспонденции в газеты перехватывались. Челобитчиков подвергали наказаниям. Один из образованнейших людей своего времени, знаток монгольского и китайского языков А. В. Игумнов, заподозренный Трескиным в том, что он в своих письмах из Иркутска петербургским знакомым сообщает о злоупотреблениях сибирской администрации, подвергся различным притеснениям, был отдан под суд и отстранен от должности. Игумнову запретили въезд в Иркутск и предписали верхнеудинскому исправнику приняться «как следует» за «ученого китайца» и «пожать его, как жмут творог перед пасхой». По малейшему подозрению сибирские сатрапы отдавали людей под суд, заключали в остроги, отправляли в ссылку. Лиц «непривилегированного звания», т. е. крестьян, мещан, «ясачных иноверцев», подвергали жестоким истязаниям розгами. «В истории Сибири, — пишет П. И. Баснин, — кровавыми буквами вписаны имена разных исправников, начальников и т. п. мелких властей, находивших удовольствие при виде истерзанного в клочья человеческого тела. Даже «тоговые казни» не были так ужасны, как были жестоки «наказания на теле» разных Лоскутовых, Разгильдеевых, Янковских и т. п. извергов». [1]

Правой рукой Пестеля был иркутский губернатор Трескин со своими фаворитами: нижнеудинским исправником Лоскутовым, верхнеудинским — Яновским (затем Геденштромом), заседателем Третьяковым — «главным сотрудником жены Трескина по части взяток», правителем дел губернатора Белявским и др. Современники называли их «сибирскими лиходеями и кровопийцами». [2]

Бурятское население давало чиновникам прозвища хищных зверей. Губернатора Трескина называли «бобром», заседателя Третьякова «медведем» («хара-гуросон»), верхнеудинского исправника именовали «кабаном» («бодон гахай»), а земских заседателей «волками» («чоно»). «Приношения для ублаготворения начальства, примерно в тысячу рублей ассигнациями, выражали фразой «ныгтэ букули тога» («одно цельное число»), а в сто рублей — «ехэ сарса» («большая бумага») и т. п.; самую взятку называли «иделгэ» («кормление»). [3]

Поборы деньгами и натурой как с отдельных лиц, так и с целых обществ стали обыденным явлением. Дело дошло до того, что «подарки», т. е. взятки, чиновникам официально включались в расходную часть местных бюджетов; например, в Идинском бурятском ведомстве за трехлетие с 1816 по 1819 г. расходы на «подарки» составляли 19.9% всех расходов, занимая второе место после казенных налогов и сборов. [4] Между тем, расходы на непосредственные нужды населения были крайне незначительны: на постройку школы и содержание учащихся — 3.4%, на поправку дорог — 4%. Поборы и взятки вымогались под разными предлогами. Иркутскому губернатору Трескину, например, было «пода-

[1] Там же, стр. 532—573.
[2] То же.
[3] К. Стуков. Из заметок туриста по братским степям. Прибавление к «Иркутским епархиальным ведомостям», 1881, № 38, стр. 460.
[4] То же.

рено на именины» соболей на 3000 р.: иркутский стряпчий Ланганс добился угрозами взяток на 11 000 р.; исправник Волошинов при закупке хлеба в казну удерживал в свою пользу по 20 к. с каждого пуда; если принять во внимание, что доставка идинцами хлеба в казенные места за трехлетие с 1816 по 1819 г. достигала значительной по тому времени суммы в 231 000 р., то поборы при закупке хлеба доставляли крупный доход чиновникам. Трудовое бурятское население страдало не меньше от поборов со стороны нойонов.

По ревизии Сперанского были «обличаемы в неправильных расходах общественных денег» тайши и родовые сайты почти всех бурятских ведомств. В Идинском ведомстве в этом обвинялся тайша Портас Чепурин, его помощник Елой Убсеев, 17 шуленг, 26 старшин; в Балаганском ведомстве — тайша Андрей Назаров, 17 шуленг и 19 старшин; в Аларском — тайша Батор Васильев, его помощник, 10 шуленг, 17 старшин. Такие же обвинения предъявлялись тайшам, шуленгам, старшинам Кудинского, Верхоленского, Тункинского, Хоринского и Баргузинского ведомств. В упомянутых ведомствах отмечались: излишество поборов, «наддачи» и другие притеснения при приемке в заводы хлеба, безвременные высылки на работу для исправления дорог, поборы и отягощения при этой работе. Во время постройки Кругобайкальской дороги, прокладывавшейся по распоряжению Трескина трудом каторжан, содержать последних были обязаны бурятские крестьяне. «Не имея для этого денег, они выгоняли на дорогу целые стада скота и продавали его за бесценок. Следственными комиссиями в 1819 г. раскрыто, что деньги вырученные от продажи скота, расходились по карманам чиновников, а не на продовольствие каторжников, что буряты входили в страшные долги, что проценты с этих долгов простирались до 200 на 100! Не менее страдали и от подводной повинности».[1]

По свидетельству М. Геденштрома, тайши, зайсаны, шуленги раскладывали подати и повинности по своему произволу, собирая сверх казенного оклада еще и в свою пользу. Хоринский тайша Дымбыл Галсанов в 1818—1819 г., собрал «без всякой надобности» и присвоил себе около 128 000 р. Вместе с главным тайшей производили «темные поборы», совершали вымогательства и «недозволенные денежные обороты» второй и третий тайши (Цыдынжанов, Бадма Павлов), вдова прежнего тайши надворная советница Иринцеева, зайсаны, лама-ширетуй Бохоев и просто «родовичи» из улусных богатеев. «Недозволенные денежные обороты» заключались в присвоении денег во время казенных и общественных сборов, а также подрядов и поставок в казну, в вымогательстве взяток, использовании этих поборов для торгово-ростовщических оборотов.

Характерно, что уличенные в лихоимстве и различных злоупотреблениях сибирские чиновники и «чиновные сайты» в бурятских ведомствах (тайши, зайсаны, шуленги и пр.) считались хорошими администраторами, получали чины и награды. Балаганский тайша Андрей Назаров, привлекавшийся по ревизии Сперанского, перед этим, в 1817 г., получил «монаршее благоволение» «за хорошее управление родами и ис-

[1] С. С. Шашков, Собр. соч., т. II, СПб., 1898, стр. 550.

правный взнос податей, распространение хлебопашества и скотоводства и за разные пожертвования».[1] Уже после ревизии Назаров был произведен в чин XII класса. Хоринский тайша Иринцеев, имевший чин надворного советника, был со своим потомством причислен к «российскому дворянству». В 1814 г. вдова Иринцеева, Чойджит, получила дворянскую бронзовую медаль в память войны 1812 г. «Сии бронзовые медали доставлены ко мне для украшения дворянства Иркутской губернии, почему я, в исполнение предписания Правительствующего сената, препровождаю при сем одну таковую медаль к вашему высокоблагородию»,[2] — писал Иринцеевой иркутский губернатор Трескин.

Пользуясь покровительством центральной власти и местной администрации, «чиновные сайты», подобно Трескину, считали бурятские ведомства «своей вотчиной». Они по своему произволу распределяли подати и повинности, распоряжались казенными и общественными деньгами, совершали «темные поборы», творили вместе с чиновниками суд и расправу, наконец, под видом казенных повинностей принуждали бурятских крестьян работать в хозяйстве нойонов. Бурятские крестьяне различных ведомств жаловались на тайшей и прочих «родоначальников», что по наряду без всякой платы употребляют они их в разные работы для собственной пользы, как то: принуждают их обрабатывать свои пашни, производить сенокошение на собственных покосах, огораживать их жилища, перевозить их юрты с одного кочевья на другое и вообще употребляют родовичей в собственные свои различные сельские работы, удерживают их многие лета в услужении без платы, отбирают сено, скот и, наконец, без всякого судебного по их обычаям приговора «жестоко наказывают».[3] Таким образом «чиновные сайты» устанавливали в своих ведомствах нечто подобное барщине.

Сибирский историк В. И. Вагин писал, что «многолюдное бурятское племя — хоринцы — издавна имело «аристократическое правление»... Власть находилась в руках нескольких семейств, которые враждовали между собой из-за первенства».[4] Должность тайши считалась выборной, пожизненной, но на деле обращалась в наследственную. Такое же явление, как мы уже указывали, «существовало и в других бурятских ведомствах. «Аристократизм» степного управления заключался в том, что оно из поколения в поколение сосредоточивалось в узком кругу богатых и влиятельных нойонских фамилий, между которыми происходила борьба за власть. Иногда одна «тайшинская династия» уступала место другой, но круг претендентов на тайшинство, зайсанство и на прочие звания и должности был ограничен, причем любопытно, что бурятские нойоны, подобно русских дворянам, кичились своей «родовитостью». Хоринские и агинские тайши считали себя потомками владетельного князя начала

---

[1] Ленинградское отделение Центрархива. Фонд Сената, отдел V, дело № 27.

[2] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд хоринских тайшей, дело № 1, лист 25.

[3] В. Вагин. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, т. I. СПб., 1872, стр. 267, 268.

[4] Там же, стр. 263.

XVII в. Турухай Табуна и зайсана Галзотского рода Шодо, первым получившего в 1729 г. патент на звание тайши. Баргузинские тайши называли себя потомками князьца Чепчугуя, убитого в схватке с казаками в 1640 г.

«Чиновные сайты» из «степной аристократии» феодального типа подчинялись губернаторам, исправникам, земским заседателям. Бурятское население считало «чиновных сайтов» такими же хищниками, как и русских чиновников. Нойонов сравнивали со злыми собаками.

Борьба «партий» в бурятских степях

В бурятских степях, которые казались на первый взгляд олицетворением тишины, происходила то скрытая, то явная борьба улусных крестьян с нойонами. Крестьяне добивались ограничения власти «чиновных сайтов» и смены ненавистных тайшей и прочих нойонов. Эта борьба чрезвычайно затруднялась тем, что «степные аристократы» имели сильных покровителей в лице царских чиновников.

А. П. Щапов, один из исследователей бурятского быта, обративший внимание на вопрос о внутренней социальной борьбе, писал, что «в бурятской улусной родовой общине некогда ясно обнаруживались зачатки... двух партий — чисто демократической, рабочей, и плутократической, богатой».[1] Щапов, приводя факты, относящиеся к началу XIX в., модернизировал борьбу между бурятскими «демократами» и «плутократами», говоря о наличии в бурятском обществе зачатков «чисто демократической, рабочей партии» в тот период (Щапов упоминает о событиях 1816 г.), когда рабочей партии еще не было даже в странах развивавшегося капитализма. Однако, если исключить модернизированную терминологию, А. П. Щапов сообщал ценные сведения о классовой борьбе в бурятских улусах. Кроме Щапова, о существовании «партий» среди бурят в XIX в. писал этнограф М. Н. Хангалов. О «партиях» упоминается также в документах степных дум. Вообще это название было распространено и не являлось случайным. Что же представляли собою «партии», о которых писали Щапов и Хангалов.

«Бурятские родоначальники, — писал М. Н. Хангалов, — склонны к жестокости и мщению, с помощью которых они думают держать бурят в подчинении и страхе, как в прежнее былое время. Буряты, обыкновенно, до поры до времени молчат, пока число недовольных не станет уже значительным. Родоначальники между тем своими действиями все более и более вооружают против себя общество; наконец, общественники, выведенные из терпения, составляют из себя особую партию и подают жалобы на родоначальника. Этот подбирает свою партию, и, таким образом, в роде или ведомстве образуются две враждебных партии».[2]

В 1816 г. две подобных «партии» образовались в Шонтойском улусе Верхоленского ведомства. Первую составляло большинство шонтойских

[1] А. П. Щапов, Собр. соч., дополнит. том, Иркутск, 1937, стр. 252—253.
[2] М. Н. Хангалов. Юридические обычаи у бурят. Этнографическое обозрение, 1894, № 2, М., стр. 137.

крестьян-скотоводов; вторую — сторонники местного богача Мандархана Банаева, занимавшего должность улусного старшины. Во время трехлетнего управления улусом Банаев отягощал крестьян «излишним сбором ясака и прочих общественных поборов», присваивая себе значительную часть этих денег.

Шонтойцы жаловались, что старшина довел их «до крайнего разорения» и решили устранить ненавистного им Банаева. На улусном суглане противники старшины, несмотря на противодействия его сторонников, отстранили Банаева от должности и на его место избрали Именея Бахеева. В противоположность прежнему старшине, Бахеев был бедняк, не имел своего хозяйства и жил в срочно-наемных работниках.

Новый старшина Именей Бахеев, облеченный доверием большинства шантойских крестьян, приступил к исполнению своих обязанностей. Тогда против старшины из бедняков выступили улусные богатеи, сторонники Мандархана Банаева, их сторону принял и главный тайша десяти верхоленских родов Пятон Имыев, оказывавший покровительство улусным «плутократам». 12 марта 1816 г. в присутствии главного тайши состоялся суглан сторонников Банаева, причем, составляя незначительное меньшинство улуса, они собрали всего двадцать человек, в числе которых были даже «подростки и малолетки», не имевшие по возрасту права участвовать на сугланах. Сторонники Банаева «объявили подпиской» следующее: «Сынкей Бархеев с товарищи по их желанию выбрали они, на место управляющего ныне у нас старшины Мандархана Банаева, другого братского Именея Бахеева, который как дому своего, а равно скотоводства и хлебопашества не имеет, да и не радевший к домовому заведению, а всегда обращающийся в срочных работах и в неизвестных иногда отлучках; потому мы под управлением и распоряжением остаться не желаем, а желаем быть попрежнему под управлением ныне существующего старшиною Мандархан Банаева, на коего мы нисколько подозрения и пороку не имеем, в чем и подписуемся с приложением по иноверчеству нашему знаков» [1] (луков со стрелами).

Таким образом улусные «плутократы» прикрывали злоупотребления Банаева, разорявшего шонтойских крестьян, которые, в противоположность его сторонникам, обличали богатого старшину в различных пороках. Прикрывая лихоимца и разорителя Банаева, местные «плутократы» отказывались оставаться «под управлением и распоряжением» нового старосты Именея Бахеева. Между тем, против него они не могли выдвинуть никаких обвинений кроме упрека в том, что он бедняк и «нерадевший к домовому заведению», которого Бахеев, находившийся на положении батрака, даже не имел.

Несмотря на покровительство главного тайши Банаеву и его сторонникам, шонтойские крестьяне отказались признавать ненавистного старшину и снова подтвердили избрание Бахеева. 13 марта 1816 г., на другой день после «подписки» сторонников Банаева, противники прежнего старшины устроили улусный суглан. Они в своем постановлении заявляли: «О бывшем в прошедших трех годах братском старшине Ман-

[1] А. П. Щапов, Собр. соч., дополнит. том, Иркутск, 1937, стр. 254.

дархане Банаеве, который во время трехлетнего управления его десятком нашим отягощал излишним сбором ясака и прочих общественных поборов, против узаконенного положения собирал с нас излишние, иногда вовсе и не следующие деньги, отчего и довел братский десяток наш до крайнего разорения, и в чем не давал отчета... То мы, видя его неумеренный сбор ясака и поборов, назад тому другой месяц избрали на место его старшиною другого братского Именея Бахеева».[1]

На суглане была составлена жалоба начальству на беспорядки сменённого старшины и выбраны для подачи ее улусные уполномоченные Хангал Мошорин и Нохой Ботоголов. К сожалению, финал шонтойских событий 1816 г. нам неизвестен.

События в Шонтойском улусе представляли собой типичную борьбу «партий», охватывавшую то отдельные улусы, то целые бурятские ведомства. Эти «партии» не были оформившимися политическими организациями, имевшими определенную программу и тактику. Они являлись временными группировками, возникавшими в период обострения борьбы улусных крестьян против нойонов, преимущественно «чиновных сайтов», возбуждавших своими злоупотреблениями ненависть трудового населения. В этих случаях возникали две группировки: первая объединяла бурятских крестьян, добивавшихся смены тайшей, родовых начальников, улусных старшин, переполнивших своими поборами и насилиями чашу народного терпения; вторую составляли сторонники «чиновных сайтов» — нойоны, богатые «родовичи». Нойонские группировки возникали также на почве соперничества между различными фамилиями «степных аристократов», претендовавшими на власть. Бывало и так, что нойоны-конкуренты стремились использовать для своих «династических» целей борьбу улусных крестьян с «чиновными сайтами» с тем, чтобы занять должности устраненных начальников. Наконец, когда борьба «партий» принимала более широкие размеры, в нее вмешивалось царское правительство.

В 1813 г. иркутским губернатором Трескиным было издано «Положение о выборах иноверческих начальников и правах их». В «Положении» указывалось, что «иноверческие родоначальники» (тайши, зайсаны и шуленги — у бурят, князцы и старшины — у якутов), «по предоставленному им... узаконениям и древним обычаем праву, должны поступать в звания сии по наследству и занимать оные по смерть». Таким образом, правительственные узаконения санкционировали наследственность главных должностей степного управления. Между тем, крестьяне добивались выборов начальников не из среды «степных аристократов» — нойонов, а «из простого рода», чтобы пользоваться «при нем большею свободою». «Положение» констатирует, что «простой родоначальник» «принужден бывает потворствовать во всем иноверцам и особливо той партии, которая наклоняла выбор в его пользу».

Царское правительство и его губернская администрация, опиравшаяся в проведении своей политики на нойонство, стремились закреплять за ним должности степного управления и устранять из этих органов «простых родовичей». «Назначение иноверческих родоначальников,

---

[1] Там же, стр. 253.

согласно с приведенными узаконениями и собственною их пользою, должно быть, — предписывало «Положение», — наследственно из мужского колена семейства родоначальника... Старший сын родоначальника есть преемник его должности, и только одна доказанная совершенная неспособность его, подтвержденная общественным приговором, может лишить его сего права, и тогда место его заступит ближайший его родственник в прямой линии. Малолетство сына или ближайшего родственника не есть препятствие в его назначении; но тогда общество избирает до совершеннолетия его лучшего и способнейшего из ближних родственников его или же, в случае невозможности, из посторонних лучшего качества в правители рода или временным родоначальником». [1]

В отношении борьбы «партий» очень интересна борьба хоринцев против тайшей Дымбыла Галсанова и Николая Дымбылова.

Деятельность тайши Галсанова (1815 — 1822 гг.) получила противоречивую оценку как среди его современников, так и со стороны историков, писавших о нем в 70-х годах XIX в. Покровитель Дымбыла Галсанова, иркутский губернатор Трескин, считал его хорошим администратором, подававшим большие надежды по своим способностям.

«Со вступлением Дымбыла Галсанова в управление сделалась ощутительная перемена в хоринских родах, — писал Трескин. — Не оставляя совершенно своих обычаев, но соблюдая благоразумную осторожность и умеренность, он домашний кочевой и неопрятный образ жизни своей переменил на русский, построил себе прекрасный дом; ввел весь порядок, благоустроенному дому приличный; начал учиться русской грамоте, носить немецкое платье и пр.». [2] По мнению губернского начальства, Галсанов отлично выполнял свои административные функции, — «у него все было исправно; подати и повинности платились своевременно; почтовые дома, дороги содержались в порядке», кроме того тайша был расположен к принятию христианской религии.

На основании высказываний Трескина о Галсанове, историки В. И. Вагин и А. П. Щапов называли хоринского тайшу «реформатором, преобразователем». По мнению Щапова, Галсанов пытался преобразовать кочевой, юртовый быт бурятского населения «сообразно с известными образцами цивилизованной общественности и домашности, хотел просветить бурятские умы христианским, евангельским учением, распространить между бурятами школы, переодеть их в немецкое платье и пр. Но тогда, повидимому, Галсанов явился преобразователем несколько рано, преждевременно. А главное, интриги иркутского чиновничества перед прибытием в Сибирь Сперанского, несмотря на полное сочувствие Галсанову Трескина и высшего петербургского правительства, даже самого государя, не дали свободного и правильного хода преобразовательным стремлениям тайши Галсанова. Не было разумного руководства и гуманного содействия». [3]

---

[1] Исторический архив Иркутской области. Фонд Киренского земского суда, дело № 3, лист 3—4.

[2] Цит. по: В. Вагин. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, т. I. СПб., 1872, стр. 263.

[3] А. П. Щапов, там же, стр. 256—257.

Увлекшись тенденцией изобразить Галсанова «преобразователем своего народа», Вагин и особенно Щапов слишком широко толковали краткое высказывание Трескина об этом хоринском тайше. Трескин констатировал, что Галсанов завел себе прекрасный дом, начал учиться русской грамоте, носить «немецкое платье», но вовсе не упоминал о каких-либо мероприятиях тайши, непосредственно направленных к преобразованию народного быта. Фактически изменение Галсановым внешней обстановки своей домашней жизни определялось его подражанием русским чиновникам и стремлением жить на широкую ногу, «владетельным князем» (определение В. И. Вагина), подобно тому, как русские дворяне подражали французской аристократии. Внешний блеск прикрывал при этом грубость, жестокость и невежество.

Дымбыл Галсанов, по свидетельству М. М. Сперанского, «навлек на себя негодование бурят расточением общественных денег. Сверх непомерных издержек из собственного его имущества, при проверке счетов, он подвергся взысканию до 50 000 рублей». Галсанов растрачивал общественные деньги, брал взятки, вымогал у крестьян деньги под угрозой арестов и телесных наказаний, отбирал лошадей и пр. Хоринцы стали добиваться смены ненавистного тайши. К этому стремились бурятские крестьяне, страдавшие от поборов и произвола Галсанова. Вместе с тем, против тайши выступали группы «степных аристократов», соперничавшие с ним. Они надеялись заменить Галсанова своим ставленником. Эти соперники Дымбыла привлекли на свою сторону лам, встревоженных слухами о намерении его принять христианство. В свою очередь Галсанов имел сторонников среди хоринских нойонов и покровителей среди иркутских чиновников во главе с губернатором Трескиным.

Действия главного тайши и его сподвижников все больше и больше усиливали народное негодование. В 1816 г. Галсанов и другие чиновные сайты приехали на праздник в Агинский дацан, куда собралось до 3000 человек. Вечером тайша и его сайты разъезжали по домам и били всех, попадавшихся им под руку, плетьми. Многие тогда разбежались в лес, спасаясь от буйных, видимо порядочно подгулявших на празднике сайтов.

Наконец, после растраты Галсановым в 1818 г. 54 000 р. общественных денег хоринцы решили устранить его. Представители всех хоринских родов постановили отрешить Галсанова от должности и взыскать с него половину растраченных денег. Генерал-губернатор Пестель, опасаясь волнений среди хоринских бурят, санкционировал устранение Галсанова от тайшинства и решил предать его суду. Но Галсанов нашел сильного покровителя в Петербурге. Это был князь Голицын, до которого дошли слухи о намерении хоринского тайши принять христианство. Голицын упрекал Пестеля в том, что он, лишая звания главного хоринского тайшу «без высшего соизволения», удовлетворял «пристрастные требования возмутителей общего порядка».

Покровитель Галсанова писал, что поступок местного начальства с этим тайшей, «известным по многим похвальным качествам и деяниям своим», с неудовольствием замечен императором. Ссылаясь на «высочайшую волю», Голицын требовал немедленно восстановить Галсанова в дол-

жности главного тайши и освободить его от суда. Таким образом, видя в Галсанове «исправного по службе» проводника политики царизма, петербургские покровители фактически прикрывали злоупотребления хоринского тайши и называли недовольных им хоринцев «возмутителями общего порядка».

Приказ о восстановлении Галсанова в должности тайши вызвал переполох среди иркутской губернской администрации, которая опасалась волнений хоринцев. С особенною осторожностью в июне 1819 г. Галсанов был снова «введен в должность». Народ отказывался повиноваться Галсанову. «До сведения моего доходит, — писал Сперанский в январе 1820 г., — что в рядах хоринских бурят возникает неповиновение к их тайше Галсанову и сверх того производятся с родовичей незаконные поборы». [1]

Началась ревизия Сперанского. Хитрый Дымбыл Галсанов, добиваясь расположения начальства и сокрытия своих преступлений, заявлял о желании креститься. Но Сперанский хорошо понял маневры тайши. Он причислял Галсанова к тем, кого «к перемене веры» приводят «учиненные ими преступления и желание избыть от наказания». По мнению Сперанского, главный тайша, на которого поступили от хоринских бурят многочисленные жалобы, «не может иметь у родовичей своих доверия; напротив, по существующей к нему вражде, есть опасность, что другие родоначальники, и особенно ламы, дабы отразить пример его, соединят все свои усилия к истреблению и самых первоначальных семян» (христианства). Сперанский писал Голицину, что негодование хоринцев против тайши, «соединясь с воспоминанием прежнего его поведения», усилится, «что правительство вынуждено будет для укрощения их или употреблять строгости, или сменить родоначальника». Подобные меры Сперанский считал «предосудительными» не только в отношении внутреннего спокойствия, но и «по уважениям пограничным», касающимся внешней политики. «Хоринцы прилегают к китайской границе, — писал Сперанский, — и спокойствие их должно быть тщательно охраняемо не токмо по уважению собственного их благосостояния, но и по уважениям пограничным. Каждое движение между ними не может быть принято равнодушно для соседей, в смежной с ними Китайской Монголии обитающих». В результате Сперанский предлагал, одобрив намерение тайши Галсанова принять христианство, постепенно подготовить его к этому, оказывать покровительство в распространении христианской религии, но не поддерживать и не защищать тайшу, «если возникнут на него жалобы справедливые».

Александр I, оказывавший сначала через князя Голицина безоговорочную поддержку Галсанову, на этот раз утвердил предположения Сперанского. Опасаясь волнений в Хоринской и Агинской степях, примыкающих к границе, царское правительство было вынуждено принимать иногда меры против слишком зарвавшихся «чиновных сайтов», не затрагивая, однако, социально-политических условий, открывавших про-

---

[1] В. Вагин. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, т. I. СПб., 1872, стр. 266.

стор для злоупотреблений начальников, подобных Дымбылу Галсанову. Как бы то ни было, но с борьбой «партий» в бурятских степях приходилось считаться и Петербургу.

По ревизии Сперанского, результаты которой рассматривались в Сибирском комитете в 1821 г., Галсанов, в числе других чиновников и старшин, был обвинен «в разных непозволенных денежных оборотах с подчиненными их управлению людьми». В следующем году он умер, так и не приняв христианства. Заявления Галсанова о желании «переменить веру» были направлены к тому, чтобы заслужить расположение высшего начальства и прикрыть свои преступления. Через 20 лет после смерти Галсанова такой же политики придерживался его сын Николай Дымбылов, крестник Николая I. Дымбыловщина с поразительным сходством повторила основные черты хоринских событий, происходивших при Галсанове. Это объясняется тем, что оба хоринских сатрапа выросли на одинаковой социальной почве.

Сибирская ревизия 1819 — 1822 гг.

В первой четверти XIX в. произвол сибирских агентов крепостнического государства, чиновников, принял такие широкие размеры, что стал затрагивать интересы Российской империи помещиков и купцов в целом. Уменьшилось поступление в казну денежных и натуральных сборов, приходили в упадок казенные заводы и рудники. По ревизии Сперанского, количество денежных взысканий в казну с сибирских чиновников определялось в крупной для того времени сумме — 2 847 000 р., причем, конечно, не было возможности учесть всех многочисленных растрат и хищений.

Перед царской казной выдвигались невыгодные перспективы сокращения поступавших из Сибири доходов в результате хищений чиновников.

В Туруханском крае злоупотребления чиновников по закупке, доставке и продаже хлеба довели живших там остяцких, эвенкийских, русских охотников и рыболовов до голода. По рассказу одного из современников Скорнякова, проезжавшего через Туруханский край в 1816 г., там наблюдались следующие факты: «Непогребенные мертвецы валяются и страшный вид те мертвецы имеют, — от голода и истощения умерли эти люди. Еду с Камаевым, — он меня с собой взял, — каждый в своей нарте (сани, запряженные оленями или собаками), и восчувствовал я в себе истинный духовный глад и холод. Подъедем к улусу, а там лишь разметанные юрты стоят, и из них с визгом песцы выбегают, а рыла песцов в крови, ибо они человечину едят. Вся тундра застыла и вымерла, и только в городишке (Туруханске), да в волостях еле живые тунгусы и остяки бродят».[1]

На вопрос своего собеседника: «Начальство о бедствии ведало, что же оно ничего не сделало? Разве не видело, что народ вымирает?» —

[1] П. П. Баснин. Из прошлого Сибири. Мученики и мучители. Исторический вестник, 1902, ноябрь, стр. 537.

Скорняков ответил: «И знало, и ведало, и . . . наживалось. Исправники отбирали пушнину себе и заключали непокорных в остроги» . . . «Камаев показал мне и сии злополучные места. Вот где истинный плач и скрежет зубовный, где нет радости, только печаль и мрак беспросветный».

Слухи о голодовке в северной части Томской губернии, в состав которой входил Туруханский край, дошли до Петербурга. Для выяснения причин этой голодовки был командирован обер-аулитор Камаев, который мужественно «пошел за правду, не смущаясь ни угрозами, ни льстивыми и другими разными обещаниями и устрашениями, от начальства идущими». При содействии самоотверженного друга остяков и эвенков, лекаря С. Г. Махотина, Камаев описал ужасы туруханской голодовки и вскрыл вопиющие злоупотребления чиновников. «Ехал я, — говорил Камаев, — в тундру, и хотя знал, что встречу там ужасы, но виденное мною превысило всяческое человеческое воображение и оледенило мое сердце больше, чем жестокие морозы и зима лютая». Результаты следствия Камаева о туруханских событиях явились одним из ближайших поводов к назначению ревизии Сперанского.

Самовластие сибирских сатрапов возбудило против себя не только народные массы, но также мелких чиновников, часть купцов и духовенства. Нижнеудинский исправник высек соборного протоиерея Орлова, городничий Куколевский ездил однажды в коляске, запряженной чиновниками, которые хотели подать на него жалобу. Трескин преследовал крупных иркутских купцов Сибирякова и Мыльникова. Наконец, губернатор начал даже игнорировать некоторые министерские распоряжения, поступающие из Петербурга.

Несмотря на отсутствие гласности, на жестокие репрессии, полицейскую слежку, различные группы сибирского населения стали выражать свое негодование против многочисленных злоупотреблений чиновников. На базарах и площадях среди крестьян, ремесленников и мелких торговцев происходили, по свидетельствованию современника, «разглагольствования». В Иркутске приказчик Илья Рогачев «собирал вокруг себя народ и во всеуслышание заявлял, что пора бороться с силами адовыми и ангелов низвергать, дабы мир от греходеев очистить». Употребляя библейскую терминологию, Рогачев имел в виду борьбу с реальными личностями, «Ангелами», «силами адовыми» он называл губернатора Трескина и его приспешников. Когда купец Баснин «увещевал Илью от лишних слов воздержаться и не хулить явно и при народе правителей наших», Рогачев ему ответил: «Не могу, воля ваша, Петр Тимофеевич, в народе я мысль укрепляю, что с неправдой бороться нужно, а не потакать ей».[1]

На Рогачева обратила внимание полиция. Квартальный рассказывал Баснину, что его приказчик на хлебном базаре «неподобные вещи кричал», «власти хулил и про господина губернатора весьма непочтительно отзывался». В результате Рогачева, который называл себя «заступником сирых, убогих и старых», «убрали» в острог.

[1] Там же, стр, 550.

Кроме Рогачева, появились и другие обличители сибирских сатрапов. Чиновник Горновский, отрешенный Трескиным от должности и высланный из Иркутска в село Карлук, написал там обличение против Пестеля, Трескина и других сподвижников «этих печальной памяти людей, обвиняемых в разных преступлениях». Рукопись «знаменитого обличения» ходила в списках по рукам и пользовалась большим успехом. Попав в Петербург, рукопись Горновского произвела там сильное впечатление. От Пестеля потребовали объяснений по поводу фактов, изложенных Горновским.

«В том краю, куда редко проникает человеческий глаз, — писал Горновский, — где шумит девственный вековой лес, где вершины гор покрыты вечным снегом и куда трудно проехать, томятся несчастные люди и от невзгоды суровой природы и еще больше от людской несправедливости и жестокосердечия. Нет там ни правды, ни суда, а царит произвол лютейших правителей, ради своих преступных, лихоимных целей порабощающих все население Якутского края. Исправнику хорошо живется, ясак собирает, а сам при этом вымогательство чинит и лучшие меха себе выбирает. В Киренске лавку открыть нельзя, все сворują, а воры кто? — сам господин заседатель и служители его. Ни хлеба, ни мяса, ни масла нельзя купить, все на откупу находится, и цену назначают небывалую. Народу кормиться нечем, и голод существует из года в год. Доходит до такого положения, что людоедством грозит, как то в Туруханском крае уже случилось и случится непременно и в Якутском. Казенные магазины пустуют, а те, кои сие ведать должны, не заботятся, а богатеют»...[1]

В Иркутске вокруг монголиста и китаеведа А. В. Игумнова группировался небольшой кружок местной интеллигенции, недовольной деспотическими действиями Пестеля, Трескина и других чиновников. На Игумнова поступали доносы, что его гости «сильно хулят» власти и «смеются над особой» генерал-губернатора. В письмах своим друзьям, жившим в Петербурге, Игумнов сообщал о злоупотреблениях иркутской администрации. «Грешно таить наше беззаконие, — говорил Игумнов. — Мои друзья в Петербурге могут повлиять на улучшение наших дел. Я им все сообщаю и даже иной раз прошу заступничества». Среди противников Трескина были талантливые представители немногочисленной тогда сибирской интеллигенции: историк П. А. Словцов, писатель И. Т. Калашников, инженер Г. С. Батеньков (будущий декабрист). В Петербурге за некоторых иркутян, обиженных Пестелем и Трескиным, вступился старик-поэт Г. Р. Державин.

Среди купцов, составлявших вместе с чиновниками господствующую верхушку сибирского общества, образовалось две группы. Одна из них представляла собой «партию Трескина» и пользовалась всемерным покровительством со стороны губернатора и его клевретов, — «купцам, попавшим в милость к Трескину и его сподвижникам, было не житье, а масляница». Они получали казенные подряды, «сопряженные с разграблением казны посредством непомерных подрядных цен, часть которых

[1] Там же, стр. 569—570.

шла на взятки». При содействии чиновников или вместе с ними купцы делались монополистами в области торгово-ростовщических операций по скупке пушнины и продаже товаров в той или другой местности. На этой почве купцы из «партии Трескина» и их покровители, даже прямые компаньоны — чиновники — становились конкурентами других купцов. В результате между ними происходили столкновения: каждая сторона добивалась получения возможно большей доли в торгово-ростовщической эксплоатации сибирского населения. Та и другая группа купцов давала солидную «халтуру» (взятки) чиновникам, но эффект получался различный: одни получали за это выгодные подряды и поставки, монополистические привилегии, для других «халтура» была лишь обременительным «накладным расходом». Трескин и Пестель не останавливались также перед прямым преследованием своих недругов. Все это порождало недовольство противников «трескинской партии», во главе которой стояли иркутские купцы Константин Трапезников и Петр Баснин. Они решили составить жалобу на Трескина и отправить ее со своим «послом» в Петербург. Текст жалобы был написан Горновским. Иркутский мещанин Саломатов взялся доставить ее в столицу «и все неправды наружу вывести». По характеристике В. И. Вагина, Саломатов был человек бойкий, находчивый и решительный.

Несмотря на старания Пестеля и Трескина пресекать малейшие попытки жалоб на действия сибирской администрации, эти жалобы сыпались со всех концов Сибири. В 1808 г. в Петербурге были получены сведения о беззаконных действиях сибирского губернатора, которые выражались в принудительной закупке хлеба у крестьян и продаже его в городе по высоким ценам, принудительной отдаче крестьянских девушек замуж за поселенцев, о безотчетности употребления денежных сумм, собранных в качестве пожертвований для благотворительных целей, о «расстройстве и несогласии общества». Указывалось, что «все сословия приведены в ужас самовластием губернатора». От Пестеля потребовали прекратить злоупотребления местного начальства, но он заявил министру, что все сведения, сообщенные в жалобе, — клевета. Вместо принятия мер против упомянутых злоупотреблений, Пестель предписал Трескину пресекать все подобные жалобы, которые он называл «изветами».

При рассмотрении в Совете министров, объяснения Пестеля были признаны «основательными» и сибирскому генерал-губернатору объявлено «особое доверие» Александра I. Нужны были сообщения о новых, особенно вопиющих фактах, чтобы крепостническое государство, равнодушное к судьбе своих подданных, обратило внимание на действия своих сибирских агентов. Такими фактами явились ужасы голодовки в северной части Сибири, причины которых были подробно вскрыты обер-аудитором Камаевым и лекарем Махотиным.

В 1815 — 1816 гг. в Туруханском крае Томской губернии, главное население которого составляли остяцкие, эвенкийские и русские охотники и рыбаки, начался, как мы знаем, голод, результатом которого явилась массовая смертность. По расследованию Камаева, оказалось, что, вследствие хищений чиновников, в Туруханский край за год было завезено всего 40 пудов хлеба. Таким образом, в тяжелые годы, когда был

плохой улов рыбы и зверя, чиновники, расхищая закупленный для Туруханского края хлеб и продавая его по высоким ценам, обрекали туруханцев на голодную смерть.

Пестель и губернатор Илличевский в оправдание действий местной администрации в северной части Томской губернии представили «целые книги». Но на этот раз Пестелю не удалось замять дело. Слишком уж яркими были результаты туруханских злоупотреблений.

В XVII в. царское правительство было вынуждено принимать меры против окончательного разорения и гибели ясачных плательщиков, чтобы казне не «учинилась поруха большая и недобор». Подобные меры должно было принять и правительство Александра I в первой четверти XIX в.

Многочисленные жалобы вскрывали злоупотребления во всех областях управления обширным краем и даже во внешней торговле с Китаем через Кяхту. Выступления Пестеля и Трескина на дипломатическом поприще оказались совершенно неудачными. Пестель в 1807 г. прибыл в приграничный китайский городок Маймачен почему-то инкогнито, под видом приезжего купца, но китайцы узнали его настоящее звание, и таким образом таинственный приезд сибирского генерал-губернатора возбудил только подозрения китайских властей. В 1811 г. Трескин встретился с пограничным китайским сановником: однако и эта встреча не дала никаких результатов.

В 1818 г. в Петербурге получили сведения о напряженной обстановке в Хоринской степи, создавшейся в связи с борьбой хоринцев против тайши Галсанова и устранением его от должности по постановлению всех хоринских родов. Распоряжение о восстановлении Галсанова в звании тайши, полученное из Петербурга в 1819 г., незадолго до приезда Сперанского, лишь подливало масло в огонь. Хоринцы отказывались повиноваться главному тайше. Как видно из записок Тюменцева, настроение иркутской администрации, в подчинении которой находилось Хоринское ведомство, граничило с паникой. Тюменцев называл хоринское общество самостоятельным, гордым, умным и способным на решительные действия. 8 мая 1819 г. он записал следующее: «Получено высочайшее повеление о возведении паки в главные тайши хоринских бурят Галсанова, который по беспорядкам его и злоупотреблениям отвергнут был родами, а за неотступное домогательство в тайши начальством отдан под суд. Государь сделал в повелении своем невыгоднейшее замечание насчет начальства, а народную волю счел за перекор тому, что Галсанов вводил христианство и лучшие обычаи... В исполнении означенного повеления для губернатора предстояла также опасность, потому что о Галсанове представлено монарху не в настоящем виде. Галсанов никогда не был настоящий наследник звания тайшинского, как прежде начальство уверяло, он не был также христианин или ревнитель лучшего, как то же начальство уверило высшее, испрашивая ему чин титулярного советника и золотую саблю, и наконец, что он отвергнут родами и даже изгоняем был вовсе из оных не из ненависти к его лучшим учреждениям, но по распутству, гордости, мотовству, мошенничеству, жестокости и другим злоупотреблениям, что также совершенно скрыто перед правительством. И чаю теперь, когда надлежало исполнить волю государя против спра-

ведливого настояния общества, губернатор мог ожидать от сего общества, самостоятельного, гордого и умного: во 1) неповиновения, во 2) депутации в столицу, в 3) даже удаления родов за границу. Во всех сих случаях находился он в крайности».[1]

Первые два опасения иркутской администрации были вполне реальны. Неповиновение хоринцев уже начало проявляться в том, что они устранили главного тайшу, а затем после его восстановления, вопреки «справедливому настоянию общества», отказались подчиняться Галсанову. В момент приезда Сперанского среди хоринцев собирались средства для отправления депутации в Петербург.

Что же касается третьего опасения, то оно было совершенно неосновательным. Хоринцы, много сделавшие вместе с селенгинцами для охраны пограничной линии, вовсе не думали покидать родную землю и удаляться за границу, где хозяйничали монгольские феодальные князья — вассалы китайского императора, и китайские чиновники. Если иногда и распространялись слухи об уходе за границу, то они были лишь своеобразным средством воздействовать на сибирскую администрацию, испугать ее, заставить обратить внимание на злоупотребления.

Хоринские события не прошли даром, они являлись одним из ближайших поводов к ревизии Сперанского и реформе «степного управления» не только у бурят, но и среди других народов Сибири.

Кроме официальных жалоб, копии которых не раз ходили по рукам, ознакомлению петербургского общества с преступлениями сибирских сатрапов способствовали письма Игумнова, Словцова и других лиц к своим друзьям, проживавшим в столице. Как в самой Сибири, так и в Петербурге «являлись, подобно метеорам или падающим звездам, светлые личности, старавшиеся «побороть тьму» и защитить угнетенных и обиженных, число которых росло в Сибири с каждым днем». Годы, предшествовавшие ревизии Сперанского, были периодом, когда зарождалось декабристское движение. Часть дворянской молодежи, побывавшая во время наполеоновских войн в Западной Европе, через которую прошла живительная гроза Великой буржуазной французской революции, вернулись в Россию противниками крепостнического режима. Среди них был сын сибирского генерал-губернатора Павел Иванович Пестель, выдающийся политический деятель, один из вождей декабристов

Среди передовых представителей петербургского общества усиливалось негодование против Ивана Пестеля. «Сибирский Аракчеев», управлявший обширным краем из Петербурга, стал подвергаться насмешкам. «Если верить преданию, — пишет В. И. Вагин, — то Пестель еще при жизни, и притом лицом к лицу, встретил суровый суд истории за свое сибирское управление. Нещадно поражала Пестеля и сатирическая литература того времени». В первые два года управления Пестеля и Трескина (1806—1808 гг.), как указывалось в одной из жалоб, «все сословия приведены в ужас самовластием губернатора, но роптать не смели». Конечно, ропот существовал и тогда; в дальнейшем же он стал

[1] В. Вагин. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, т. I. СПб., 1872, стр. 590—591.

выливаться в открытое недовольство действиями сибирских сатрапов. Прежнее положение Пестеля в Петербурге пошатнулось. Его «объяснениям» по поводу многочисленных жалоб перестали верить. Между тем жалобы продолжались. В 1818 г. в Петербург тайком пробрался иркутский мещанин Саломатов, подавший лично Александру I донос на злоупотребления сибирских администраторов. Еще до этого к Пестелю охладел его главный покровитель, военный министр Аракчеев.

Наконец, правительство Александра I, заявлявшее прежде о том, что оно «в усердии Пестеля никогда не сомневалось», было вынуждено обратить более серьезное внимание на положение сибирских дел. В октябре 1818 г. кабинет министров признал необходимым сменить Пестеля, расследовать его действия, назначить в Сибирь нового генерал-губернатора и принять меры к ограничению самовластия местной администрации. Александр I, долго затруднявшийся в назначении генерал-губернатора обширного края на смену Пестеля, остановил, наконец, свой выбор на М. М. Сперанском. 22 марта 1819 г. был издан указ о назначении его генерал-губернатором Сибири с довольно широкими полномочиями по ревизии действий местной администрации.

Фигура Сперанского выделялась среди сановников, обязанных своим положением только тому, что они принадлежали к крепостнической знати. Образованный и способный, хорошо владевший пером, чуждый очень распространенного тогда лихоимства, Сперанский, бывший семинарист из провинциальных поповичей, выдвинулся на сцену политической деятельности. Сперанский был назначен статс-секретарем Александра I в 1807 г., когда были устранены так называемые «молодые друзья» императора (Строганов, Новосильцев, Чарторыйский). Через два года Сперанский был назначен товарищем министра юстиции.

В проектах государственного устройства («Введение к уложению государственных законов» 1809 г. и др.) Сперанский выступал как сторонник конституционной монархии. По его проекту, предложение и утверждение законов принадлежало «державной власти», но ни один закон не мог иметь силы без рассмотрения в законодательном собрании — «Государственной думе», депутатами которой могли быть избраны только лица, обладавшие определенным цензом недвижимого имущества. Выборы должны были быть многостепенными: депутаты избираются не прямо в Государственную думу, а через волостные, окружные, губернские думы. Устанавливалась выборность судей и ответственность министров перед Государственной думой.

Деятельность Сперанского была признана крепостниками опасной. Один из его врагов, граф Армфельдт, имевший связь «в высших слоях государственного управления», заявлял, по свидетельству декабриста Волконского, «что аристократия должна и может иметь все в государственном управлении, что выскочки из демократического слоя, вышедшие люди (намек на Сперанского, — *Ф. К.*), — прямые враги значения аристократии».[1] Против Сперанского начались интриги. В 1812 г.

[1] Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). СПб., 1901, стр. 144.

Александр I, любивший иногда щегольнуть либеральной фразой, а на самом деле бывший первым крепостником, решил удалить его из Петербурга.

Сперанский был выслан сначала в Нижний-Новгород, а затем в Пермь. Враги распространяли о нем самые нелепые слухи вплоть до обвинений в «государственной измене», попытке государственного переворота и т. д. Несколько раз Сперанский писал оправдательные письма Александру I, но не получал ответа. Наконец, в 1816 г. опальный сановник получил указ, в котором сообщалось, что царь «не нашел убедительных причин к подозрениям», и Сперанский назначается пензенским губернатором. В Пензе и застал его в марте 1819 г. новый указ о назначении сибирским генерал-губернатором. Сперанский, надеявшийся еще вернуться в Петербург, рассматривал это назначение как почетную ссылку.

Еще до Сперанского в Сибирь не раз отправлялись ревизоры, но они в атмосфере всеобщего самовластия часто совершали еще больше злоупотреблений, чем те, которые подлежали ревизии. Сперанский, безусловно, отличался от своих предшественников по ревизии и управлению Сибирью. Это был крупный государственный деятель того времени. Путем расследований он дал подробную картину вопиющих злоупотреблений сибирской администрации. «Чем далее спускаюсь я на дно Сибири, — писал Сперанский, — тем более нахожу зла, и зла почти нестерпимого: слухи ничего не увеличивали и дела хуже еще слухов». В письме из Томска он указывал: «Если бы в Тобольске я отдал всех под суд, что и можно было бы сделать, то здесь оставалось бы уже всех повесить». Вспомним, что чиновники Томской губернии явились виновниками ужасов голода в Туруханском крае. Одна из тунгусских волостей, входивших в его состав (Турыжская), была даже «потеряна» местным начальством, которое доносило, что все жители ее вымерли. Между тем оказалось, что они живы и заседатель Мингалеев причислил их к другой, Илимпеевской волости.

Еще больше злоупотреблений Сперанский нашел в обширной Иркутской губернии, во главе управления которой стоял губернатор Трескин, бывший правой рукой Ивана Пестеля. Сначала многие жители, терроризованные свирепым начальством, боялись даже открыто жаловаться на него. Нижнеудинский исправник Лоскутов, беспощадно поровший крестьян и ссыльно-поселенцев, угрожал всем жалобщикам расправой. «Страх его 10-летнего железного управления был таков, что на первых станциях не смели иначе приносить жалоб, как выбегая тайно на дорогу из лесов», — писал Сперанский.

В Иркутске Сперанский убедился, что Трескин имел свою камарилью «не только из всех чиновников, с коими делился, но даже из всех почти купцов, с коими производил торговлю». Это были взяточники, вымогатели, растратчики, ростовщики и торгаши-монополисты. Жалобы на их злоупотребления поступали со всех сторон. В Иркутске была раскуплена вся гербовая бумага, на которой писали прошения. Когда крестьянам было разрешено устное заявление жалоб, двор, где они принимались, не мог вместить всех желающих.

Почти во всех русских и бурятских крестьянских ведомствах Нижнеудинского, Иркутского и Верхнеудинского уездов Иркутской губернии были на основании жалоб вскрыты вопиющие злоупотребления чиновников, купцов, волостных голов, тайшей, зайсанов и других «чиновных сайтов», лам, наконец деревенских и улусных богатеев (кулаков), входивших в сделку с чиновниками при казенных подрядах, поставках и пр. Хоринские буряты больше всего жаловались на лихоимство тайши Галсанова, зайсана Мохоева, шуленги Будозанова, ламы-ширетуя Бохаева.

Тункинцы заявляли о притеснениях во время работ по исправлению дорог. Старшины, урядники и казаки, бывшие на работах, отнимали у бурятских крестьян скот, кожи и подвергали жителей жестоким наказаниям. Произвольные поборы с тункинских бурят в 1817 — 1819 гг. достигли 70 000 р. Кроме того, местные «чиновные сайты» присвоили 24 737 р. общественных денег. Подобные же факты были установлены в Аларском, Балаганском, Идинском, Кудинском и других бурятских ведомствах.

Всего по ревизии Сперанского обвинялось в злоупотреблениях 681 человек, в том числе 255 бурятских нойонов. Несмотря на многочисленность явных преступлений, совершенных сибирскими агентами крепостнического государства, правительство Александра I не решилось подвергнуть их суровому наказанию. Между сибирскими чиновниками и петербургским правительством существовало классовое родство: они принадлежали к помещичье-дворянскому классу. Пестель, Трескин и другие чиновники имели в Петербурге своих покровителей. Характерно, что комитет, учрежденный в 1821 г. для рассмотрения отчета Сперанского о сибирских делах, сначала умолчал даже об ответственности Ивана Пестеля за злоупотребления, совершавшиеся в Сибири. Но они были слишком скандальны. Глухой ропот сибирского населения, ставшего жертвой самовластия, начинал принимать различные формы открытого недовольства и протеста. Жалобы сибиряков нашли сочувствие и поддержку среди передовых представителей петербургского общества. При всех этих условиях никто уже не мог замолчать о преступлениях, происходивших в Сибири, и скрыть их виновников. Однако, петербургское правительство вместо решительного разоблачения и достойного наказания преступников, пошло по пути компромисса.

В одном из своих писем Сперанский указывал, что злоупотребления, обнаруженные им в Сибири, так велики, что другой, менее обильный край, был бы совершенно подавлен ими. Виновников этих злоупотреблений он считал достойными самого сурового наказания; в официальном же отчете о результатах ревизии Сперанский характеризовал их виновность в более смягченных тонах. «Сперанский слишком милостиво поступил с нами, нас всех следовало повесить», — говорит один из чиновников. Еще милостивее по отношению к виновникам злоупотреблений, совершенных в Сибири, оказался Комитет по рассмотрению отчета Сперанского. 375 человек из привлеченных по ревизии были освобождены от всякой ответственности. Ивана Пестеля отстранили от должности сибирского генерал-губернатора. Иркутский губернатор Трескин, получив-

ший печальную известность, был предан суду. Сенат постановил лишить его чинов и знаков отличия. В отношении остальных лиц, разделенных на несколько категорий по степени виновности, Комитет вынес следующее решение:

1) 43 человека «огласить подозреваемыми в злоупотреблениях и не допускать впредь к определению ни к каким должностям»; комитет считал «неудобным оставлять их на жительстве в тех местах, где находились они на службе», и поэтому признал необходимым выслать этих лиц на жительство в другие местности; денежные иски, предъявленные к обвиняемым и удостоверенные местными следователями, подлежали удовлетворению из их имущества;

2) 31 человек чиновников и старшин обвинялись «в разных денежных оборотах с подчиненными их управлению людьми»; чиновники, включенные в этот разряд, были во время ревизии отстранены Сперанским от должностей или перемещены в другие губернии и уезды «по совершенному недостатку в других к занятию мест»; поступавшие на них жалобы удовлетворялись, при следствиях, денежными взысканиями; к этому же разряду (по группе старшин) были отнесены хоринский тайша Дымбыл Галсанов, 2 его помощника, вдова тайши Иринцеева, лама Бохаев, 5 зайсанов и 6 «родовичей»; комитет констатировал, что «старшины, которые обвинялись в употреблении общественных денег на свои надобности, или удовлетворили общества действительным взносом денег, или общества приняли обязательство их ко взносу»;

3) 71 человек низших канцелярских чиновников, служителей и городовых казаков, обвиняемых преимущественно в «получении подарков», т. е. взяток, подлежали, по решению Комитета: канцелярские служители — временным арестам, а казаки — «полицейским наказаниям»;

4) часть привлеченных по ревизии Сперанского Комитет постановил: а) «оставить людей сих в особенном замечании и предоставить местному начальству иметь за ними наблюдение» или б) «чиновникам сим сделать выговор со строгим подтверждением об исправнейшем отправлении должностей».[1]

Устав 1822 г.

Кроме производства ревизии, Сперанскому было поручено составить проекты основных положений об управлении обширным и отдаленным от центральной власти краем. В результате Сперанский и его ближайший сотрудник Г. С. Батеньков составили утвержденные правительством в июле 1822 г.: 1) «Учреждение для управления сибирских губерний», 2) «Устав об управлении инородцев», 3) «О управлении киргиз-кайсаков», 4) «Устав о ссыльных», 5) «Об этапах в сибирских губерниях», 6) «О содержании сухопутных сообщений в Сибири», 7) «О го-

[1] В. Вагин. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, т. I. СПб., 1872, стр. 643—646.

родовых казаках», 8) «Положение о земских повинностях в сибирских губерниях», 9) «О казенных хлебных запасных магазинах», 10) «О разборе исков по долговым обязательствам».

Мы остановимся на характеристике лишь двух первых узаконений.

По «Учреждению для управления сибирских губерний» местные административные органы разделялись на главные, губернские, окружные, городские, сельские и инородческие. Главных управлений было всего два: одно в Западной и другое в Восточной Сибири. Каждое из них состояло из генерал-губернатора и совета при нем. В губернии существовало общее губернское управление, в состав которого входили губернатор и губернский совет. Окружные управления учреждались по этому же принципу в более многолюдных округах.

Главное управление считалось частью министерского установления, действующей на местах. Его совет, председателем которого был генерал-губернатор, состоял из членов делопроизводителей и членов по назначению министерства. В состав совета входили также начальники отдельных отраслей управления. Совет был совещательным органом при генерал-губернаторе, который мог принять или отвергнуть его мнение. В случае несогласия с генерал-губернатором члены совета не могли приостанавливать его решения, но имели право представлять свое непринятое мнение высшему начальству. Главное управление подчинялось Сенату.

Совет губернского управления состоял из губернатора (председатель), начальников (председателей) губернских присутственных мест, прокурора и, по мере надобности, представителей отдельных частей управления.

Состав окружных управлений был различен в зависимости от количества населения: в многолюдных округах они состояли из окружного начальника и совета при нем (начальники городских и окружных управлений и стряпчий), а также так называемых частных управлений — окружной и земский суд и казначейство; в средних по населенности округах существовали только частные управления; в малолюдных — управление ограничивалось окружным исправником. По такому же принципу учреждались и городские управления. Сельское управление состояло из волостного правления, сельских старшин и десятников. Наконец, среди народов Сибири учреждалось особое «инородческое управление».

По сообщению некоторых современников, первоначальный проект Сперанского об организации управления в Сибири значительно отличался от «Учреждения для управления сибирских губерний», утвержденного в Петербурге в 1822 г. В первом проекте «был дан значительный простор выборному началу (о чем еще в 1818 г. писал Козодавлев), которого вовсе нет в утвержденном Учреждении... Сибирскому управлению предполагалось дать устройство гораздо более свободное от централизации». Вероятно, после того как основные положения первоначального проекта не получили одобрения в Петербурге, Сперанский был вынужден переделать его в направлении, отраженном в «Учреждении для управления сибирских губерний».

По сравнению с прежним порядком управления, новое «Учреждение» более систематично и подробно регламентировало структуру, функции и взаимоотношения административных органов, но не вносило принципиальных изменений. Попытка Сперанского ограничить личную власть главных представителей сибирской администрации оказалась неудачной: советы при генерал-губернаторах, губернаторах, окружных начальниках, учрежденные в 1822 г., представляли собою бюрократические коллегии, состоявшие исключительно из чиновников, а не органы «публичного мнения», о котором писал Сперанский.

По «Уставу об управлении инородцев», изданному в 1822 году, народы Сибири разделялись на 3 разряда: 1) оседлые, 2) кочевые, 3) бродячие. К оседлым причислялись постоянно живущие в городах и селениях; они приравнивались к русским сословиям (мещанам — в городах, крестьянам — в селениях), но были освобождены от рекрутской повинности. Те из них, которые считались крещеными, не имели особых названий, остальные должны были называться «оседлыми иноверцами». Разряд кочевых составляли живущие в определенных местах, переменяемых по временам года. Бродячими считались «переходящие с одного места на другое по рекам и урочищам».

«Кочевые инородцы» приравнивались к крестьянскому сословию, но отличались по образу своего управления. За ними утверждались земли, на которых они обитали в данное время, и запрещалось самовольно селиться на этих землях. Кочевые управлялись своими родоначальниками и «почетными людьми» по степным обычаям. Эти начальники сохраняли прежние звания тайшей, зайсанов, шуленг и пр., причем звание наследственное оставалось наследственным, а избирательное — избирательным. По уголовным делам и в отношении проступков, совершенных в русских городах и селениях, суд производился на основании общих законов империи. Прочие же дела, происходившие в пределах кочевий, разбирались на основании степных обычаев. Инородцы уплачивали ясачную подать и другие сборы, исполняли казенные повинности. Они, за исключением причисленных к казачьему сословию, не подлежали рекрутчине. «Устав» предусматривал отмену прежних ограничений по торговле среди местного населения. Чиновникам запрещалось торговать и быть посредниками по всяким торговым и долговым сделкам.

Органы степного управления были устроены следующим образом.

Каждый улус или стойбище, в котором насчитывалось не менее 15 семейств, имел родовое управление, состоявшее из старосты и одного или двух его помощников. Дела в родовом управлении производились словесно. Несколько улусов или стойбищ подчинялись инородной управе в составе головы, выборных и письмоводителя. «Многие роды, соединенные в одну общую зависимость» (ведомство), были подчинены степной думе, состоявшей из главного родоначальника, его помощников (в более населенных ведомствах), заседателей и голов. Главные родоначальники утверждались генерал-губернатором, остальные губернатором.

Круг ведения инородной управы определялся, по уставу, следующими функциями: 1) обнародование и исполнение всех предписаний на-

чальства; 2) предупредительные меры против повальных болезней, падежей скота, пожаров; 3) сведения о происшествиях; 4) раскладка и взнос ясака, выполнение повинностей, сбор недоимок; 5) «размножение хлебопашества в пригодных для сего местах»; 6) заведывание хлебными экономическими магазинами; 7) «попечение о продовольствии хлебом и солью»; 8) по суду инородная управа составляла вторую (после родового управления) степень «словесной расправы».

Степные думы, подобно городским думам, имели преимущественно хозяйственные функции: 1) «народоисчисление» (составление статистических сведений о количестве населения и его хозяйстве); 2) раскладка сборов внутри ведомства; 3) учет всех сумм и общественного имущества; 4) «распространение земледелия и народной промышленности»; 5) «ходатайство у высшего начальства о пользе родовичей»; 6) исполнение его предписаний. В дальнейшем круг ведения степных дум расширился, и они имели различные функции управления и суда. Инородные управы подчинялись земской полиции, степные думы — окружному управлению, а через него более высшим инстанциям. Особым видом управления являлись сугланы и ярмарки. Первые представляли собою общественные собрания для обсуждения вопросов о сборах и повинностях, о земельных делах и для выбора должностных лиц. Ярмарки устраивались не только для торговли, но и для податных сборов.

«Устав» регламентировал общие государственные, земские и внутренние сборы и повинности. На каждый год составлялось общее исчисление всех сборов, которое утверждалось генерал-губернатором. Сборы, не помещенные в исчислении, запрещались. Земские сборы производились на основании особого положения, внутренние — по постановлению степной думы или по общественным приговорам. Раскладка сборов внутри ведомства производилась степной думой, а непосредственный сбор — родовыми управлениями, которые затем вносили его под особую квитанцию деньгами или рухлядью по оценке в инородные управы или прямо заседателям и в земские суды.

Кроме основных положений об управлении и суде, изложенных в «Уставе», последний предусматривал сбор и издание особых «степных законов».

Бурятское население, за исключением небольшого количества оседлых, было причислено на основании «Устава» к разряду «кочевых инородцев». Среди западных бурят были учреждены Аларская, Балаганская, Идинская, Кудинская, Верхоленская, Ольхонская и Тункинская степные думы; в Забайкалье — Кударинская, Баргузинская, Селенгинская и Хоринская, из которой в дальнейшем выделилась Агинская степная дума. Более крупные ведомства имели также инородные управы и родовые управления.

«Устав» 1822 г. обобщал и систематизировал то, что сложилось в процессе административной практики. Вместе с тем, составители «Устава об управлении инородцев», будущий декабрист Д. С. Батеньков и М. М. Сперанский, ввели новшество в виде установления самоуправления и выборности некоторых должностей «инородческих родоначальников». Кроме того, они стремились: а) внести в него нормы, ограничи-

вавшие вмешательство чиновников в «степное управление», их мелочную административную опеку, сопровождавшуюся лихоимством и притеснениями сибирского населения; б) упорядочить взимание податных сборов и принять «приличные меры к отвращению злоупотреблений»; в) ограничить личную власть «инородческих начальников» коллегиальностью (учреждение степных дум и инородных управ). Однако, эти стремления составителей «Устава» не осуществились.

Попрежнему царское правительство и местная администрация в проведении своей политики по отношению к народам Сибири опиралась на эксплоататорскую верхушку — на «степных аристократов».

Привилегированное положение нойонов санкционировал и «Устав об управлении инородцев». На основании § 63, все инородцы, носящие почетные звания между своими родичами, как то: князцы, нойоны, тайши, зайсаны, шуленги и пр., удерживают сие звание и пользуются теми почестями, какие в местах их жительства обычай и степные законы им предоставляют. В § 64 указывается, что звание наследственное остается наследственным, звание избирательное остается избирательным.

«Степные аристократы» попрежнему ревниво оберегали привилегии и стремились даже расширить их. В 1823 г. в ответ на предложение иркутского губернатора Цейдлера изложить в письменной форме юридические обычаи и предания, тайши, зайсаны, шуленги и ламы Хоринского и Селенгинского ведомств «наводнили составленные ими степные положения массой статей, заимствованных у старого аристократически-феодального монголо-ойратского устава и других монгольских уложений, причем во всех этих статьях они старались подчеркнуть, что между ними и людьми «черной кости» громадная разница. Наказания за обиды, клевету, побои и прочие проступки квалифицировались по сословиям, точное различение которых у бурят было несомненно установлено ad hoc, т. е. придумано было на месте в момент составления степных законов».

По «Уставу» 1822 г., должности тайши и других начальников оставались наследственными или избирательными, причем они избирались не на определенный срок, а пожизненно. Фактически, как и прежде, главные должности степного управления не выходили из узкого круга нойонских фамилий.

«В сибирской истории только два периода: от Ермака до Пестеля, от Сперанского до XX в.», — говорил С. Уваров. По мнению М. А. Корфа, «Сперанский, и по действиям и по времени, стоит здесь поворотным столбом». Эти высказывания преувеличивали значение деятельности Сперанского в Сибири. Отдельные мероприятия против злоупотреблений «сибирских сатрапов», удаление «более вредных личностей», новые законоположения о местных органах власти частично и временно разрядили напряженную атмосферу административного произвола, царившего в Сибири, но не затрагивали самой системы управления, создававшей почву для подобных злоупотреблений. Эта система определялась классовым характером крепостнического государства, основанного на самовластии царя, помещиков и агентов этого государства — чиновников, вносивших в центральное и местное управление нравы помещичьей вотчины.

Лихоимство и другие злоупотребления чиновников в Сибири продолжались и после ревизии 1819—1822 гг. «Взяточничество чиновников было почти всеобщее. Служебные командировки давались только для наживы», — рассказывает В. И. Вагин в своих воспоминаниях «Сороковые годы в Иркутске». Генерал-губернатор Восточной Сибири Руперт «беспрестанно командировал своих чиновников для ревизии разных казенных заведений, которые считал очень выгодными для своих начальников».[1] Много наживы чиновникам доставил, например, циркуляр о том, чтобы представители власти заботились о разведении картофеля. Чиновник Рязанский, которому было поручено выяснить состояние посевов картофеля, отправился в бурятские улусы, наметив их жертвами своего вымогательства. В этих улусах картофель не сеяли, да и о циркуляре ничего не знали. «Как, вы не сеете картофеля? Да ведь царь велел! Да вас под суд за это!» — угрожал Рязанский. В результате подобных угроз он добился получения взятки в тысячу рублей. «Вообще картофель, кажется, дорого обошелся местному населению, хотя особенных успехов в развитии его и не было заметно», — пишет Вагин.

[1] В. И. Вагин. Сороковые годы в Иркутске. (Из воспоминаний) Литературный сборник, изд. ред. «Восточное обозрение», СПб., 1885, стр. 268.

Глава XII

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В БУРЯТИИ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Нойоны — проводники политики царизма

Опираясь на чиновников, нойонов и купцов, царское правительство в проведении своей политики по отношению к народам Сибири ставило следующие основные цели: 1) учреждение административно-полицейского и судебного аппарата для податного взыскания «без недоимок», подчинения подданных распоряжениям власти и подавления всяких протестов и выступлений с их стороны; 2) взыскание податных и прочих сборов, выполнение казенных повинностей; 3) использование продукции местного хозяйства для снабжения воинских частей, тюрем и каторги, казенных заводов и рудников (преимущественно путем поставок и подрядов через купцов, нойонов и чиновников), а также для внешней и внутренней торговли; 4) насаждение православия и подавление национальной культуры (политика национального угнетения).

«Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа»,[1] — писал В. И. Ленин. В Сибири первую функцию выполняли чиновники разных рангов, начиная с генерал-губернаторов, кончая урядниками, и сайты (тайши, зайсаны и пр.); вторую — миссионеры и ламы.

Опираясь на нойонов, «жалуя» им чины и награды, царское правительство и его сибирская администрация использовали их для проведения своей политики. Степные думы, инородные управы, родовые управления имели прежде всего административно-фискальные функции (раскладка и взыскание казенных сборов и выполнение повинностей). Представление о них дает нам «Ведомость о приходах и расходах по ведомству Хоринской степной думы» за 1849 г., которую можно считать типичной и для других бурятских ведомств. Общая сумма казенных сборов исчислялась в 62 828 р. На первом месте стояли сборы на земские повинности (37 835 р.), затем ясачная подать (13 627 р.), общественные внутренние расходы, частные земские повинности и содержание полиции, отчисления в капитал народного продовольствия.

Ясачную подать и другие сборы буряты уплачивали в первой половине XIX в. исключительно деньгами, но иногда, по старой памяти,

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, том XVIII, стр. 259.

в степные думы поступали предписания «о непременном сборе с инородцев ясака теми шкурами, коими инородцы обложены». В 1852 г. министр двора уведомлял генерал-губернатора Восточной Сибири «о накоплении на сибирских инородцах недоимок по ясачному сбору и оброчной подати и о поступлении в доход Кабинета шкур дорогих зверей в самом незначительном количестве». Николай I приказал привести в известность недоимки и «строжайше побудить местное начальство ко взысканию их и своевременному сбору ясака преимущественно шкурами тех зверей, которыми инородцы обложены». На это предписание, после которого началось усиленное взыскание недоимок вообще, Хоринская степная дума ответила, что в ее ведомстве не было лиц, плативших ясак звериными шкурами.[1]

Характерно, что, из общей суммы сборов, затраты на общественные нужды самого бурятского населения были незначительны. «Общественные внутренние расходы» выражались в сумме 8032 р., большую часть которой составляли затраты на содержание местных административных органов. На народное образование было затрачено всего 942 р., израсходованных на содержание Онинского приходского училища при Хоринской степной думе. В «капитал народного продовольствия» (на хлебные экономические магазины) отчислено 970 р.

Кроме уплаты денежных сборов, бурятские крестьяне выполняли разнообразные повинности: исправление дорог, подводная повинность, постройка и ремонт казенных зданий и пр. Сверх податей и повинностей на бурятское трудовое население тяжелым бременем ложились поборы, вымогательства со стороны чиновников и нойонов. Попытка составителей «Устава об управлении инородцев» ограничить самовластные действия тайшей и прочих нойонов регламентацией податных сборов и устройством коллегиальных органов местного управления — степных дум — потерпела неудачу. Степные думы представляли собою коллегии нойонов, взаимно покрывавших злоупотребления, творивших произвол и насилия. По свидетельству декабриста Н. А. Бестужева, «так как бурятские начальники, избранные однажды, остаются в должностях на всю жизнь, то бедные буряты, которые жалуются на злоупотребления, платятся за это дорого. Выговор тайше, оштрафование зайсана не лишают его места, — и тот, кто был причиной выговора или оштрафования, все-таки остается под начальством тех же лиц. Судите же сами, какова его судьба после жалобы. Сменяют и тайшей, наказывают зайсанов, но для этого надобно открывать много больших вопиющих злоупотреблений, а мелкое тиранство сходит с рук незаметно».[2]

Среди материалов Селенгинской степной думы за 1838 г. имеется интересное дело «о захвате главным тайшей Юмдылык Лонбоцыреновым казенной и общественной суммы и противозаконных поступках».[3] За-

[1] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Хоринской степной думы.

[2] Н. А. Бестужев. Гусиное озеро. Сб. «Декабристы в Бурятии», Верхнеудинск, 1927, стр. 74.

[3] Архивный отдел Бурят-Монгольской АССР. Фонд Селенгинской степной думы.

хватом общественных сумм, взяточничеством, вымогательством, «грубостью и гордостью», оскорблением, битьем «лозами» (розгами) Лонбоцыренов восстановил против себя всех селенгинцев, за исключением небольшой кучки своих приверженцев. Тайша растрачивал деньги, собранные в качестве податей. Как указывалось в одном из общественных приговоров, Лонбоцыренов, совершив «захват у некоторых родов казенных податей и повинностей, а равно и общественной суммы до нескольких тысяч рублей, употребил в свою пользу». Растрату пришлось покрывать селенгинцам. Тайша брал многочисленные взятки, вымогая их угрозами и истязаниями. Например, он вызвал одного из крестьян в степную думу и под угрозой наказания розгами вынудил отдать 25 рублей. Крестьянина Цыдыпа Хошихтуева Лонбоцыренов так жестоко наказал лозами, что «не оставил целыми ни спины, ни брюха». Крестьянин Сампилов был избит тайшею и его приближенными — Гомбо Цоктоевым и письмоводителем Бобровским. Тайша сел Сампилову на голову, а Гомбо Цоктоев на ноги и начали бить его — «тайша конской кистью, а Бобровский прутьями до кровавых знаков и оборвал до половины косы волосы, от какового наказания едва он с помощью головы Цоктоева мог вырваться и бежать».

Возмущенные селенгинцы стали добиваться отстранения Лонбоцыренова от должности тайши. Против него выносились приговоры и посылались жалобы начальству на многочисленные его злоупотребления. Родовые начальники, отправляя эти приговоры окружной администрации, сообщили, что действия тайши «нарушают спокойствие» селенгинцев. Видимо, опасаясь, что «нарушение спокойствия» может принять более широкие размеры, местная администрация была вынуждена предать Лонбоцыренова, которого прежде награждала, суду. Суд признал правильными факты, изложенные в приговорах и жалобах, но, ссылаясь на его «заслуги и отличия», не подверг тайшу соответствующему наказанию. Дело ограничилось вынесением Лонбоцыренову «строгого выговора» и отстранением его от исполнения обязанностей тайши. Курьезнее всего то, что в числе «заслуг» Лонбоцыренова, обиравшего и истязавшего селенгинских крестьян, отмечалось «доброе и попечительное управление бурятами». Кроме того, к заслугам тайши было отнесено содействие в составлении окладных ясачных книг в 1831 г., пожертвование в пользу Пекинской духовной миссии, участие в пожертвовании лошадей для Иркутского и Забайкальского казачьих полков и доставлении в казну овчин по умеренной цене. Все эти «пожертвования» тайша собирал с подчиненного ему населения.

В 40-х годах XIX в. Иркутским губернским судом рассматривалось большое дело «о беспорядках в Аларском ведомстве». На основании многочисленных жалоб аларский тайша Павел Баторов, лама Аларского дацана Чойвен Самсонов, местные шуленги и старшины обвинялись «в вымогательстве взяток деньгами и вещами, в нанесении (крестьянам) побоев и других притеснениях, в взыскании с них состоящих на них долгов, в неотдаче следуемых им денег». Нойоны производили поборы натурой и деньгами. Тайша Баторов собрал в свою пользу в 1839—1840 гг. 408 пудов хлеба и еще дополнительно 245 мер; шуленга Ба-

жей Хасанов — 1143 пуда; шуленги Балехаев, Балыков и Балакирев и др. облагали подчиненных им крестьян сборами в свою пользу, хлебом или деньгами. Бурятские нойоны использовали для поборов поставки в казну. Шуленга Самсонов в 1836 г. собрал хлеб по одной мере с души и принуждал к бесплатной поставке в казенный солеваренный завод по 5 пудов 18 фунтов, присваивая деньги, полученные за этот хлеб. С этой же целью шуленга Малакшинов принуждал к поставке в Александровский винокуренный завод по 30 фунтов хлеба с души и собирал по 18 к. с души «на перенос собственной юрты и за караул по 70 р. в год».[1]

Чиновные сайты принуждали крестьян бесплатно производить работы в своем хозяйстве: тайша Баторов, как указывалось в данных судебного следствия, «нарядил в 1839 г. мельницы и сверх того наряжал на все свои работы без всякой платы».

Пользуясь своей властью, нойоны захватывали общественные покосные угодья, «занимали эти покосы в зародах», т. е. вместе с накошенным на них сеном. Шуленга Самсонов с братьями захватили покосов на 2000 копен, другие шуленги (всего 22 человека) — на 500 и 700 копен, старшины — на 300 копен. В отношении тайши Баторова и членов степной думы следствие установило, что они «в немалом количестве пользуются покосами и продают их».

Несмотря на многочисленные злоупотребления чиновных сайтов, царская администрация, видевшая в них проводников своей политики, не довела дело «о беспорядках в Аларском ведомстве» до конца. В Аларь был командирован жандармский майор Кадловский, который принудил аларцев, выступавших против своих начальников, к «общественному примирению» с ними, т. е. стремился запугать аларских крестьян и замять дело. Шуленги и старшины, признанные виновными в злоупотреблениях, были отстранены от должностей, но по какому-то манифесту 1841 г. освобождены от «личных взысканий». Баторов же попрежнему остался тайшей.

Нойоны, как проводники политики царского правительства, наделялись административно-полицейскими функциями и использовали их для закабаления бурятского крестьянства. По «степным законам» Балаганского, Идинского, Тункинского и Кудинского ведомств «власть главного тайши заключается в сохранении тишины и порядка вверенного ему народа». Тайша был обязан «предоставленной ему властью и мерою приличного наказания удерживать подчиненных от всяких преступлений, непорядков, лености и нерадения». Тайши могли подвергать телесным наказаниям даже сайтов низшего ранга, которые «за послабление в сборе ясака» подлежали наказанию «палочьями, коим длина в русскую сажень, а толщина — смотря по шубе».[2]

Бедняки, которые были не в состоянии уплачивать ясачную подать, наказывались лозами, затем в случае неуплаты распродавалось

---

[1] П. Хаптаев. Спорные вопросы исторического процесса Бурят-Монголии. Сб. «К истории Бурято-Монголии», Соцэкгиз, 1935, стр. 23.

[2] Сборник обычного права сибирских инородцев. Изд. Д. Я. Самоквасова, Варшава, 1876, стр. 114.

их имущество, если же имущества нехватало, то неплательщиков предписывалось «запродать в работу и вторично наказать лозами». «Запродажа в работу» была одним из средств закабаления бурятской бедноты нойонами и богатыми «родовичами» (кулаками). Телесные наказания были настолько распространенным явлением, что по степным думам и волостным правлениям рассылались образцы «стандартных» розг. Всякое нарушение в уплате податных сборов и выполнении распоряжений начальства считалось нарушением «порядка и спокойствия» и жестоко каралось. Телесные наказания, тюремное заключение, штрафы, распродажа имущества и «запродажа в работу» (за неуплату казенных сборов) были средствами, с помощью которых царское правительство стремилось держать в повиновении народные массы. Вместе с тем, чиновники и нойоны использовали административно-полицейские функции для вымогательства с трудящихся в свою пользу.

Миссионерство. Хоринские события 1848—1849 гг.

Широко применяя репрессии по отношению к народам России, царское правительство и его агенты на местах насаждали через миссионеров и нойонов православие. Проповедуя преклонение перед «православным белым царем» и беспрекословное повиновение господствующим классам, миссионеры высокомерно и пренебрежительно относились к народам Сибири, заявляя, что они находятся «во тьме и сени смертней», насаждая недоверие, отчужденность и вражду между «православными» и «иноверцами». Внедрение православия сопровождалось подкупами нойонов, обманом, насилиями. Для нойонов содействие миссионерству стало средством выслужиться перед начальством, получать от него награды, покрыть репутацией «ревнителей христианства» свои злоупотребления.

В первой половине XIX в. иркутская губернская администрация и духовенство Иркутской епархии стали распространять православие в Тункинском бурятском ведомстве. Количество «крещеных» было здесь незначительно — в 1827 г. их насчитывалось не более 250 человек. Крещение совершалось в Иркутске, и «крещеных» стремились изолировать от своих соплеменников — их приписывали к крестьянскому или мещанскому обществам, где они и оставались навсегда. Стремясь опереться на «степных аристократов», царская администрация и духовенство принимают меры к тому, чтобы иметь «ревнителей православия» из нойонов, обещая им награды и подарки. В 1827 г. крестился тункинский лама Барханов, утвержденный за принятие православия родовым старостой. Кроме того «в знак особой привилегии» Барханов получил от губернского начальства пару лошадей «с упряжью в фаэтоне и с колокольцами. О подобной роскоши в Тункинском крае до того времени и понятия не имели».[1] Бывший лама Барханов, вернувшийся из Иркутска с священником Баторовым, стал насаждать православие среди подчиненных ему бурятских крестьян. В 1841 г. крестился заседатель

[1] Церковь и руссификация бурято-монгол при царизме. Красный архив, т. 4/58, 1932, стр. 106—107.

Тункинской степной думы Бордой Парушенов, под воздействием которого в 1842 г. было крещено до 800 человек. Для Бордоя Парушенова принятие православия являлось средством к достижению своих честолюбивых целей. При содействии губернского начальства «православный» Парушенов стремился устранить своего соперника — «язычника» тайшу Хамакова, чтобы самому стать во главе Тункинского ведомства. Прежде всего он стал добиваться отделения всех «крещеных» от степной думы в особое правление. До 1829 г. правительство заставляло их выделяться из своих улусов и селиться в русских деревнях. Из «крещеных» образовались в Тункинском крае селения Тибильтинское, Тальское, Еловское и отчасти Гужирское, Туруxан, Затунка. По просьбе Парушенова, который жаловался, что тайша Хамаков и другие нойоны притесняют «крещеных», для последних было открыто в 1844 г., по распоряжению губернского начальства, отдельное управление под названием «Тункинская инородная управа». Парушенова назначили головой этой управы.

Наконец иркутское начальство добивается крещения тайши Хамакова. В 1843 г. иркутский губернатор Пятницкий писал Хамакову: «Тайша Хоринской думы Иринчин Доржеев Дамбуев с родовичами воспринял св. крещение, и за это государь император высочайше повелеть соизволил произвести его в есаулы, с причислением к Сибирскому линейному казачьему войску. Об этом объявляю вам и всем прочим бурятам, как высоко ценит государь императоp приемлющих св. крещение. Поэтому и вас прошу принять старание к распространению православия в вашем ведомстве. От примера вашего, тайша, зависит многое, поэтому я надеюсь, что вы первый покажете пример своим родовичам принятием православия».[1]

По приказанию генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева от тайши Зангея Хамакова и других нойонов Тункинского ведомства были взяты подписки в том, чтобы они «оказывали содействие в распространении веры христианской, а не препятствовать оному». Одновременно иркутская администрация и духовенство воздействуют на Хамакова, чтобы он принял крещение. Хитрый тайша не сразу решился на это: он выжидал, какие выгоды и награды можно получить в качестве компенсации за перемену религии. Начальством была обещана солидная награда, и Хамаков решил креститься. Крещение тункинского тайши, его семьи и родовых нойонов, происходившее в 1857 году в Иркутске, сопровождалось пышными церемониями, в которых принимало участие большинство иркутского духовенства во главе с архиереем. Крестными («восприемниками») тайши и его семьи были объявлены Александр II и его жена. В знак «особого благоволения» царь прислал Хамакову и его сыну кафтаны, воротники и рукава которых были шиты золотом, а их женам золотые серьги и брошки. Кроме того, тайша Зангей Хамаков «за содействие ко крещению 1000 человек» получил орден Владимира 4-й степени, Хамаковы были причисленны к дворянству. Заседатели и старосты были награждены серебряными кортиками. Устраивая

[1] Там же, стр. 110.

пышные церемонии и награждая крестившихся нойонов, царское правительство стремилось воздействовать на других нойонов, превратить их в «ревнителей православия».

В 40-х годах XIX в. главным «ревнителем православия» из бурятских нойонов считался хоринский тайша Дымбылов, на которого царское правительство и миссионеры возлагали большие надежды.

Сын тайши Дымбыла Галсанова, возбудившего своими действиями ненависть хоринцев, Ринчин-Доржи Дымбылов не был избран тайшею после смерти отца. Соперники Галсанова провели в тайши своего кандидата — Жигжита Дамба-Дугарова, усыновленного в начале XIX века тайшей Дамба-Дугар-Иринцеевым. Лишь после смерти Жигжита в 1835 году, при содействии окружной и губернской администрации, Дымбылову удалось получить должность тайши. Краевая администрация и миссионеры, возглавляемые иркутским архиепископом Нилом, стали стремиться к тому, чтобы Дымбылов принял православие, обещая ему «милости монарха, которые не перестали бы изливаться». После долгих «увещеваний» Дымбылов, совершивший не мало злоупотреблений и надеявшийся найти сильных покровителей, заявил, что он примет крещение лишь в том случае, если его «восприемником» будет сам царь. Желание тайши было исполнено. В 1842 году Дымбылов приехал в Петербург и обратился к министру государственных имуществ с просьбой представить его царю. Тайша заявил о своем желании принять православие и обещал содействовать крещению хоринцев. Крещение Дымбылова, названного Николаем, происходило в церкви Зимнего дворца. «Крестным отцом» тайши был Николай I, а «крестной» — его дочь Ольга. По случаю крещения Дымбылову «пожаловали» чин есаула, денежное пособие и драгоценные подарки. Правительство, Синод, Иркутская духовная миссия надеялись через Дымбылова «подавить буддизм», «сокрушить могущество лам» и распространить среди хоринцев православие. «Настоящий случай есть благоприятнейший. Взор ста тысяч забайкальских инородцев обращен ныне на тайшу Николая Дымбылова», — писал архиепископ Нил.[1] Царский крестник пользовался покровительством светского и духовного начальства. Дымбылова ставили в пример другим бурятским начальникам, обещая, что и они, подобно хоринскому тайше, могут получить награды в случае принятия православия.

К Дымбылову был отправлен миссионер, протоиерей Константин Стуков, знавший бурятский язык. Стуков получил особое наставление «о распространении христианской веры и благочестия среди хоринских бурят». По этому наставлению, он, прежде всего, должен был стараться «о приобретении доверия не только у тайши и у шуленги, но и у всех родовичей и начальствующих над улусами, ибо при содействии их удобнее будет располагать к себе и прочих». Миссионеры и чиновники были готовы даже прикрыть злоупотребления чиновных сайтов при ус-

---

[1] Ленинградское отделение Центрархива. Фонд Синода, дело № 1427 «О крещении главного тайши хоринских бурят Дамбилова» (Дымбылова); см. также: В. П. Гирченко. Хоринские происшествия 1848—49 гг. и православная миссия. Журн. «Жизнь Бурятии», 1929, № 1.

ловии, если примут крещение. «По достоверной почти справке оказалось, — писал К. Стуков, — что головы и зайсаны и выборные Хоринского ведомства, нетерпимые народом за беспримерные злоупотребления власти и уже седьмой год находившиеся под судом и разными следствиями, когда явился сюда советник Булатов для окончания следопроизводства и взялся надлежащим образом за дело, погрозив под рукою переселением виновных, означенные лица говорили, что они примут христианскую веру, так как по соглашению с Булатовым я указал по секрету родоначальникам на это единственное средство к облегчению их участи». [1]

Иркутский архиерей Нил и генерал-губернатор стремились замять дело о злоупотреблениях Дымбылова. В этом отношении характерно одно из писем Нила к обер-прокурору Синода. Архиепископ, — покровитель хоринского тайши, — писал: «Вины, возводимые на Дымбылова, вообще не важны и очень обыкновенны в степном управлении. Но прав или виноват Дымбылов, по отношениям, в которых поставлен он, горестно для всех благомыслящих видеть его падение. Чем живее на пространстве Сибири память явленного к тайше монаршего внимания, тем необходимее поддержать честь и права его».

Генерал-губернатор обращался к министру государственных имуществ с предложением, «в видах поспешествования, через тайшу Дымбылова, распространению христианства в Забайкальском крае, исходатайствовать высочайшее государя императора соизволение на прекращение дальнейших следствий».

В бурятской народной песне о Дымбылове этот тайша характеризуется как суровый по нраву, гордый, корыстолюбивый и жестокий к простым подданным нойон:

Кударинская ровная степь —
Низменное прекрасное кочевье;
Отправившийся к северному хану
Радостен хоринский нойон.
Утвержденный определением
Начальствующих Иркутскою губерниею,
Нойон Ринчин Дорчжи
Жесток к простым подданным.
Живущий греша, да гордясь
Своим многочисленным скотом,
Верховный нойон, тайша наш,
Резок и суров по нраву.
Нанося убытки в средствах к жизни
Мирно жившим подданным,
Он с целью получить да взять
Замучил, стращая, да беспокоя.
Хоринский нойон Дампилов,
Польстившись на собранные деньги,
По страсти корыстолюбия
Сжег свою Хоринскую думу.
Светлогнедая лошадь его
Убежала, разорвав свое кольцо (на узде);
Двадцать тысяч серебром,
Положив в подол и в пазуху, убежал он.

[1] Ленинградское отделение Центрархива. Фонд Синода, дело № 1427.

Далее в песне рассказывается, что Дамшилов (Дымбылов).

За совершение несправедливых преступлений,
Будучи лишен всех прав,
Сослан был в каторжные работы.

Песня о Дымбылове заканчивается поучением:

Остерегаясь и боясь с ранних пор
Такого рода поступков,
Современные молодые люди,
Действуйте справедливо.[1]

В этой народной песне нет никакого вымысла. Она, передавая из поколения в поколение правду о хоринских событиях 40-х годов, свидетельствует, что эти события произвели большое впечатление на бурятский народ.

Даже один из покровителей Дымбылова, миссионер Стуков, должен был признать, что «народ ненавидит тайшу». Стремясь устранить от власти нойона, «жестокого к простым подданным», хоринцы еще до крещения Дымбылова добивались назначения следствия по поводу его злоупотреблений. Однако, узнав об этом, хоринский тайша «погасил возбужденное против него водою крещения». Найдя сильных покровителей, «царский крестник» после возвращения из Петербурга стал еще надменнее. Он назвал себя «светлейшим князем» и «принцем крови» (тайджи), кичился своим офицерским чином (есаул Сибирского казачьего войска) и царскими «милостями». Ведя роскошную жизнь «степного аристократа», Дымбылов, «с целью получить да взять, замучил, стращая, да беспокоя», «простых подданных», т. е. хоринских крестьян.

На почве соперничества за власть и влияние, среди нойонов Хоринского ведомства образовались в 40-х годах XIX в. две группировки: «христианствующая» и «ламаитская», религиозная окраска которых прикрывала борьбу между двумя группами «степных аристократов» за власть. Во главе первой группировки («партии») стояли тайша Дымбылов и миссионер Стуков; вторую возглавлял сын бывшего тайши Жигжитов и его дядя — заместитель хамбо-ламы Суванов. Жигжитов добивался тайшинской должности; Суванов, опасаясь, что с окончательным утверждением Дымбылова усилится влияние конкурентов ламства — миссионеров, поддерживал домогательства своего племянника. Та и другая группа имели своих приверженцев среди эксплоататорской верхушки хоринского общества, причем характерно, что глава «христианствующей» группировки Дымбылов и после принятия православия не порывал с ламством, не желая возбуждать его против себя: миссионер Стуков упрекал тайшу, что он «хромал на оба колена и проявлял двоедушие». Дымбылов посещал дацаны, не допустил крещения своей жены, оказывал покровительство пришедшему из Монголии («перебежику») хубилгану Галсану-Содбо и т. д.

Хоринцы продолжали добиваться назначения следствия о злоупотреблениях Дымбылова и других нойонов, но и на этот раз покровители

[1] А. Позднеев. Образцы народной литературы монгольских племен вып. I. СПб., 1880, стр. 258—259.

«царского крестника», «в видах поспешествования, через тайшу Дымбылова распространению христианства в Забайкальском крае», замяли возбужденное о нем дело. Так продолжалось до тех пор, пока Дымбылов не совершил преступления, прикрыть которое не удалось уже никому.

В ночь на 27 декабря 1848 г. в помещении Хоринской степной думы вспыхнул пожар, быстро уничтоживший деревянное здание, в котором сгорело все находившееся в нем делопроизводство, архив и имущество. Окружное полицейское начальство, узнав о пожаре, сочло его за обыкновенное происшествие. Прошло больше двух месяцев, но никакого следствия о пожаре и не думали начинать.

Между тем в Хоринской степи и окружном центре, Верхнеудинске, стали распространяться слухи, возбудившие, как писал в дальнейшем сам Дымбылов, «необычайное волнение» среди хоринцев. Все определеннее и определеннее стали говорить что виновник пожара — тайша Дымбылов, похитивший казенные и общественные деньги, хранившиеся в думе, и устроивший поджог с целью замести следы преступления. В Хоринском бурятском ведомстве начались сугланы, на которых происходили резкие выступления против тайши Дымбылова и его покровителя, миссионера Стукова. Стуков еще пытался выгородить тайшу. На одном из сугланов он убеждал родовых голов и заседателей думы подписаться под приговором. В этом приговоре, текст которого был составлен протоиереем Стуковым, говорилось, что головы и заседатели не имеют ни на кого подозрения в поджоге степной думы и в краже из нее денег. Участники суглана отказались подписать этот приговор. Добиваясь подписания приговора, Стуков давал также «наставления», что и как нужно показывать на следствии о пожаре степной думы. Стуков потерпел неудачу, — скрыть преступления Дымбылова ему не удалось. На сугланах «раздавались угрозы, что через месяц у хоринцев не будет ни тайши Дымбылова, ни миссионера». Оба они были нетерпимы хоринцами: «Из всех бумаг как бы видно,— писал генерал-губернатор Муравьев, — что миссионер был руководителем Дымбылова и вмешивался в общественные дела инородцев, через что, овладев тайшею, вселил между инородцами негодование, раздор и жалобы. Тайша нетерпим почти всеми улусами, и миссионер Стуков, по собранным сведениям, не успел снискать себе доверия инородцев и приметно нелюбим прихожанами своей паствы». [1]

«Хорошее начало» — такова была резолюция Николая I по докладу Синода о мерах распространения христианства среди бурят после крещения Дымбылова. Однако удачно начатая карьера «царского крестника» имела плохой конец.

Следствие по делу о пожаре степной думы доказало, что тайша Дымбылов со своими сообщниками: Петром Мелентьевым, Николаем Олхоевым и Степаном Соболевым, похитили около 12 000 р. казенных и общественных денег и с целью скрыть свое преступление сожгли здание думы. Дымбылов вынужден был сознаться в своем преступлении. Тайшу и его сообщников приговорили к каторжным работам. Уста-

[1] Ленинградское отделение Центрархива. Фонд Синода, дело № 1427

новление виновности тайши произвело в административных и миссионерских сферах впечатление разорвавшейся бомбы. «Человек, на которого высшее правительство изливало необычайные милости и щедроты и богатство которого изумляло всех, по алчности своей дерзнул ограбить самым преступным образом казну», — писал миссионер Стуков иркутскому архиепископу Нилу

Скандал, вызванный преступлением Дымбылова, грозил разрастись еще больше. Хоринский тайша заявил во время следствия, что протоиерей Стуков был подстрекателем его к совершению преступления. По заявлению Дымбылова, миссионер подстрекал его сжечь думу и захваченные в ней деньги разделить пополам. Дымбылов предъявил следователям записку к нему от Стукова, в которой тот приглашал к себе тайшу на рождественские праздники 25—27 декабря 1848 г. с тем, чтобы отклонить всякое подозрение. Родовые головы, заседатели и писцы степной думы показали на следствии, что протоиерей Стуков добивался подписания ими приговора об отсутствии каких-либо подозрений относительно виновников пожара и похвальных аттестатов себе. Как приговор, так и аттестаты были составлены самим миссионером. Черновик приговора был найден среди бумаг Стукова.

Во время следствия протоиерей отрицал свою причастность к преступлению Дымбылова, между тем тайша упорно настаивал на этом. Вопрос о виновности Стукова так и остался невыясненным на следствии, выводы которого были неопределенны: «Ни тот, ни другой из них не доказал своего показания никакими формальными актами... дело об этом закрыто покровом неизвестности, и только их совесть знает», — писали следователи. Стуков не подвергся никаким взысканиям и остался попрежнему миссионером в Хоринском ведомстве.

События 1848 — 1849 гг., возбудившие, по признанию Дымбылова, «необычайное волнение» среди хоринцев, крайне компрометировали не только местных «ревнителей православия», но также их покровителей из высшей иерархии. Поэтому светское и духовное начальство стремилось ослабить впечатление, произведенное преступлением «царского крестника» и его сообщников, отвлечь от него внимание хоринцев. Предлог для этого был найден миссионером Стуковым. Еще задолго до пожара степной думы Стуков писал архиепископу Нилу, что «головы и зайсаны и выборные Хоринского ведомства, нетерпимые народом за беспримерные злоупотребления власти», уже седьмой год находились «под судом и разными следствиями» (см. выше). Повидимому речь шла о хоринских нойонах из ламаитской группы, так как миссионер предлагал им принять христианство, заявляя, что «это единственное средство к облегчению их участи». В ответ на это нойоны обещали, что они «примут христианскую веру». Каждый из них дипломатично заявлял, что он готов креститься, если кто-либо другой из голов и зайсанов покажет ему пример. При помощи «хабары» (взяток) и обещаний принять христианство нойоны «затушили» следствие об их «беспримерных злоупотреблениях». Иначе поступили представители царской администрации и миссионер Стуков после «пожарного дела». С целью отвлечь внимание от дымбыловщины и скомпрометировать со-

перников «христианствующей» группы, было возбуждено следствие «о противозаконных действиях помощника хамбо-ламы Цуванова», Тарбы Жигжитова и их сторонников. Результаты этого следствия нам неизвестны.

Царское правительство и ламаизм

Как мы уже указывали, миссионер Стуков упрекал тайшу Дымбылова в «двоедушии», которое заключалось в том, что этот «ревнитель православия» был вместе с тем и покровителем ламства. Такое «двоедушие» было характерно не только для нойонов, но и для царского правительства, политика которого по отношению к ламаизму отличалась, начиная с XVIII в., противоречивостью: с одной стороны, царизм оказывал всемерное содействие миссионерам, стремившимся «подавить буддизм», «сокрушить могущество лам»; с другой стороны, в интересах эксплоататорских классов царское правительство использовало ламство.

В первой половине XIX в. ламаизм, пользуясь покровительством со стороны нойонов и противоречивой политикой царизма, распространяется все больше и больше, преследуя и вытесняя своих конкурентов — шаманов — и одновременно впитывая в себя элементы шаманского культа. Ламы употребляли все средства к тому, чтобы усилить свое влияние и путем поборов умножить свое богатство. Факты, говорящие об этом, сообщает Н. А. Бестужев в очерке «Гусиное озеро».

«Здесь, в окрестности, — пишет Бестужев, — жил бурят, по прозванию Марко-богатый, он точно был богат, но ему стоило захворать и пролежать пять месяцев, чтобы сделаться нищим. Налетело множество лам, как воронов, надобно было совершать с утра до вечера моления, отгонять злого духа бубнами, трубами и прочею варварской музыкой. Надобно было обкладывать больного то коровьими, то бараньими внутренностями по усмотрению лам-врачей; натурально, что требуха доставалась на долю больного, а мясо ламам; сверх того надобно было платить и за службу, и за дружбу, и за труды, так что к концу болезни Марко-богатый стал Марко-нищий. Тогда ламы оставили его на произвол природы, которая не приминула, в свою очередь, без всякой платы поставить его на ноги, а те отправились искать новых жертв. Вообще, ламское сословие есть язва бурятского племени. Чтобы придать сословию своему более весу, прибегали к численности, стали уверять бурят, что тот угоден богу, кто в семействе своем будет иметь ламу, т. е. богомольца. По бурятскому понятию, если написанная омменибатмехум на лоскуте холстины трепещется от ветра, то это трепетание и движение заменяет самую теплую молитву того, кто повесил такой лоскуток; кольми паче, если лама, который живым языком будет бормотать это слово, а потом и тысячи слов молитвы на тангутском языке, которого ни он и никто другой не понимает, будут действительны и дойдут до бога. От этого в каждом семействе, где есть двое сыновей, один почти всегда лама. Те из бурят, которые живут около русских, редко следуют этому обычаю».[1] Ламы были противниками сближения

[1] Н. А. Бестужев. Гусиное озеро. Сб. «Декабристы в Бурятии», Верхнеудинск, 1927, стр. 75.

бурят с русскими, так как опасались, что распространение русских обычаев будет подрывать влияние ламства.

Ламы, в частности хоринские, стремились подкрепить свое влияние авторитетом давности, заявляя, что буряты приняли буддизм еще в незапамятные времена легендарного Бубей-батур-хана. «Между тем подобное утверждение — чистая ложь, прикрытая ламским намджаром (мантией)». К селенгинцам, как мы знаем, ламаизм проникает в конце XVII и первой четверти XVIII в. Среди хоринцев он распространяется позже. В 1808 г. хоринский тайша Мардаев писал в Иркутское губернское правительство, что «с 1728 г. у главного тайши Шодоя Бултурикова и по нем у наследников его кумирен и лам не было. По прошествии же нескольких лет хотя и вышли из-за границы тангутские и монгольские ламы, но они, по ревизии 1765 г., приписаны к хоринским родам».[1] В хоринских родах ламы появляются с 1755 г., но более заметно ламаизм распространяется среди хоринцев уже в первой половине XIX в. Еще в 1809 г. хоринские сайты в «объяснении» главному тайше Мардаеву указывали: «Хотя и исповедуется у нас далай-ламская секта, но большая часть хоринцев доныне следует шаманству». Любопытно, что хоринцы в 1809 г. заявляли даже о вредности увеличения среди них количества лам: «Превращение наших хоринцев в лам должно быть весьма бесполезно и для самих лам и для народа. Ибо мы думаем так: все лица, принимающие ламское звание, должны давать обет — домашнего скота, зверя, птицу и рыбу не лишать жизни; следовательно ламам неоткуда взять шкур и пр. для уплаты ясаку и других следующих с них повинностей. При том, все поступающие в ламское звание лица не должны иметь жен и детей; следовательно при старости лам следующий с них ясак и прочие повинности, по необходимости, должны упасть на хоринское общество. Наконец они, ламы, надеясь на свое звание, будут обращаться в праздности».[2]

В конце XVIII и начале XIX в. хоринские ламы нашли сильных покровителей в лице богатого и влиятельного тайши Дамба-Дугар Иринцеева и его жены Чойджит («ужасной интриганки», по характеристике Стукова), затем их приемного сына Жигжита Дамбо-Дугарова (или Суванова), также ставшего тайшей. При содействии этих нойонов был построен Анинский дацан, ставший главным центром ламаизма в Хоринском ведомстве. В благодарность за покровительство ламы объявили тайшу Иринцеева хубилганом (перерожденцем) легендарного Дай-Хан-тайджи, а его жену Чойджит воплощением мифической Бальджин, искусной, как говорит легенда, «в показании 13 рити-хубилган» (способность принимать на себя различные виды и превращать лица и предметы). Таким образом Иринцеевых, причисленных царским правительством к «российскому дворянству», ламы объявили хубилганами. Все это было использовано нойонами для усиления своего влияния и власти. На почве совместной эксплоатации трудового населения светская

[1] Стуков. Начало буддизма у хоринских монголо-бурятов. Иркутские губернские ведомости, 1859, № 43.

[2] То же.

феодальная знать объединилась с ламством, воспринявшим феодально-теократические традиции Тибета и Монголии. Обе группы эксплоататорского класса всемерно поддерживали друг друга.

Имея сильных покровителей, ламы использовали разнообразные средства для распространения буддийской религии. Они, проповедуя ламаизм, угрожали муками бесконечных перерождений тем, кто не исповедует этой религии, и обещали блаженство нирваны правоверным ламаитам. Вытесняя шаманство, ламы воспринимали различные элементы шаманского культа, растворяя их в ламаизме, приспособляя для своих целей. Заискивая перед нойонами, подкупая «хабарой» (взятками) русских и бурятских нойонов, ламы притесняли и преследовали «простых подданных», принуждая их к принятию ламаизма.

В первой половине XIX в. хоринские ламы продолжали соперничать с селенгинскими из-за иерархического местничества. В 1809 г., по указу Иркутского губернского правительства, резиденцией хамбо-ламы был назначен Гусиноозерский дацан и хоринские ламы подчинены ему в иерархическом отношении. Но хоринское духовенство само стремилось играть главную роль в ламской иерархии, добиваясь, чтобы резиденция хамбо-ламы была перенесена в один из дацанов Хоринского ведомства и глава ламаитов был бы ставленником местных лам и нойонов. В результате между хоринскими и селенгинскими ламами разгорелась многолетняя тяжба, во время которой обе стороны не скупились на подкупы начальства, обманы, интриги, брань. В этой тяжбе принимали активное участие нойоны обоих ведомств. Споры из-за хамбинства особенно усилились в 1837 г., когда после смерти бандида-хамбо-ламы Джамсуева эта должность стала вакантной. Ламы, нойоны и полковые старшины бурятского казачьего войска, состоявшие в приходе Гусиноозерского дацана, поддерживали претензии на хамбинство брата умершего хамбы Даншин Гован Иши Джамсуева. Ламы, нойоны и военные начальники Цонгольского прихода выдвинули своего кандидата—ламу Дымачева. Наконец, хоринские нойоны и ламы добивались возведения в звание хамбо-ламы своего главного цоржия Цуванова и перенесения хамбинской резиденции из Гусиноозерского дацана в Кудинский, находившийся в Хоринской степи. Все эти тяжбы тяжелым бременем ложились на хоринских и селенгинских крестьян, так как нойоны и ламы усиливали поборы с них для подкупа губернских чиновников, от которых зависело разрешение вопроса о хамбинстве.

Победа осталась на стороне селенгинских лам и нойонов. Иркутский губернатор утвердил в должности хамбо-ламы Джамсуева, а претендент хоринцев, Суванов, стал его помощником. Фактически селенгинские и хоринские ламы распределили между собою «сферы влияния» в своих ведомствах и распространяли его за их пределами.

В первой половине XIX в. ламаизм проникает в Баргузинское, Аларское и Тункинское ведомства, найдя и здесь покровителей среди местных нойонов.

В 1846 г. среди бурятского населения было 34 дацана, 144 малых храма и 4509 лам. «Милостыне-дателей», т. е. прихожан, за счет которых содержались ламы, насчитывалось 122 259 человек.

Рассматривая количество лам по отдельным бурятским ведомствам, мы замечаем, что чем ближе они к очагу распространения ламаизма — Монголии, тем больше в них ламаитского духовенства, и наоборот. В приграничном Селенгинском ведомстве было 3538 лам, у хоринцев же и агинцев, имевших в совокупности больше населения, чем селенгинцы, их было 921, у баргузинцев — 53. Что же касается западных бурят, то у них ламаизм проник только к тункинцам и аларцам. В Аларском ведомстве, по данным 1896 г., числилось всего 37 лам, в Тункинском в 40-х годах XIX в. ламаизм был распространен только в Торском и Коймаровском улусах, куда ламы приезжали для «исправления треб». Среди балаганцев, идинцев, кудинцев, верхоленцев, ольхонцев ламаизм не получил распространения; там преобладало шаманство и начало проникать православие. В Забайкалье такое же явление наблюдалось среди кударинцев.

Обращая внимание на факты, свидетельствовавшие о распространении ламаизма в Забайкалье (рост количества дацанов и лам), царское правительство не имело по данному вопросу устойчивой политики: то к ламаизму относились почти индиферентно, то принимали против него ограничительные мероприятия, то, наконец, награждали лам, оказывали им покровительство.

«Взгляды на ламаизм местного в Сибири начальства не всегда отличались дальновидностью. Были годы, в которые выходили открытые предписания в пользу буддийской пропаганды; и этот распорядок такую силу права приобрел в понятии лам, что действия ее доныне ощущаются, хотя обстоятельства слишком изменились», — писал в 1858 г. один из главных руководителей сибирских миссионеров, архиепископ Нил.[1] На самом же деле в основе «открытых предписаний в пользу буддийской пропаганды» лежали, если исключить еще факты подкупа чиновников ламами, более сложные причины, чем «недальновидность» сибирского начальства. Колебания царского правительства по отношению к ламаизму вызывались, главным образом, столкновением интересов внутренней и внешней политики. В этом отношении очень характерны споры Синода и Министерства внутренних дел с Министерством иностранных дел, происходившие в 30 — 50-х годах XIX в.

Правительство Николая I, провозгласившее православие одним из китов, поддерживавших империю помещиков и купцов, всемерно содействовало духовенству в распространении этой религии среди «иноверцев», в том числе и в Сибири, где во второй четверти XIX в. стала усиливаться миссионерская деятельность. Синод добивался еще большего усиления миссионерства и правительственных мероприятий, направленных против конкурентов православного духовенства, наиболее опасными из которых в Восточной Сибири считались ламы. В синодских кругах и среди сибирского духовенства, поддерживаемых Министерством внутренних дел, выдвигались предложения об уничтожении, отобрании у них дацанов, имущества, превращении лам в нищенствующих монахов. Наконец миссионеры заявили о своем желании «подавить буддизм».

[1] Нил. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. СПб., 1858, стр. 254.

Если в других частях Сибири царское правительство без всяких оговорок оказывало содействие миссионерам, то по отношению к ламаизму в Забайкалье у него происходили колебания, показателем которых являлась позиция Министерства иностранных дел. Оно было против «подавления буддизма», так как хотело использовать его в интересах внешней политики.

Российская империя закрепляла свои позиции на востоке и стремилась расширять сферу своего влияния в Монголии, Китае, на берегах и просторах Великого океана.

Один из главных проводников и руководителей этой политики Н. Н. Муравьев (Амурский) доносил в 1852 г. в Петербург: «При общем взгляде на Восточную Сибирь и будущность ее для России должно сказать, что главнейшею заботою и занятием здесь правительства должно бы быть обеспечение естественных границ империи—предмет, который, к сожалению, и Сперанским, и до него, и после него оставлен был без всякого внимания. Камчатка, Восточный оксан, Охотское море, устье Амура, вся река эта и прилегающая к ней Забайкальская область недавно вошли в рассуждение, но еще далеко не в той мере, как бы следовало по вниманию, обращаемому иностранцами на эти моря».[1]

В 40—50-х годах XIX в. это внимание к востоку, вызванное торговыми и военно-политическими интересами империи помещиков и кущов, усиливается (особенно после назначения генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьева в 1847 г.). В этот период отменяются прежние ограничения по кяхтинской торговле с Китаем и Монголией, и проводятся новые поощрительные мероприятия по отношению к внешней торговле; совершается ряд военно-разведочных экспедиций на Амур, происходит закрепление Приамурья за Россией (по Айгунскому трактату 1858 г.), рост его колонизации.

В качестве проводников внешней политики царское правительство использовало как дипломатов, военных, кущов, так и православное и ламаитское духовенство. Архимандриты Пекинской духовной миссии подробно информировали правительство о китайских делах и выполняли поручения дипломатического характера. Резиденцией архиепископа Камчатского и Амурского была назначена Усть-Зейская станица, «ибо оттуда ближе всего действовать на населенную часть Манджурии».

Для распространения своего влияния в Монголии, светские и духовные феодалы которой находились в вассальной зависимости от китайского императора, правительство Николая I стремилось использовать ламаитское духовенство, показать себя покровителем ламаизма перед монгольской знатью, ставшей с XVII в. «ревностной поклонницей тибетского буддизма». О том, как далеко заходили планы по отношению к Монголии, можно судить на основании «Записки о новых сношениях с Китаем, руководствуясь видами правительства», составленной Н. Н. Муравьевым-Амурским в 1854 г. В этой записке читаем: «При перевороте не следует также допустить, чтобы новое китайское правительство распространяло власть свою на Монголию, которая в таком случае должна

[1] И. Барсуков. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский кн. I. М., 1891, стр. 308—309.

быть под нашим покровительством. Но если бы известное стремление принять подданство ясней обозначилось, то нет причины далее препятствовать этому справедливому и народному желанию соседственной с нами области. Но и тут, во всяком случае, нам необходимо иметь для торговли конторы на границе Монголии с Китаем».[1]

Таким образом, используя гражданскую войну в Китае, царское правительство надеялось установить протекторат над Монголией и даже присоединить ее к России.

«Руководствуясь видами правительства» по отношению к Монголии, Министерство иностранных дел выдвигало мероприятия, направленные по существу к консолидации ламства, расширению и закреплению его привилегий. Против этого выступил Синод и Министерство внутренних дел. В результате ведомственных споров, отражавших противоречивость политики царского правительства в ламском вопросе, появилось несколько проектов; один из них — «Положение о ламаитском духовенстве» 1853 г. — был утвержден Николаем I, хотя и с оговоркой: «не вносить в свод законов».

«Положение о ламаитском духовенстве» 1853 г. отличалось противоречивостью. С одной стороны, оно ограничивало количество дацанов (до 34) и лам (до 500 человек) и запрещало пропаганду ламаизма среди шаманистов и православных. «Ламам поставлено в непременную обязанность иметь жительство при дацанах и не иначе отлучаться из оных, как по делам службы и при том всегда с ведома ширета» (ширетуя — настоятеля дацана). С другой стороны, «Положение» 1853 г. регламентировало и узаконяло ламаитскую иерархию, закрепляло ее привилегии. Во главе ламаитской церкви был поставлен настоятель Гусиноозерского дацана со званием бандидо-хамбо-ламы. Он назначался царем из числа трех кандидатов, представленных (по согласованию с ламами) иркутским губернатором. Хамбо-лама посвящал в ламы, наблюдал за ними, назначал ширетуев, управлял школой лам при Гусиноозерском дацане, имевшем несколько десятков хувараков (послушников). После хамбо-ламы следовали ширетуи, ламы разных степеней (гелуны, гецулы) и банди, исполнявшие в дацанах должности причетников, прислужников и музыкантов.

Ламы наделялись земельными угодьями, взятыми у бурятских крестьян. Хамбо-ламе отводилось 500 десятин, ширетуям по 200, ламам 60, бандиям 30, хуваракам по 15 десятин. Кроме земельных окладов, за ламайским духовенством оставлялось право получать деньгами или натурой за различные требы.

Рассматривая лам как «верноподданных» и проводников своей политики, царское правительство награждало их орденами и медалями (например, бандидо-хамбо-лама Джамсуев, при котором было издано «Положение» 1853 г., получил орден Станислава 2-й степени). Ламы приносили особую присягу на верность царю.

В ответ на царские милости ламаитское духовенство всячески проявляло свое верноподданство. Ламы проповедывали беспрекословное по-

[1] Там же, кн. II, стр. 113

виновение царской власти, преклонение перед «белыми ханами». Еще в XVIII в. ламы объявили Екатерину II перевоплощением буддийской богини цаган дара-эхэ («цаган дара эхэйн хубилган»); в дальнейшем это хубилганство было распространено на всех «белых царей», которых ламаитское духовенство называло своими «святыми повелителями».

Ламы использовали «Положение» 1853 г. для укрепления и усиления своего влияния. Что же касается ограничительных пунктов этого положения (ограничение количества лам и ламаитской пропаганды), то ламы фактически нарушали их. Кроме «штатных» лам, внесенных в списки, представляемые администрации, существовало большое количество «внештатных». В Забайкалье проникали также монгольские и тибетские ламы.

Ламы представляли собою часть эксплоататорских классов бурятского общества — нойонства и нарождавшейся улусной буржуазии (кулачества), под гнетом которых изнывало трудовое бурятское население. Как нойоны, так и ламы были опорой царизма, проводниками его политики.

Глава XIII

ИЗ ИСТОРИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СРЕДИ БУРЯТ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Первые школы

Наблюдательные современники, изучавшие жизнь бурятского населения в XIX в., не раз отмечали, что этот народ, угнетенный непрошенными «опекунами», находившийся в «стесняющих обстоятельствах», не имел возможности развернуть свои силы, способности и таланты, и в результате «стоял еще на низшей степени образованности».

М. Геденштром писал, что угнетение народа «старшинами» (нойонами) было причиной того, что «буряты стоят еще на низшей степени образованности... Их можно уподобить сиротам, которых младенчество опекуны их стараются продлить всеми силами».[1]

Н. А. Бестужев в числе «стесняющих обстоятельств», тормозивших развитие бурятского населения, называл многочисленное ламство, которое он считал «язвой бурятского племени».[2]

А. П. Щапов указывал, что «преобразование» народов Сибири начиналось «вовсе не с того, с чего бы следовало начать», — начинали «с распространения суеверия, хитрости, обмана, пьянства, болезней», а не «средств просвещения». «Ни крестиками миссионеров,—писал Щапов, — ни табаком и водкой русских торгашей мы должны располагать, привлекать их к себе, к своей расе, не хитростью и обманом, а русским хлебом и солью, дешевым, добросовестно продаваемым товаром, хорошо устроенными ярмарками, хорошими школами, человеческим обращением с ними и т. д. И грустно, что у нас не только общество, но и наука еще не обратила должного, человеческого внимания на эти многоразличные племена России, кровь которых в нас, в чадах наших».[3]

В роли «опекунов» бурятского народа, старавшихся «продлить всеми силами» неграмотность и темноту трудящихся, выступало царское правительство, чиновники, купцы, нойоны, кулаки, ламы, шаманы. Это они предпочитали распространение «суеверия, хитрости, обмана» развитию средств просвещения. Один из миссионеров заявлял даже, что распространение европейской культуры (среди народов России),

---

[1] М. Геденштром. Отрывки о Сибири. СПб., 1830, стр. 69.

[2] Н. А. Бестужев. Гусиное озеро. Сб. «Декабристы в Бурятии», Верхнеудинск, 1926, стр. 41—78.

[3] А. П. Щапов, Сочинения, т. II, СПб., 1907, стр. 366—367.

которая «направлена к тому, чтобы очаровать человека изобретенными ею земными благами, не полезное а вредное для них дело». Эксплоататорские классы боялись, что развитие просвещения, рассеивая темноту и невежество, проясняя сознание народа, будет подрывать их господство, усиливать стремление народных масс к лучшей жизни, дающей возможность свободно пользоваться «земными благами».

Царское правительство, собирая подати и сборы «на земские повинности», увеличивавшиеся поборами со стороны чиновников и нойонов, оставляло лишь незначительные средства на народное образование или вовсе не предусматривало их. В бюджетах степных дум расходы на содержание школ ограничивались несколькими сотнями рублей или совершенно отсутствовали. Немногочисленные училища, возникавшие в первой половине XIX в. в улусах и деревнях, не раз закрывались из-за недостатка средств.

В начале XIX ст. в деревнях и улусах Восточной Сибири появляются первые начальные школы, которые содержались за счет русских и бурятских крестьянских обществ.

В 1806 г. было основано Онинское бурятское училище (в центре Хоринского ведомства), в 1816 г. — Идинское и Тункинское, в 1818 г. — Селенгинское. Все они находились при степных думах. В бурятских училищах обучали «предметам для приходских училищ положенным и монгольской грамоте». «Класс один, — сообщается в ведомости о состоянии Селенгинского бурятского училища, — обучаются в оном: чтению, письму, первым действиям арифметики, при том читают сокращенный катехизис, священной истории, также чтению из священного писания и монгольской грамоте».[1] Учебное начальство пыталось, однажды, заменить катехизис книгой «о должностях человека», «потому что ученики — не христианской веры», а также ввести обучение по книге «О сельском домоводстве», но вскоре это было отменено, и книга «О должностях человека» опять заменилась катехизисом.

Количество учащихся в первых бурятских школах было незначительно. В Онинском училище обучалось 17 человек, в Селенгинском — 12; возраст их колебался от 8 до 20 лет.

Школы, открывавшиеся в первой четверти прошлого столетия, были при отсутствии твердой материальной базы и соответствующей заботы о них непрочны. В 1804 г. было основано Балаганское бурятское училище; оно просуществовало 7 лет и было закрыто в 1811 г. В 1818 г. его снова открыли, но в 1825 г. учение в нем прекратилось «по недостатку сбора на содержание».

В 1820 г. в Иркутской дирекции насчитывалось 25 училищ, в которых обучалось 862 человека. Распоряжения краевого начальства привели к тому, что через пять лет половина этих школ закрылась. В 1824 г. Совет Главного управления Восточной Сибири постановил: «Освободить сельские общества от обязательства содержать училища».

---

[1] Ф. Кудрявцев. Из истории народного образования в Прибайкалье в первой четверти XIX в. Журн. «Жизнь Бурятии», 1926, № 7—9, стр. 69.

Краевое начальство решило, что они «дорого стоят» (565 р. в год каждое) и «не нужны», так как при сельских церквах есть духовные училища. Против этого решения возражал известный историк Сибири П. А. Словцов, занимавший тогда должность директора училищ Иркутской губернии. Словцов писал, что «на училища употреблялось не более ½ указанной суммы; духовных училищ при церквах он нигде не видел, а слышал, что ссыльно-поселенцы обучают у крестьян детей».[1] При недостатке и даже отсутствии во многих местностях казенных школ русские и бурятские крестьяне по своей инициативе нанимали ссыльных для обучения своих детей грамоте.

Решение краевых бюрократов неблагоприятно сказалось на состоянии школ: в 1825 г. из 25 училищ Иркутской дирекции осталось 13. Что же касается бурятских училищ, то из них наиболее прочными оказались Онинское и Селенгинское.

В 30—40-х годах возобновляются занятия в значительной части прежних и возникает несколько новых училищ. Из школ, в которых обучались бурятские дети, в этот период возникают следующие.

В 1833 г. была учреждена войсковая русско-монгольская школа в Кяхте, переведенная в 1858 г. в Селенгинск. В ней обучались дети русских и бурятских казаков. В числе других предметов преподавались монгольский язык и письменность. В Кяхтинской школе учился будущий ученый, ориенталист Дорджи Банзаров. В 1835 г. он был отправлен с четырьмя своими сородичами в Казанскую гимназию. Селенгинский тайша, который ходатайствовал об их приеме, надеялся, что они впоследствии будут использованы в качестве письмоводителей и других должностных лиц степной думы. Это были первые бурятские дети, поступившие в среднюю школу. Кяхтинская русско-монгольская школа занимала первое место по количеству учащихся бурят; в 1844 г. в ней окончило курс 50 бурятских мальчиков. За ней следовали Онинское и Селенгинское бурятские училища. В 1841 г. организуется первое училище в Агинском ведомстве, в 1844 г. — в Баргузинском, в 50-х годах возникает Кударинское бурятское училище.

Бурятские нойоны и русская администрация стремились, прежде всего, обеспечить обучение детей нойонства. В 1843 г. родовые начальники Хоринского ведомства постановили «допускать для обучения в Онинское училище детей из состоятельных лиц, т. е. заседателей, голов и прочих родоначальников». В 1850 г. смотритель училищ Верхнеудинского округа предлагал тайше Жигжитову в числе мер «к лучшему устроению» Онинского училища следующее: «По мере выбытия учеников, состоящих на общественном содержании, замещать их, по возможности, детьми родовых начальников, как то: голов, зайсанов, заседателей и пр., так как людям этим, имеющим наследственное достоинство, образование более необходимо, нежели простым родовичам». Подобные тенденции приводили к ограничению доступа крестьянских детей даже в начальную школу. В 1856 г. в Верхнеудинском округе

[1] Я. А. Коренпша. Иркутская гимназия с 1805 по 1829 г. Тр. Иркутской ученой архивной ком., вып. 3, Иркутск, 1916, стр. 194.

было три бурятских приходских училища (Онинское, Баргузинское, Кударинское), в которых обучалось 45 учащихся. Онинское бурятское училище являлось единственной школой на все Хоринское ведомство (36 600 жителей). Между тем в этом училище на протяжении всего года обучалось лишь 16 человек. «В Онинском училище, — говорится в отчете школы, — обучают сверх обыкновенных предметов, назначенных для приходских училищ, чтению и письму по-монгольски». Библиотека училища имела 14 книг, «другие же пособия состоят из учебных книг и аспидных досок». Ученикам, оказавшим хорошие успехи, выдавались награды; например, ученик Эрдыни Хоншеев получил 1-ю часть «Монгольской хрестоматии» Ковалевского, Цыгдын Бадмаев — 2-ю часть этой хрестоматии, Сырен Насатуев и Иван Пилов — по экземпляру монгольской грамматики Ковалевского, четыре других ученика — книгу для чтения «Друг детей», «Начатки христианского учения» и «Пространный катехизис». В Баргузинском училище на 1 января 1857 г. состояло 15 учащихся. Из пособий в училище имелись: «Монголо-русско-французский словарь» (3 тома), арифметика, первая часть (11 книг), буквари (5), прописи (7). В Кударинском бурятском училище было 14 учащихся. Учитель этой школы С. Н. Мошенов, сын «оседлого инородца» Хоринского ведомства, окончил Онинское бурятское училище. В Баргузинском бурятском училище, находившемся в урочище Улюне, преподавал сын баргузинского главного тайши, чиновника 14-го класса Хамнаева, Александр Цидеб-Жаб Сахаров, окончивший Верхнеудинское уездное училище. Один из учителей Баргузинского училища Алексей Кормильцев, сын казака бурятского пограничного Сарталова полка, кончил курс учения в Троицкосавской войсковой русско-монгольской школе, а учитель Р. И. Корнаков, сын священника, обучался в Иркутской духовной семинарии. В 1859 г. было основано Цулгинское бурятское приходское училище при Цулгинском дацане. Сначала учителем был здесь шеретуй дацана Ринчин Номтуев, затем Чимыт Цинлунов, уроженец атаганова рода Селенгинского ведомства, учившийся «при Казанской северо-восточной учебной ферме в течение трех лет». В Цулгинском училище обучалось 18 человек. Несколько бурятских мальчиков училось в Верхнеудинском уездном училище. «В уездном училище, — писал Д. П. Давыдов в 1855 г., — обучались и обучаются дети бурят из улусов, отдаленных от города от 150 до 400 верст и даже более». Смотритель уездного училища Давыдов, широко образованный человек, писатель и краевед, «прилагал всевозможные старания об усилении способов к образованию округа, раскинутого на огромном пространстве». Но его просветительные начинания, не имея соответствующей поддержки, не получили широкого распространения. В 1851 г. на 143 200 жителей Верхнеудинского округа приходилось всего 7 школ (1 уездное и 6 приходских училищ), 9 учителей и 216 учащихся. Бурятское население округа, количество которого определялось в 75 500 человек, имело лишь 66 учащихся. Школы, возникавшие в первой половине XIX в. в западных бурятских ведомствах, действовали с большими перебоями, то открываясь, то закрываясь. Сравнительно более прочные училища учреждаются в бурятских

ведомствах Иркутской губернии с 60-х годов XIX в. В эти годы возобновляются Балаганское, Идинское и Аларское училища (в 1861 г.); возникают Усть-Ордынское, Хоготовское (в 1861 г.), Нукутское (в 1865 г.).

Пионеры просвещения

Пионерами просвещения среди бурят были немногие улусные грамотеи, обучавшие грамоте своих соплеменников, бурятские и русские учителя и, наконец, политические ссыльные — декабристы. К сожалению, о деятельности этих скромных тружеников культуры имеются в нашем распоряжении лишь краткие и отрывочные сведения. Среди немногих работников просвещения были талантливые и преданные своему делу люди; например, учитель Онинского училища Банзар Норбоев, по характеристике Д. П. Давыдова, «по усердию своему и способностям один из лучших бурятских учителей; в течение своей трехлетней службы он усердно занимался своим делом; хорошие ученики его (а их в училище не мало) знают даже более, чем требуется от учеников приходского училища». Норбоев, кроме педагогической деятельности, занимался изучением этнографии и фольклора. В 1866 — 1867 гг. он опубликовал в «Иркутских губернских ведомостях» и «Забайкальских губернских ведомостях» ряд статей этнографического характера: «Легенда о происхождении хоринских инородцев», «Браки бурят-хоринцев», «Бурятские пословицы и поговорки, песни и сказки». По поручению Давыдова Норбоев составил описание быта хоринцев. Известно также, что он «переводил историческое описание происхождения бурят Селенгинского ведомства», написанное на монгольском языке. Учителя Баргузинского и Кударинского бурятских училищ Роман Цыримпилов и Сахаров так же, как Норбоев, описали быт местного населения.

В 60-х годах XIX в. Ринчином Номтуевым был составлен «Самоучитель, или русская азбука, для учеников монголобурятских», изданный в Казани в количестве 400 экземпляров. В «Самоучителе» с параллельным текстом на русском и бурятском языках имелись следующие разделы: «Алфавит», «Слоги из двух букв», «Слова односложные», «Двухсложные слова», «Трехсложные слова», «Четырехсложные слова», «Упражнение в чтении по слогам», «Нравоучительные изречения», «Некоторые сведения из жизни природы», «Арифметические сведения». Смотритель училищ Верхнеудинского округа считал учебник Номтуева «составленным по новому методу» и «весьма полезным». Учебник применялся в бурятских школах.

В 60-х и начале 70-х годов протекала деятельность талантливого учителя бурятской школы при Балаганской степной думе Николая Болдонова, высокую оценку работы которого дал А. П. Щапов. Болдонов составил русско-бурятский букварь, изданный в 1866 г., и перевел на бурятский язык брошюру «Мироздание». Он вел с крестьянами систематические беседы по естествознанию и другим вопросам. Болдонов рассказывал Щапову, что бурятские крестьяне «начинают сознавать важность и даже необходимость грамоты». Они говорили, что без грамоты везде трудно, всюду требуют разные расписки и пр.

В конце XVII и начале XVIII в. к забайкальским бурятам начинает проникать монгольская письменность. В 1685 г. в Иркутский острог прибыли посланцы калмыцкого Бушухту-хана. Послы привезли с собой грамоту «на мунгальском языке». Она была переведена на русский язык, как сообщал иркутский воевода, «братским человеком Сарбайко». Таким образом и тогда встречались отдельные грамотеи, знавшие монгольскую письменность.

Ламы стремились монополизировать ее, использовать для своих целей, но монгольская грамота распространялась и вне дацанов. Среди бурятского населения существовали странствующие учителя (ябган-бакши). Они странствовали из улуса в улус, обучая грамоте. Монгольская письменность преподавалась в Онинском и Селенгинском бурятских училищах и в Кяхтинской русско-монгольской школе. Об улусных грамотеях сообщает В. Паршин, изучавший быт забайкальских бурят в 40-х годах XIX в.: «Хотя на природном языке их нет почти вовсе печатных книг, да и из рукописных книг книги духовного содержания большею частью писаны по-тибетски, однако они любят и сами почитать и послушать чтение, особенно повестей и рассказов. Наиболее любимые ими сказания суть: о Богдозон-хане, о Гесер-хане, об Арджи-Боржи-хане, о Шиндэчу-Гэчуре и многие другие. Есть у них также охотники и мастера писать, т. е. переписывать, которые, несмотря на азиатский обычай производить это дело, при отсутствии столов и скамеек, скорчась на колени, борзо и красиво усыпают китайскую тонкую бумажку крючковатыми письменами, находящимися в общем употреблении у монголов».

Повестями и рассказами Паршин называл эпические сказания. Одни из них заимствовались, переписывались, переводились с монгольских, тибетских рукописей и ксилографов, другие представляли собою произведения бурятского фольклора. Паршин упоминает о «народных поэтах, слагающих песни, которые составляют утешение и гордость улусов. В этих песнях много воображения, а часто блещет и истинное, неподдельное чувство».[1]

В Агинской и Тургинской степях, например, особенно славилась лирическая песня «Кударин-цаган-челон» («Кударинский белый камень»). Приведем текст этой песни в переводе Паршина:

На степи Кударинской лежит белый камень. От времени он глубоко врос в землю и покрыт седым мхом.

Кем положен он, никто не знает, не запомнят и самые старые старики. Давно там лежит белый камень; давно он оброс седым мхом. У того камня прощался с своей любезной молодой Гонсурук Бадма. Он уезжал в дальний путь к тайше селенгинскому.

Горько плакала, прощаясь с ним, нежная Майдарэ. Как цепкий плющ, обвившись вокруг своего друга, она не могла с ним расстаться.

— Не плачь, — говорил ей Бадма, утешая. — Я не забуду тебя, милая, и скоро ворочусь назад. Береги перла ясных очей твоих. Скорее вода, заструясь по этой сухой песчаной степи, подтечет под этот камень. Скорее, чем я забуду тебя, милая.

[1] Монголо-буряты в Нерчинском округе Иркутской губернии. Журн. Мин. внутр. дел, 1843, ч. 3, № 7, стр. 3—47.

И он с трудом вырвался из объятий Майдарэ. Он дал волю своему быстрому бегуну.

На степи Кударинской лежит белый камень. От времени он глубоко врос в землю и покрыт седым мхом.

Кругом сухая песчаная степь. Вода не подтекала под белый камень. А Бадма забыл свою Майдарэ.

Долго бедная плакала и ждала своего друга. У белого камня, при светлой луне, часто видели, как стояла она.

Она стояла, как дух, неподвижно. Она прислушивалась: не раздается ли знакомый топот коня, не возвращается ли ее милый друг.

Но он забыл ее.

И вот в одно утро, у белого камня, нашли Майдарэ мертвою. Слезы еще не высохли на ее закрытых ресницах.

На камне сидела прекрасная птичка, с золотыми перышками. Она высоко взвилась на воздух и жалобно запела, погружаясь все дальше и дальше в небесную глубь.

Старые люди говорят: то была душа бедной, прекрасной Майдарэ.

Из популярных эпических произведений Паршин упоминает сказания о Гесер-хане. Речь идет о знаменитом памятнике монгольско-тибетской литературы — «Гесериаде» («Сказание о милостивом Гесер Мерген-хане, искоренителе десяти зол в десяти странах света»). О существовании списков «Гесериады» в Забайкалье сообщается еще в документах, относящихся к двадцатым годам XVIII в. Известно, что тогда один из списков этого сказания использовался при обучении монгольскому языку в Иркутской русско-монгольской школе (при Вознесенском монастыре).

Кроме переписки старых рукописей, бурятские «книжники» сами производили записи народных сказаний, песен, сказок, пословиц. Таким собирателем был, например, «старец-книжник» Санджал Дандаров, имевший «интересное собрание монголо-бурятских пословиц». Народные предания широко использовали бурятские летописцы. В совокупности в XIX в. различались следующие памятники бурят-монгольской письменности светского характера: «записки исторического характера (летописи, хроники), песни, сказки, частные письма и деловые бумаги» (официальная переписка, записи «степных законов», постановления сугланов и пр.). Среди литературных произведений первое место принадлежало летописям-хроникам.

Самым ранним произведением летописно-хроникального характера считается краткая история монголов и бурят (без особого заглавия), составленная в 1814 г. Лубсановым. В 1839 г. была написана Дорджи Тарбаевым небольшая история хоринских бурят. Тарбаев считался талантливым юристом. В 40-х годах XIX в. появляется ряд небольших исторических записок (анонимная история хоринских бурят, относящаяся к 1840 г., исторические записки Цэвэнова и Аюши Сахиева). Более подробные летописно-хроникальные произведения относятся уже ко второй половине XIX в. [1] В этот период появляются летописи-хроники Ломбо Церенова, Тугултур Тобоева, Вандана Юмсунова, Хабитуева и др.

[1] Летописи хоринских бурят, вып. 1, Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова. Текст издал Н. Н. Поппе. Изд. Акад. Наук СССР, 1935.

Для передачи бурятских слов употреблялись монголо-уйгурский и русский алфавиты, причем первый имел распространение среди забайкальских бурят, почти не проникая к западным. В 30 — 40-х годах учителя Балаганского ведомства Яков Болдонов, Матвей Мухусаев и Алексей Николаев «принимались за составление бурятского алфавита (видимо, на основе приспособления русских букв к передаче бурятской речи, — *Ф. К.*) и за переводы. Но они оказались одинокими зачинщиками крупного дела, им не было оказано никакой поддержки».

В 1830 г. буряты впервые встретились с декабристами, среди которых они нашли друзей, учителей, помощников и, наконец, исследователей своего быта. Первая встреча произошла во время перехода декабристов через бурятские степи из Читы в Петровский завод.

Декабристы интересовались бытом бурятского населения, подробно расспрашивая местных жителей, наблюдая во время пути окружающую обстановку. В дальнейшем, выйдя на поселение, некоторые из декабристов еще длительнее и теснее сблизились с бурятским крестьянством. В этом отношении особенно интересна деятельность декабристов Бестужевых и К. П. Торсона в Селенгинском районе и Кюхельбекеров в Баргузине.

Декабристы интересовались бытом бурятского населения, подробно

ками просвещения, более прогрессивных для того времени способов хозяйствования и вообще пионерами культуры. Повсюду они пытались пробуждать стремление к знанию. Разговоры об этом происходили еще во время невольного путешествия декабристов из Читы в Петровский завод. «Тесная юрта, — пишет В. И. Штейнгель, — Каморник Дундук — опытный философ и Далай — молодой бурят, хорошо говорящий по-русски. Весь вечер толковали с ними. Я старался внушать им понятие о выгоде быть грамотным. Далай восхищался, переводил Дундуку, который осклаблялся от удовольствия, слыша новые для него истины».[1]

В 1837 г. в Селенгинске поселился К. П. Торсон, а в 1839 г. туда же прибыли на поселение Николай и Михаил Бестужевы, установившие дружеские отношения с местным бурятским населением. «Кругом нас живут добрые буряты, почти все народившиеся на наших глазах. Старики нас любят и уважают», — писал М. А. Бестужев.[2] О любви старых и малых селенгинцев к Бестужевым и Торсону рассказывала в 1926 г. старушка Жигмыт Анаева, помнившая декабристов.[3]

Бестужевы оказывали содействие бурятской молодежи, учившейся в русско-монгольской школе (сначала находилась в Кяхте, затем была переведена в Селенгинск), снабжая ее книгами и другими пособиями. Некоторые из этих книг сохранились до настоящего времени. Селен-

[1] В. И. Штейнгель. Дневник достопамятного нашего путешествия из Читы в Петровский завод 1830 года. Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М., 1925, стр. 145.

[2] Декабристы М. и К. Бестужевы. Письма из Сибири, вып. 1. Ред. и прим. М. К. Азадовского. Иркутск, 1929.

[3] В. В. Попов. Декабристы К. П. Торсон и братья Бестужевы по воспоминаниям селенгинской бурятки Жигмыт Анаевой. Сб. «Декабристы в Бурятии», Верхнеудинск, 1927, стр. 99—101.

гинцы берегли их, как семейные реликвии. В Архивном отделе Бурят-Монгольской АССР хранятся три книги, переданные одним из селенгинских крестьян (бурятом по национальности): две из них — повести и рассказы декабриста А. А. Бестужева-Марлинского с надписью на каждой книге, что она подарена такому-то ученику русско-монгольской школы М. А. Бестужевым, за отличные успехи и поведение; третья книга — роман Вальтер-Скотта «Айвенго» с надписью «смотрел Лепарский». Генерал Лепарский был комендантом Петровско-заводской тюрьмы во время пребывания там декабристов. Он просматривал книги, поступавшие для них, и делал отметки о просмотре. Следовательно, третья книга также принадлежала декабристам. Все эти книги являются немыми свидетелями культурного влияния Бестужевых, занимавшихся еще в Петровском заводе педагогической деятельностью.

Просветительная деятельность, которую вели декабристы в Сибири, показалась для царской администрации «опасной». Генерал-губернатор Восточной Сибири, заявив о том, что он желает «отвратить вредное влияние таких учителей на умы учеников», предписал губернаторам «обратить на это особенное внимание и положить предел злу». Подобные распоряжения мракобесов не могли уничтожить живительное и плодотворное влияние декабристов на умы своих учеников, но чрезвычайно стеснили педагогическую деятельность этих пионеров просвещения в Сибири.

Братья Бестужевы и Торсон много сделали для распространения среди бурятских крестьян ремесленно-технических знаний. М. А. Бестужевым был устроен особый легкий экипаж, приспособленный для езды по горным дорогам Прибайкалья («сидейка» или «бестужевка»). С целью распространения этого экипажа Бестужев устроил мастерскую для изготовления «сидеек», в которой работало под его руководством до 30 молодых бурят. Кроме того, Бестужев организовал часовую, ювелирную и оптическую мастерскую. Мастерская, в которой изготовлялись сидейки, была в то же время ремесленной школой: работавших там молодых бурят М. А. Бестужев обучал столярному, слесарному, кузнечному и другим ремеслам.[1] Из учеников Н. А. Бестужева особенно выдвинулся Убугун Сарампилов. Еще находясь в Петровском заводе, Н. Бестужев соорудил небольшую ремесленно-учебную мастерскую. Узнав об этом, Сарампилов, имевший склонность к занятиям ремеслами, приехал к Бестужеву, чтобы поучится у него. М. А. Бестужев познакомил его с приемами работы, машинками и орудиями часового и слесарного мастерства, дал ему возможность снять с них рисунки. По окончании занятий Сарампилов уехал, получив несколько инструментов, сталь, осколки толстых зеркальных стекол и музыкальную табакерку с испорченным механизмом. По приезде в Селенгинск Бестужевы были поражены техническими успехами своего ученика. Осколки были превращены Сарампиловым в стекла зрительных труб и биноклей, имевших хорошее качество и начавших поступать в продажу. Сарампилов подарил Бестужевым

[1] В. П. Гирченко. Декабристы братья Бестужевы на поселении в Селенгинске. Сб. «Декабристы в Бурятии», Верхнеудинск, 1927, стр. 1—8.

свои изделия: подзорную трубу и изящно сделанное огниво с тисненным серебряным украшением. Музыкальная табакерка была не только исправлена, но получила также дополнительное приспособление.

По воспоминаниям П. Першина, «распространение ремесел в Забайкалье, в особенности в степях, между бурятами, всецело принадлежит Н. А. Бестужеву. Старожилы-буряты хранят о нем до сих пор благодарную память».[1] Утверждая, что распространение ремесел «всецело принадлежит Н. А. Бестужеву», Першин допускает, конечно, преувеличение, но значительная роль братьев Бестужевых и К. П. Торсона в распространении ремесленно-технических знаний в Забайкалье не вызывает никаких сомнений. «Бурят требует только формы, — писал декабрист Розен, — так называет он модель или образец, и делает по ней, как нельзя лучше».[2] Эти «формы» и давали им декабристы.

Бурятские мастера не ограничивались подражанием готовым образцам, но усовершенствовали их и проявляли собственную инициативу. Из этих мастеров, кроме слесаря и оптика (изготовление подзорных труб и биноклей) Убугуна Сарампилова, славился кузнец Цыден Бакланыч, один из друзей декабристов. «Во всем здешнем крае, от Верхнеудинска до Кяхты, по левому берегу Селенги, нет кузнеца искуснее Бакланыча; зато работы у него полны руки», — писал Н. А. Бестужев. В руках этого кузнеца, например, топор, сделанный им, становился универсальным инструментом. По описанию Бестужева, Цыден Бакланыч «делает этим топором все, на удивление иностранцев. Топор заменяет ему и пилу, и струг, и клещи, и молоток, и даже ватерпас; топорище его сделано со смыслом; это не простая березовая палка, воткнутая в продушину топора; это хитрая кривая линия, которая, кроме того что дает ловкость действию, такова, что если взять топор за кончик топорища, то носок топорища должен быть на отвесной линии с лезвием; обух топора наварен сталью для вбивания гвоздей, а если понадобится вытащить гвоздь, то он ущемляет в угол язычка под топорищем и самим топором».[3] Узкое лезвие клинообразного топора и длинный рычаг топорища облегчали труд и давали возможность проделывать более сложную и тонкую работу.

Несмотря на все старания и способности ремесленных мастеров, их возможности были ограничены пределами физической силы человека и примитивностью инструментов. В таком же положении находился и труд земледельцев. Над проблемами устройства машин, «облегчающих и упрощающих тяжелый труд земледельческий», стал упорно работать К. П. Торсон. Находясь на поселении в Селенгинске, он надеялся осуществить проекты, обдуманные еще в период пребывания в тюрьме, — «основать по своему проекту мукомольную мельницу, крупчатку, молотильню и веялку с одной действующей силою и потом образовать механическое

---

[1] П. Першин-Караксарский. Воспоминания о декабристах. Исторический вестник, 1908, XI, стр. 543.

[2] Розен. Записки декабриста. М., 1900, стр. 112.

[3] Н. А. Бестужев. Гусиное озеро. Сб. «Декабристы в Бурятии», Верхнеудинск, 1927, стр. 65.

заведение для снабжения всего края механическими орудиями по всем отраслям сельского хозяйства».[1]

Еще в 1834 г. Торсон, составив проект упрощения молотильной машины, отправил чертежи и описание сестре, которая «отдала их на пользу общего употребления».

Ко времени приезда Бестужевых в Селенгинск К. П. Торсон уже приступил к осуществлению своих технических планов. Почти наполовину было готово устройство механической молотилки, веялки, крупчатки. Торсон мечтал уже по получении дохода от мельницы «устроить большую мастерскую для приготовления разных земледельческих машин и стараться ввести их в употребление в Сибири». Наконец была построена первая в Забайкалье молотильная машина. Молотильню пустили в ход, и после нескольких проб, «когда жители увидели в полной мере ее пользу», начали успешно молотить хлеб. Однако этот успех Торсона омрачился в дальнейшем неудачей: «По просьбе земледельцев, — рассказывает Торсон, — я решился устроить молотильную машину. По недостатку мастеровых работа подвигалась до конца октября, машина была поставлена на берегу реки для удобнейшего подвоза хлеба. После нескольких проб, когда жители увидели в полной мере ее пользу... начали молотить хлеб, то люди, незнакомые в обращении с машинами, незамедлили ее сломать».[2]

Поломка машины, на которую возлагалось так много надежд, привела Торсона в отчаяние. Он надеялся, что машина принесет ему доход, необходимый для выполнения дальнейших технических планов. Скудные средства Торсона иссякли, никакой поддержки он не получал. «Я бы сжег эту машину, которая укором торчит перед моим домом, если бы я не боялся сжечь и дом», — разочарованно говорил он своим друзьям Бестужевым.

Бестужевы, Торсон, Кюхельбекеры занимались земледелием, огородничеством, скотоводством. В Селенгинске, Баргузине и в других местах Сибири декабристы выступали как носители прогрессивных для своего времени приемов ведения сельского хозяйства. Декабристы сближались с местным бурятским и русским населением, помогали советами и материально, обучали детей, оказывали медицинскую помощь. М. К. Кюхельбекер устроил в своем доме в Баргузине больницу и успешно лечил местных жителей. «У Бестужевых, — рассказывала Жыгмыт Анаева, — была домашняя аптечка. Кто бы ни захворал, бурят или русский, — все обращались к Михаилу Александровичу и он давал лекарства у себя дома и в улус... Катерина Петровна (сестра декабриста Торсона) лечила больных и шибко (очень) помогала больным глазами».[3]

Декабристы внесли ценный вклад в изучение Сибири. Н. А. Бестужев изучал природу Селенгинской Даурии, хозяйство и быт бурятского

---

[1] Ф. А. Кудрявцев. Декабрист К. П. Торсон в Забайкалье. Сб. «Декабристы в Бурятии». Верхнеудинск, 1927, стр. 84.

[2] Там же, стр. 86.

[3] В. В. Попов. Декабристы К. П. Торсон и братья Бестужевы по воспоминаниям селенгинской бурятки Жигмыт Анаевой. Сб. «Декабристы в Бурятии», Верхнеудинск, 1927, стр. 99—101.

населения. Разультаты своих изучений он изложил в очерке «Гусиное озеро», и в статье «Бурятское хозяйство». Немало интересных сведений сообщается также в воспоминаниях, дневниках и письмах братьев Бестужевых, К. П. Торсона, В. К. Кюхельбекера, А. Е. Розена, В. И. Штейнгеля и других декабристов.

Причины культурной отсталости

Ревнители просвещения среди бурят не имели возможности широко развернуть свою деятельность. Она протекала в тяжелых условиях далекой сибирской провинции. Господствовавшая верхушка сибирского общества (чиновники, купцы, золотопромышленники, нойоны и кулаки, духовенство) заботилась не о культурном развитии края, а о своей наживе за счет эксплоатации трудового населения. В этом отношении очень характерны следующие стихи неизвестного иркутского поэта первой половины XIX в.:

У нас теперь в Сибири два предмета:
Мозольный труд, да деловой расчет,
Нам нужен хлеб да звонкая монета,
Так любовное едва ль на ум пойдет.
Купец сидит, как филин на прилавке,
Его жена чаек с кумою пьет,
Чиновный класс хлопочет о прибавке
И прочного гнезда себе не вьет:
Сегодня здесь, а завтра за Уралом.
Кто нажился, тот едет генералом,
Кто не сумел, тот с посохом идет.[1]

Царская администрация и духовенство подавляли живые ростки просветительной деятельности, направленной к распространению просвещения на родном языке. В 1847 г. по общественной инициативе в Балаганске было открыто бурятское двуклассное училище, в котором среди других предметов преподавали монгольскую письменность и бурятский язык. На это обстоятельство обратило внимание духовенство и училище было закрыто.

А. П. Щапов в 60-х годах XIX в. указывал, что в Сибири «нет хороших междуплеменных школ. Если иногда и устраивались по местам кое-какие школы, то они не развивали и не распространяли предварительно в молодых инородческих поколениях общечеловеческих начал просвещения, нисколько не затрагивали и не развивали в них живых умственных и нравственных потребностей общечеловеческого, братского соединения, нисколько не затрагивали и не развивали в них тех живых общечеловеческих умственных симпатий и влечений, которые необходимо обусловливают общечеловеческое развитие и братский союз племен. Школы эти только прямо и большей частью грубо подрывали коренные, естественные основы племенных особенностей. Поэтому многие сибирские инородцы смотрели на учреждавшиеся для их детей русские школы не как на средство необходимого, общечеловеческого умственного объедине-

[1] М. Александров. Воздушный тарантас. Сб. статистико-экономических сведений о Сибири. СПб., 1876.

ния с русской народностью, а как на прямое орудие совершенного, радикального искоренения народности, при том в самых зародышах или семенах ее — молодых поколениях». Основной недостаток этих школ заключался, по мнению Щапова, в их «антинациональности». Царское правительство преследовало преподавание на родном языке, стремилось подавить, искоренить «основы племенных особенностей», насильно руссифицировать народы Сибири, привести их к безотчетному и беспрекословному повиновению самодержавию и церкви. Об этом довольно откровенно заявляли агенты царской власти — миссионеры: например, епископ Вениамин писал, что «православие должно вести борьбу не просто с чужой верою, но и с чужою национальностью, с нравами, привычками и со всею обстановкою обыденной жизни инородцев».

Буряты неоднократно обращались с ходатайствами о допущении бурятских мальчиков в Иркутскую учительскую семинарию, выражая даже готовность содержать их за свой счет, но все эти ходатайства «получали всегда один ответ, что в Иркутскую семинарию принимаются только лица православного вероисповедания». «Буряты не могли себе объяснить,—писал В. Кирьяков,—зачем им, желающим учиться светским наукам, непременно нужен православный учитель». В Забайкальской области буряты с радостью встретили в 60-х годах известие об открытии в Чите пансиона и собрали в его пользу значительную сумму денег (одни хоринцы пожертвовали 38 000 р.). Когда пансион открылся, из бурятских ведомств было отправлено для обучения в нем 30 мальчиков на содержание которых ассигновались особые средства. В 1868 г. в пансионе было открыто 4 класса. Бурятские мальчики, учившиеся в нем, оказывали хорошие успехи. Но «в 1869 г. пансион неожиданно закрылся, так как была обнаружена огромная растрата денег, собранных начальством в пользу этого учебного заведения».

В 1864 г. агинские буряты составили приговор об основании при училище общественной библиотеки и отпустили средства на ее содержание. Библиотека стала функционировать, но в дальнейшем ее закрыли.

«Буряты не жалели денег, — писал В. Кирьяков, — изъявляли готовность на пожертвования, лишь бы им были открыты пути к просвещению, но в ответ на подобные ходатайства неизменно получались или отказы, или формальные отговорки, ничего не объяснявшие и откладывавшие разрешение этого назревшего вопроса на неопределенное время». Средства, собранные для просветительных целей, расходовались чиновниками и нойонами.

«Огонек грамотности в Сибири долго горел и не разгорался», — писал сибирский историк П. А. Словцов. Этот огонек глушили эксплуататорские классы, державшие народ в темноте. Они боялись, что просвещенный народ лучше поймет свое безотрадное положение, свои интересы и будет энергичнее бороться за свое освобождение. Политика царизма по отношению к народам России тормозила их экономическое и культурное развитие. Сущность этой политики характеризовал И. В. Сталин в 1921 г. в тезисах к X съезду РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе»:

«РСФСР и связанные с нею советские республики представляют около 140 миллионов населения. Из них невеликороссов около 65 миллионов (украинцы, белоруссы, киргизы, узбеки, туркмены, таджики, азербайджанцы, поволжские татары, крымские татары, бухарцы, хивинцы, башкиры, армяне, чеченцы, кабардинцы, осетины, черкесы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, калмыки, карелы, аварцы, даргинцы, казикумухцы, кюринцы, кумыки, мари, чуваши, вотяки, немцы Поволожья, буряты, якуты и др.). Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности руссифицировать их. Результаты такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов». [1]

Яркий свет просвещения озарил трудящихся лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, обеспечившей на основе Ленинско-Сталинской национальной политики расцвет национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

---

[1] И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник статей, Партиздат, 1937, стр. 69.

Глава XIV

ПЕРВЫЙ БУРЯТСКИЙ УЧЕНЫЙ ДОРДЖИ БАНЗАРОВ (1822—1855 гг.)

«Среди молодых поколений сибирских, — писал А. П. Щапов, — гибнет множество Ломоносовых, Банзаровых».[1] Щапов не случайно сопоставил две эти фамилии: М. В. Ломоносов считается первым русским ученым, а Д. Б. Банзаров — первым бурятским ученым. Оба они вышли на дорогу научной работы из крестьянской среды.

Дорджи Банзаров родился в 1822 г. в одном из улусов в долине р. Джиды, в пределах современного Джидинского района Бурят-Монгольской АССР. В 1832 г. он был отдан родителями в Кяхтинскую русско-монгольскую школу, по окончании которой определен в 1835 г. с четырьмя другими бурятскими мальчиками в 1-ю Казанскую гимназию с целью подготовки из них переводчиков и писцов для Селенгинской степной думы. В 1842 г. Банзаров с успехом оканчивает гимназию и поступает в Казанский университет. Здесь он уделяет главное внимание изучению восточных языков и вместе с тем истории, географии и этнографии Центральной Азии.

По свидетельству ученых-востоковедов, современников Дорджи Банзарова, он, кроме монгольского языка, «ревностно занимался калмыцким, маньчжурским и санскритским, в которых имел весьма основательные сведения»,[2] изучал также турецкие языки. Из европейских языков Банзаров свободно понимал сочинения на немецком, английском, французском и латинском языках. Он не был, однако, лингвистом по своей научной специальности; знание языков являлось для Дорджи Банзарова лишь средством углубленного изучения истории и этнографии народов Центральной Азии. Занимаясь наукой, Банзаров интересовался вопросами современной ему общественной жизни. «При светлой голове, — писал друг Дорджи Банзарова, ориенталист Савельев, — ему понятны были самые утонченные вопросы и требования эрудиции и во всех своих суждениях... обнаруживал он сочувствие современным идеям, соучастие в жизни и движениях человечества».[3]

Во время пребывания в университете Банзаров помогал монголисту Бобровникову в его работе по составлению монголо-калмыцкой грамма-

---

[1] А. П. Щапов. Памяти М. В. Ломоносова. Сочинения А. П. Щапова, т. I, стр. 16—23.

[2] П. Савельев. О жизни и трудах Д. Банзарова. Зап. Археолог. общ., т. IX, СПб., 1856, стр. 9.

[3] То же, стр. 78.

тики. В этот же период он перевел с французского на монгольский язык «Странствования китайского буддиста IV в. по имени Фа-Сяня». С научно-популярной целью Банзаров написал на монгольском языке «Всеобщую географию» и «Монгольскую грамматику». Он надеялся, что эти книги будут полезны для его соплеменников, но они не появились

Рис. 13. Д. Б. Банзаров.

в печати. Рукописи были переданы проф. О. М. Ковалевскому и сгорели вместе с его бумагами в Варшаве.

В 1846 г. в «Казанских губернских ведомостях»[1] была опубликована статья Д. Банзарова «Белый месяц. Празднование Нового Года у монголов». Эта статья, ставшая теперь библиографической редкостью, имеет историко-этнографический интерес.

[1] 1846, № 30.

Празднование Белого месяца Д. Банзаров относит к древнейшим обычаям Средней Азии, предшествовавшим эпохе Чингис-хана. Этот праздник отмечался и его потомками. Д. Банзаров приводит описание праздника Нового года при Пекинском дворе, сделанное известным путешественником XIII в. Марко Поло (Китай находился тогда под властью монгольских ханов). Это описание, по мнению Д. Банзарова, «верно изображает богатство и великолепие Хубилаева двора, который уже начал во времена Марко Поло подчиняться уставу десяти тысяч церемоний». Интересно заметить, что «путешественник величает монгольских князей титулами феодальных владетелей Европы своего времени» (короли, герцоги, бароны). В самой праздничной церемонии ярко выявлялась феодальная иерархия, напоминающая русское «местничество»: каждый занимает свое место «сообразно своему званию и важности исправляемой им должности».

С распространением ламаизма ламы приспособили празднование Нового года к своим религиозным верованиям. «Когда буддизм проник в Среднюю Азию, что случилось в половине XIII ст., — пишет Д. Банзаров, — то ламы ввели в употребление между номадами свой календарь, перенесли Белый месяц к концу зимы и соединили его с воспоминаниями своей веры». Статья заканчивается кратким описанием праздника Белого месяца у современных Д. Банзарову монголов.

В 1846 г. Д. Банзаров окончил университет и был намечен преподавателем истории в Казанской гимназии. При окончании университета им была представлена кандидатская диссертация на тему «Черная вера, или шаманство у монголов», опубликованная в «Ученых записках Казанского университета». Эта работа, являющаяся первым систематическим исследованием о шаманстве, обратила серьезное внимание ученых.

Работа Д. Банзарова, бывшая для своего времени последним словом науки в области изучения шаманства, устарела теперь в методологическом отношении. Но при соответствующей обработке на основе марксистско-ленинской методологии ряд историко-этнографических материалов, систематизированных Д. Банзаровым в «Черной вере», представляет значительную ценность и для нашего времени.

Во времена Д. Банзарова вопрос о шаманстве не был разработан. Как указывает П. С. Савельев, Банзаров «должен был рыться в монгольских рукописях, соображать и поверять отрывочные показания русских и западноевропейских путешественников, известия, встречающиеся в маньчжурских богослужебных книжках», сочинения китайских писателей. Он пользовался также личными воспоминаниями и рассказами бурят Никитуева и Гомбоева, бывших лекторами Казанского университета, о бурятском шаманстве.

Для Д. Банзарова было характерно тщательное изучение источников, всестороннее критическое отношение к ним. Он не ограничивался, подобно некоторым историкам и этнографам, простым собиранием и описанием фактов, но стремился выявить возможно более четко причинную связь и закономерность изучаемых явлений. «Светло и философически понимал свой предмет юный кандидат, только что оставивший университетскую скамью, а десять лет тому назад, дитя природы, росший среди

стад родимых степей», — так характеризовал работу Банзарова крупный ориенталист 40—50-х годов XIX в. Савельев.

В начале своего труда Д. Банзаров указывает, что исследователи истории народов Центральной Азии главное внимание обращали на военные дела монголов, мало интересуясь изучением их нравов, обычаев, религиозных верований. В частности «черная вера» или шаманство, которого придерживались монголы до распространения ламаизма, «не обращала на себя внимания ученых». Ни у европейцев, ни у монголов не было сочинения, содержавшего достаточно полное, систематическое изложение вопроса о «черной вере», имелись только отрывочные сведения. Первым научным трудом, систематически освещавшим этот вопрос, и была работа Д. Банзарова.

Поставив основной для разрабатываемой темы вопрос о происхождении шаманства, Банзаров отвергал существовавшие мнения о том, что оно имело общее начало с брахманизмом, буддизмом, учением китайского философа Лаоцзы, или зароастризмом. Банзаров доказал, что шаманство возникло независимо от этих религиозных систем, и стремился выявить объективные условия, вызвавшие возникновение «черной веры». «Нет нужды, — писал Д. Банзаров, — выводить шаманство из религиозных систем, вовсе ему чуждых. Ближайшее знакомство с предметом показывает, что так называемая шаманская религия, по крайней мере у монголов, не могла произойти от буддизма или другой какой-нибудь веры, что она сама собою могла возникнуть в народе и состоит не в одних суевериях и обрядах, основанных только на шарлатанстве шаманов. Черная вера монголов произошла из того же источника, из которого образовались многие древние религиозные системы; внешний мир — природа, внутрений мир — дух человека, и явления того или другого — вот, что было источником черной веры». С точки зрения Д. Банзарова, шаманство возникло в результате воздействия на людей явлений природы и одухотворения «наших страстей, способностей и действий». Под «внутренним миром — духом человека» — Банзаров понимал явления человеческой психики. Он указывает, что небо, как высший представитель сил природы, является в шаманстве «верховным божеством, источником жизни, которую земля — второе божество в черной вере — только проявляет и поддерживает; необходимым следствием боготворения неба и земли было почитание солнца, луны, звезд, некоторых воздушных явлений, огня, гор, рек и т. п.». С другой стороны, в шаманстве почитаются «тенгри, или второстепенные боги», являющиеся представителями человеческих страстей, способностей и действий. «Наконец, — указывает Д. Банзаров, — темное понятие о бессмертии души и будущей жизни произвело онгонов, которые суть не что иное, как обожаемые души умерших людей». В некоторых случаях Банзаров объясняет шаманские представления влиянием кочевого быта, например, он указывает, что ряд тенгри изображает главные стихии жизни кочевника-монгола — скотоводство и войну.

В своей работе Д. Банзаров выявляет, «как фантазия народа развивала и в какие формы облекала» основные элементы шаманства. Один из разделов Банзаров посвящает вопросу о шаманах, указывая, что про-

исхождение их относится к глубокой древности. Самое слово шаман он объясняет следующим образом: «Оно не что иное, как манчжурское „саман", которое у некоторых тунгусских племен в Сибири произносится, вероятно, „шаман". „Саман" происходит от корня „сам", причем значение слов с этим корнем выражает беспокойство, возмущенное состояние, следовательно „саман" означает человека взволнованного, исступленного». Банзаров дает характеристику роли шаманов.

Работа Д. Банзарова была значительным шагом вперед в изучаемой им области. Отвергнув примитивное объяснение шаманства как отголоска какой-либо другой религиозной системы, Банзаров поставил вопрос об изучении объективных условий, вызвавших возникновение шаманства. Дав систематическое изложение вопроса об основных элементах последнего, Д. Банзаров облегчил работу исследователей более позднего времени. Но, вместе с тем, в наше время мы можем отметить и ошибки во взглядах Д. Банзарова. Последний полагал, что природа воздействует на общество непосредственно. Между тем, как доказали основоположники марксизма, природные условия воздействуют на общество не прямо, а через производительные силы и социально-производственные отношения. Совокупность же этих отношений и составляет основу, которой соответствуют определенные формы общественного сознания.

Д. Банзаров полагал, что явления человеческой психики нашли свое отражение в религиозных представлениях. Но он не мог понять зависимости человеческих представлений, в том числе и религиозных, от общественного бытия, определяющего общественное сознание. На шаманизме также отразилась социальная обстановка, в которой он развивался. Примеры для иллюстрации этого положения мы найдем в той же «Черной вере». Земля, например, почиталась у шаманистов потому, что от ее плодородия зависело благосостояние скотоводческого хозяйства. «Ее умоляли, — пишет Д. Банзаров, — о плодородии почвы и других предметах, составляющих материальное счастье человека». Главным качеством божества земли Этуген считалась производительность, «которая является в ней от влияния неба». Отсюда почитание неба (тенгри) и небесных светил. Не приходится особенно доказывать причины почитания огня, играющего значительную роль в жизни людей. Выше мы приводим указание Д. Банзарова на то, что некоторые из тенгриев являлись отражениями главных «стихий» жизни монголов — скотоводства и войны. Почитались тенгри, считавшиеся покровителями стад и имущества, дарующие здоровье и счастье.

Интересно, что в сочинении Д. Банзарова мы найдем факты, свидетельствующие об использовании религии господствующими классами в политических целях.

«Если допустить, — пишет Банзаров, — что Темучин принял титул Чингиса как название бога, сына неба, каким он выдавал сам себя, то оказывается, что этот титул был следствием политических намерений, а не одного тщеславия». Некоторые шаманские предания имели своей целью «возвысить в глазах народа известные владетельные роды». Китайский император из политических видов поддерживал законами сохранившееся среди монголов почитание умерших владетелей.

Проявив большой интерес и способности к научному творчеству, Д. Банзаров не имел возможности спокойно продолжать исследовательскую работу. Он принадлежал к той части бурятского населения, которая считалась состоящей в казачьем сословии и была зачислена в состав Забайкальского казачьего войска. По существовавшему тогда положению, Банзарову предстояло прослужить 25 лет на казачьей военной службе. Такая печальная перспектива пугала молодого ученого, и Банзаров решил хлопотать об исключении из казачьего сословия. С этой целью он отправляется в конце 1847 г. в Петербург. Решение дела об исключении из казаков задержало Банзарова в столице, где он прожил полгода. Пребывание в Петербурге было плодотворно использовано молодым ученым. Д. Банзаров приступил к изучению ценных книг, рукописей, музейных коллекций, сблизился на почве научной работы со столичной группой ориенталистов. Главным занятием его было изучение монгольских и манчжурских книг и рукописей, хранившихся в Публичной библиотеке и Азиатском музее Академии Наук. В результате их изучения Банзаровым был составлен, по поручению Историко-филологического отделения Академии Наук, каталог книг на манчжурском языке, опубликованный в «Бюллетене» Академии. Он разделялся на 12 отделов: 1) Языковедение (словари, разговоры и грамматика) 2) «Дзины» или классические книги (переведены с китайского), 3) Философия и нравственность, 4) География, 5) История, 6) Законодательство, 7) Религия буддийская, 8) Религия христианская, 9) Военное искусство, 10) Медицина, 11) Словесность (историко-романтические предания, повести и вымышленные рассказы), 12) Смесь. Кроме того, Д. Банзарову было поручено произвести описание хранящихся в Этнографическом музее статуй и живописных изображений, относящихся к буддизму. Описание было представлено в Академию, но осталось в рукописи.

Банзаров принял живое участие в полемике, которую вели некоторые петербургские ориенталисты с академиком Шмидтом по вопросу монгольской надписи в Восточной Сибири. Надпись эта была вырезана на серебряной дощечке (пай-цзы). Ориенталисты стремились определить, «какие это письмена, кем изображены, как назывались и когда были в употреблении у монголов».

Ориенталист Григорьев, издавший брошюру об этой надписи, предполагал, что эти буквы могли быть «тангутскими», об изобретении которых в XI в. говорили китайские летописи. Академик Шмидт, возражая Григорьеву, называл спорные буквы «квадратными», изобретенными Пагба-ламою в 1269 г.

Д. Банзаров в своей статье «О двух среднеазиатских алфавитах» заявил, что Шмидт был неправ и поддержал мнение Григорьева. Исследование Банзарова, писал ориенталист П. С. Савельев, «прибавило и разъяснило не мало новых данных о письменах, употреблявшихся в XI по XVII в. в Средней Азии».

Вскоре после составления упомянутой статьи Д. Банзарову было поручено Академией Наук разобрать надпись на новой серебряной дощечке. Он написал статью «Объяснение монгольской надписи на серебряной дощечке, найденной в Екатеринославской губернии».

Эти оба исследования были представлены в Академию Наук на русском языке, а изданы только в немецком переводе. По предложению П. С. Савельева, материал этих статей был объединен, дополнен, и в результате изысканий Д. Банзарова им была опубликована в «Записках Археологического общества» статья «Пайзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов». В этом же издании была напечатана небольшая работа Банзарова «О восточных названиях некоторых старинных русских вооружений». Кроме того он опубликовал в журнале «Северное обозрение» рецензию о «Грамматике калмыцкого языка», составленной профессором А. Поповым.

Период пребывания в Петербурге «был лучшей порой жизни Банзарова». Он имел доступ в богатые хранилища книг, рукописей, музейных ценностей; тщательно изучал их, открывая новые для науки данные. Д. Банзаров сблизился с кружком петербургских ориенталистов, обсуждая с ними разнообразные вопросы науки и общественной жизни. Друг Д. Банзарова П. С. Савельев в биографическом очерке первого бурятского ученого указывал, что он обнаруживал «сочувствие современным идеям, соучастие в жизни и движениях человечества». К сожалению, имеющиеся материалы не дают возможности достаточно определенно характеризовать, в чем выражалось это «сочувствие современным идеям». Имеются лишь некоторые косвенные данные.

В 40-х годах XIX в. в Россию проникают мелкобуржуазные социалистические учения в форме утопического социализма Фурье и других утопистов. «Современные идеи», о которых говорил Савельев, и были, повидимому, социалистическими идеями. По цензурным условиям он не мог писать об этом открыто. О сочувствии Савельева «социализму как направлению» говорит нам его биограф и участник кружка петербургских ориенталистов Григорьев.[1] Можно полагать, что и Д. Банзаров, подружившийся с членами этого кружка, также принимал участие в суждениях его членов о либерализме и социализме, выражая сочувствие социалистическим идеям.

Государственный совет уволил Банзарова из сословия казаков; но вместо того, чтобы дать ему возможность посвятить себя научной работе, его определили чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Трудно, конечно, было человеку с глубокими научными интересами, «сочувствовавшему современным идеям», стать чиновником. А. П. Щапов называл их «скрипачами живого горя народного». Служба чиновника не могла прельщать Банзарова.

В августе 1848 г. Банзаров возвращается в Казань. Он был прикомандирован к штату губернских чиновников для подготовки к будущей службе. Это отнимало у него много времени, но Банзаров не оставлял научных занятий.

В период пребывания Банзарова в Казани профессор Казанского университета ориенталист Березин издавал татарскую летопись Шайбанинаме. По его предложению Банзаров дал для этого издания четыре статьи. Последние, по мнению Савельева, «несмотря на краткость, предста-

[1] В. Григорьев. Жизнь и труды П. С. Савельева. СПб., 1861.

вляют результат обширной начитанности и тем более важны, что касаются колыбели монгольского народа. Ученый монгол поставил себе целью решить темные задачи: о происхождении названия монголов, имени Чингис, названий Эргенэ-хона, уйгуров и ойратов. Эти четыре небольшие исследования бросают не мало света на древнюю историю Средней Азии, разрешая просто и логически то, что казалось дотоле столь запутанным и темным».

В 1850 г. Банзаров уехал на службу в Сибирь. Сначала он отправился на родину повидаться с матерью и родными, проведя с ними целый год. Потом Банзаров жил, выполняя поручения начальства, в Кяхте и Чите, наконец он переехал в Иркутск. Банзаров был избран в члены-сотрудники Сибирского отдела Русского географического общества. В Отдел им был представлен перевод с монгольского — «Путешествие Зая-Хамбы в Тибет». По предложению одного из руководителей Отдела, Сельского, Банзаров занимался исправлением на картах монгольских названий жилых мест, гор, рек, озер и пр., но не окончил этой работы. Им была совершена поездка в Тункинский край для изучения происхождения сойтов и пограничных с ними урянхайцев.

В 1851 г. в «Записках Археологического общества» была опубликована статья «Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингис-хана». Исследование это было начато Банзаровым еще в 1848 г. в Петербурге и окончено в 1850 г. в Иркутске. В статье содержалось объяснение надписи на каменной плите, привезенной из Сибири и хранившейся в Азиатском музее. Эта плита представляла собой один из исторических памятников монгольского феодализма.

К сожалению, во время пребывания в Сибири научная работа Банзарова не отличалась интенсивностью. Однако до последних дней своей жизни интереса к научным вопросам по своей специальности он не утратил.

В душной атмосфере самодержавно-крепостнического режима погибло не мало талантливых людей. Банзаров также стал жертвой этого режима. Увлекаясь научной работой, он не забывал о родной для него бурятской массе, но чувствовал свое бессилие помочь ей. Объективные условия в конечном итоге сложились неблагоприятно для успешного осуществления стремлений Банзарова. Отправившись на родину, он оторвался от своих друзей ученых-ориенталистов, оказывавших ему содействие. В Сибири Банзаров испытывал недостаток в пособиях для работы. Частые командировки по служебным делам оставляли мало времени для научных занятий. Среда иркутского чиновничества, купечества, духовенства была чужда научным интересам.

Банзаров видел произвол, насилие, творившиеся над беззащитным бурятским населением. Все это удручало его: он чувствовал свое одиночество, неудовлетворенность. В 1855 г., всего 32 лет от роду, Банзаров скончался и был похоронен в Иркутске.

Чувство скорби о безвременной утрате охватило друзей Д. Банзарова по научной работе при получении известия о его смерти. Ориенталист Савельев опубликовал работу «О жизни и трудах Дорджи Банзарова», которая и теперь является основным трудом по биографии первого бу-

рятского ученого. Его последующие биографы ограничивались, в сущности, лишь небольшой переработкой этого сочинения. В журналах «Современник», «Отечественные записки», «Москвитянин», «Библиотека для чтения», в газетах «Петербургские ведомости», «Московские ведомости» были помещены статьи, посвященные памяти Д. Банзарова. Эти статьи свидетельствуют, что научные деятели 50-х годов XIX в. давали высокую оценку его работе, прерванной в самом расцвете жизненных сил.

«С Банзаровым, — писал Савельев, — рушились надежды ученых на скорое объяснение монгольских древностей южной Сибири, с каждым годом все более и более истребляемых временем. Много мог бы он сделать для науки; почтим память даровитого и ученого монголиста и за то, что он успел совершить». [1]

В лице Банзарова «современная наука лишилась одного из своих полезнейших возделывателей, одного из остроумнейших исследователей», — читаем в «Отечественных записках». [2] «Московские ведомости» называли его «ученым монголистом, занявшим почетное место в ряду европейских ученых». «Этот молодой ученый, — писали «С.-Петербургские ведомости», — по своему таланту и знаниям имел полное право претендовать на видное место в кругу наших ученых... Его известность, его решительное влияние на науку, полная определенная характеристика его деятельности — все это пока осталось еще в будущем, от этого будущего наука ждала многого; то, что сделал Банзаров, были только начатки, начатки правда блистательные, но имевшие наибольшее значение в глазах ученых как залог будущей плодотворной деятельности. К несчастью, судьба распорядилась иначе». [3]

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новый период в истории народов России, в том числе и бурят-монголов. Освободив трудящихся многочисленных национальностей от гнета самодержавия и капитализма, она создала все возможности для хозяйственного, политического и культурного развития всех народов нашей великой родины. В новых условиях они выдвигают многих талантливых работников науки и общественной жизни.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

[1] П. Савельев. О жизни и трудах Д. Банзарова. Зап. Археолог. общ., т. IX, СПб., 1856, стр. 30.
[2] Т. 102, № 10.
[3] 1855, № 231.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава I. Бурятские племена в XVII в.	4
Расселение	—
Хозяйственный быт	8
Общественный строй	18
Шаманство	28
Устное народное творчество	30
Глава II. Завоевание Бурятской земли (1625—1689 гг.)	39
Причины завоевания	—
Первые походы в Бурятскую землю	40
Основание острогов в добайкальской Бурятии	42
Завоевание Забайкалья	46
Нерчинский договор 1689 г.	51
Ясак и «поминки»	54
Ясырь	59
Глава III. Восстания бурят в XVII в.	61
Восстания в первой половине XVII в.	—
Балаганское восстание 1658 г.	63
Братское восстание 1696 г.	67
«Розыск» о Братском восстании. Иркутские события 1696 г.	75
Причины поражений. Историческое значение восстаний	77
Глава IV. Колонизация Бурятии во второй половине XVII и в XVIII в.	81
Формы колонизации	—
Челобитная хоринцев Петру I в 1703 г.	84
Пограничные дела. Буринский трактат 1727 г.	86
Возникновение Бурятского казачьего войска (1764—1765 гг.)	88
Глава V. Хозяйственное развитие Прибайкалья в XVIII и первой половине XIX в.	90
Рост земледелия	—
Зарождение промышленных предприятий	93
Торговля	98
Глава VI. Хозяйство бурятского населения в XVIII в.	104
Взаимное влияние русских и бурят	—
Главные занятия бурятского населения в XVIII в.	107
Скотоводство	—
Земледелие	110
Промыслы	114

2412 Ф. А. Кудрявцев.

Стр.
Глава VII. Общественные отношения у бурят в XVIII в. 117
Глава VIII. Сибирская администрация XVIII в и буряты 128
Характеристика сибирской администрации . . . . . —
Указы об управлении народами Сибири 129
Попытки кодификации «степных узаконений» 132
Ясачная подать в XVIII в. 134
Глава IX. Проникновение ламаизма в Бурятию в XVIII в. 138
Глава X. Социально-экономические отношения у бурят в первой половине XIX в. 144
Забайкальские буряты . . . . . —
Хоринцы . . . . . —
Агинцы 148
Селенгинцы 149
Кударинцы и баргузинцы 152
Буряты Иркутской губернии 156
Идинцы, аларцы, балаганцы . . . . . —
Кудинцы и верхоленцы 160
Ольхонцы 163
Тункинцы 164
Общая характеристика хозяйственного развития бурятского населения (выводы) 166
Социальные отношения 168
Глава XI. Сибирская ревизия М. М. Сперанского и «Степное управление» 175
Сибирские сатрапы . . . . . —
Борьба «партий» в бурятских степях 179
Сибирская ревизия 1819—1822 гг. 185
Устав 1822 г. 194
Глава XII. Колониальная политика царизма в Бурятии второй четверти XIX в. 200
Нойоны — проводники политики царизма . . . . . —
Миссионерство. Хоринские события 1848—1849 гг. 204
Царское правительство и ламаизм 211
Глава XIII. Из истории народного образования среди бурят в первой половине XIX в. 218
Первые школы . . . . . —
Пионеры просвещения 222
Причины культурной отсталости 229
Глава XIV. Первый бурятский ученый Дорджи Банзаров (1822—1855 гг.) 232